Л. Э. ШИШКО.

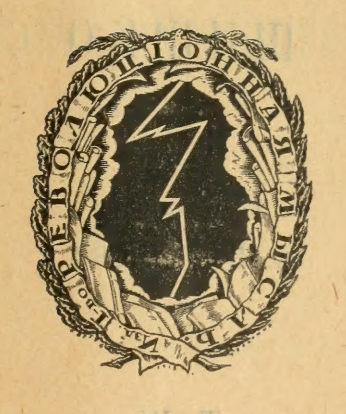
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

IV

СТАТЬИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

ПЕТРОГРАДЪ.

ИЗД. Т-ВО „РЕВОЛЮЦІОННАЯ МЫСЛЬ"
1918.


РЕВОЛЮЦІОННАЯ МЫСЛЬ
Изд. Г-во

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ЛЕОНИДА ЭММАНУИЛОВИЧА ШИШКО

подъ редакціей

П. ВИТЯЗЕВА.

Т. IV.

Изд. Т-во
«РЕВОЛЮЦІОННАЯ МЫСЛЬ».

Л. Э. ШИШКО.

СТАТЬИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ.

1918
ПЕТРОГРАДЪ—МОСКВА

Тип. «Домъ Печати». В. О., 16 лин., 5—7.

I.

КРЕСТЬЯНСТВО и РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ.

Прошлое и настоящее [1].

„Нѣтъ сомнѣнія, что крѣпостное право въ нынѣшнемъ его положеніи есть зло, для всѣхъ ощутительное и очевидное; но прикасаться къ оному теперь было бы зломъ, конечно, еще болѣе гибельнымъ“.—Такъ говорилъ императоръ Николай I въ засѣданіи государственнаго совѣта 30 марта 1842 г. Эти слова какъ нельзя лучше обрисовываютъ то положеніе, въ какое попадаетъ самодержавное правительство, когда ему приходится задумываться надъ очень крупной перемѣной въ государственномъ строѣ, когда рѣчь идетъ уже не о мелкихъ починкахъ въ разныхъ винтикахъ и колесикахъ, а о полной перестройкѣ всей государственной машины.

Такою крупною перемѣною являлась въ свое время отмѣна крѣпостного права въ Россіи; на немъ держался тогда весь государственный строй. По выраженію графа Уварова, „это дерево пустило глубокіе корни; оно осѣняетъ и церковь и престолъ“.—„Власть помѣщика, какъ поземельнаго собственника, есть орудіе и опора самодержавной власти“,—докладывалъ Николаю I секретный комитетъ, составленный имъ изъ цесаревича (будущаго императора Александра II), князя Васильчикова, графа Орлова и министра Льва Перовскаго.

И вотъ это-то дерево, осѣнявшее собою и церковь и престолъ, приходилось вырывать тогда съ корнемъ; это орудіе и эту опору самодержавной власти приходилось подрывать и расшатывать собственными руками защитниковъ церкви и престола. Неудивительно поэтому, что получилась такая непонятная на первый взглядъ загадка: съ одной стороны—крѣпостное право есть зло, для всѣхъ ощутительное и очевидное, а съ другой стороны—прикасаться къ оному значило сдѣлать зло еще болѣе гибельное.

---

[1]) «Народная Жизнь», еженедѣльный журналъ 1906 г., май. № 4. Ред.

Между тѣмъ, загадка эта разрѣшается очень легко, если принять въ соображеніе, что крѣпостное право было въ одно и то же время огромнымъ зломъ для помѣщичьихъ крестьянъ, а съ другой стороны — излюбленной опорой для помѣщиковъ и всего государственнаго строя. Когда общество раздѣлено на низшіе и высшіе классы, враждебные другъ другу по своимъ интересамъ, тогда въ государствѣ неизбѣжно должна получиться такая явная несообразность. Подъ вліяніемъ какой-нибудь огромной исторической несправедливости, государство приходитъ въ упадокъ, народное хозяйство изъ года въ годъ ослабѣваетъ, начинаютъ возникать всякія общественныя бѣдствія, и положеніе рабочаго народа становится совершенно невыносимымъ. А, между тѣмъ, это самое положеніе сопряжено съ интересами и выгодами господствующихъ классовъ; оно служитъ источникомъ празднаго существованія для многихъ тысячъ богатыхъ людей; подъ сѣнью его процвѣтаетъ чиновничество, и на него опирается правительственная власть. Съ одной стороны, оно — зло, а съ другой стороны — прикоснуться къ этому злу значитъ потрясти до основанія весь существующій государственный порядокъ.

Въ такомъ именно положеніи оказался Николай I, когда задумалъ приступить къ преобразованію крѣпостного права. Онъ самъ признавался своему любимцу Киселеву, что уже заговаривалъ объ этомъ дѣлѣ со многими изъ своихъ сотрудниковъ, *„но ни въ одномъ изъ нихъ* — такъ говорилъ онъ — я не нашелъ прямого сочувствія; даже въ семействѣ моемъ нѣкоторые противны“ [1]).

А, вѣдь, надо замѣтить, что и самъ Николай I вовсе не думалъ предлагать тогда что-нибудь очень опасное для господъ помѣщиковъ; онъ хотѣлъ только хоть немного ограничить помѣщичье беззаконіе и произволъ, царствовавшіе тогда въ деревняхъ. Такъ, напримѣръ, въ 1842 году Киселевъ, по его порученію, составилъ докладную записку, въ которой предлагалось опредѣлить точно и разъ навсегда барщинныя и другія повинности крѣпостныхъ крестьянъ вмѣсто того, чтобы оставлять все это въ распоряженіи самихъ помѣщиковъ. Но когда князь Голицынъ замѣтилъ въ государственномъ совѣтѣ, что помѣщиковъ надо будетъ обязать къ этому закономъ, иначе они добровольно ничего

[1]) См. В. Семевскій. Крестьянскій вопросъ, т. II, стр. 21. — Противниками были великіе князья Михаилъ и Константинъ Павловичи.

не сдѣлаютъ, то императоръ Николай I отвѣтилъ такъ: „Я, конечно,—самодержавный и самовластный, но на такую мѣру никогда не рѣшусь“. И вотъ, въ апрѣлѣ 1842 года, послѣ долгихъ ожиданій, какъ бы на смѣхъ, былъ изданъ совершенно ничего незначащій царскій указъ, по которому „тѣмъ изъ помѣщиковъ, которые, *сами сего пожелаютъ*“, предоставлялось право заключать со своими крѣпостными крестьянами *добровольное соглашеніе* о повинностяхъ. Волкамъ предлагалось заключить добровольное соглашеніе съ терзаемыми ими овцами.

Вотъ съ какою бережностью прикасался императоръ Николай I къ „оному злу“, которое онъ самъ считалъ „для всѣхъ ощутительнымъ и очевиднымъ“. Въ теченіе своего тридцатилѣтняго царствованія онъ назначалъ, одинъ за другимъ, *девять* секретныхъ комитетовъ изъ своихъ главныхъ совѣтниковъ, съ цѣлью придумать такую мѣру, которая была бы облегченіемъ для крестьянъ и въ то же время не нарушала бы интересовъ помѣщиковъ. Но такой мѣры, конечно, не нашлось, тѣмъ болѣе, что сами эти комитеты состояли сплошь изъ знатныхъ и богатыхъ дворянъ.

Даже когда въ 1846 году рѣчь зашла не болѣе какъ о томъ, чтобы разрѣшить крѣпостнымъ крестьянамъ *жаловаться* на своихъ помѣщиковъ, лишь о томъ только, чтобы дать крестьянамъ право, въ случаѣ смертельныхъ побоевъ или другихъ жестокихъ притѣсненій, обращаться съ жалобою на помѣщиковъ къ высшему начальству [1]), то даже и въ этомъ случаѣ пятый по счету секретный комитетъ, о которомъ мы уже упоминали, а именно состоявшій изъ наслѣдника престола, князя Васильчикова, графа Орлова и министра Перовскаго, положилъ такую резолюцію: „Очередь сей мѣры еще не настала“.

Самодержавное правительство Николая I не только само не хотѣло прикоснуться къ крѣпостному праву, но и не позволяло никому другому затрагивать это зло. Во все продолженіе царствованія Николая I считалось за великое государственное преступленіе сказать открыто хоть одно слово въ порицаніе крѣпостного права; за одно такое слово постигало самое суровое наказаніе: заключеніе въ крѣпость

[1]) Извѣстно, что, по указу императрицы Екатерины II, крѣпостнымъ крестьянамъ было строго запрещено жаловаться на своихъ помѣщиковъ; за подачу такой жалобы сами жалобщики и тѣ, кто писалъ имъ эту жалобу, подлежали наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ вѣчную каторжную работу.

или ссылка въ Сибирь. Въ русской печати тогда не позволялось даже вообще заговаривать о положеніи крѣпостныхъ крестьянъ. Уже въ самомъ концѣ царствованія, въ 1850 году, цензура получила строгое подтвержденіе не пропускать такихъ сочиненій, „въ которыхъ изъявляется сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ, или описываются злоупотребленія помѣщиковъ, или доказывается, что измѣненіе отношеній между помѣщиками и крестьянами принесло бы пользу".

Такимъ образомъ, несмотря на большое желаніе самого Николая I—какъ онъ говорилъ—„передать своему сыну съ возможнымъ облегченіемъ" тягостное дѣло крѣпостного права, отъ котораго явно страдала вся Россія, ни онъ самъ, ни его совѣтники не рѣшались сдѣлать въ этомъ направленіи даже перваго шага, не рѣшались по собственному почину хоть немного ограничить неограниченный произволъ помѣщиковъ и хотя немного ослабить эту опору и это орудіе самодержавной власти.

А тѣмъ временемъ въ безправныхъ русскихъ деревняхъ изъ года въ годъ учащались крестьянскіе бунты, вызываемые безчеловѣчною жестокостью помѣщиковъ; изъ года въ годъ подавлялись эти бунты не менѣе жестокими правительственными мѣрами, изъ года въ годъ подрывалось въ конецъ все народное земледѣльческое хозяйство, и трудно было найти на святой Руси — по выраженію Некрасова — „такую обитель", „гдѣ бы сѣятель ея и хранитель, гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ".

Но вотъ въ 1854 году вспыхнула Крымская война, которая, какъ извѣстно, кончилась нашимъ пораженіемъ. Несмотря на все мужество и самоотверженіе русскихъ солдатъ и многихъ изъ офицеровъ, Россія должна была заключить невыгодный для нея миръ, ибо у нея не оказалось ни денегъ, ни хорошихъ полководцевъ, ни хорошаго вооруженія, ни одежды, ни обуви у солдатъ, ни провіанта. Дурные государственные порядки сказались тогда во всемъ. Вездѣ царствовало безправіе и произволъ, вездѣ господствовало взяточничество и казнокрадство. Все, что до войны было тщательно скрыто отъ глазъ обманомъ чиновниковъ и запретомъ цензуры, все это сдѣлалось теперь для всѣхъ явнымъ. Оставлять дольше въ такомъ положеніи государственное устройство Россіи стало уже невозможнымъ. Самодержавное правительство не могло не видѣть, что передъ нимъ раскрывается пропасть, которую оно вырыло соб-

ственными руками. Въ это время Николай I умеръ, подавленный постигшей его неудачей, и на престолъ вступилъ Александръ II.

Для самодержавія наступилъ новый опытъ, въ которомъ должно было снова выясниться, въ какой мѣрѣ самодержавное правительство было способно само, по собственному почину освободиться отъ стараго государственнаго строя и вступить на новый государственный путь. Мы видимъ, что при Николаѣ I самодержавное правительство не проявило совсѣмъ этой способности; мы видѣли, что всѣ его высшіе сановники заботились лишь о томъ, чтобы до послѣдней крайности удержать во всей неприкосновенности старый порядокъ. Но вотъ теперь эта крайность наступила. Война довела Россію до бѣдственнаго и унизительнаго положенія и вызвала всеобщее недовольство во всѣхъ слояхъ населенія. Необходимо было приступить къ реформамъ, и правительство Александра II, какъ извѣстно, приступило къ нимъ. Каковы же были эти реформы? Мы видѣли, какъ оправдало себя самодержавное правительство, когда оно упорно отказывалось отъ всякихъ перемѣнъ въ государственномъ строѣ. Посмотримъ теперь, какъ оно оправдало себя, когда рѣшилось, наконецъ, взяться за эти реформы.

Начало царствованія императора Александра II многими принято у насъ называть „эпохою великихъ реформъ". И, дѣйствительно, кто хочетъ ограничиться не сутью дѣла, а лишь хорошими словами, тотъ легко можетъ насчитать въ этомъ царствованіи много, повидимому, очень крупныхъ перемѣнъ въ государствѣ: закрѣпощенный народъ получилъ волю; ему было торжественно сказано: принимайся теперь за свободный трудъ на своей родной почвѣ; на всѣхъ судебныхъ зданіяхъ было торжественно написано: правда и милость да царствуютъ въ судахъ; выборныя мѣстныя земства получили право заботиться о народномъ здравіи и просвѣщеніи и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Но кто хочетъ не словъ, а дѣла, кто хочетъ судить о реформахъ правительства Александра II по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя онѣ принесли для освобожденныхъ крестьянъ и для всего рабочаго народа,—тому эти плоды самодержавнаго дерева должны представиться совсѣмъ въ другомъ видѣ. Извѣстно, что при самомъ обсужденіи и введеніи этихъ реформъ нашъ великій писатель Чернышевскій, стоявшій тогда во главѣ соціалистическаго направленія въ

русской печати, открыто объяснялъ и доказывалъ, что эти великія реформы ничего не могли дать освобожденнымъ русскимъ крестьянамъ, кромѣ полнаго разоренія и новаго закрѣпощенія, — за что и былъ отправленъ въ каторжныя работы. Теперь, по прошествіи 50 лѣтъ, намъ врядъ ли есть надобность даже доказывать читателю, на чьей сторонѣ была тогда правда: на сторонѣ ли соціалиста Чернышевскаго, или же на сторонѣ самодержавнаго правительства. Теперь русскій рабочій народъ уже достаточно хорошо узналъ на своемъ собственномъ опытѣ, каковы оказались для него въ дѣйствительности великія реформы Александра II: та воля, которая ему была дана, тотъ свободный трудъ, который ему былъ обѣщанъ и, наконецъ, забота о здравіи и просвѣщеніи, которая ему была устроена.

Но намъ очень важно разсмотрѣть ту причину, въ силу которой всѣ эти самодержавныя реформы привели, въ концѣ концовъ, къ столь печальнымъ результатамъ: въ чемъ заключался ихъ главный недостатокъ? Почему онѣ не принесли никакого облегченія русскому народу? Почему, вмѣсто улучшенія государственнаго строя, онѣ довели русское государство, послѣ гибельной Крымской войны, до еще болѣе ужасной и гибельной японской войны?

Легко видѣть, что главная причина этого заключалась въ самой сущности этихъ реформъ. Онѣ ни въ чемъ не измѣнили самой основы старыхъ государственныхъ порядковъ, которые заключались въ неограниченной власти чиновниковъ и въ полномъ политическомъ безправіи народа. Самодержавный строй русскаго государства остался тогда безъ всякой перемѣны; русскій народъ не получилъ тогда никакихъ политическихъ правъ; всѣ законы писались попрежнему чиновниками; вся исполнительная власть въ государствѣ осталась попрежнему въ рукахъ чиновниковъ; даже судъ присяжныхъ былъ отмѣненъ для печати и политическихъ дѣлъ и также былъ отданъ въ руки чиновниковъ. Подобно тому, какъ правительство Николая I хотѣло сохранить во всей цѣлости и неприкосновенности свою самодержавную власть, правительство Александра II также не хотѣло ни въ чемъ отказаться отъ своихъ неограниченныхъ правъ и привиллегій.

Даже въ дѣлѣ экономическаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ самодержавное правительство приняло всѣ мѣры къ тому, чтобы оставить ихъ въ той же полной зависимости и снова прикрѣпить ихъ къ помѣщичьей работѣ.

Надѣленіе освобожденныхъ крестьянъ землею было произведено съ такимъ расчетомъ, чтобы они съ первыхъ же шаговъ почувствовали „надобность въ помѣщикѣ“. Основаніемъ для вычисленія „высшаго надѣла“ послужили тѣ имѣнія, гдѣ существовала *барщина*, т. е. гдѣ помѣщики выдѣлили себѣ много земли,—отчего и получились такъ называемые „отрѣзки“. Между тѣмъ, для вычисленія выкупной цѣны, которую освобожденные крестьяне должны были платить за свои „загончики“, послужила величина *оброка* въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ не было барщины, т. е. тамъ, гдѣ помѣщики не вели своего хозяйства и оставляли крестьянамъ больше земли. Все это было сдѣлано съ явною цѣлью обезсилить освобожденное крестьянство и закрѣпить за помѣщиками дешевыхъ работниковъ, чтобы поставить крестьянъ въ положеніе „подневольныхъ батраковъ и вынужденныхъ арендаторовъ“. Съ этою же цѣлью, какъ извѣстно, всячески тормозилось и даже запрещалось переселеніе крестьянъ на свободныя государственныя земли.

Таковы были, въ главныхъ чертахъ и по самой своей сущности, „великія реформы“ правительства Александра II. Легко видѣть, что всѣ онѣ ставили себѣ одну и ту же главную задачу: оставить въ полной неприкосновенности самую основу стараго государственнаго строя, т. е. прежнюю неограниченную власть надъ рабочимъ народомъ за самодержавнымъ правительствомъ и за господствующими классами. Въ этомъ отношеніи дѣятельность самодержавнаго правительства Александра II ни въ чемъ не отличалась отъ дѣятельности самодержавнаго правительства Николая I. Такимъ образомъ, и въ этомъ второмъ опытѣ спасенія русскаго государства отъ стараго государственнаго порядка, отъ гибельнаго правительственнаго неустройства самодержавіе Александра II обнаружило тѣ же самыя свойства, какъ и самодержавіе Николая I, когда дѣло коснулось измѣненія самыхъ основъ стараго государственнаго строя.

Въ настоящее время въ Россіи, какъ извѣстно, происходитъ третій такой же правительственный опытъ, вызванный гибельными послѣдствіями японской войны, которыя превзошли своими ужасами и своими чиновническими злоупотребленіями все, что испытала до сихъ поръ даже наша отданная во власть чиновниковъ Россія. И вотъ самодержавное правительство императора Николая II снова выступаетъ теперь въ роли преобразователя старыхъ самодержавныхъ государственныхъ порядковъ, снова выражаетъ

свое намѣреніе вступить на новый государственный путь [1]). Но для того, чтобы понять все происходящее по этой части въ настоящую минуту у насъ въ Россіи, а также чтобы судить о подлинной способности нынѣшняго самодержавнаго правительства къ той преобразовательной роли, за которую оно взялось, намъ не слѣдуетъ забывать разсказанной здѣсь вкратцѣ прошлой исторіи нашего самодержавнаго правительства. Исторія прошлыхъ временъ тѣмъ и важна, что она служитъ для насъ источникомъ познанія настоящаго, причемъ учитъ насъ не словами, а событіями, уже случившимися, которыхъ нельзя ни измѣнить, ни уничтожить.

---

[1]) Авторъ имѣетъ въ виду обѣщанія, связанныя съ манифестомъ 17 октября 1905 г. и созывъ 1-ой Г. Думы. Ред.

Крестьянство и народническое движенiе [1]).

Экономическое положенiе пореформенной Россiи.

Крестьянская реформа 1861 года передала крестьянъ изъ рукъ помѣщиковъ въ руки государства на такихъ условiяхъ, при которыхъ крестьяне должны были сразу же оказаться его неоплатными должниками. Извѣстны тѣ выводы, къ которымъ пришелъ проф. Янсонъ послѣ изученiя условiй крестьянскаго хозяйства къ концу семидесятыхъ годовъ[2]). Тамъ, гдѣ только произведенная земствами оцѣнка доходности земель позволяла опредѣлить отношенiе къ ней крестьянскихъ платежей,—тамъ, во всей нечерноземной полосѣ, „платежи эти превышаютъ исчисленную доходность“ [3]). То же самое было и въ черноземной полосѣ: „Не только среднiе надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, не достигающiе вообще (въ этой полосѣ) 3 десятинъ, но и высшiе ихъ надѣлы въ 3—$3^1/_2$ десятины, даже надѣлы части государственныхъ крестьянъ не могутъ обезпечивать не только уплаты податей и повинностей, но и самыхъ необходимыхъ потребностей крестьянскаго населенiя. Что же сказать о среднихъ надѣлахъ въ 2 съ небольшимъ десятины и особенно о тѣхъ крестьянахъ, которые получили надѣлы ниже средняго по губернiи и низшiе надѣлы? А такихъ въ черноземной трехпольной полосѣ *почти половина, а мѣстами большинство!*“ [4]).

---

[1]) «Исторiя Россiи въ XIX вѣкѣ», изданiе Т-ва Гранатъ, томъ VI, глава XI. Ред.

[2]) См. т. VI „Исторiи Россiи въ XIX вѣкѣ“ изд. Гранатъ, глава IX, статья—„Государственное хозяйство въ Россiи съ 60-хъ годовъ до начала 90-хъ годовъ», стр. 108.

[3]) «Опытъ статист. изслѣдованiя о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ», изд. 1881 г., стр. 33—35.

[4]) Ibid, стр. 86.

„Для меня не подлежитъ никакому сомнѣнію,—говорилъ петербургскій губернскій предводитель дворянства, графъ А. П. Шуваловъ, въ валуевской комиссіи 1872 года по изслѣдованію сельскаго хозяйства,—что въ общей сложности налоги съ крестьянскаго надѣла превышаютъ доходность земли, такъ что невозможно ихъ даже признать земельными, причемъ надѣлъ является тутъ не какъ дѣйствительная собственность, а какъ способъ пріурочиванія плательщиковъ къ одному мѣсту, для цѣлей фиска“ [1]).

Такое положеніе вещей вполнѣ опредѣляло экономическія судьбы трудового крестьянства за все истекшее полустолѣтіе. Будучи освобождено отъ крѣпостного права, оно осталось прикрѣпленнымъ къ землѣ въ интересахъ автократическаго государства. Въ силу экономической необходимости, связанное по рукамъ и ногамъ неоплатнымъ долгомъ государству, оно принуждено было вести свое земельное хозяйство при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и безъ всякой надежды на какую-нибудь возможность его улучшенія, такъ какъ весь доходъ съ него не покрывалъ въ большинствѣ случаевъ лежащихъ на землѣ платежей. Такая экономическая политика, сводившаяся къ непосредственному отчужденію продуктовъ крестьянскаго сельско-хозяйственнаго производства, вмѣстѣ съ пониженіемъ его производительныхъ силъ, вполнѣ соотвѣтствовала тому докапиталистическому фазису развитія, который еще переживала Россія послѣ совершившагося освобожденія крестьянъ. Капиталистическій фазисъ хозяйственнаго развитія характеризуется эксплуатаціей рабочихъ массъ на почвѣ улучшенныхъ способовъ производства и роста національнаго богатства; орудіемъ этой эксплоатаціи является развитіе производительныхъ силъ. Основною чертою экономической политики докапиталистическаго строя является, напротивъ того, пользованіе доходами малопроизводительнаго труда и общій подрывъ главной отрасли національнаго производства, которою въ такихъ случаяхъ всегда бываетъ земледѣліе. Такъ это было во времена Людовика XIV или Людовика XVI во Франціи, такъ это происходило и у насъ въ Россіи въ послѣреформенную эпоху. Съ 1861 года и по настоящее время государственные доходы въ Россіи возрасли въ 6 разъ, въ то время какъ численность населенія увеличилась только

[1]) И. М. Страховскій. Крестьянскій вопросъ въ законодательствѣ послѣ 1861 г. Сборникъ «Крестьянскій строй», стр. 409.

въ два раза; между тѣмъ, государственные сборы падали за все это время главнымъ образомъ на трудовое крестьянство, оказывавшееся постоянно въ недоимкахъ, т. е. не успѣвавшее покрывать изъ своихъ скудныхъ земельныхъ доходовъ лежавшіе на немъ платежи [1]). Это значитъ, что трудовое крестьянство обрабатывало за это время свыше 140 милліоновъ десятинъ своей надѣльной земли исключительно въ пользу автократическаго государства. Это огромное земельное хозяйство фактически находилось какъ бы въ рукахъ правительства, которое получало отъ него свои главные доходы. Вынуждаемые безысходностью своего положенія, крестьяне изъ года въ годъ должны были обрабатывать эту землю, причемъ всю получавшуюся выручку, за исключеніемъ части, соотвѣтствовавшей самой минимальной заработной платѣ, передавали, въ видѣ прямыхъ или косвенныхъ платежей, государству.

Низкій уровень развитія производительныхъ силъ въ земледѣльческомъ производствѣ Россіи, занимавшемъ въ 1897 году около 86% всего взрослаго рабочаго населенія [2]), подтверждается тѣмъ фактомъ, что изъ всей суммы ея ежегоднаго національнаго дохода, опредѣляемаго приблизительно въ 6 милліардовъ рублей [3]), на долю земледѣльческаго производства (даже со включеніемъ лѣсоводства и рыболовства) приходится лишь три съ небольшимъ милліарда, тогда какъ, при одинаковомъ среднемъ уровнѣ развитія производительныхъ силъ какъ въ области городской, такъ и въ

---

[1]) Если мы возьмемъ, напр., бюджетъ 1877 года, то увидимъ, что общая цифра государственныхъ доходовъ составляла тогда 598.000.000 рублей, изъ которыхъ сумма, доставленная подушными и оброчными податями, таможенными пошлинами, акцизными сборами и выкупными платежами, равнялась 421.000.000 р., т. е. составляла болѣе 70% бюджета («Россія», отдѣльное изданіе изъ «Энциклоп. Словаря», стр. 198—201). Что касается недоимокъ, то въ 1890 году онѣ доходили въ средне-промышленныхъ губерніяхъ до 2 р. 8 к. на каждую душу, въ средне-черноземныхъ губерніяхъ—до 2 р. 40 к., въ восточныхъ губерніяхъ—до 7 р. 50 к.; по отношенію къ годовому окладу, недоимки въ Воронежской губ. доходили до 40% оклада, въ Орловской губ.—до 81%, въ Уфимской—до 115%, въ Оренбургской—до 135%, въ Казанской—до 165%, въ Самарской—до 240% («Крестьянскій строй», стр. 441).

[2]) «Статистич. свѣдѣнія по земельному вопросу», изд. Гл. Упр. Землеустр. и Землед. 1906 г.

[3]) Для 1900 года и для 50 губерній Европейской Россіи (безъ Польши и Кавказа); см. С. Н. Прокоповичъ. Опытъ исчисленія народнаго дохода—докладъ, представленный имъ въ статистическое отдѣленіе Вольнаго Экономическаго Общества.

области сельской промышленности, доходъ съ земледѣльческаго производства въ Европейской Россіи, занимающаго, какъ уже сказано выше, болѣе 80% всего взрослаго рабочаго населенія, долженъ былъ бы равняться по меньшей мѣрѣ 12-ти милліардамъ. Эта именно крайне низкая степень производительности земледѣльческаго труда объясняетъ крайне низкую цифру ежегоднаго дохода, приходящагося въ Россіи на каждаго человѣка и равнявшагося, по вычисленію Mulhall'а, для 1894 года, 74 рублямъ, а по вычисленію г. Прокоповича, для 1900 года—63 рублямъ [1]).

Такова общая картина экономическаго положенія пореформенной Россіи: господство земледѣльческаго производства и крайне низкій уровень производительныхъ силъ, причемъ $1/3$ всего національнаго дохода поглощается государственнымъ бюджетомъ. Здѣсь налицо всѣ существенныя черты, какими характеризуется жизнь до-капиталистическаго общественнаго строя.

При такихъ условіяхъ началось развитіе въ Россіи соціалистическаго движенія, стремившагося охватить, въ силу своей основной задачи, рабочія массы. Естественно, что тою областью, куда оно стремилось проникнуть съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ, являлась крестьянская среда, обнимавшая въ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ почти что всю массу русскаго рабочаго населенія. Такую цѣль ставила себѣ первая революціонная организація соціалистическаго характера, возникшая послѣ отмѣны крѣпостного права подъ именемъ „Земли и Воли". Она возникла въ 1861 году, по инціативѣ Николая Серно-Соловьевича, Рымаренко, А. А. Слѣпцова и др., и, несомнѣнно, находилась подъ идейнымъ вліяніемъ Чернышевскаго. Эта организація опиралась на ожиданіе огромнаго крестьянскаго возстанія, которое могло вспыхнуть въ Россіи, по ея предположенію, подъ вліяніемъ сильнаго разочарованія въ реформѣ 1861 года. Такого рода разочарованіе, какъ извѣстно, дѣйствительно явилось почти повсемѣстно въ Россіи, вслѣдъ за обнародованіемъ манифеста объ отмѣнѣ крѣпостного права, и вызвало множество мѣстныхъ крестьянскихъ безпорядковъ, конча-

[1]) Для Англіи, по цифрамъ, даваемымъ Мюлголломъ, годовой доходъ на каждую душу равняется 273 р., для Франціи—233 р., для Германіи—184 р., для Австріи—127 р. Если принять, что годовой доходъ отъ сельско-хозяйственнаго производства въ Россіи равнялся бы 12 милліардамъ, то ея цифра годового дохода на каждую душу поднялась бы до 160 р.

вшихся по большей части полицейскими усмиреніями, часто сопровождавшихся присылкой солдатъ на постой, а иногда приводившихъ и къ усмиренію вооруженной силой.

Изъ болѣе крупныхъ безпорядковъ, вызванныхъ объявленіемъ воли, слѣдуетъ упомянуть прежде всего о происшедшемъ въ апрѣлѣ 1861 г. въ селѣ Бездна, Казанской губерніи. Здѣсь волненіе захватило три смежныхъ уѣзда Казанской губерніи: Спасскій, Чистопольскій и Лаишевскій, оно было подготовлено слухами о томъ, будто бы объявленіе воли задерживалось помѣщиками. Вся мѣстность находилась болѣе мѣсяца въ напряженномъ состояніи, барщинныя повинности не исполнялись; во многихъ имѣніяхъ начались порубки лѣса. Когда, наконецъ, во второй половинѣ марта было получено „Положеніе“, ему никто не повѣрилъ. На этой почвѣ получило рѣшающее значеніе полумистическое толкованіе мѣстнымъ раскольникомъ-начетчикомъ Антономъ Петровымъ нѣкоторыхъ словъ „Положенія“, въ пользу „истинной воли“. Къ нему стали стекаться со всѣхъ сторонъ крестьянскіе ходоки съ просьбами показать имъ въ „Положеніи“ „истинную волю“. Когда пріѣхали арестовать Антона Петрова, сначала исправникъ, потомъ предводитель дворянства и, наконецъ, присланный изъ Петербурга генералъ-адъютантъ Апраксинъ, то защищать его собралось въ село Бездну болѣе 10.000 человѣкъ, причемъ многіе пріѣхали за 100 и болѣе верстъ. Собравшіеся, впрочемъ, не думали оказывать сопротивленія Апраксину и встрѣтили его съ хлѣбомъ-солью, какъ царскаго посланника. Три залпа они выдержали не дрогнувъ и только закрывали лица рукавицами. Они думали почему-то, что больше трехъ залповъ не будетъ. Но когда стали еще стрѣлять, они въ ужасѣ разбѣжались. Мертвыхъ никто не считалъ. Апраксинъ написалъ въ своемъ рапортѣ, что было убито 51 человѣкъ и ранено 77; но очевидцы опровергаютъ эти цифры. По свѣдѣніямъ, собраннымъ впослѣдствіи на мѣстѣ мировымъ посредникомъ Н. А. Крыловымъ, число убитыхъ было не менѣе 100 человѣкъ. Послѣ этого волненіе все еще не успокаивалось въ теченіе всѣхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Лѣтомъ въ г. Спасскѣ стоялъ въ сборѣ батальонъ, а другой батальонъ былъ разсыпанъ по крупнымъ имѣніямъ [1]).

Такого же рода кровавыя усмиренія произошли въ Пен-

[1]) О безднинскомъ дѣлѣ см. подробнѣе статью И. Игнатовичъ. Волненія помѣщичьихъ крестьянъ отъ 1856 по 1866 гг. «Минувшіе Годы», августъ 1908 г.

зенской губ., гдѣ въ селѣ Черногаѣ было убито трое крестьянъ и ранено 18 (10 апр. 1861 г.), а въ дер. Кандѣевкѣ убито 8 человѣкъ и ранено 27 (18 апр. 1861 г.); кромѣ того, 26 человѣкъ, послѣ наказанія кнутомъ, были сосланы въ каторжныя работы и 78 человѣкъ сосланы на поселеніе [1]).

Всѣхъ крестьянскихъ безпорядковъ и недоразумѣній насчитывается за первые два года послѣ отмѣны крѣпостного права 1100 случаевъ [2]).

„Крестьяне не берутъ уставныхъ грамотъ и настоятельно требуютъ сиротскаго надѣла,— писалъ князю Черкасскому Юрій Самаринъ изъ Самарской губерніи.—Въ трехъ имѣніяхъ жандармскій офицеръ съ четырьмя рядовыми возстановилъ порядокъ сѣченіемъ: въ четвертое губернаторъ послалъ роту солдатъ“ [3]).

„Крестьяне не идутъ на новый оброкъ, ибо опасаются принять на себя обязанности, которыхъ имъ, быть можетъ, не придется нести,—писалъ Кошелевъ князю Черкасскому изъ Рязанской губерніи.—„Нѣтъ, малый, потерпимъ, а на оброкъ охотой не пойдемъ“,—вотъ что говорятъ крестьяне“ [4]).

„Нѣжинскіе крестьяне въ четырехъ селахъ, въ числѣ трехъ тысячъ душъ,—писалъ помѣщикъ Галаганъ,—объявили, что они считаютъ землю своей собственностью и ни за что не будутъ за нее работать“ [5]).

И такъ было по всей Россіи. Повсюду освобожденные крестьяне не признавали объявленный манифестъ за настоящій и ждали отъ царя другой воли. Повсюду разсылались солдаты и шли усмиренія. „Въ рѣдкую поѣздку куда бы то ни было,—пишетъ объ этомъ времени одинъ изъ очевидцевъ,—не встрѣтишь бывало по дорогамъ солдатъ, двигающихся на усмиреніе. Страхъ въ народѣ распространился неимовѣрный“ [6]).

Но какъ ни было велико разочарованіе трудового крестьянства, какъ ни было велико число отдѣльныхъ кре-

---

[1]) «Историч. Вѣстникъ», 1881 г., № 12: «Русская Старина», 1885 г., № 4.

[2]) Джаншіевъ. Изъ эпохи великихъ реформъ, стр. 83 (изд. 1894 г.).

[3]) «Матеріалы для біографіи кн. В. Черкасскаго», т. I, кн. 2 приложеніе, стр. 191.

[4]) Ibid.

[5]) «Матеріалы для біографіи кн. В. Черкасскаго», т. I, кн. 2, приложеніе, стр. 89.

[6]) Демертъ. Новая воля. «Отеч. Записки». 1869 г., стр. 35.

стьянскихъ безпорядковъ, они не оправдали надеждъ русскихъ революціонеровъ 60-хъ годовъ. Всѣ эти безпорядки совсѣмъ не носили политическаго характера. Это были „бунты на колѣняхъ". Сознаніе трудового крестьянства еще не было затронуто никакимъ идейнымъ вліяніемъ. Въ немъ жила слѣпая вѣра въ авторитетъ монархическаго государства. Объ эту вѣру безпомощно разбилось все его недовольство. Реформа 1861 года вошла въ силу при условіяхъ значительной паники, вызванной въ крестьянствѣ повсемѣстными усмиреніями, т. е. при условіяхъ, еще болѣе благопріятствовавшихъ помѣщичьимъ интересамъ, и стала производить свое дѣйствіе. Начался постепенный подрывъ производительныхъ силъ крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства; рабочій скотъ распродавался, распашки должны были все болѣе и болѣе расширяться на счетъ сѣнокосной и пастбищной площади. Зимою 1867—68 года уже обнаружился голодъ въ Рязанской, Тульской, Орловской, Костромской, Псковской и Новгородской губерніяхъ; въ 1873 году вспыхнулъ страшный самарскій голодъ, захватившій частью Уфимскую, Оренбургскую, Саратовскую и Казанскую губерніи. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" появилось письмо Л. Н. Толстого.—„Нынѣшній годъ долженъ довести до нужды прежде бывшихъ богатыми крестьянъ и до нищеты и голода $^9/_{10}$ всего населенія",—писалъ онъ. Между тѣмъ, еще въ 1872 году правительство должно было выдать самарскому земству въ ссуду 600.000 р. изъ продовольственнаго капитала; неурожаи длились тамъ уже третій годъ; при этомъ чрезвычайное бузулукское уѣздное земское собраніе, состоявшееся въ концѣ августа 1873 г., испрашивало у правительства по телеграфу распоряженія „о прекращеніи продажи крестьянскаго скота за недоимки". Все это хорошо рисуетъ намъ и экономическую политику правительства, и причины голода.

Объективно положеніе русскаго трудового крестьянства уже и тогда стало невыносимымъ. На этой крайней тяжести экономическаго положенія была построена программа „хожденія въ народъ". Бѣдственное существованіе и наличность общинныхъ традицій въ жизни трудового крестьянства вызвали надежды на возможность въ немъ самопроизвольнаго массоваго движенія соціальнаго характера, подъ вліяніемъ перваго же революціоннаго призыва: „Идите во всѣ концы Россіи, идите въ города и села, на фабрики и на посидѣлки"... — писало „Впередъ" въ 1874 г.: — Идите и

разсказывайте, не преувеличивая, не украшая... Того, что есть, достаточно: оно говоритъ само за себя... Бросайте сѣмя: оно созрѣетъ. Придетъ спасеніе, придетъ воздаяніе".

Но и эта попытка 1874 года осталась безъ всякихъ внѣшнихъ результатовъ. Она только бросила первыя сѣмена, создала нѣсколько десятковъ первыхъ піонеровъ сознательнаго крестьянства, затерявшихся въ массахъ. Крестьянскія массы переживали начавшійся процессъ своего экономическаго разрушенія съ сознаніемъ своего полнаго безсилія. Этотъ процессъ происходилъ, какъ мы видѣли, на почвѣ общей государственной политики, и только на этой политической почвѣ возможно было бы оказать ему противодѣйствіе. Но почва общей государственной политики была еще совершенно недоступна для массъ трудового крестьянства, такъ какъ въ сознаніи этихъ массъ все еще господствовала непоколебимая вѣра въ авторитетъ автократическаго государства. Это обстоятельство имѣло рѣшающее значеніе, такъ какъ имъ опредѣлялась исходная точка ихъ общественнаго міросозерцанія. Это міросозерцаніе должно было замкнуться въ сравнительно узкую сферу вопросовъ личной морали и общинныхъ распорядковъ. Вся ихъ неудовлетворенность, всѣ ихъ исканія правды и справедливости могли проявляться пока лишь старымъ путемъ, въ формѣ возникновенія новыхъ религіозныхъ сектъ раціоналистическаго характера [1]). Въ 1864 году уже появились первые признаки нарождавшагося штундизма [2]). Несмотря на свое нѣмецкое названіе, это религіозное ученіе, несомнѣнно, получило столь быстрое и широкое распространеніе только потому, что оно служило какъ бы продолженіемъ или, какъ выражается П. Н. Милюковъ [3]), „обновленіемъ ученій раньше существовавшихъ сектъ евангельскаго направленія" (молокане и духоборы). Какъ было отмѣчено [4]), ученіе штундизма обнаружилось прежде всего въ Херсонской губ. На судѣ одинъ изъ проповѣдниковъ новаго ученія объяснилъ, что „не намѣревался основать какую-либо секту, но что это вышло случайно: на одномъ сборищѣ рѣчь зашла о

---

[1]) Подробнѣе см. статью Н. М. Никольскаго «Расколъ и сектантство во второй половинѣ XIX вѣка». «Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ», т. V, гл. VI, стр. 280.

[2]) Е. Р. Русскіе раціоналисты. «Вѣстникъ Европы», 1881, № 7.

[3]) «Очерки по исторіи русской культуры», часть вторая.

[4]) См. Н. М. Никольскій. «Расколъ и сектантство во второй половинѣ XIX вѣка». «Ист. Россіи XIX вѣка», т. V, стр. 262.

духовной жизни, а присутствующій тутъ же священникъ ничего не могъ объяснить на предложенные вопросы. Тогда,—продолжалъ онъ,—возгорѣлось у меня желаніе собственнымъ умомъ понять слово Божіе и растолковать его другимъ. Охотниковъ слушать меня явилось множество; всѣ шли добровольно и всѣхъ училъ я, какъ самъ понималъ" [1]).

Ученіе штундизма скоро охватило всю Херсонскую губернію, затѣмъ распространилось по Кіевской, Подольской и Волынской, захватило нѣкоторыя части Екатеринославской, Харьковской и Полтавской губерній, а къ началу 80-хъ годовъ стало появляться въ Могилевской и Черниговской губерніяхъ и даже попало въ Петербургъ [2]). Къ 1891 году это ученіе, по свѣдѣніямъ миссіонерскаго съѣзда, было распространено болѣе чѣмъ въ 30-ти губерніяхъ. Хотя оно не было на первыхъ же шагахъ причислено официально къ „особо вреднымъ" сектамъ, но съ его приверженцами поступали согласно „административному усмотрѣнію". Всѣхъ выдающихся пропагандистовъ новаго ученія сажали въ тюрьмы, отправляли на увѣщаніе въ монастыри или отдавали подъ строгій надзоръ, съ воспрещеніемъ выѣзда далѣе 30-ти верстъ съ мѣста жительства. Значительное число сектантовъ долго засиживалось по тюрьмамъ и по монастырямъ. Такъ, въ одномъ случаѣ, изъ шести штундистовъ, подвергнутыхъ предварительному заключенію, только двое вышли послѣ суда на свободу, остальные померли въ острогѣ [3]). Одинъ изъ вожаковъ штундизма, Вовкажъ, былъ привлеченъ къ уголовному обвиненію въ кощунствѣ и распространеніи лжеученія въ 1872 г., а судъ надъ нимъ происходилъ въ 1876 г.; слѣдствіе тянулось три года [4]). Въ 1878 году, въ одесскомъ окружномъ судѣ разбирался большой процессъ о штундистахъ, причемъ въ числѣ обвиняемыхъ были самые видные руководители новаго ученія; присяжные, хотя всѣ они были выбраны исключительно изъ православныхъ, вынесли оправдательный приговоръ, потому что на судѣ были обнаружены, со всѣми подробностями, темныя стороны предварительной административной расправы съ сектантами [5]).

[1]) Е. Р. Русскіе раціоналисты. «Вѣстникъ Европы», 1881 г., № 7, стр. 301.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid, стр. 316.
[4]) «Отеч. Записки», 1878 г., № 5.
[5]) Русскіе раціоналисты, стр. 316—317; «Дѣло», 1878 г., № 5.

Исторія религіозныхъ ученій раціоналистическаго характера, распространявшихся среди русскаго крестьянства,—обширная и мало разработанная тема, особенно со стороны значенія этого явленія, какъ показателя интенсивной духовной и умственной жизни въ массахъ трудового крестьянства. У насъ нѣтъ даже точныхъ данныхъ о степени распространенности религіозныхъ ученій раціоналистическаго характера въ Россіи, о числѣ захваченныхъ имъ лицъ, такъ какъ офиціальныя свѣдѣнія опредѣляютъ это число для 1893 года менѣе, чѣмъ въ 200.000, а неофиціальныя свѣдѣнія—въ 2 милліона. Но—что еще важнѣе—для насъ остаются совершенно почти безвѣстными всѣ эти проповѣдники новыхъ ученій за послѣднее полустолѣтіе,—ученій, шедшихъ въ полный разрѣзъ съ окружающей ихъ рутиною. Между тѣмъ, сколько лицъ, прямо выдающихся по своимъ умственнымъ силамъ, должна была выдвинуть при этомъ эта, повидимому, однообразная, сѣрая, сермяжная масса, влачащая ничѣмъ неотмѣченное для насъ существованіе, кажущееся лишеннымъ малѣйшаго проблеска умственнаго интереса? Кто набросаетъ хоть сколько-нибудь полную картину той необычайной душевной стойкости, которая была проявлена въ этомъ движеніи тысячами безымянныхъ героевъ, погибшихъ на своемъ посту или перенесшихъ неописуемыя муки во имя истины, какъ они понимали ее? И такая стойкость была проявлена на почвѣ высшаго духовнаго интереса, внѣ прямой зависимости отъ окружающихъ матеріальныхъ заботъ, и не только исключительно-одаренными людьми, но также и массами зауряднаго русскаго крестьянства. Фактъ широкаго распространенія въ этихъ массахъ идеи, далеко выходящихъ за предѣлы чисто-формальной, обрядовой религіи, не подлежитъ сомнѣнію и долженъ быть принятъ во вниманіе при подведеніи общаго итога.

Что касается отношенія сектантовъ раціоналистическаго направленія или „духовныхъ христіанъ", какъ они часто называютъ себя, къ соціалистическому теченію, то нѣкоторое указаніе на это могутъ дать тѣ отвѣты, которые были получены на обращенное къ нимъ открытое письмо представителей ученія „о непротивленіи", подписанное именами И. Трегубова и А. и В. Чертковыхъ. Это открытое письмо было напечатано въ „Свободномъ Словѣ", издававшемся въ Лондонѣ, въ сентябрѣ 1902 г. Въ числѣ тѣхъ вопросовъ, на которые обращавшіеся просили отвѣта, находился, между

прочимъ, такой: „Хорошо или дурно бунтовать противъ притѣснителей, грабить и убивать правителей? И почему?" И вотъ на этотъ вопросъ былъ полученъ отъ одной группы сектантовъ, за подписью десяти человѣкъ, слѣдующій отвѣтъ [1]):

„Въ первомъ вопросѣ вы, очевидно, ошибочно поставили слово „бунтовать" (противъ притѣснителей) вмѣсто слова „возмущаться"; а потому мы принуждены отвѣтить на вашъ первый вопросъ такъ: бунтовать всегда дурно, но возмущаться противъ притѣснителей всегда хорошо, и тѣмъ болѣе хорошо, чѣмъ самоотверженнѣй и любовнѣй *къ притѣсненнымъ* будетъ способъ возмущенія".

Городской пролетаріатъ.

Со второй половины XIX вѣка, послѣ отмѣны крѣпостного права, крестьянскія массы, хотя не особенно быстро и не въ особенно большихъ размѣрахъ, но все-таки стали выдѣлять изъ своей среды все болѣе и болѣе членовъ семей, становившихся въ ряды городского пролетаріата. Въ 1854 г. число рабочихъ въ Европейской Россіи (за исключеніемъ горнаго производства) равнялось 460.000 человѣкъ, а въ 1881 г.—771.000 [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ стала все болѣе и болѣе развиваться крупная фабричная промышленность со всѣми своими послѣдствіями соціальнаго характера. Какъ болѣе доступная къ сближенію, среда фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ ранѣе всего обратила на себя вниманіе піонеровъ русскаго соціализма. Извѣстно, что первые кружки изъ представителей рабочаго класса, затронутыхъ соціалистической пропагандой, возникли, въ началѣ 70-хъ годовъ, именно въ большихъ городахъ. Но хотя городское рабочее движеніе, проявившееся въ этихъ первоначальныхъ зачаткахъ, никогда уже не прекращалось до сихъ поръ, главная струя развившагося соціалистическаго теченія была направлена тогда въ другую сторону. Въ силу общаго характера этого движенія, разсчитывавшаго, какъ мы уже видѣли, на самопроизвольную, стихійную волну крестьянскихъ возстаній, оно не могло долго удержаться въ городахъ. Начавшись въ 1871 и 1872 гг. въ Петербургѣ и Одессѣ, оно къ лѣту 1874 г. уже разсыпалось по деревнямъ вмѣстѣ съ

[1]) Этотъ отвѣтъ былъ напечатанъ въ «Народныхъ Листкахъ», издававшихся Д. Хилковымъ.

[2]) «Россія», отдѣльное изданіе «Энциклопед. Словаря».

нѣкоторыми захваченными имъ городскими рабочими. Слѣдующимъ фазисомъ этого движенія, въ 1876—78 годахъ, послѣ выяснившейся невозможности ждать непосредственнаго взрыва массовыхъ крестьянскихъ волненій, была, какъ извѣстно, выработка обширнаго организованнаго плана революціонныхъ колоній или „поселеній". Хотя центромъ землевольческой организаціи оставался Петербургъ, въ которомъ не прекращалось сближеніе съ фабричными и заводскими рабочими, главное вниманіе организаціи было сосредоточено все-таки на деревенской работѣ, съ цѣлью болѣе или менѣе продолжительнаго и систематическаго воздѣйствія на крестьянскую среду, на почвѣ ея ближайшихъ жизненныхъ интересовъ. Эта попытка также не повела ни къ какимъ видимымъ результатамъ и снова послужила лишь задачѣ медленнаго проникновенія въ трудовую крестьянскую массу элементовъ соціалистическаго міросозерцанія и зарожденія въ ней единичныхъ представителей этого міросозерцанія.

Затѣмъ, уже въ половинѣ 1879 г., въ силу, главнымъ образомъ непреодолимыхъ внѣшнихъ препятствій, не позволявшихъ землевольческимъ поселеніямъ сколько-нибудь укрѣпиться на мѣстахъ и продержаться тамъ сколько-нибудь продолжительное время, произошелъ, какъ извѣстно, замѣтный поворотъ въ общей постановкѣ соціалистическихъ задачъ въ Россіи. Центръ движенія былъ перенесенъ въ города; деревня была при этомъ на долгое время предоставлена самой себѣ, и вся организованная соціалистическая пропаганда была направлена почти исключительно на городскія рабочія массы.

Но и тамъ она долго еще не давала видимыхъ массовыхъ результатовъ; въ теченіе всѣхъ восьмидесятыхъ и первой половины девяностыхъ годовъ пропаганда среди городскихъ рабочихъ носила исключительно кружковый характеръ. Хотя отдѣльные сознательные рабочіе, уже въ періодъ „Земли и Воли" 70-хъ годовъ, играли иногда болѣе или менѣе выдающуюся роль при массовыхъ рабочихъ движеніяхъ, какъ, напримѣръ, во время стачекъ на Новой бумагопрядильнѣ и на патронномъ заводѣ въ Петербургѣ въ 1878 г., но эти отдѣльные сознательные рабочіе не являлись представителями массоваго рабочаго движенія; рабочія массы смотрѣли тогда на нихъ, какъ на людей, чуждыхъ себѣ, и называли ихъ часто „студентами". „Теперь уже трудно встрѣтить такую фабрику или заводъ, или даже сколько-нибудь значительную мастерскую,—читаемъ мы въ

передовой статьѣ „Земли и Воли“ за 1879 годъ [1]), — гдѣ нельзя было бы найти рабочихъ-соціалистовъ. Но какъ ни отрадны подобныя явленія, они, однако, лишаются огромной доли своего значенія, когда мы начинаемъ ближе присматриваться къ положенію этихъ спропагандированныхъ рабочихъ въ средѣ ихъ товарищей... До послѣдняго времени рабочіе-соціалисты были разбиты на мелкіе кружки, задававшіеся почти исключительно цѣлями самообразованія, имѣвшіе иногда кассы, библіотеки и въ практической дѣятельности не шедшіе дальше пропаганды. Рабочая масса относилась къ рабочимъ-соціалистамъ, какъ къ чему-то чуждому, относилась часто насмѣшливо, иногда даже враждебно, и это—фактъ такого рода, въ которомъ, къ прискорбію, не можетъ не сознаться всякій, знакомый съ дѣломъ“. Сѣверный Рабочій Союзъ, возникшій въ Петербургѣ въ декабрѣ 1878 г. подъ вліяніемъ рабочихъ Обнорскаго и Халтурина, не былъ массовой организаціей; онъ состоялъ изъ сотни съ небольшимъ сознательныхъ рабочихъ, разсыланныхъ по разнымъ фабрикамъ и заводамъ; это была конспиративная организація. Весною 1879 года около 60 человѣкъ этой организаціи были сразу арестованы, и союзъ распался.

Время для массоваго соціалистическаго движенія еще не пришло тогда въ Россіи какъ для деревенскихъ, такъ и для рабочихъ массъ. Надо замѣтить, что, несмотря на свою большую воспріимчивость къ соціалистической пропагандѣ вслѣдствіе условій городской и фабричной жизни, городской пролетаріатъ самъ по себѣ далеко еще не представляетъ готоваго контингента для вступленія въ ряды соціалистическихъ партій; его классовое самосознаніе развивается лишь съ большимъ трудомъ, подъ вліяніемъ жизненныхъ и идейныхъ воздѣйствій, и вначалѣ очень медленно. Вотъ почему Марксъ говоритъ въ „Нищетѣ философіи“ объ „организаціи пролетаріата въ классъ“, какъ о такомъ процессѣ, когда рабочія массы, составлявшія до того лишь матеріалъ для рабочаго класса, лишь рабочій классъ an sich, превращаются въ рабочій классъ für sich.

Если мы возьмемъ для примѣра Францію, то увидимъ, что даже до настоящаго времени сравнительно лишь очень ничтожная часть ея городского пролетаріата стоитъ въ ря-

---

[1]) Статья эта была написана Плехановымъ (см. О. В. Аптекманъ «Земля и Воля 70-хъ годовъ», стр. 156).

дахъ соціалистическихъ и даже просто классовыхъ синдикальныхъ организацій. Изъ всего контингента рабочихъ, занятыхъ во Франціи въ текстильной промышленности (около 900.000 человѣкъ), сгруппированныхъ въ профессіональные синдикаты, по офиціальнымъ даннымъ Annuaire statistique за 1905 годъ, состояло лишь около 80.000 человѣкъ; но и эту цифру надо считать далеко не соотвѣтствующею дѣйствительности, такъ какъ сюда включены безъ разбора всѣ текстильные синдикаты: и желтые, и клерикальные, и чисто-фиктивные, числящіеся лишь на бумагѣ; если же сосчитать только рабочихъ, вошедшихъ въ составъ дѣйствительно классовой организаціи Генеральной Конфедераціи Труда, то таковыхъ оказывается всего лишь 26.000 человѣкъ, т. е. менѣе 3% всего числа текстильныхъ рабочихъ. Число же текстильныхъ рабочихъ, вошедшихъ въ составъ французской соціалистической партіи, еще гораздо меньше того: объ этомъ можно судить по тому факту, что въ четырехъ главныхъ департаментахъ текстильной промышленности, Сѣверномъ, Ронскомъ, Вогезскомъ и Нижней Сены, всѣхъ рабочихъ этой профессіи имѣется 368.000 человѣкъ; между тѣмъ, число *всѣхъ* членовъ соціалистической партіи въ этихъ четырехъ департаментахъ доходитъ только до 13.000 человѣкъ (10.250 въ Сѣверномъ департаментѣ, 857 — въ Ронскомъ, 500 — въ Вогезскомъ и 1.300 въ департаментѣ Нижней Сены). Изъ другихъ крупныхъ отраслей французской промышленности металлургія насчитываетъ 585.000 рабочихъ; изъ нихъ офиціальная цифра вошедшихъ въ синдикаты показана, за 1905 г., въ 90.000 рабочихъ, число же рабочихъ, входящихъ въ составъ классовыхъ металлургическихъ синдикальныхъ организацій, не болѣе 30.000 человѣкъ [1]). Горно-рабочихъ насчитывается во Франціи около 190.000 человѣкъ; изъ нихъ къ профессіональнымъ классовымъ организаціямъ примыкаетъ лишь около 35.000 человѣкъ. Соціалистическая организація департамента Pas-de-Calais, этого центра угольной промышленности, насчитываетъ всего лишь 2.300 всѣхъ своихъ членовъ [2]).

---

[1]) Такихъ классовыхъ синдикальныхъ металлургическихъ организацій четыре: Fédération des mouleurs имѣетъ 6.000 человѣкъ, Fédération des méchanitiens—5.000, Fédération des maréchaux —около 5.000 и l'Union fédérale de la Metallurgie—14.000.

[2]) Всѣ эти цифры доставлены намъ Е. Сталинскимъ, спеціально занятымъ изученіемъ французскаго рабочаго движенія.

Таковы цифры, показывающія крайне медленный ростъ классовой сознательности среди французскаго городского пролетаріата. Если это объясняется тѣми или другими особенностями французской общественной жизни, то отсюда слѣдуетъ тотъ выводъ, что, сама по себѣ, концентрація производства въ большихъ промышленныхъ центрахъ, сопровождающаяся скопленіемъ рабочихъ массъ, и та видимая простота и наглядность, съ какими обнаруживается на фабрикѣ или на заводѣ противоположность интересовъ, отдѣляющая пролетарія отъ капиталиста, еще не составляютъ всѣхъ элементовъ, необходимыхъ для превращенія неорганизованныхъ и внутренно несплоченныхъ рабочихъ массъ въ организованный и сознающій свои общественныя задачи рабочій классъ.

Мы считали необходимымъ указать на эту лишь относительно большую воспріимчивость промышленнаго пролетаріата къ усвоенію сознательнаго взгляда на свои общественныя задачи—усвоенію; требующему, помимо чисто-экономическихъ условій, продолжительнаго и упорнаго идейнаго воздѣйствія,—какъ на одну изъ очень существенныхъ объективныхъ данныхъ, на которыя опирается такъ называемое народническое теченіе въ русскомъ соціализмѣ въ своихъ общихъ програмныхъ построеніяхъ.

Трудовое крестьянство.

Еще медленнѣе должна была идти внутренняя работа развитія общественной сознательности среди массъ русскаго трудового крестьянства, благодаря долговременному и почти полному перерыву въ идейномъ вліяніи на него со стороны соціалистическихъ партій. Это идейное вліяніе и ранѣе проникало лишь въ слишкомъ слабыхъ дозахъ въ огромную многомилліонную трудовую крестьянскую массу, но съ конца 70-хъ годовъ оно, какъ мы видѣли, прекратилось почти совершенно. Въ деревняхъ оставались тогда лишь въ немногихъ мѣстахъ одиночки-пропагандисты, которые устраивались тамъ окончательно, иногда женившись на крестьянкахъ и ведя крестьянское хозяйство, иногда въ качествѣ врачей или мелкихъ помѣщиковъ. Такого рода убѣжденные и упорные люди вели свою медленную работу по цѣлымъ годамъ; подъ ихъ вліяніемъ создавалась болѣе благопріятная почва для позднѣйшей пропаганды; но это

были совершенно исключительные случаи [1]); въ общемъ же трудовая крестьянская масса была предоставлена на долгое время самой себѣ, стихійному вліянію окружающихъ ее экономическихъ и политическихъ условій. Вліяніе, идущее со стороны, изъ другой общественной среды, обнаруживалось развѣ только въ культурной сферѣ, въ формѣ распространенія грамотности и нѣкоторой дозы просвѣщенія путемъ земскихъ и частныхъ школъ съ болѣе или менѣе удовлетворительнымъ учительскимъ персоналомъ.

Въ сферѣ экономическихъ условій, на почвѣ возраставшей земельной нужды, трудовая крестьянская масса, предоставленная самой себѣ, медленно вырабатывала нѣкоторыя формы землевладѣнія, соотвѣтствовавшія ея классовому положенію. Реформой 1861 года она была поставлена, по своимъ интересамъ, въ рѣзкое противорѣчіе ко всѣмъ имущимъ классамъ. Это было особое, *податное* сословіе; вся его жизненная задача сводилась къ труду и платежемъ. Чиновникъ, помѣщикъ, купецъ видѣли въ немъ какъ бы прирожденный источникъ своихъ доходовъ; оно само рѣзко отдѣляло себя отъ остальныхъ слоевъ общества: между „бариномъ" и „мужикомъ" лежала въ его глазахъ непереходимая грань. Это неизбѣжно создавало особую трудовую, мужицкую психологію; это неизбѣжно объединяло и связывало между собою трудовое крестьянство, которое, въ сферѣ своихъ самыхъ насущныхъ жизненныхъ интересовъ, на каждомъ шагу противопоставляло себя всѣмъ остальнымъ нетрудящимся и ненуждающимся классамъ. Ту роль, какую играла для городского рабочаго фабрика, играла для каж-

[1]) Объ одномъ изъ такихъ случаевъ въ Саратовской губ. разсказываетъ И. Майновъ въ своихъ воспоминаніяхъ о жизни саратовскихъ кружковъ въ № 4 заграничнаго «Былого» 1903 г.: «Нѣкто,— назовемъ его хоть Боголюбовымъ—прослуживъ нѣсколько лѣтъ волостнымъ писаремъ въ одномъ большомъ селѣ, женился на крестьянкѣ, приписался и самъ въ крестьяне и занялся земледѣліемъ на крестьянскій ладъ. Чрезвычайно осторожный въ своей дѣятельности, онъ уцѣлѣлъ, несмотря на частые обыски и всевозможныя каверзы со стороны мѣстныхъ кулаковъ и уѣздной администраціи. Личными качествами и культурнымъ вліяніемъ на крестьянскій обиходъ, а всего болѣе чрезвычайно стойкой и умѣлой защитой деревенскихъ интересовъ противъ всѣхъ безчисленныхъ враговъ и супостатовъ деревенскаго міра, Боголюбовъ пріобрѣлъ огромный авторитетъ въ населеніи огромнаго раіона...»—Изъ другихъ этого рода дѣятелей слѣдуетъ упомянуть о Константинѣ Феофилактовичѣ Агринскомъ, умершемъ на своемъ хуторѣ около Аткарска въ 1903 г., а также, объ Андреѣ Петровичѣ Цезаревѣ, служившемъ сначала учителемъ а затѣмъ сельскимъ писаремъ въ Аткарскомъ же уѣздѣ.

даго деревенскаго работника вся обстановка его трудовой жизни. Реформа 1861 года не сдѣлала его собственникомъ, который получалъ бы доходъ отъ своей земли и вслѣдствіе этого привязывался бы къ своему участку земли всей своей душой. Это была фиктивная собственность, извѣстная форма эксплоатаціи его труда; во многихъ мѣстахъ въ теченіе первыхъ 10-ти или 15-ти лѣтъ послѣ реформы онъ даже „отпихивался“ отъ своего надѣла; распредѣленіе общинной земли сводилось въ такихъ случаяхъ къ уравнительному распредѣленію податной тяжести. Но даже и впослѣдствіи, когда вслѣдствіе повышенія цѣнъ на земледѣльческіе продукты, надѣлъ-„разоритель“ сдѣлался надѣломъ-„кормителемъ“, это былъ все-таки только *кормитель*, обезпечивавшій для огромнаго большинства лишь самую минимальную заработную плату и не приносившій никакого дохода.

Сообразно такому общему характеру своего экономическаго положенія, трудовое крестьянство не было въ состояніи выработать въ себѣ болѣе или менѣе замѣтной привязанности къ земельной собственности; съ цѣлью насажденія въ немъ этой привязанности, правительство должно было въ послѣднее время прибѣгнуть, какъ извѣстно, къ совершенно экстреннымъ мѣрамъ. Какія же, если не собственническія, то другія формы землевладѣнія вырабатывались за разсматриваемый періодъ въ средѣ нашего трудового крестьянства?

Извѣстно, что все крестьянское землевладѣніе распадается въ Россіи на общинное и подворное. По даннымъ центральнаго статистическаго комитета за 1887 г., въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи изъ 142 милліоновъ десятинъ надѣльной земли 80% находилось въ общинномъ владѣніи и 20% въ подворномъ, причемъ 75% крестьянскаго населенія принадлежало къ общинникамъ и только 25%—къ подворнымъ владѣльцамъ. Къ подворнымъ владѣльцамъ принадлежитъ большинство крестьянъ Полтавской, Кіевской, Волынской, Подольской, Витебской и Минской губерній и все крестьянство литовскихъ и прибалтійскихъ губерній. Въ остальной Россіи господствуетъ общинное землевладѣніе. Въ сферѣ этого общиннаго землевладѣнія и вырабатывались тѣ новыя его формы, которыя служатъ прямымъ указаніемъ на присутствіе и развитіе въ міросозерцаніи трудового крестьянства элементовъ, соотвѣтствующихъ его классовому положенію.

Относительно различныхъ формъ общиннаго землевла-

денія, имѣющихъ мѣсто въ Европейской России, а также происходившихъ въ немъ перемѣнъ, собранъ очень большой статистическій матеріалъ. Онъ собранъ тридцатилѣтними работами земскихъ статистиковъ. Тѣ цифровые выводы по этому чрезвычайно важному вопросу, съ которыми мы должны познакомить читателей, сдѣланы были извѣстнымъ изслѣдователемъ общиннаго землевладѣнія К. Качоровскимъ. Въ его рукахъ были собраны данныя по 35 губерніямъ [1]); изъ общаго числа 358 уѣздовъ этихъ губерній свѣдѣнія были собраны по 191 уѣзду, т. е. слишкомъ по половинѣ всѣхъ уѣздовъ. Въ этихъ 191 уѣздахъ у К. Качоровскаго имѣлись въ рукахъ точныя данныя о 73.811 общинахъ, въ которыхъ живетъ 3.582.780 крестьянскихъ семей или около 22 милл. душъ, владѣющихъ 38.611.000 десятинъ общинной земли [2]).

Выводы эти касаются прежде всего современнаго положенія общиннаго землевладѣнія. Изъ всѣхъ 73.811 общинъ, подвергшихся обслѣдованію, 42.415 состоятъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, 24.750—изъ б. государственныхъ и 6.646—изъ б. удѣльныхъ, монастырскихъ и другихъ разрядовъ. Для большей простоты изложенія мы будемъ приводить здѣсь лишь цифры, касающіяся первыхъ двухъ большихъ разрядовъ крестьянъ, т. е. б. помѣщичьихъ и б. государственныхъ.

На каждыя 100 общинъ у б. помѣщичьихъ приходится такихъ, гдѣ земля, разверстанная по ревизскимъ душамъ еще при отмѣнѣ крѣпостного права, переходила съ тѣхъ поръ по наслѣдству, не подвергаясь никакимъ передѣламъ, или гдѣ бывали время отъ времени лишь частичные передѣлы—48 общинъ; у б. государственныхъ крестьянъ общинъ этой категоріи насчитывается лишь 17%.

Съ другой стороны, такихъ общинъ, гдѣ идутъ правильные передѣлы—или по наличнымъ душамъ мужского пола,

---

[1]) Олонецкой, Вятской, Вологодской, Пермской, Новгородской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Уфимской, Самарской, Московской, Владимірской, Тверской, Рязанской, Тамбовской, Казанской, Симбирской, Пензенской, Саратовской, Воронежской, Курской, Полтавской, Тульской, Орловской, Харьковской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической, Астраханской, Калужской, Смоленской, Черниговской, Псковской, Петербургской, Витебской.

[2]) Выводы эти опубликованы въ недавно вышедшей работѣ Н. Вельяминова «Крестьянская община» (1908 г., изд. «Трудового Союза»), сдѣланной по матеріаламъ и подъ редакціей К. Качоровскаго.

или по рабочимъ силамъ семей, или по ѣдокамъ—оказывается у б. помѣщичьихъ крестьянъ 46%, а у б. государственныхъ—72%.

Наконецъ остается еще третья категорія общинъ, гдѣ пока еще имѣется незанятая земля, на которую и садятся новыя, прибылыя души, и гдѣ вслѣдствіе этого не бываетъ общихъ передѣловъ. Такія общины встрѣчаются въ Олонецкой, Вологодской, Уфимской губерніяхъ, а также въ глухихъ, многоземельныхъ углахъ Пермской, Новгородской, Ярославской, Костромской, Нижегородской и Самарской губерній. Въ этой категоріи насчитывается у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ 5% всѣхъ обслѣдованныхъ общинъ, а у бывшихъ государственныхъ крестьянъ—11%. Общины этого разряда примыкаютъ ко второй категоріи, такъ какъ общинное начало въ землевладѣніи не только не заглохло и не замерло въ нихъ, а, напротивъ того, находится въ періодѣ своего развитія; но во избѣжаніе какихъ-либо сомнѣній мы оставляемъ въ сторонѣ 5.370 изслѣдованныхъ общинъ этой категоріи и будемъ имѣть дѣло лишь съ общинами первой и второй категорій.

Итакъ, мы видимъ, что 46% общинъ б. помѣщичьихъ крестьянъ и 72% общинъ б. государственныхъ, т. е., счетомъ, 19.510 общинъ первыхъ и 17.820 вторыхъ или болѣе 55% всего числа—оказались съ правильными передѣлами.

Но приведенныя цифры еще не даютъ точнаго представленія о той сферѣ вліянія, на которую распространяется дѣйствіе уравнительнаго принципа въ русскомъ общинномъ землевладѣніи, такъ какъ онѣ говорятъ лишь о *числѣ* общинъ той и другой категоріи, но не указываютъ на цифру земледѣльческаго населенія, обнимаемаго этими категоріями общинъ. Между тѣмъ, оказывается, что бо̀льшая или меньшая жизненность общинныхъ порядковъ землевладѣнія находится въ большой зависимости отъ бо̀льшихъ или меньшихъ размѣровъ самой общины. Общины, въ которыхъ общинные порядки землевладѣнія не только не развивались за весь разсматриваемый періодъ, но, напротивъ того, какъ бы падали и замирали, оказываются какъ разъ принадлежащими къ числу малолюдныхъ и малоземельныхъ—и наоборотъ.

Такимъ образомъ, если мы будемъ принимать во вниманіе не число общинъ, а *число семей*, принадлежащихъ къ той или другой категоріи общинъ, то мы увидимъ, что у б. помѣщичьихъ крестьянъ, изъ каждыхъ ста семей,

44 семьи принадлежали къ общинамъ безъ передѣловъ и 52 семьи—къ общинамъ съ правильными уравнительными передѣлами (остальные 4% приходятся на общины третьей категоріи съ имѣющимися у нихъ еще незанятыми землями); но еще болѣе поразительна эта зависимость въ общинахъ б. государственныхъ крестьянъ: здѣсь изъ каждыхъ 100 семей на первую категорію общинъ приходилось лишь 9%, а на вторую категорію 86% (остальные 5% падаютъ на общины съ еще незанятыми цѣликомъ землями). Понятно, что такая прямая связь между жизненностью общинныхъ порядковъ и населенностью общинъ должны въ значительной степени повысить вышеуказанные 55% въ смыслѣ еще гораздо большаго процента земледѣльческаго населенія, охватываемаго практикой правильныхъ передѣловъ.

По даннымъ изслѣдованія [1]), земледѣльческое населеніе всѣхъ разсматриваемыхъ 73.811 общинъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ по различнымъ категоріямъ общинъ:

Общины совсѣмъ безъ передѣловъ	13%
» лишь съ болѣе или менѣе слабыми признаками уравнительныхъ передѣловъ	10%
Общины, еще имѣющія незанятыя земли	6%
» съ прочно установившимися уравнительными передѣлами	71%

Что касается количества надѣльной земли, приходящейся на каждую изъ этихъ категорій общинъ, то въ этомъ случаѣ мы имѣемъ слѣдующія цифры:

Общины	1-й	категоріи владѣютъ	9%	всей	надѣльной	земли.
»	2-й	»	8%	»	»	»
»	3-й	»	9%	»	»	»
»	4-й	»	74%	»	»	»

Но еще болѣе имѣетъ значенія вопросъ о тѣхъ *перемѣнахъ*, какія происходили въ разсматриваемый періодъ въ сферѣ русскаго общиннаго землевладѣнія, о томъ *направленіи*, въ которомъ происходило постепенное измѣненіе и развитіе его формъ.

Прежде всего надо замѣтить, что въ теченіе первыхъ 10 или 15 лѣтъ послѣ отмѣны крѣпостного права и послѣдней ревизской переписи, бывшей въ 1858 году, ни бывшіе помѣщичьи, ни бывшіе государственные крестьяне въ большинствѣ случаевъ и не думали приступать ни къ какимъ передѣламъ. Среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ циркулировало тогда очень распространенное мнѣніе,

---

[1]) L. c., стр. 97—104.

что земля „дана царемъ ревизнымъ душамъ", которыя и платятъ за нее выкупъ; а бывшіе государственные крестьяне все ждали слѣдующей ревизіи и безъ нея не рѣшались приступить къ передѣламъ; по старой привычкѣ они ожидали для этого формальнаго разрѣшенія начальства. Какъ бы то ни было, но остается несомнѣннымъ тотъ фактъ, что послѣ отмѣны крѣпостного права практика передѣловъ, въ теченіе извѣстнаго времени въ огромномъ большинствѣ общинъ, какъ бы совершенно замерла [1]), и уже то обстоятельство, что теперь мы видимъ среди значительнаго большинства общиннаго крестьянскаго населенія эту практику, напротивъ того, возстановившейся и правильно дѣйствующей, можетъ служить указаніемъ на то общее направленіе, какое восторжествовало, въ концѣ концовъ, въ земельныхъ распорядкахъ общинныхъ крестьянъ.

Но еще яснѣе мы увидимъ это изъ болѣе детальныхъ данныхъ, собранныхъ по вопросу объ измѣненіи общинныхъ земельныхъ порядковъ въ довольно значительномъ количествѣ общинъ. Въ рукахъ К. Качоровскаго имѣлись по этому поводу свѣдѣнія, во-первыхъ, касавшіяся 66 уѣздовъ различныхъ губерній и 6.830 общинъ этихъ уѣздовъ (т. е. почти $^{1}/_{3}$ всѣхъ ихъ общинъ) [2]). Здѣсь были собраны свѣдѣнія о земельныхъ распорядкахъ, имѣвшихъ мѣсто въ 80-хъ годахъ, и затѣмъ свѣдѣнія объ этихъ распорядкахъ за періодъ времени съ 1897 по 1902 г. Кромѣ того, г. Качоровскій располагалъ полными свѣдѣніями о 2.573 общинахъ Саратовской губ. [3]), за періодъ времени отъ 70-хъ годовъ до конца 90-хъ; наконецъ, имѣлись еще свѣдѣнія о 3.590 общинахъ (т. е. о $^{2}/_{3}$ всѣхъ общинъ) Московской губ., за періодъ времени съ конца 70-хъ годовъ и до 1898 г., и свѣдѣнія о 873 общинахъ (16$^{0}/_{0}$ всѣхъ общинъ) Владимірской губ., за періодъ времени съ конца 70-хъ годовъ и до 1902 г. Такимъ образомъ, были собраны сравнительныя данныя болѣе чѣмъ о 13.860 общинахъ разныхъ губерній. Посмотримъ теперь, что намъ говорятъ эти данныя.

Въ 66 обслѣдованныхъ уѣздахъ и 6.830 общинахъ раз-

---

[1]) См. объ этомъ, между прочимъ, у Каблукова, въ книгѣ «Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства», стр. 98. изд. 1899 г.

[2]) Изъ этихъ 66 уѣздовъ 4 принадлежатъ къ промышленнымъ губерніямъ, 16—къ губерніямъ западнаго района, 13—къ губерніямъ сѣвернаго района, 5—восточнаго района, 7—приволжскаго земледѣльческаго района, 16—центральнаго черноземнаго района и 5—южнаго района.

[3]) Т. е. почти о $^{9}/_{10}$ всѣхъ общинъ этой губерніи.

ныхъ губерній на каждыя 100 общинъ приходилось въ началѣ 80-хъ годовъ такихъ общинъ, гдѣ земля была разверстана по старымъ ревизскимъ душамъ и гдѣ или не было вовсе никакихъ передѣловъ, или же происходили лишь изрѣдка надѣленія малоземельныхъ семей выморочными и другими освобождавшимися надѣлами — 65 общинъ; въ періодъ же вторичнаго статистическаго изслѣдованія, происходившаго между 1897 и 1902 годами, такихъ общинъ оказалось только 12%.

Далѣе: такихъ общинъ, гдѣ въ началѣ 80-хъ годовъ земля хотя и была разверстана по старымъ ревизскимъ душамъ, но гдѣ все-таки часто происходили частичные передѣлы, свалки и навалки надѣловъ, было тогда 9%, ко времени же вторичнаго статистическаго изслѣдованія такихъ общинъ оказалось лишь 2%.

Общинъ, гдѣ шли правильные общіе передѣлы по наличнымъ мужскимъ душамъ, было въ началѣ 80-хъ годовъ 11%, а между 1897 и 1902 гг.—59%.

Общинъ, гдѣ происходили общіе и частные передѣлы по рабочимъ силамъ семей, было въ первый періодъ 9%, а во второй—8%.

Наконецъ, общинъ, гдѣ шли правильные общіе и частичные передѣлы „по ѣдокамъ", причемъ нерѣдко принимались въ соображеніе также и рабочія силы семей, было 20 или 25 л. тому назадъ 6%, а 5 или 10 лѣтъ тому назадъ—19%.

Чтобы лучше оцѣнить значеніе происшедшихъ здѣсь перемѣнъ, надо обратить вниманіе не только на сильное паденіе числа безпередѣльныхъ или малопередѣльныхъ общинъ, сократившихся съ 74% до 14%, но также и на очень важное движеніе въ сторону перехода отъ передѣловъ по старымъ ревизскимъ душамъ къ передѣламъ по наличнымъ мужскимъ душамъ или по рабочимъ силамъ семей, а главное—по *ѣдокамъ*. Первою формою перехода отъ первоначальной разверстки земли по старымъ ревизскимъ душамъ бываютъ обыкновенно передѣлы ея по наличнымъ мужскимъ душамъ; но такая форма передѣла далеко не всегда соотвѣтствуетъ принципу справедливаго уравненія земли, такъ какъ, во-первыхъ, при этомъ остается безъ земли вся женская половина трудового крестьянства, а, во-вторыхъ, часто оказываются обдѣленными тѣ семьи, въ которыхъ мало мальчиковъ и, вообще, мало мужскихъ душъ, по сравненію съ семьями, гдѣ много дѣтей мужского пола, хотя бы и малолѣтнихъ. Тогда въ общинѣ начинается

борьба за болѣе уравнительную развертку. Такая борьба приводитъ къ тому, что въ общинахъ съ передѣломъ по наличнымъ мужскимъ душамъ или совсѣмъ перестаютъ давать надѣлы малолѣтнимъ дѣтямъ, или же нарѣзаютъ имъ лишь по четвертой части или по половинѣ надѣла, принимая, слѣдовательно, въ соображеніе дѣйствительныя потребности семьи въ землѣ, какъ въ средствѣ производства, руководствуясь при передѣлахъ не столько числомъ наличныхъ мужскихъ душъ, сколько числомъ наличныхъ *работниковъ*; такимъ образомъ, создается форма передѣловъ по рабочимъ силамъ семей. Съ другой же стороны, въ общинахъ съ разверсткой или по наличнымъ мужскимъ душамъ, или по работникамъ, начинаютъ также прибавлять надѣловъ тѣмъ домохозяевамъ, у которыхъ на рукахъ много дочерей или сестеръ, слѣдовательно, принимаютъ въ соображеніе не только рабочія силы семей, но также и ихъ потребность въ продовольствіи.

Наконецъ, какъ послѣдняя стадія этого развитія формъ передѣловъ въ сторону все большей и большей ихъ уравнительности, является форма передѣла „по ѣдокамъ" какъ мужского, такъ и женскаго пола, причемъ крестьянскія семьи получаютъ надѣльную землю по такому расчету, чтобы каждая изъ нихъ имѣла въ ней равномѣрную долю, какъ въ источникѣ средствъ существованія. „Каждая семья получаетъ доступъ къ землѣ соотвѣтственно числу людей, требующихъ пропитанія" [1]).

Таковы послѣдовательные фазисы въ ходѣ развитія уравнительности передѣловъ. Сначала дѣйствуетъ традиціонный принципъ ревизскихъ душъ. Но затѣмъ выступаетъ на видъ неуравнительность, несправедливость этого принципа съ точки зрѣнія не капиталистическаго, не собственническаго, а трудового міровоззрѣнія. Начинается борьба между двумя принципами: уравнительнымъ и традиціоннымъ. Традиціонный принципъ имѣетъ на своей сторонѣ тѣ крестьянскія семьи, которымъ онъ доставляетъ матеріальную выгоду, которыя основали на немъ извѣстную степень своего благосостоянія. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоятъ зажиточные крестьяне, кулаки. Ихъ аргументъ—право собственности, право наличнаго капитала; съ точки зрѣнія этого міровоззрѣнія нѣтъ основаній для передачи въ пользу неимущихъ и противъ имущихъ; наличность тѣхъ и другихъ

1) Н. Вельяминовъ. «Крестьянская община», стр. 61.

равно законна и необходима съ точки зрѣнія сторонниковъ собственности и капитала. Но на сторонѣ традиціоннаго принципа въ этомъ случаѣ можетъ оказаться и, дѣйствительно, оказывается также извѣстная часть трудового крестьянства, которая защищаетъ право *затраченнаго труда.* Семьи, живущія на большихъ надѣлахъ и обрабатывающія ихъ своимъ собственнымъ трудомъ, могутъ отстаивать право на нихъ въ силу вложеннаго въ нихъ труда. Надѣлы не превышаютъ ихъ рабочихъ силъ; онѣ владѣютъ ими, потому что обрабатываютъ ихъ. Это право не собственности и не капитала, а *право труда.* Противная партія, добивающаяся передѣла, должна опираться въ такихъ случаяхъ лишь на право жить и работать, *на право на трудъ.* Это право наиболѣе соотвѣтствуетъ міровоззрѣнію рабочаго класса, общіе интересы котораго требуютъ равенства и справедливости въ доступѣ къ средствамъ производства между всѣмъ трудящимся населеніемъ. И вотъ мы видимъ, что именно этотъ принципъ началъ прокладывать себѣ замѣтную дорогу въ общинныхъ распорядкахъ русскаго трудового крестьянства. Надо замѣтить, что для того, чтобы добиться перехода отъ того положенія, какое устанавливается при передѣлахъ по старымъ ревизскимъ душамъ, къ передѣлу по наличнымъ мужскимъ душамъ или къ передѣлу по числу наличныхъ работниковъ, затѣмъ къ различнымъ уравнительнымъ поправкамъ въ этихъ формахъ разверстки и, наконецъ, къ передѣлу по ѣдокамъ,—необходимо было каждый разъ имѣть на своей сторонѣ не менѣе $^2/_3$ всѣхъ голосовъ, т. е. для этого необходимо было, чтобы данное теченіе охватило значительное большинство домохозяевъ, чтобы къ нему присоединилась также и часть крестьянъ, лично теряющихъ при новой системѣ передѣла. Между тѣмъ, такого рода измѣненія въ формахъ передѣла происходили, какъ мы видѣли, въ очень значительномъ количествѣ тѣхъ 6.800 общинъ, данныя о которыхъ мы сообщили выше: не только число общинъ съ передѣлами по наличнымъ мужскимъ душамъ или по рабочимъ силамъ поднялось здѣсь, съ 80-хъ годовъ по 90-ые, съ 20% до 67%, но и число передѣловъ по ѣдокамъ поднялось за это время съ 6% до 19%, отъ 410 до 1.290 общинъ, т. е. увеличилось болѣе, чѣмъ втрое.

Еще болѣе подробныя данныя по этому коренному вопросу развитія классоваго міросозерцанія въ средѣ трудового крестьянства мы имѣемъ по отношенію къ 2.570 об-

слѣдованнымъ общинамъ Саратовской губ., составляющимъ около $^{9}/_{10}$ всѣхъ общинъ этой губерніи. Здѣсь имѣются записи, относящіяся къ четыремъ періодамъ, а именно: къ 1870 году, 1880-му, 1890-му и 1900-му. Движеніе цифръ, касающееся различныхъ формъ передѣловъ, оказывается здѣсь въ слѣдующемъ видѣ:

Къ 1870-му году, изъ всѣхъ 2.573 общинъ, такихъ, гдѣ совсѣмъ не происходило передѣловъ, было 42%; такихъ, гдѣ передѣлы случались лишь частичные, было 22%; такихъ, гдѣ происходили общіе и частичные передѣлы по рабочимъ силамъ семей, было 32%; наконецъ, такихъ, гдѣ шли передѣлы по наличнымъ мужскимъ душамъ и по ѣдокамъ, было лишь 1% (остальные 3% приходятся на долю общинъ, въ которыхъ по недостаточности записей нельзя было установить точныхъ цифръ). Надо замѣтить, что разверстка земли по рабочимъ силамъ установилась здѣсь раньше разверстки по мужскимъ душамъ и по ѣдокамъ, потому что до 70-хъ и въ 70-хъ годахъ надѣлы въ Саратовской губерніи относились къ категоріи не „кормителей", а „разорителей"; поэтому уравнительность передѣла требовала прежде всего перенесенія тяжести на болѣе сильныя плечи.

Затѣмъ движеніе происходило въ такомъ направленіи:

Къ 1880 году безпередѣльныхъ общинъ оказалось 36%; общинъ съ зачатками передѣловъ—21%; общинъ съ передѣлами по рабочимъ силамъ—34%; общинъ съ передѣлами по наличнымъ мужскимъ душамъ и по ѣдокамъ—5% (4% пришлось на долю общинъ съ недостаточными записями).

Къ 1890 году общинъ первой категоріи оказалось 22%, общинъ второй категоріи—20%, третьей категоріи—32%, четвертой—23% (общинъ съ недостаточными записями—3%).

Къ 1900 году соотвѣтствующія цифры получились слѣдующія: 16%, 17%, 22%, 41% (общинъ съ недостаточными записями—4%).

Такимъ образомъ, движеніе цифръ оказалось въ такомъ видѣ:

По первой категоріи	42%	36%	22%	16%
По второй категоріи	22%	21%	20%	17%
По третьей категоріи	32%	34%	32%	22%
По четвертой категоріи	1%	5%	23%	41%

Двѣ среднія категоріи, служащія переходными ступенями въ этомъ движеніи, мало измѣнили свои размѣры, такъ какъ притокъ къ нимъ общинъ первой категоріи уравновѣшивался постояннымъ отливомъ въ сторону четвертой категоріи. Результаты движенія могутъ быть охарактеризованы значи-

тельною убылью безпередѣльныхъ общинъ и значительнымъ возрастаніемъ такихъ общинъ, гдѣ, при разверсткѣ земли по мужскимъ душамъ, принималось вмѣстѣ съ тѣмъ въ соображеніе число ѣдоковъ въ каждой семьѣ, гдѣ регулирующимъ принципомъ передѣловъ являлась потребность каждой семьи въ пропитаніи, какъ норма, наиболѣе соотвѣтствующая міровоззрѣнію трудового класса.

Тотъ же самый характеръ перемѣнъ въ способѣ распредѣленія общинныхъ земель выясняется изъ записей, произведенныхъ по отношенію къ 3.590 общинамъ Московской губерніи въ два различные срока: первая запись—въ концѣ семидесятыхъ годовъ и вторая—между 1897 и 1899 годами.

Здѣсь были намѣчены слѣдующія пять категорій общинъ: безъ всякихъ передѣловъ, съ частичными передѣлами, съ общими передѣлами по мужскимъ душамъ, съ общими передѣлами по рабочимъ силамъ семей и съ общими передѣлами по ѣдокамъ обоего пола (причемъ нерѣдко принимались во вниманіе и рабочія силы семей). Распредѣленіе общинъ по этимъ категоріямъ въ два вышеуказанные срока было такого рода:

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ . .	47%	26%	2%	23%	2%
Между 1897 и 1899 годами	6%	17%	5%	53%	19%

Главное теченіе замѣчается здѣсь въ сторону перехода отъ безпередѣльныхъ и мало-передѣльныхъ общинъ къ общинамъ съ передѣлами по рабочимъ силамъ семей; но притомъ очень замѣтно растетъ также число общинъ, гдѣ при передѣлахъ принимается во вниманіе число ѣдоковъ.

Наконецъ, въ 873 общинахъ Владимирской губерніи, гдѣ были сдѣланы записи въ концѣ 70-хъ годовъ и въ 1902 году, изслѣдованныя общины распредѣлялись по тѣмъ же самымъ пяти категоріямъ въ слѣдующихъ процентныхъ цифрахъ:

Въ 70-хъ годахъ	69%	4%	11%	2%	7%
Въ 1902 году	5%	1%	41%	41%	12%

Недостающіе 7% въ записи 70-хъ годовъ падаютъ на долю общинъ, гдѣ не оказалось достаточныхъ данныхъ.

Итакъ, помимо общей процентной цифры, указывающей на сравнительно незначительное число крестьянъ, живущихъ въ общинахъ безъ правильныхъ передѣловъ,—мы видимъ, что это число все болѣе и болѣе *уменьшалось* за разсматриваемый періодъ, что это—не постоянная, а перемѣнная цифра, и что измѣнялась она неуклонно въ сторону торжества общиннаго начала надъ принципомъ частной собственности въ области крестьянскаго землевладѣнія.

Мало того, мы можемъ также судить, на основаніи значительнаго статистическаго матеріала, что общинное землевладѣніе въ Россіи развивается не только въ смыслѣ постояннаго возрастанія числа общинъ съ правильными общими передѣлами, но также и въ смыслѣ постояннаго возрастанія *уравнительности* этихъ передѣловъ, въ смыслѣ выработки такихъ новыхъ формъ общиннаго землевладѣнія, которыя обезпечивали бы доступъ къ землѣ каждому землевладѣльцу и вмѣстѣ съ тѣмъ стремились бы доставить каждой земледѣльческой семьѣ равную возможность пропитанія.

Это именно мы и имѣли въ виду, когда говорили, что трудовое крестьянство въ Россіи, предоставленное на долгое время самому себѣ, самопроизвольному дѣйствію окружающихъ его экономическихъ условій, проявило въ своей экономической жизни тѣ стремленія, какія соотвѣтствуютъ его классовому положенію, всей той обстановкѣ, въ какой оно оказалось послѣ отмѣны крѣпостного права. Во всей этой обстановкѣ не было тѣхъ элементовъ, подъ вліяніемъ которыхъ въ его средѣ могла бы развиваться психологія мелкой крестьянской буржуазіи: у него не было въ рукахъ реальной земельной собственности, которая доставляла бы ему возможность хотя бы самаго скромнаго существованія; оно не могло войти въ русло сколько-нибудь уравновѣшенной крестьянской жизни, не могло болѣе или менѣе спокойно наслаждаться своеобразною привлекательностью земледѣльческаго труда и замкнуться въ узкую сферу крестьянскаго обихода. Оно со всѣхъ сторонъ было окружено непрерывными заботами и непосильными тягостями; оно каждую минуту чувствовало себя въ положеніи *рабочаго класса*, въ положеніи полной зависимости отъ собственности и капитала, въ положеніи полной необезпеченности въ своихъ средствахъ существованія. Нивеллирующее дѣйствіе капиталистическаго строя по отношенію къ трудовой части населенія проявилось въ этомъ случаѣ въ формѣ общаго обѣднѣнія всей крестьянской массы, при выдѣленіи изъ ея среды лишь очень малаго процента зажиточныхъ крестьянъ, деревенскихъ торговцевъ и кулаковъ. Та рѣзкая дифференціація положеній, какая свойственна капитализму, отбросила у насъ въ ряды рабочаго класса не только болѣе или менѣе замѣтную часть обѣднѣвшаго и разорившагося земледѣльческаго населенія, но почти что всю его многомилліонную массу, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ статистическія данныя. Однимъ изъ лучшихъ способовъ оцѣнки

экономическаго положенія крестьянскаго хозяйства, доступной для статистическихъ изслѣдованій, считается, какъ извѣстно, подсчетъ числа рабочихъ лошадей: фактическій матеріалъ для этого доставляется періодически происходящими военно-конскими переписями. Н. Огановскій приводитъ слѣдующія данныя по этому вопросу, относящіяся къ 1888 и къ 1901 гг. и касающіяся 31 губерній Европейской Россіи, захваченной переписями [1]).

Если принять за 100 число хозяевъ-крестьянъ, бывшихъ въ 1888 г. или совсѣмъ безлошадными или владѣвшихъ одною, двумя, тремя, четырьмя, пятью и шестью и большимъ количествомъ лошадей, то къ 1901 году число хозяевъ-крестьянъ всѣхъ этихъ семи категорій будетъ выражаться слѣдующими цифрами:

125, 122, 96, 65, 57, 45, 40.

Всего болѣе возрасло, какъ видимъ, число безлошадныхъ и однолошадныхъ крестьянъ; всего болѣе уменьшилось число обезпеченныхъ семей, владѣвшихъ пятью и шестью или больше лошадьми. Процессъ нивеллировки въ смыслѣ всеобщаго обѣднѣнія, происходившій въ теченіе разсматриваемаго періода, выясняется здѣсь съ полной наглядностью. Что касается общихъ результатовъ этого процесса, то они также съ достаточной отчетливостью характеризуются тѣмъ, что, согласно даннымъ, приводимымъ Н. Огановскимъ, число хозяевъ, имѣвшихъ по три и болѣе лошадей, составляло въ 1888 г. $10^1/_2{}^0/_0$ всѣхъ хозяевъ-крестьянъ обслѣдованныхъ 31 губерній, а къ 1901 году число этихъ хозяевъ-крестьянъ составляло уже только $5,7^0/_0$; число всѣхъ безлошадныхъ составляло къ этому времени $33,5^0/_0$, а число одно—и двухлошадныхъ, $60,8^0/_0$.

Такимъ образомъ, почти вся масса трудового крестьянства, за исключеніемъ $6^0/_0$, стоитъ теперь на одной и той же очень низкой хозяйственной ступени; ибо и двулошадное крестьянское хозяйство не можетъ считаться сколько-нибудь обезпеченнымъ въ своихъ средствахъ существованія; это—все та же низкая ступень благосостоянія, характеризуемая минимальнымъ трудовымъ заработкомъ. Принимая минимальное годовое продовольствіе, потребное на каждую душу, въ 18 пудовъ хлѣба, Л. Марессъ даетъ слѣдующую таблицу распредѣленія нашего крестьянскаго

[1]) «Земельный переворотъ въ Россіи, его причины и слѣдствія», изд. 1907 г.

населенія по количеству хлѣба, получаемаго имъ какъ съ надѣльной, такъ и съ арендуемой земли [1]):

Крестьянъ съ продовольствіемъ ниже этой нормы 52,3%
Крестьянъ съ продовольствіемъ, достигающимъ этой нормы . . 31,8%
Крестьянъ съ продовольствіемъ, превышающимъ эту норму . . 15,9%

Здѣсь мы опять видимъ, что огромное большинство нашихъ трудовыхъ крестьянъ, свыше 84%, должно быть причислено къ живущимъ и работающимъ при условіяхъ, или вовсе не обезпечивающихъ, или только что обезпечивающихъ имъ минимальную заработную плату, достаточную лишь для удовлетворенія самыхъ необходимыхъ потребностей.

Такимъ образомъ, фактъ низведенія почти всей массы русскаго земледѣльческаго населенія до уровня крестьянъ, стоящихъ на грани пауперизма, не получающихъ никакого чистаго дохода съ обрабатываемой ими земли, не можетъ подлежать сомнѣнію. Такое положеніе не можетъ быть результатомъ однѣхъ экономическихъ причинъ, не можетъ быть объяснено дѣйствіемъ капиталистической конкуренціи на почвѣ неравенства производительныхъ силъ, ибо мы не видимъ здѣсь роста состоятельной части крестьянства, не видимъ увеличенія и числа выдѣлившихся среднезажиточныхъ крестьянскихъ хозяйствъ на счетъ приращенія числа захудалыхъ и разоренныхъ хозяйствъ. Между тѣмъ, вліяніе капиталистической концентраціи въ сферѣ сельскохозяйственной промышленности должно было бы сказаться здѣсь именно въ области *крестьянскаго* землевладѣнія, а не въ области крупнаго дворянскаго или купеческаго землевладѣнія, такъ какъ общее передвиженіе частной поземельной собственности происходило, какъ извѣстно, въ Россіи за весь разсматриваемый періодъ въ сторону роста *крестьянскаго*, а не крупнаго землевладѣнія. Съ 1861 года и по 1900 годъ въ руки крестьянъ перешло около 20 милліоновъ десятинъ бывшей помѣщичьей земли, причемъ средній размѣръ дворянскихъ и купеческихъ имѣній также не увеличивался, а уменьшался за все это время: въ 1877 г. этотъ средній размѣръ равнялся для дворянскихъ имѣній 622 десятинамъ, а для купеческихъ—775, тогда какъ въ 1887 г. онъ уже равнялся 599 и 758 десятинамъ [2]). Мы видимъ, слѣдовательно, что общее передвиженіе въ области сельскохозяйственнаго производства

[1]) Маресъ. «Производство и потребленіе хлѣба», въ сборникѣ «Вліяніе урожаевъ», 1897, т. I, стр. 25—26.
[2]) Н. Огановскій. «Земельный переворотъ», стр. 7.

происходило въ сторону возрастанія числа не крупныхъ, а мелкихъ хозяйствъ, а потому вліяніе капиталистической конкуренціи должно было бы оказаться здѣсь въ сферѣ именно этого главнаго теченія, оно должно было бы проявиться въ формѣ увеличенія числа среднезажиточныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, въ формѣ выдѣленія изъ среды крестьянства болѣе или менѣе многочисленнаго контингента мелкой крестьянской буржуазіи. Между тѣмъ, мы этого вовсе не замѣчаемъ въ общихъ результатахъ движенія сельскохозяйственной промышленности, въ общемъ экономическомъ результатѣ этой отрасли производства, получившемся въ Россіи за истекшее полустолѣтіе; мы замѣчаемъ, напротивъ того, упадокъ благосостоянія среди крестьянства по всей линіи, общее обѣднѣніе, общее пониженіе производительныхъ силъ. Такое явленіе не свойственно капиталистическому фазису въ развитіи общественной жизни; оно свойственно лишь экономической политикѣ полу-феодальнаго автократическаго государства, основанной на непосредственномъ отчужденіи въ пользу государства продуктовъ малопроизводительнаго труда крестьянскихъ массъ.

Характерною чертою чисто-капиталистическаго фазиса развитія является въ вопросахъ, касающихся самоопредѣленія рабочихъ массъ, ростъ классовой сознательности среди *городского пролетаріата*, какъ подъ вліяніемъ концентраціи большого количества рабочихъ въ крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, такъ и подъ вліяніемъ соприкосновенія ихъ съ условіями городской жизни. Характерною чертою буржуазно-автократическаго фазиса развитія, съ пережитками стараго феодальнаго строя, является, въ этихъ вопросахъ, ростъ классоваго самосознанія *въ огромныхъ массахъ трудового крестьянства*, подъ дѣйствіемъ того нивеллирующаго и объединяющаго вліянія, какое обуславливается въ такихъ случаяхъ господствующей экономической политикой государства. Фактическое подтвержденіе этому мы только что видѣли въ экономической жизни русскаго общиннаго земледѣльческаго населенія за всю вторую половину XIX вѣка. Предоставленное почти всецѣло своей собственной судьбѣ, почти всецѣло отстраненное въ теченіе очень долгаго времени отъ идейныхъ воздѣйствій со стороны политическихъ партій, оно, тѣмъ не менѣе, въ развитіи своихъ общинныхъ порядковъ, шло за весь этотъ періодъ времени по тому именно направленію, какое соотвѣтствовало его объективному классовому положенію.

Вотъ почему мы сочли необходимымъ остановиться болѣе или менѣе подробно на этой сторонѣ внутренней крестьянской жизни. Происходя въ глубинѣ крестьянскихъ массъ и не проявляясь никакими замѣтными внѣшними признаками, процессъ развитія общинныхъ земельныхъ порядковъ въ крестьянской средѣ имѣетъ огромное общественное значеніе, какъ все близко касающееся развитія массоваго самосознанія. Изъ всѣхъ процессовъ развитія, какіе происходили въ жизни русскаго трудового крестьянства въ періодъ его оторванности отъ идейныхъ вліяній, самымъ важнымъ, въ нашихъ глазахъ, несомнѣнно, является этотъ процессъ медленнаго, но неуклоннаго измѣненія его общинныхъ порядковъ землевладѣнія въ сторону ихъ уравнительности не только по рабочимъ силамъ, но также и по наличному числу членовъ въ каждой семьѣ. Наличность этого послѣдняго все болѣе и болѣе развивающагося теченія, переходящаго за предѣлы чисто-трудового міросозерцанія, которое отстаиваетъ лишь право затраченнаго труда, но принимающаго въ соображеніе также *право на трудъ и на жизнь* каждаго члена общества, какъ норму соціалистическаго строя, составляетъ одну изъ главнѣйшихъ объективныхъ основъ для того требованія соціализаціи земли, которое занимаетъ столь важное мѣсто въ программѣ-минимумъ одного изъ нашихъ современныхъ соціалистическихъ теченій [1]). Выставляя это требованіе, это теченіе опирается, какъ мы видимъ, не только на чисто теоретическія соображенія и на анализъ особыхъ условій развитія земледѣльческаго производства въ буржуазно-капиталистическомъ строѣ, но также и на фактическое присутствіе вышеупомянутаго элемента въ міросозерцаніи русскаго трудового крестьянства.

Крестьянское движеніе.

Что касается внѣшней стороны общественной жизни русскаго крестьянства въ ближайшія десятилѣтія послѣ отмѣны крѣпостного права,—общественной жизни, развивавшейся на почвѣ непосильной тяжести, налагавшейся на крестьянъ государствомъ, на почвѣ нароставшей нужды и періодическихъ голодовокъ, вызываемыхъ разрушеніемъ ихъ сельскохозяйственныхъ производительныхъ силъ, то она могла выражаться лишь въ единичныхъ мѣстныхъ волненіяхъ, служившихъ какъ бы *рефлективнымъ* проявленіемъ безысходнаго

[1]) Шишко имѣетъ въ виду партію соц.-революціонеровъ. Ред.

и нестерпимаго положенія. При отсутствіи объединяющей политической идеи, въ силу полной замкнутости политическаго горизонта для крестьянскихъ массъ того времени, эти мѣстныя волненія имѣли весьма малое общественное значеніе, они возникали отъ времени до времени въ томъ или другомъ мѣстѣ обширной Россіи и какъ бы безслѣдно исчезали на внѣшней зеркальной поверхности офиціальной государственной жизни. Возможно, что если бы была предпринята огромная работа по собиранію всѣхъ относящихся сюда матеріаловъ, если бы были подведены общіе итоги количеству всѣхъ возникавшихъ за данный періодъ отдѣльныхъ аграрныхъ безпорядковъ и сопротивленій властямъ, при непринятіи уставныхъ грамотъ, при продажѣ имущества за недоимки, при отобраніи крестьянскихъ земель въ пользу помѣщиковъ и т. д.;—если бы было подсчитано общее число пострадавшихъ при этомъ мірскихъ ходатаевъ и вожаковъ, а также общее число усмиренныхъ подневольныхъ мятежниковъ, — то возможно, что въ такомъ случаѣ получилась бы болѣе или менѣе внушительная картина, которая позволила бы сдѣлать тѣ или другіе выводы о степени пассивнаго отношенія къ своимъ судьбамъ массъ трудового крестьянства. Но, къ сожалѣнію, никакой сводной работы по данному вопросу въ настоящее время не имѣется. Что касается внутреннихъ хроникъ и современныхъ обозрѣній большихъ журналовъ этого періода, то, какъ извѣстно, обзоръ событій этого рода былъ для нихъ вполнѣ закрытой областью. Лишь изрѣдка, на протяженіи цѣлыхъ десятилѣтій, можно встрѣтить въ нихъ мимолетную замѣтку о какомъ-нибудь отдѣльномъ случаѣ крестьянскаго протеста или сопротивленія.

Такъ, наприм., въ „Отеч. Запискахъ“ за цѣлое десятилѣтіе съ января 1867 и по декабрь 1876 г. описаны лишь два случая крестьянскихъ безпорядковъ [1]). Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что отдѣльныя крестьянскія волненія возникали за это время во многихъ другихъ мѣстахъ. Извѣстны, напримѣръ, огромные аграрные безпорядки, происходившіе въ началѣ 70-хъ годовъ въ 12 волостяхъ чигиринскаго староства, охватившіе около 17.000 бывшихъ казенныхъ крестьянъ. Можно, наконецъ, привести еще нѣсколько случаевъ за тѣ же семидесятые годы; такъ, въ

[1]) Въ селѣ Сосновкѣ, въ апрѣлѣ 1868 г., и въ Мостовинской волости Сарапульск. у. въ октябрѣ того же года.

заграничномъ „Впередъ“ за 1876 г. напечатаны выдержки изъ русскихъ газетъ о бунтѣ крестьянъ-половниковъ въ Никольскомъ уѣздѣ, Вологодской губ.; о бунтѣ въ деревнѣ Холмѣ, Юхновскаго уѣзда, Смоленской губ.: о бунтѣ въ селахъ Рождественскомъ и Никитовкѣ, Валуйскаго уѣзда, Воронежской губ.; о бунтѣ 3.000 крестьянъ села Богородскаго, Нижегородской губ., причемъ взбунтовавшіеся сжигали усадьбы и не хотѣли платить требуемыя съ нихъ деньги. Затѣмъ, тамъ же и въ томъ же 1876 г. сообщается, со словъ „Новороссійскаго Телеграфа“, что въ Гадячскомъ уѣздѣ Полтавской губ. стали довольно частыми поджоги, какъ результатъ крестьянской мести за штрафы по поводу потравы; со словъ „Новаго Времени“, что въ губерніяхъ Ярославской и Костромской „въ особенности часто стали повторяться случаи отказа крестьянъ отъ платежа оброковъ помѣщикамъ“. Наконецъ, имѣется еще сообщеніе о двухъ уѣздахъ Подольской губ., Ольгопольскомъ и Проскуровскомъ, гдѣ среди крестьянъ „обнаруживается упорное и пассивное сопротивленіе властямъ“.

Мы привели эти отрывочныя данныя вовсе не съ цѣлью подвести что-нибудь въ родѣ общаго итога по вопросу о крестьянскихъ движеніяхъ во второй половинѣ 60-хъ и 70-хъ годовъ, а для того только, чтобы указать на полное отсутствіе въ настоящее время собранныхъ матеріаловъ, которые дали бы возможность представить сколько-нибудь удовлетворительную картину общественной и политической жизни трудового крестьянства за разсматриваемый періодъ внѣшнихъ проявленій его замкнутаго существованія [1]).

Переходя къ 80-мъ годамъ, мы оказываемся, быть можетъ, въ нѣсколько лучшемъ положеніи, хотя и въ этомъ случаѣ, за отсутствіемъ сколько-нибудь систематически собранныхъ матеріаловъ, не можетъ быть рѣчи объ общихъ итогахъ; но, тѣмъ не менѣе, въ данномъ случаѣ не получается все-таки такого сплошного пустого мѣста, какое мы только-что видѣли по отношенію къ двумъ предыдущимъ десятилѣтіямъ. Это объясняется, впрочемъ, отнюдь не большей свободой печати. Въ этомъ отношеніи дѣло врядъ ли измѣнилось къ лучшему. Во всѣхъ *внутреннихъ обозрѣніяхъ* „Вѣстника

---

[1]) О томъ, насколько были распространены въ семидесятыхъ годахъ случаи усмиренія крестьянскихъ безпорядковъ, можно судить отчасти по тому факту, что въ 1877 г. понадобилось изданіе особаго положенія «о дѣйствіи военныхъ командъ при народныхъ волненіяхъ» (отъ 29 октября).

Европы", напримѣръ, за цѣлыя 15 лѣтъ, съ 1877 и по 1891 годы включительно, можно было встрѣтить всего на всего лишь только *два* сообщенія изъ области народныхъ движеній: очень бѣглое перечисленіе мѣстностей, охваченныхъ еврейскими погромами въ 1881 г., и сообщеніе о безпорядкахъ на Московской Вознесенской фабрикѣ и Орѣхово-Зуевской мануфактурѣ въ 1885 г. Но, съ одной стороны, самыя народныя движенія стали принимать тогда, какъ, напримѣръ, въ началѣ 80-хъ гг., болѣе широкій, болѣе массовый характеръ и вслѣдствіе этого уже не могли попрежнему безслѣдно затериваться въ деревенскихъ трущобахъ; съ другой же стороны, къ 80 годамъ стала достигать нѣсколько большаго развитія нелегальная публицистика, слѣдившая за провинціальными газетами, имѣвшая нерѣдко своихъ собственныхъ корреспондентовъ въ тѣхъ или иныхъ центрахъ движеній и, такимъ образомъ, оставившая послѣ себя кое-какіе матеріалы также по вопросу о крестьянскихъ движеніяхъ.

Прежде всего, переходя къ 80-мъ годамъ, можно указать попрежнему на возникновеніе въ разныхъ мѣстахъ отдѣльныхъ крестьянскихъ бунтовъ. Такъ, мы встрѣчаемъ въ нелегальныхъ изданіяхъ слѣдующіе случаи столкновеній крестьянъ съ помѣщиками, окончившихся военнымъ постоемъ или преданіемъ суду зачинщиковъ.

Въ концѣ 1879 г. въ Воронежской губ. произошло столкновеніе у крестьянъ Айдарской волости, села Утянки, съ помѣщикомъ Фирсовымъ, захотѣвшимъ отрѣзать крестьянъ отъ водопоя. Дѣло кончилось преданіемъ суду 29 человѣкъ.

29 апрѣля 1880 г. вспыхнули безпорядки въ Новгородсѣверскомъ уѣздѣ, Черниговской губ. въ имѣніи князя Голицына, въ селѣ Костобобры. Дѣло началось изъ-за невозможности крестьянамъ выгнать куда-нибудь свою скотину безъ того, чтобы не получилась потрава. Въ одномъ изъ такихъ случаевъ, когда управляющій съ урядникомъ и нѣсколькими работниками стали загонять крестьянскихъ лошадей въ экономію, на нихъ набросилась толпа крестьянъ. Урядникъ съ работниками были избиты до полусмерти, управляющій ускользнулъ и сообщилъ о бунтѣ полиціи. По распоряженію губернатора, въ Костобобры прибылъ баталіонъ солдатъ и расположился по квартирамъ; зачинщики были арестованы.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1880 г., въ двухъ селахъ той же губерніи, Солоповкѣ и Автуѕчинахъ крестьяне оказали сопро-

тивленіе при размежеваніи своихъ земель съ помѣщичьими. Были присланы на постой три роты и арестованы нѣкоторые крестьяне.

Въ 20-хъ числахъ мая, въ Черниговской же губерніи, бунтовали крестьяне въ имѣніи уѣзднаго предводителя дворянства, Подсудіевскаго. Для усмиренія четырехъ селеній, принимавшихъ участіе въ дѣлѣ изъ-за спорнаго выгона, были отправлены два батальона солдатъ и расквартированы по хатамъ.

Въ началѣ іюля 1880 г. крестьяне села Щетинина, Великолуцкаго уѣзда, Псковской губ., оказали сопротивленіе судебному приставу, пріѣхавшему продавать ихъ имущество. Была прислана военная команда изъ 10 человѣкъ [1]).

За 1881 годъ въ одной изъ корреспонденцій изъ Воронежа сообщается о томъ, что „антагонизмъ между крестьянами и помѣщиками за нынѣшнее лѣто страшно усилился... Такое отношеніе крестьянъ къ помѣщикамъ, разумѣется, обостряется, и тутъ слѣдуютъ поджоги и воровство скота, хлѣба. Воровство коней съ поля повсемѣстно. Поджоги все болѣе и болѣе распространяются, причемъ у нѣкоторыхъ помѣщиковъ жгутъ особенно часто. Частые очень поджоги (каждый годъ нѣсколько) въ Воронежскомъ уѣздѣ вокругъ села Хавы-Покровской. Въ Бирючевскомъ уѣздѣ ежегодно жгутъ помѣщика Рѣзникова, въ Бобровскомъ — Сѣверцева. Только-что подожгли Марина въ Подгородномъ, въ 6-ти верстахъ отъ Воронежа. Пишущему эти строки крестьяне сами говорили, что подожгли помѣщика за то, что онъ беретъ слишкомъ много за прогонъ скота черезъ его землю“ [2]).

Въ корреспонденціи изъ Саратова за 1882 г. сообщается, что „въ Кузнецкомъ уѣздѣ, у арендатора Вальгалина крестьяне ночью свезли весь хлѣбъ съ половинныхъ посѣвовъ, и, когда онъ вздумалъ было силой вернуть свои снопы съ крестьянскихъ гуменъ, то былъ встрѣченъ дружнымъ натискомъ въ колья и вилы. У владѣльца Самбикина, Саратовскаго уѣзда, было скошено и свезено съ луговъ сѣно, прежде сдававшееся крестьянамъ и удержанное за недоимки. Въ Аткарскомъ уѣздѣ у помѣщика Штейнберга за многолѣтнія притѣсненія сожжено гумно съ хлѣбомъ на нѣсколько тысячъ. Въ нѣкоторыя села становые и уряд-

[1]) «Листокъ Н. В.», № 3.
[2]) «Н. В.», № 6.

ники не показываются иначе, какъ съ большимъ конвоемъ сотскихъ и казаковъ. Особенно плохо приходится урядникамъ. Въ Саратовской губ. нынѣшними осенними праздниками было уже до 20 случаевъ, что урядниковъ избивали, какъ говорится, до полусмерти, и это въ такихъ близкихъ къ Саратову селахъ, какъ Кирсановка, Злобовка, Чардыжъ и др." [1]).

За 1883 годъ мы встрѣчаемъ, между прочимъ, перепечатку о „Постановленіи Уфимскаго губернскаго собранія дворянства" отъ 27 іюня, препровожденномъ министру внутреннихъ дѣлъ; въ этомъ постановленіи дворяне жалуются на свое „критическое и беззащитное положеніе" въ виду насилій, чинимыхъ надъ ними окружающимъ населеніемъ, причемъ, въ подтвержденіе, приводятъ слѣдующія данныя:

Дворянинъ Курковскій сообщаетъ о самоуправствѣ башкиръ и крестьянъ Уфимской губ., о захватѣ дворянскихъ земель, о поджогѣ усадебъ, о нанесеніи побоевъ и увѣчій: „Дерзость поселянъ въ этомъ отношеніи увеличивается съ каждымъ днемъ и превосходитъ всякое вѣроятіе, — говоритъ Курковскій,—понятіе о правѣ собственности и законѣ совершенно расшаталось". Затѣмъ дворянинъ Фокъ сообщаетъ о безпощадныхъ порубкахъ лѣса. Въ Бирскомъ уѣздѣ вся земля его жены, законной владѣтельницы, захвачена, лѣсная дача вырублена, лѣсная стража насильственно удалена. Весной 1883 г. усадьба дворянина Черневскаго сожжена, и весь помѣщичій хлѣбъ увезенъ изъ амбара. Къ дворянину Ралль явились крестьяне, бывшіе крѣпостные его жены, и заявили, что они рѣшили взять себѣ участокъ ея земли въ 50 дес. и будутъ пользоваться имъ, не взирая ни на что. У помѣщика Ермолова крестьяне пришли на поля, согнали его рабочихъ и объявили, что поля эти они берутъ въ свою собственность и т. д. [2]).

За 1884 годъ мы встрѣчаемъ замѣтку о крупныхъ волненіяхъ въ имѣніи Кочубея, Кролевецкаго уѣзда, Черниговской губ., причемъ для усмиренія потребовалась военная сила. Сообщается также о безпорядкахъ въ Золотоношскомъ уѣздѣ, Полтавской губ. и въ разныхъ мѣстахъ Екатеринославской губ. Очень серьезныя волненія происходили на Дону, въ слободѣ Большинской и прилегающихъ поселкахъ.

---

[1] «Н. В.», № 8—9.
[2] «Вѣст. Н. В.», № 1.

Крестьяне самовольно вырубали помѣщичьи лѣса и свозили ихъ, открыто нападали на помѣщичьи усадьбы; для усмиренія бунта была послана военная команда [1]).

За 1885 годъ приводятся слѣдующія случаи аграрныхъ волненій. Въ Воронежской губ., у богатаго землевладѣльца, бывшаго предводителя дворянства, произведенъ, счетомъ, тридцать пятый поджогъ. Въ Чигиринѣ, Кіевской губ. военный судъ разсматривалъ дѣло о преступномъ сообществѣ, ставившемъ цѣлью производство потравъ на помѣщичьихъ поляхъ, причемъ изъ 14 обвиняемыхъ 9 были приговорены къ каторжнымъ работамъ. Въ селѣ Попелкахъ, Подольской губ., крестьяне захватили спорный выпасъ и прогнали пріѣхавшихъ властей; въ селѣ былъ поставленъ военный постой и арестовано 34 человѣка. Въ Коротоякѣ Воронежской губ. были преданы суду 325 крестьянъ за самовольное разрытіе плотины, затоплявшей ихъ луга. Въ Могилевской губ. аграрныя волненія значительныхъ размѣровъ приняли хроническій характеръ. Въ мѣстечкѣ Городищѣ, Кіевской губ. и въ мѣстечкѣ Гоголевкѣ, Черниговской губ. былъ произведенъ самовольный захватъ пастбища и вооруженное сопротивленіе властямъ, кончившееся судомъ и каторгою для виновныхъ. Въ Херсонской губ. масса поджоговъ и аграрныхъ преступленій. Въ Краснослободскомъ уѣздѣ, Пензенской губ. крестьяне убили подрядчика Каверина изъ-за спорнаго участка земли и мельницы; 15 человѣкъ арестованы. Въ с. Червегахъ, Подольской губ. крестьяне захватили помѣщичій лугъ и прогнали исправника; но когда явились двѣ роты солдатъ, они уступили, и дѣло обошлось безъ экзекуціи. Въ Кролевецкомъ уѣздѣ помѣщикъ съ работниками засталъ на своемъ выгонѣ табунъ крестьянскихъ лошадей; произошла ссора и свалка; крестьяне пустили въ ходъ колья, а помѣщикъ—револьверъ; одинъ убитъ и двое раненыхъ. Въ селѣ Карабиновкѣ, Новомосковскаго уѣзда, Екатеринославской губ., крестьяне, выведенные изъ терпѣнія притѣсненіями помѣщика, генерала Миско, рѣшили захватить его землю. Немедленно явился вице-губернаторъ Ракосовскій съ казаками и солдатами. Послѣ избіенія крестьянъ нагайками, были выдѣлены 9 зачинщиковъ и преданы суду. Въ с. Дьяковцахъ, Гайсинскаго уѣзда, Подольской губ., крестьяне не допустили отобранія у нихъ спорнаго участка земли и отправили ходоковъ въ Петер-

[1]) Ibid., № 3.

бургъ; когда ходоки вернулись домой по этапу, взволнованная толпа напала на конвой, освободила ходоковъ и избила ненавистнаго урядника; послѣ этого были присланы солдаты и арестовано до 35 человѣкъ. Въ Курской губ. были посланы два батальона для усмиренія аграрныхъ волненій въ с. Черницынѣ. Въ Самарскомъ уѣздѣ крестьяне подожгли хлѣбъ рупнаго землевладѣльца Бедряги; убытокъ простирался до 40.000 р. Въ с. Нещеровѣ, Кіевскаго уѣзда крестьяне загнали свой скотъ въ лѣсъ помѣщика Гудимъ-Левковича и вступили въ драку съ лѣсною стражею; явился становой приставъ и началось слѣдствіе, но испуганная экономія вошла въ соглашеніе съ крестьянами. Въ с. Ольшанкѣ того же уѣзда, на землѣ Григоровскаго сахарнаго завода, сторожа задержали 32 штуки крестьянскаго скота; толпа, со старостой во главѣ, расшибла сарай и угнала свой скотъ; здѣсь также, когда началось слѣдствіе, экономія вошла въ соглашеніе съ крестьянами. Въ Ахтырскомъ уѣздѣ, Харьковской губ. произошло столкновеніе между крестьянами с. Клементьевскаго и Свято-Троицкимъ монастыремъ, окончившееся убійствомъ арендатора. Крестьяне дер. Нижнепаровой Курской губ. не хотѣли отдавать помѣщику спорную землю, присужденную въ его пользу сенатомъ, результатомъ чего была военная экзекуція. Въ с. Георгіевскомъ, Калужской губ. между крестьянами и арендаторомъ помѣщицы Голохвастовой произошло столкновеніе изъ-за спорнаго луга; крестьяне отняли силой сѣно, скошенное рабочими арендатора; виновные привлечены къ суду [1]).

На этомъ останавливаются сообщенія нелегальныхъ изданій того времени, такъ какъ послѣ 1885 г. они уже не появлялись. Приведенныя свѣдѣнія, не давая сколько-нибудь полной картины крестьянскихъ движеній за разсматриваемый періодъ, могутъ служить лишь указаніемъ того, что и въ 80-е годы, подобно тому, какъ мы видѣли это раньше, деревенская жизнь слѣдовала своей неизбѣжной участи; она не входила ни въ какую опредѣленную норму, не принимала никакого устойчиваго положенія, но, напротивъ того, находясь въ состояніи хроническаго хозяйственнаго кризиса, становилась все болѣе и болѣе тяжелой для массъ трудового крестьянства, послѣдствіемъ чего и были эти рефлективныя проявленія стихійнаго характера. Край-

---

[1]) «Н. В»., № 11—12.

няя неустойчивость и напряженность крестьянскаго настроенія, обуславливаемыя общими экономическими причинами, создали воспріимчивую почву для еврейскихъ погромовъ, вспыхнувшихъ на югѣ Россіи съ весны 1881 г. и почти не прекращавшихся въ теченіе двухъ лѣтъ.

Не касаясь непосредственныхъ причинъ еврейскихъ погромовъ этого времени и той связи, какая наблюдалась между этими погромами и націоналистической политикой гр. Н. П. Игнатьева, а также дѣятельностью назначеннаго тогда директоромъ деп. полиціи В. К. Плеве, мы должны отмѣтить ихъ здѣсь, какъ одинъ изъ показателей полной безвыходности какъ внѣшней обстановки, такъ и всего строя идей народныхъ массъ того времени. Съ одной стороны, полная невозможность физическаго существованія, среди постоянной нужды, недоимокъ и голода; съ другой—отсутствіе всякихъ представленій о возможности политическаго переустройства. Въ этомъ замкнутомъ кругу безсильно бились народныя массы, представляя собою готовый матеріалъ для стихійныхъ взрывовъ. „Сильно заблуждаются тѣ, — писалъ корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“ отъ 7 мая 1881 г.,—которые полагаютъ, что безпорядки, съ такою страшною силою охватившіе почти весь югъ Россіи, хотя и направленные исключительно противъ евреевъ, вызваны одною только племенною ненавистью къ нимъ. Движеніе это вызвано причинами экономическаго или, вѣрнѣе, соціальнаго свойства, а евреи явились здѣсь чѣмъ-то въ родѣ пресловутаго козлища искупленія“.

Еврейскіе погромы начались въ Елисаветградѣ въ апрѣлѣ 1881 г.; затѣмъ они вспыхнули въ Голтѣ, Знаменкѣ, въ Кіевѣ, Кишиневѣ, Васильковѣ, Бѣлой Церкви, Жмеринкѣ, Фастовѣ, въ Николаевѣ, Одессѣ, Смѣлѣ, Лозовой, въ Ромнахъ, Волочискѣ, Александровкѣ, Березовкѣ, Переяславлѣ, въ Нѣжинѣ, Борисполѣ, Лубнахъ, въ Борзнѣ и уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ опять въ Одессѣ. Въ слѣдующемъ году погромы начались также съ апрѣля мѣсяца въ Балтѣ и затѣмъ появлялись въ разныхъ мѣстахъ до самаго августа: въ Дубоссарахъ, Летичевѣ, Меджибожѣ, Новой Прагѣ, Березноватовкѣ, Висункѣ, Пирятинѣ, Окнахъ и пр. Наконецъ, въ 1883 г. произошли огромные погромы въ Екатеринославѣ, Ростовѣ-на-Дону, Новомосковскомъ уѣздѣ и въ Кривомъ Рогѣ.

Изъ двухъ главныхъ элементовъ, имѣвшихъ рѣшающее значеніе въ сферѣ общественныхъ движеній крестьянскихъ

массъ, ихъ экономическаго положенія и ихъ отношенія къ политическимъ вопросамъ, необходимо складывался такой политическій итогъ, который обрекалъ ихъ на рядъ дѣйствій, лишенныхъ всякаго смысла и всякаго результата. Явно нелѣпый и безумный характеръ всѣхъ ихъ попытокъ выбиться изъ данныхъ условій существованія не былъ результатомъ личныхъ свойствъ составлявшихъ ихъ единицъ, а вытекалъ съ полною внутреннею необходимостью изъ характера ихъ политическаго міросозерцанія. Здѣсь именно лежалъ ключъ къ разгадкѣ всего положенія; все сводилось къ тому, что для крестьянскихъ массъ, въ силу исторически сложившихся политическихъ взглядовъ ихъ, являлась внутренно недоступной та именно область общественной жизни, въ которой одной могли получить разрѣшеніе волновавшіе и мучившіе ихъ вопросы; и пока эта область оставалась закрытой для ихъ міросозерцанія, до тѣхъ поръ всѣ ихъ столкновенія съ государствомъ должны были носить чисто-стихійный характеръ.

Дифференціація партій.

Мы уже упоминали, что къ 80-мъ годамъ развитіе соціалистическаго движенія въ Россіи привело его къ постановкѣ политическаго вопроса. Мы видѣли, что первоначально только-что еще возникавшая соціалистическая партія устраняла этотъ вопросъ изъ круга своихъ ближайшихъ задачъ, но, въ концѣ концовъ, она должна была признать его неразрывно связаннымъ со своею основною цѣлью. „Понятно, что, призывая партію къ борьбѣ съ правительствомъ, — читаемъ мы въ „Народной Волѣ“ отъ 1 октября 1879 г., — мы нисколько не отрѣшаемся отъ переворота соціальнаго, экономическаго; мы говоримъ только, что при нашихъ государственныхъ порядкахъ политическій и соціальный переворотъ совершенно сливаются, и одинъ безъ другого совершенно немыслимы“.

Въ странахъ буржуазно-демократическаго типа, гдѣ соціалистическому движенію предшествовало господство буржуазіи, сопровождавшееся извѣстною долею политической свободы, соціалистическое движеніе способно было развиваться внѣ условій политическаго переворота; тамъ оно могло достигать нѣкоторыхъ изъ своихъ ближайшихъ задачъ на почвѣ постепеннаго расширенія политическаго вліянія рабочихъ массъ, откладывая революціонную постановку во-

проса до болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. Въ странахъ буржуазно-автократическаго типа задачи соціалистическаго движенія ставятся иначе самою жизнью, независимо отъ тѣхъ или другихъ теоретическихъ взглядовъ. Особенность фактическаго положенія заключается здѣсь въ томъ, что для соціалистическаго движенія становится необходимой революціонная постановка политическаго вопроса на самыхъ же первыхъ шагахъ его развитія, причемъ этимъ самымъ вдвигаются, такъ сказать, въ революціонныя рамки также и всѣ его ближайшія соціальныя задачи. Отсюда получается тотъ синтезъ политическихъ и экономическихъ революціонныхъ задачъ, который характеризуетъ собою соціалистическое движеніе конца семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ же политическій вопросъ занималъ, какъ мы видѣли, совершенно исключительное положеніе по тому значенію, какое онъ имѣлъ въ области массовыхъ движеній. Ближайшая задача соціалистическихъ движеній, вытекавшая изъ фактическаго положенія вещей, совпадала, такимъ образомъ, съ ближайшими потребностями массоваго движенія. Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, что, при данныхъ условіяхъ, развитіе соціалистическаго движенія въ Россіи рѣзко отклонилось на извѣстное время въ сторону политики. Такъ было именно въ періодъ „Народной Воли". Затѣмъ, подъ вліяніемъ большой идейной реакціи, наступившей вслѣдъ за огромнымъ напряженіемъ духовныхъ силъ цѣлаго поколѣнія, — напряженіемъ, которое не могло еще привести ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, а должно было неминуемо кончиться болѣе или менѣе быстрой гибелью представителей этого направленія, — наступилъ періодъ продолжительнаго общественнаго затишья и полной остановки политической жизни. Наступило господство политической реакціи — естественное продолженіе и завершеніе той политической программы, осуществленіе которой было безпрепятственно начато еще при министерствахъ Валуева и Тимашева въ царствованіе Александра II и было прервано лишь революціонными событіями послѣдней половины семидесятыхъ годовъ.

Силы соціалистической партіи, исчерпанныя до самаго дна движеніемъ семидесятыхъ и первой половины восьмидесятыхъ годовъ, начали постепенно накопляться вновь лишь къ срединѣ девяностыхъ годовъ. Первымъ толчкомъ къ нѣкоторому общественному пробужденію наиболѣе чуткихъ элементовъ русской интеллигенціи послужили два

крупныхъ событія, какъ бы подведшихъ итоги соціальному положенію Россіи: голодъ 1891 года и холера 1892—1893 годовъ. По этому поводу любопытно привести слѣдующую выдержку изъ офиціальнаго письма тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ И. Дурново къ министру народнаго просвѣщенія Делянову (отъ 5 февраля 1895 г.): „Въ ряду общественныхъ явленій, особенно выдвинувшихся въ минувшемъ году, слѣдуетъ отмѣтить рѣзко проявившееся въ разныхъ слояхъ интеллигентныхъ классовъ стремленіе содѣйствовать поднятію уровня народнаго образованія путемъ организаціи народныхъ чтеній, открытія библіотекъ и читаленъ для фабричнаго и сельскаго населенія, и, наконецъ, безвозмезднаго распространенія въ народѣ дешевыхъ изданій, книгъ и брошюръ научнаго, нравственнаго и литературнаго содержанія... Неурожай 91 года и холера 92—93 гг. вызвали усиленный наплывъ молодежи въ деревню и въ результатѣ оживили нѣсколько заглохшее въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ стремленіе русской молодежи къ поднятію, по личному почину интеллигенціи, умственнаго уровня народа. Изъ имѣющихся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній можно заключить, что это движеніе, охватывающее молодежь, развивается послѣдовательно и носитъ на себѣ не характеръ случайнаго временнаго явленія, а какъ бы систематическаго осуществленія программы и представляется однимъ изъ средствъ борьбы, на легальной почвѣ, противоправительственныхъ элементовъ...“ [1]).

Затѣмъ, офиціальнымъ подтвержденіемъ оживившейся тогда культурно-просвѣтительной дѣятельности, сосредоточившейся въ земствахъ въ рукахъ такъ называемаго „третьяго элемента“, а также связанной съ развитіемъ дѣятельности петербургскаго комитета грамотности съ его отдѣленіями, можетъ служить также слѣдующее извлеченіе изъ „XVII-го обзора важнѣйшихъ дознаній, производившихся въ жандармскихъ управленіяхъ Имперіи по государственнымъ преступленіямъ за 1892 и 93 годы“:

„Въ 1892 г. была масса дознаній преимущественно по кружковой дѣятельности „землячествъ“ и студенческихъ организацій, основанныхъ для распространенія литературы среди рабочихъ... Въ теченіе отчетнаго періода была за-

[1]) Это письмо было напечатано въ № 19 «Летучихъ Листковъ», издававшихся въ Лондонѣ Фондомъ Вольной Русской Прессы. При составленіи этой главы мы въ значительной степени пользовались матеріалами, собранными С. Н. Слетовымъ.

хвачена незначительная типографія; было выпущено нѣсколько подпольныхъ изданій... Часть пропагандистовъ стремилась работать среди сельскаго населенія, начавъ съ работы легальной; воспользовавшись холерой, они поступили въ санитары, фельдшера и т. п. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мѣстныя жандармскія власти нашли даже нужнымъ затруднить доступъ студентовъ къ санитарной дѣятельности" [1]).

Такимъ образомъ, непосредственныя впечатлѣнія общественныхъ бѣдствій послужили стимуломъ къ оживленію культурныхъ, а также и соціалистическихъ стремленій въ той тяжелой общественной атмосферѣ, какая была создана идейной реакціей 80-хъ годовъ. Мало по малу стали возникать небольшія соціалистическія организаціи. Первоначально эти организаціи, хотя и различались между собою оттѣнками соціалистической мысли, направили всѣ свои усилія въ одну и ту же сторону — по линіи наименьшаго сопротивленія, при полномъ устраненіи политической программы. Объективное положеніе дѣлъ къ тому времени было таково: оставался еще почти совершенно не затронутымъ соціалистическимъ движеніемъ довольно значительный контингентъ городского рабочаго населенія, выдвинутый развитіемъ русской крупной промышленности. Представлялась ближайшая и сравнительно менѣе трудная задача идейнаго воздѣйствія на этотъ будущій авангардъ массоваго рабочаго движенія. На эту именно задачу и были устремлены первыя усилія тѣхъ соціалистическихъ группъ, которыя стали возникать въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Вильнѣ и другихъ городахъ къ срединѣ девяностыхъ годовъ.

Какъ на промежуточное явленіе, отголосокъ предшествующей эпохи, слѣдуетъ указать на появившуюся нѣсколько ранѣе этого времени и просуществовавшую съ 1891 г. по апрѣль 1894 года „Группу Народовольцевъ" перваго состава (М. С. Александровъ, Б. Л. Зотовъ, Н. Г. Бѣлецкій, М. Г. Сущинскій, А. А. Федуловъ и др.). Она возникла въ октябрѣ 1891 г., поставила свою типографію и выпустила двѣ прокламаціи, изъ которыхъ одна („Свободное Слово") была написана Н. К. Михайловскимъ. Въ 1892 г. группа напечатала свою „Народовольческую программу", которая являлась программой Исполнительнаго Комитета партіи „Народной Воли" 1880 года, съ нѣсколькими измѣненіями, „об-

[1]) «Летучій Листокъ Ф. В. Р. П.», № 14.

условленными временемъ", но не выходившими за предѣлы „основныхъ принциповъ народовольчества". Вмѣстѣ съ тѣмъ, „группа народовольцевъ" напечатала „Первое письмо къ голодающимъ крестьянамъ" Н. М. Астырева — этого піонера крестьянскаго движенія, уже тогда настоятельно призывавшаго соціалистовъ къ работѣ въ деревнѣ, а также „Письмо къ молодежи" Федулова: „горячо написанный призывъ организоваться подъ знаменемъ Народной Воли" [1]).

Лѣтомъ 1892 г. группа выпустила первый номеръ своего „Летучаго Листка Группы Народовольцевъ", состоявшій изъ трехъ статей; двѣ изъ нихъ были написаны Федуловымъ, а третья—однимъ статистикомъ. Статья статистика была написана „въ умѣренно-либеральномъ тонѣ, съ преклоненіемъ передъ Лорисъ-Меликовымъ, съ отрицательнымъ отношеніемъ къ крайнимъ партіямъ", какъ выражался авторъ; но главнымъ ея содержаніемъ была критика правительственной политики, и группа нашла возможнымъ напечатать ее, вытравивши по возможности политически-умѣренный духъ. Въ публикѣ имѣла успѣхъ какъ разъ именно только эта статья. Листокъ въ цѣломъ былъ принятъ довольно холодно [2]).

Лѣтомъ 1893 г. Группа выпустила № 2 „Летучаго Листка" и двѣ брошюры: „Александръ III (къ десятилѣтію коронаціи)" и „Братцы-товарищи", написанную рабочимъ.

Вмѣстѣ съ этой издательской дѣятельностью Группа вела пропаганду среди петербургскихъ рабочихъ. Надо замѣтить, что въ рабочей средѣ замѣчалась непрерывная связь между соціалистическими движеніями всѣхъ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ періодовъ. Группа землевольцевъ встрѣчалась съ сознательными рабочими, оставшимися отъ движенія начала 70-хъ годовъ; группы начала 90-хъ годовъ встрѣчались съ рабочими, примыкавшими къ партіи Народной Воли. Авторъ воспоминаній о „Группѣ Народовольцевъ", по возвращеніи въ Петербургъ въ 1890 г., разыскалъ представителей тѣхъ двухъ рабочихъ кружковъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло въ 1885 г. Одинъ изъ этихъ кружковъ былъ соціалъ-демократическій, а другой народовольческій. Въ 1890 г. въ Петербургѣ возникъ центральный рабочій кружокъ изъ представителей различныхъ петербург-

---

[1]) М. С. Александровъ. Группа Народовольцевъ. «Былое», 1906 г., № 11, стр. 20.

[2]) Ibid., стр. 21.

скихъ районовъ, причемъ въ этотъ центральный рабочій кружокъ допускался лишь одинъ (ни въ какомъ случаѣ не болѣе) представитель интеллигенціи. Въ 1891 г. этимъ представителемъ отъ интеллигенціи былъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ вышеупомянутый авторъ воспоминаній о Группѣ Народовольцевъ и одинъ изъ ея основателей, смѣнившій собою представителя отъ соціалъ-демократической группы. Рѣзко проведеннаго различія въ дѣятельности среди рабочихъ между обоими направленіями еще не замѣчалось тогда. Брошюры, которыми пользовались тогда для пропаганды, были и соціалъ-демократическаго, и народовольческаго характера. „Хотя въ центральномъ (рабочемъ) кружкѣ представительствовалъ соціалъ-демократъ, но приглашенія, исходившія отъ него, заниматься въ отдѣльныхъ кружкахъ, обращались постоянно и къ народовольцамъ, вѣроятно, за недостаткомъ интеллигентныхъ силъ среди соціалъ-демократовъ. Въ такомъ положеніи оставалось дѣло вплоть до большихъ арестовъ въ апрѣлѣ 1894 года“ [1]).

Въ августѣ 1894 г. „Группа Народовольцевъ“ перваго состава потерпѣла полный разгромъ. Тогда было арестовано около 20 человѣкъ, принадлежавшихъ къ Группѣ. Остались неарестованными лишь нѣсколько человѣкъ.

Мы назвали „Группу Народовольцевъ“ перваго состава отголоскомъ прежняго направленія, потому что въ ея дѣятельности, поскольку она руководилась „основными принципами народовольчества“, не было тѣхъ элементовъ, которые могли бы разсчитывать на дальнѣйшее успѣшное развитіе. Въ своей политической программѣ она цѣликомъ переносила постановку вопроса конца семидесятыхъ годовъ въ совсѣмъ иную общественную атмосферу. Та сторона ея дѣятельности, которая имѣла существенное и реальное значеніе — соціалистическая пропаганда среди рабочихъ — ничѣмъ не была связана съ ея общей програмной концепціей и шла по одному направленію съ дѣятельностью противоположной соціалистической фракціи — по направленію кружковой работы, замкнутой въ предѣлы развитія соціалистическаго сознанія отдѣльныхъ рабочихъ.

Вскорѣ послѣ апрѣльскихъ арестовъ 1894 г., возникла Группа Народовольцевъ обновленнаго состава [2]), формально

[1]) Ibid., стр. 12.

[2]) Бѣлевскій, Прейсъ, мужъ и жена Ергины, А. Г. Успенскій, Фейтъ, Леоновичъ и др.

все еще не измѣнившая своей програмы и формально руководившаяся въ своихъ общихъ програмныхъ взглядахъ традиціями старой Народной Воли. Въ дѣйствительности же эта группа, въ своемъ руководящемъ большинствѣ, все болѣе и болѣе склонялась къ тому, чтобы ограничить свою дѣятельность соціалистической пропагандой среди городского пролетаріата, причемъ даже въ теоретическомъ обосновании такой постановки вопроса она сближалась съ соціалъ-демократическими взглядами. Два слѣдующихъ номера „Летучаго Листка“, выпущенные этой группой, 3-ій и 4-ый, вызвали удивленіе и отрицательное отношеніе къ себѣ со стороны жившихъ за границей представителей старой Народной Воли (П. Л. Лавровъ, М. Н. Полонская и др.): они находили ихъ „далекими отъ всего народовольческаго и проникнутыми тенденціями, идущими въ разрѣзъ съ народовольчествомъ [1]).

Съ другой стороны, сторонники соціалъ-демократическаго направленія находили, что эта группа отличалась отъ нихъ „развѣ названіемъ и традиціями“ [2]). Не выходя въ своей практической дѣятельности изъ предѣловъ ближайшей и непосредственной задачи распространенія соціалистическихъ идей среди городского пролетаріата, оба направленія, естественно, почти сливались между собою въ своей революціонной работѣ. Группа Народовольцевъ перепечатала въ своей типографіи народовольческую брошюру 1884 г. „Царь-Голодъ“, написанную А. Н. Бахомъ, которая охотно распространялась соціалъ-демократами; та же самая группа взялась напечатать брошюру „Объясненіе законовъ о стачкахъ“, полученную ею отъ „Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса“ [3]); прокламація по поводу массовыхъ стачекъ мая—іюня 1896 г., производившая наибольшее впечатлѣніе на рабочихъ, была выпущена „Группой Народовольцевъ“.

Такимъ образомъ, фактически, къ срединѣ 90-хъ годовъ существовалъ только единый способъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса, примѣнявшійся всѣми тогдашними представителями соціалистической мысли. Этотъ способъ характеризовался, во-первыхъ, сосредоточеніемъ всего вни-

---

[1]) «Съ родины на родину», № 6—7, 1896 г., стр. 475—476.

[2]) К. Я. Первые шаги. «Былое», 1907 г., № 9, стр. 138.

[3]) Петербуржецъ. «Очеркъ петербургскаго рабочаго движенія», стр. 49.

манія на городскомъ пролетаріатѣ и, во вторыхъ, отрицательнымъ отношеніемъ къ политической борьбѣ, какъ къ ближайшей задачѣ того времени.

„Что касается до рабочаго класса,—пишетъ авторъ воспоминаній о Группѣ Народовольцевъ перваго состава,—то предполагалось, что не его дѣло завоевывать политическую свободу, онъ долженъ лишь подготовиться къ тому, чтобы воспользоваться въ свое время свободой, завоеванной буржуазіей. Вопросъ о роли пролетаріата въ завоеваніи политической свободы былъ однимъ изъ пунктовъ нашего разногласія съ соціалъ-демократами“ [1]).—„Ни въ одной изъ прокламацій Союза Борьбы 95-го года,—пишетъ В. Акимовъ,—не было политическихъ тенденцій“. И далѣе: „Изъ документовъ, опубликованныхъ Петербуржцемъ, именно видно, что мечты организаторовъ не летѣли дальше Петербурга и касались только экономической борьбы“ [2]).—„Реакція, какъ извѣстно, всегда вызываетъ противоположную крайность,—пишетъ Петербуржецъ,—часто нежелательную, но почти всегда неизбѣжную. Такъ случилось и въ данномъ случаѣ: на необходимость борьбы за политическую свободу временно какъ-то перестали обращать вниманіе. Основная мысль пропагандистовъ конца 70-хъ годовъ какъ будто заглохла, и началась новая проповѣдь сознательной жизни“ [3]).

Такимъ образомъ, господствовавшая тенденція того времени, все болѣе и болѣе раздѣлявшаяся представителями народовольческой группы 3-го и 4-го „Летучаго Листка“, сводилась къ тому, что изъ задачи соціалистическаго переустройства выдѣлялась лишь одна небольшая подготовительная часть ея, кружковая пропаганда среди городского пролетаріата, и на этомъ пока останавливалась вся программная концепція соціалистической дѣятельности. Утрачивалась и какъ бы терялась изъ вида связь этой первоначальной стадіи съ представленіемъ о всемъ общественномъ переворотѣ. Эта связь существовала, конечно, теоретически, въ формѣ общихъ эволюціонныхъ построеній, въ формѣ признанія руководящей роли пролетаріата въ дѣлѣ осуществленія конечной цѣли, но она не находила для

[1]) М. С. Александровъ. Группа Народовольцевъ. «Былое» 1906 г., № 11, стр. 10.

[2]) Вл. Акимовъ. «Матеріалы для характеристики развитія Р. С.-Д. Р. Партіи», женевское изданіе, 1905 г., стран. 41, 44.

[3]) Петербуржецъ. «Очеркъ петербургскаго рабочаго движенія 90-хъ годовъ». Лондонъ, 1902 г. стр. 6—7.

себя конкретнаго выраженія въ непосредственной практической дѣятельности. Въ самой постановкѣ вопроса, въ самой *программѣ* дѣятельности соціалистическихъ группъ того времени все вниманіе было обращено только на одну подготовительную сторону соціалистическаго движенія.

Такъ шло дѣло до тѣхъ поръ, пока, въ силу своего собственнаго развитія, начавшееся движеніе не переросло первоначальныхъ рамокъ. Признакомъ неминуемаго наступленія болѣе широкой постановки вопроса послужила массовая стачка лѣта 1896 г. Эта стачка ясно показала, что размѣры тогдашней соціалистической дѣятельности не удовлетворяли требованіямъ времени. Но, вмѣстѣ съ расширеніемъ рамокъ дѣятельности, неизбѣжно должна была явиться мысль о томъ, чтобы вывести ее изъ предѣловъ чисто мѣстной, изолированной работы и поставить ее въ связь съ той или другой програмной концепціей. Чистый экономизмъ, какъ отрицательное отношеніе къ политикѣ, долженъ былъ уступить мѣсто опредѣленнымъ политическимъ программамъ; болѣе или менѣе расходившіяся между собою соціалистическія *направленія*, отчасти даже сливавшіяся въ своей практической дѣятельности, должны были уступить мѣсто опредѣленнымъ *партіямъ*.

По поводу сорокалѣтней годовщины освобожденія крестьянъ[1]).

I.

Одною изъ самыхъ характерныхъ особенностей нашей крестьянской реформы слѣдуетъ признать то обстоятельство, что, несмотря на всю свою огромную общественную важность, она совсѣмъ не затронула политическихъ условій русской жизни. Съ политической стороны, эта реформа, со всѣми другими вытекшими изъ нея, была до такой степени незначительна, что не только не парализовала дореформеннаго революціоннаго теченія въ Россіи, но, напротивъ того, сама послужила къ его усиленному развитію. И это совершенно понятно, такъ какъ реформы шестидесятыхъ годовъ ни въ чемъ не измѣнили у насъ основного политическаго принципа стараго государственнаго строя. Если здѣсь была какая-нибудь уступка въ политическомъ отношеніи, то только въ смыслѣ отмѣны тогда вотчинныхъ правъ и нашего крѣпостного помѣщичьяго феодализма; но и эта отмѣна произошла у насъ въ пользу старой государственной власти. Въ этомъ обстоятельствѣ существенная разница между паденіемъ крѣпостного права въ Западной Европѣ и въ Россіи. Современное общественное положеніе въ Россіи иногда сравнивается съ дореволюціоннымъ положеніемъ Франціи; но такое сравненіе врядъ ли справедливо, такъ какъ сама реформа 61-го года уже была до извѣстной степени нашимъ 1789-мъ годомъ. Можно сказать, что Россія пережила тогда одинъ изъ главныхъ моментовъ своего перваго революціоннаго переворота: освобожденіе крестьянъ и освобожденіе

---

[1]) «Вѣстникъ русской революціи». Женева, іюль 1901 г., № 1. Ред.

земли. Но только этотъ крупный общественный переломъ произошелъ у насъ безъ малѣйшихъ признаковъ политическаго освобожденія; вся его политическая сторона исчерпалась тѣмъ результатомъ, какой былъ достигнутъ во Франціи однимъ возстаніемъ крестьянъ противъ помѣщичьихъ замковъ въ іюлѣ и августѣ 1789 года. А это значитъ, если оставить въ сторонѣ чисто идейное движеніе интеллигенціи, что изъ всѣхъ общественныхъ классовъ только одно крестьянство сыграло у насъ тогда извѣстную политическую роль, оказавъ со своей стороны, въ формѣ учащенныхъ бунтовъ и избіеній помѣщиковъ, извѣстное революціонное давленіе на правительство (вспомнимъ рѣчь Александра II, обращенную въ 1856 году къ московскому дворянству). Соотвѣтственно этому, сколько-нибудь серьезная политическая перемѣна произошла тогда лишь въ положеніи одного крестьянства, чѣмъ именно и объясняется полнѣйшее крушеніе всѣхъ политическихъ надеждъ и разсчетовъ нашихъ умѣренныхъ либераловъ пореформеннаго періода.

Но незначительность достигнутыхъ политическихъ результатовъ не отнимаетъ, конечно, у нашей крестьянской реформы ея огромной общественной важности. Девятнадцатаго февраля 61-го года Россія вышла одной своей стороной изъ условій феодальнаго общественнаго строя; въ ея жизни произошелъ тогда переворотъ, не уступающій по своимъ размѣрамъ, поскольку дѣло касалось юридическаго положенія крестьянъ и промышленной свободы вообще, общественному перевороту 1789 года. Но только политическій размахъ нашего общественнаго переворота 1861 г. былъ крайне незначителенъ: наше самодержавіе не только не пошатнулось отъ него, а, напротивъ того, обновилось и, до извѣстной степени, упорядочилось, облеклось въ европейскія одежды. И вотъ уже сорокъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а оно все еще продолжаетъ существовать въ тѣхъ же самыхъ неизмѣнныхъ рамкахъ дореформеннаго государственнаго права. Тѣмъ временемъ новыя юридическія и экономическія условія сдѣлали, какъ извѣстно, свое дѣло въ смыслѣ, съ одной стороны, полнаго разоренія крестьянства, а съ другой—довольно значительнаго промышленнаго развитія страны. Послѣднее обстоятельство, несомнѣнно, указываетъ на большую эластичность современной формы абсолютной монархіи, а также на отсутствіе какой-либо тѣсной прямой связи между промышленнымъ развитіемъ и политической свободой. Если промышленное развитіе, въ

концѣ концовъ, создаетъ массовые элементы для политическаго освобожденія страны, то само по себѣ оно вовсе не требуетъ политической свободы, какъ необходимаго для себя условія. Оно можетъ болѣе или менѣе успѣшно происходить въ условіяхъ почти полнаго политическаго рабства; даже болѣе того: оно само способствуетъ до извѣстной степени политическому закрѣпощенію массъ. Эта истина постепенно выяснялась на всей новѣйшей исторіи западно-европейскихъ странъ, гдѣ буржуазія неуклонно стремилась, вслѣдъ за низверженіемъ стараго порядка, ограничить политическія права народа, охотно бросаясь для этого въ объятія Наполеоновъ и Бисмарковъ. Но всего лучше эта историческая истина подтверждается именно на нашей пореформенной Россіи, тѣснымъ союзомъ нашей молодой, только что развивающейся буржуазіи съ неограниченнымъ самодержавіемъ, причемъ самое ея развитіе было построено въ значительной степени на почвѣ этого союза.

Существуетъ, какъ извѣстно, историческая схема, объясняющая общественные перевороты развитіемъ производительныхъ силъ, причемъ предполагается, что этимъ производительнымъ силамъ становится тѣсно въ оболочкѣ стараго государственнаго строя, и онъ разрываетъ ее.

Но чтобы объяснить паденіе крѣпостного права въ Россіи, какъ общественный переворотъ, положившій начало ея новѣйшей исторіи, мы должны были бы совершенно перевернуть эту историческую схему; иначе ее трудно было бы привести въ надлежащее соотвѣтствіе съ фактами. Въ самомъ дѣлѣ, истинный ходъ событій оказался тогда какъ разъ обратнымъ тому, какого слѣдовало бы ожидать согласно классической формулѣ: революціонный толчекъ движенію былъ данъ со стороны представителей подавленнаго экономически класса въ наиболѣе отсталой изъ областей производства, т. е. со стороны крѣпостныхъ крестьянъ; съ другой стороны, дореформенный государственный строй, не только не задыхавшійся въ своей оболочкѣ, но, напротивъ того, отстаивавшій ея полную неприкосновенность, самъ почувствовалъ тогда необходимость поднятія слишкомъ низкаго экономическаго уровня страны и съ этою цѣлью самъ раздвинулъ значительно экономическія рамки общественной жизни. Создавъ такимъ путемъ юридическую возможность для промышленнаго развитія, онъ затѣмъ сталъ осуществлять эту возможность соотвѣтственной экономической политикой.

Такимъ образомъ, развитіе производительныхъ силъ явилось въ данномъ случаѣ не преддверіемъ, а результатомъ общественнаго переворота, происшедшаго при чрезвычайно низкомъ экономическомъ уровнѣ, подъ вліяніемъ стихійнаго броженія крестьянъ и настоятельныхъ потребностей самого государства.

II.

Мы видимъ, слѣдовательно, что анализъ условій, при которыхъ произошло паденіе крѣпостного права въ Россіи, представляетъ собой извѣстный теоретическій интересъ, такъ какъ имѣетъ прямое отношеніе къ господствующей въ настоящее время экономической революціонной теоріи [1]), которая, несомнѣнно, оказываетъ свое вліяніе на ходъ революціоннаго движенія въ Россіи. Вотъ почему мы считаемъ нелишнимъ, прежде чѣмъ продолжать этотъ анализъ, остановиться на томъ возраженіи, которое можетъ быть сдѣлано, съ точки зрѣнія этой теоріи, противъ только что формулированнаго нами вывода.

Согласно этому выводу, прямо продиктованному фактами, исходнымъ моментомъ нашего урѣзаннаго, монархическаго 1789-го года былъ не стихійный напоръ производительныхъ силъ, а, напротивъ того, слишкомъ *низкій* культурный и экономическій уровень страны, заставившій государство взять на себя иниціативу освободительной реформы.

Въ отвѣтъ на это намъ могутъ поставить на видъ, что именно благодаря низкому уровню экономическаго развитія Россіи освобожденіе крестьянъ и произошло въ ней безъ политическаго переворота, безъ ограниченія абсолютной монархіи, тогда какъ, напримѣръ, во Франціи, при значительно большемъ развитіи ея производительныхъ силъ въ дореволюціонный періодъ, это освобожденіе сопровождалось величайшимъ въ исторіи политическимъ потрясеніемъ. А если такъ, то отсюда, очевидно, приходится сдѣлать выводъ въ пользу огромнаго революціоннаго значенія развитія производительныхъ силъ.

Легко видѣть, однако, что, если даже признать правильнымъ объясненіе французской революціи развитіемъ ея производительныхъ силъ, это возраженіе нисколько не противорѣчитъ нашему выводу. Не подлежитъ сомнѣнію, что революціонный переворотъ 1789 года былъ подготовленъ

---

[1]) Имѣется въ виду распространеніе марксизма въ Россіи. Ред.

болѣе высокимъ политическимъ и культурнымъ развитіемъ французскаго общества, что размѣры этого переворота соотвѣтствовали гораздо большему развитію городской жизни, чѣмъ какого достигла Россія къ концу 50-хъ годовъ; все это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Развѣ эта ссылка на данный историческій фактъ можетъ уничтожить выводъ, опирающійся на другой историческій фактъ, свидѣтельствующій о томъ, что въ другой странѣ и при другихъ общественныхъ условіяхъ могъ произойти крупный общественный переломъ безъ сколько-нибудь замѣтнаго участія въ немъ давленія со стороны стѣсненныхъ въ своемъ развитіи промышленныхъ силъ? А, вѣдь, въ этомъ именно выводѣ и заключается въ данномъ случаѣ все дѣло. Указаніе на огромную революціонную роль развитія производительныхъ силъ въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ, или даже во всѣхъ случаяхъ, когда это развитіе имѣетъ мѣсто, нисколько не уменьшаетъ значенія нашего вывода, такъ какъ сущность разсматриваемой революціонной теоріи заключается не въ признаніи или непризнаніи революціонной роли развитія производительныхъ силъ (на этотъ счетъ, съ тѣми или другими оговорками, могутъ согласиться между собой представители всѣхъ революціонныхъ теченій), а въ признаніи или непризнаніи за экономическимъ развитіемъ значенія главнаго или даже единственнаго источника общественныхъ движеній. Если же отнять у этой теоріи ея всеобщность и исключительность, то вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и обязательный характеръ всѣхъ ея выводовъ. Сказать, что развитіе производительныхъ силъ ведетъ за собой накопленіе въ странѣ революціонныхъ элементовъ, — это — одно дѣло; а сказать, что источники всякаго общественнаго движенія необходимо связаны съ ростомъ производительныхъ силъ, это — совсѣмъ другое дѣло. Первый выводъ заставляетъ искать въ общественной средѣ, охваченной промышленнымъ движеніемъ, болѣе и менѣе подготовленныхъ элементовъ общественнаго переворота. Второй выводъ заставляетъ оставлять въ сторонѣ, какъ индифферентные или даже антиреволюціонные, всѣ общественные элементы, не связанные съ промышленнымъ развитіемъ страны. И эта исключительность необходимо возводится тогда въ принципъ; она вытекаетъ изъ теоретическаго обоснованія данной революціонной программы.

Указывая на отсутствіе давленія со стороны производительныхъ силъ въ нашемъ дореформенномъ движеніи, мы

имѣли въ виду не оспаривать революціонное значеніе всякаго экономическаго развитія—это совсѣмъ особый вопросъ,—а противопоставить данной теоріи общественныхъ движеній противорѣчащій ей конкретный историческій фактъ. Единственнымъ возраженіемъ противъ этого факта могло быть только отрицаніе его исторической важности, низведеніе его на степень чисто второстепеннаго, побочнаго историческаго явленія. Но такой взглядъ на крестьянскую реформу 61-го года врядъ-ли рѣшатся отстаивать даже самые крайніе сторонники „экономическаго матеріализма". Размѣры всякаго историческаго явленія опредѣляются не сравненіемъ его съ болѣе крупными событіями другихъ странъ, а его собственнымъ значеніемъ въ ходѣ общественной эволюціи данной страны. Но съ этой точки зрѣнія паденіе крѣпостного права, несомнѣнно, имѣло для Россіи значеніе настоящаго общественнаго переворота, и этотъ переворотъ долженъ получить особенно крупные размѣры въ глазахъ именно сторонниковъ экономическаго матеріализма, такъ какъ паденіе крѣпостного права положило у насъ начало нашему промышленному развитію въ формѣ капиталистическаго производства.

Такимъ образомъ, самое появленіе капиталистическаго производства въ Россіи слѣдуетъ приписать, въ послѣднемъ счетѣ, освободительному движенію 1861 года, между тѣмъ какъ само это движеніе отнюдь не можетъ быть приписано развитію производительныхъ силъ.

III.

Всемірный историческій процессъ, охватывающій въ своемъ непрерывномъ движеніи все болѣе и болѣе растущую группу государствъ, все сильнѣе и сильнѣе вліяющихъ другъ на друга въ процессѣ своего развитія, врядъ ли можетъ быть подведенъ подъ какой-либо одинъ историческій законъ, такъ какъ само непрерывное развитіе общественной жизни постоянно создаетъ новыя и новыя общественныя силы, входящія новыми элементами въ составъ историческаго движенія. Вслѣдствіе этого, если не въ раннихъ, то въ позднѣйшихъ фазисахъ всемірно-историческаго процесса, на всякое данное политическое положеніе того или другого общества слѣдуетъ смотрѣть, какъ на новый историческій фактъ, какъ на новую комбинацію общественныхъ условій и силъ, еще никогда не встрѣчавшуюся въ прежнихъ фазисахъ исторической жизни. Вотъ почему нѣтъ ничего уди-

вительнаго, что при анализѣ политическаго положенія Россіи, вызвавшаго крестьянскую реформу 61-го года и затѣмъ созданнаго самой этой реформой, мы наталкиваемся на особенности, свойственныя именно данному обществу и данному періоду общественной эволюціи.

Такъ, мы уже видѣли, что россійская абсолютная, полуазіатская монархія сумѣла хорошо приспособиться къ самому новѣйшему фазису западно-европейской промышленной жизни, сумѣла выйти изъ финансового кризиса, учетверить свой бюджетъ и замѣнить свое прежнее, дореформенное хищничество и казнокрадство капиталистической формой эксплоатаціи земледѣльческаго населенія. Нельзя не подивиться тому искусству, съ какимъ были пущены при этомъ въ ходъ всѣ новѣйшія орудія, выработанныя западно-европейскимъ промышленнымъ развитіемъ: желѣзныя дороги, банки, косвенные налоги и, наконецъ, (путемъ покровительства крупной промышленности) машинное производство. Но всѣ эти усовершенствованные способы эксплоатаціи являлись у насъ не результатомъ внутренняго экономическаго роста, какъ на Западѣ, а были перенесены на нашу дѣвственную почву въ качествѣ простыхъ фискальныхъ орудій: они были какъ бы оторваны искусственно отъ западно-европейской промышленной системы, чтобы служить у насъ не промышленной, а чисто фискальной цѣли: правительственной эксплоатаціи народныхъ массъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они послужили также и еще одной цѣли: они явились орудіями первоначальнаго накопленія для нашей нарождавшейся буржуазіи, причемъ ту роль, какую играло на Западѣ, въ XV и XVI вѣкахъ, туземное населеніе тропическихъ колоній, сыграло у насъ наше только-что освобожденное крестьянство.

Не слѣдуетъ думать, чтобы при всѣхъ своихъ экономическихъ преобразованіяхъ наше правительство, дѣйствительно, ставило своею задачей повышеніе экономическаго уровня страны. Оно заботилось прежде всего объ увеличеніи своего бюджета. Операціоннымъ базисомъ и объектомъ его финансовой политики было все то же земледѣльческое производство, какъ это давно уже выяснено (и не опровергнуто „Очерками пореформеннаго хозяйства" Николая—она.

Распашка до полнаго истощенія почвы всѣхъ надѣльныхъ и арендованныхъ земель нашимъ многомилліоннымъ крестьянствомъ: продажа имъ максимальнаго количества хлѣба и сокращеніе до минимума его собственнаго бюджета — вотъ истинный источникъ финансоваго и военнаго

могущества нашего пореформеннаго государства. Это была чисто хищническая эксплуатація прежнихъ же народныхъ производительныхъ силъ, при помощи желѣзныхъ дорогъ и кредитныхъ учрежденій, путемъ выколачиванія податей и огромныхъ налоговъ на потребленіе. Промышленное развитіе явилось при этомъ какъ бы побочнымъ продуктомъ, въ непосредственной связи съ внѣшними займами и грандіознымъ казнокрадствомъ. Шестидесятые и семидесятые годы нашей пореформенной экономической жизни были, какъ извѣстно, наполнены желѣзнодорожными концессіями, колоссальнымъ разграбленіемъ башкирскихъ и кавказскихъ земель и банкирскими операціями; — и за это именно время цѣлые милліарды народныхъ денегъ были пущены у насъ въ капиталистическое обращеніе, но не путемъ какихъ-либо производительныхъ операцій, а благодаря самому примитивному расхищенію казны; они просто были разворованы и разошлись по карманамъ концессіонеровъ и казенныхъ подрядчиковъ. Другіе милліарды были пріобрѣтены нашей нарождавшейся буржуазіей путемъ торговой эксплуатаціи: скупкой крестьянскаго хлѣба и перепродажей помѣщичьихъ земель и лѣсовъ. На этой почвѣ нещаднаго правительственнаго грабежа и полнаго разоренія земледѣльческаго населенія и выросла наша капиталистическая промышленность. Такова ея первоначальная исторія, которая не могла не оказать вліянія и на все ея дальнѣйшее развитіе.

Наша капиталистическая промышленность носитъ на себѣ неизгладимые слѣды своего происхожденія. Ея сходство съ западно-европейскимъ капитализмомъ во многихъ отношеніяхъ только внѣшнее. Это всего болѣе отражается на политической физіономіи нашей буржуазіи. Будучи дѣтищемъ или, даже скорѣе, побочнымъ продуктомъ деспотическаго режима, она находится въ полной зависимости отъ него во всемъ, что касается ея экономической жизни; она обязана ему не только источниками своего первоначальнаго накопленія, но также и искусственнымъ охраненіемъ всего ея экономическаго существованія, созданіемъ для нея совершенно искусственныхъ внутреннихъ экономическихъ условій. Нѣтъ сомнѣнія, что и западно-европейскій капитализмъ постоянно нуждается въ государственной поддержкѣ: охранительныхъ пошлинахъ, колоніальныхъ войнахъ и т. д. Но несомнѣнно также и то, что только деспотическій режимъ способенъ создать и поддерживать тѣ внутреннія экономическія условія, при которыхъ процвѣтаетъ у насъ капита-

листическое производство: чтобы затрачивать милліарды на желѣзныя дороги и казенные заказы при умирающемъ съ голода населеніи; чтобы заставлять это буквально умирающее съ голода населеніе платить двойную и тройную цѣну за предметы первой необходимости: желѣзныя издѣлія, бумажныя ткани, сахаръ или каменный уголь; чтобы при этомъ еще уплачивать огромныя, многомилліонныя субсидіи и вывозныя преміи нашимъ заводчикамъ,—для всего этого безусловно необходимо, чтобы земледѣльческая масса была лишена всякаго представительства, чтобы она была политически придавлена и безгласна. При малѣйшемъ проблескѣ политической свободы эта чудовищная система должна рухнуть; а, между тѣмъ, на этой именно системѣ и зиждется нашъ капитализмъ. Онъ не только взрощенъ и взлелѣянъ ею, но она еще и до сихъ поръ безусловно необходима для него, ибо наша буржуазія лишена всѣхъ тѣхъ свойствъ, которыя западно-европейская буржуазія должна была пріобрѣсти на почвѣ болѣе нормальныхъ политическихъ условій и потому не способна конкурировать съ ней на нашемъ внутреннемъ рынкѣ. Она не способна сама поддерживать свое привиллегированное экономическое положеніе въ странѣ, силою одного своего капитала, а потому безусловно нуждается въ сохраненіи существующаго политическаго режима.

Второе несходство въ политическомъ положенія нашей буржуазіи, по сравненію съ западно-европейской, заключается въ ея, такъ сказать, паразитной роли по отношенію къ государству. Мы видѣли, что наше пореформенное государство основало свое военное могущество и весь свой громадный, болѣе чѣмъ полуторамилліардный бюджетъ на крестьянскомъ хозяйствѣ. Вслѣдствіе этого, экономически, оно стоитъ почти внѣ всякой зависимости отъ городской индустріи. Его доходы съ торговли и промышленности равнялись въ 1898 г. только 62 милліонамъ; его таможенные доходы, правда, даютъ ему болѣе крупную сумму, около 220 милліоновъ рублей, но такъ какъ весь нашъ ввозъ покрывается вывозомъ продуктовъ сельскаго хозяйства и добывающей промышленности, то ими, слѣдовательно, а не обрабатывающей промышленностью опредѣляются размѣры нашего ввоза и доходность таможенныхъ пошлинъ. Такимъ образомъ, экономически, наше государство нисколько не подчинено буржуазіи, нисколько не зависитъ отъ ея вкладовъ въ бюджетъ. Наше пореформенное государство не могло, конечно, помѣшать зарожденію у насъ буржуазіи, да вовсе и не желало

этого; напротивъ того, оно даже старалось создать всѣ необходимыя для этого условія. Но это было для него, такъ сказать, побочнымъ дѣломъ, сопутствующимъ результатомъ его собственной эксплуатаціи народа, а въ этой эксплуатаціи оно играло и играетъ у насъ до сихъ поръ совершенно самостоятельную роль. Не надо думать, чтобы наше правительство проводило сознательно идею экономическаго развитія государства; такой взглядъ былъ бы наивной идеализаціей деспотическаго режима съ его бюрократіей. Послѣдняя руководится въ своей экономической дѣятельности гораздо болѣе родственными и доступными ей мотивами: казнокрадствомъ и взяточничествомъ. Если наше высшее чиновничество усердствовало и усердствуетъ въ проведеніи желѣзныхъ дорогъ, то, главнымъ образомъ, потому, что получаетъ взятки и дѣлится милліонами съ концессіонерами; если оно создаетъ металлургическую промышленность на югѣ и учреждаетъ акціонерныя компаніи, то прежде всего потому, что само участвуетъ въ баснословныхъ барышахъ, обусловленныхъ казенными подрядами; если оно покровительствуетъ сахарозаводчикамъ и санкціонируетъ ихъ синдикаты, то опять-таки потому, что высокопоставленныя лица состоятъ членами этихъ синдикатовъ, и т. д. Вотъ истинные мотивы и двигатели, связывающіе наше государство съ судьбами нашей крупной промышленности, а вовсе не какая-нибудь сознанная государственная необходимость. Такой необходимости не существуетъ, такъ какъ, фактически, нашъ настоящій государственный строй питается почти исключительно соками нашего голодающаго земледѣльческаго населенія, которое и составляетъ его главную экономическую опору.

Вслѣдствіе этого, въ политическомъ отношеніи наша буржуазія является не органическимъ составнымъ элементомъ этого строя, а какъ-бы наростомъ на немъ, дополнительнымъ паразитомъ, высасывающимъ вмѣстѣ съ нимъ народные соки. Наше пореформенное государство не создано буржуазіей, какъ создано, напримѣръ, западно-европейское государство послѣ революціонной эпохи во Франціи. Тамъ государство и буржуазія органически слились въ одно цѣлое; тамъ буржуазія завладѣла государствомъ и отождествилась съ нимъ. У насъ же, наоборотъ, сама буржуазія создана государствомъ стараго порядка, сохраняющимъ до сихъ поръ свое самостоятельное существованіе и держащимъ эту буржуазію подъ своей правительственной опекой.

Въ этомъ отношеніи представители нашего новѣйшаго капитализма напоминаютъ скорѣе откупщиковъ, генеральныхъ фермеровъ и банкировъ дореволюціонной эпохи, которые въ большинствѣ случаевъ стояли на сторонѣ стараго порядка, такъ какъ съ нимъ были связаны всѣ способы ихъ обогащенія. До какой степени наше монархическое государство не зависимо политически отъ нашей буржуазіи, хорошо можно судить по тому, напримѣръ, съ какой легкостью оно провело въ своихъ собственныхъ интересахъ реформу по продажѣ спиртныхъ напитковъ, отнявъ этимъ уже и теперь у частныхъ предпринимателей болѣе ста милліоновъ прибыли. Да и фабричные законы? Развѣ могло бы такъ легко ихъ провести правительство, зависящее отъ буржуазіи, даже и принимая въ разсчетъ крайнее несовершенство нашего фабричнаго законодательства?

Этою независимостью государства отъ промышленныхъ сферъ и полною зависимостью послѣднихъ отъ государства опредѣляется политическое положеніе нашей буржуазіи, какъ класса; а этимъ политическимъ положеніемъ опредѣляется ея классовая роль въ текущей политической борьбѣ. Вотъ почему наша абсолютная монархія не только не встрѣчаетъ оппозиціи въ рядахъ нашихъ культурныхъ и некультурныхъ Разуваевыхъ, но, напротивъ того, находитъ въ нихъ своихъ вѣрныхъ защитниковъ. Если даже западноевропейская буржуазія стала теперь монархической и клерикальной изъ страха передъ соціализмомъ, то чего же намъ ждать отъ нашего „чумазаго", вскормленнаго на казенныхъ подрядахъ? Вотъ почему также и наши идейные либералы никогда не связывали своихъ политическихъ надеждъ съ буржуазіей, какъ классомъ: они или вѣрили въ просвѣщенную монархію, или сочувствовали втайнѣ революціонной соціалистической партіи. Роль нашей буржуазіи внутри государства до такой степени лишена всякихъ политическихъ сторонъ, что къ ней слишкомъ трудно пріурочить какую-нибудь политическую идеологію; она при самомъ своемъ появленіи на свѣтъ уже обладала худшими изъ тѣхъ свойствъ, какія западно-европейская буржуазія пріобрѣла лишь при своемъ политическомъ вырожденіи.

Такимъ образомъ, у насъ въ сущности нѣтъ либеральной *буржуазной* партіи. Всѣ наши либералы въ земствахъ, въ городскихъ думахъ и въ литературѣ держатся, хотя умѣренной, но чисто демократической политики, такъ какъ отстаиваютъ чисто-народные интересы: заботятся о разви-

тіи мѣстнаго самоуправленія, о школахъ, о народной медицинѣ, о помощи переселенческому движенію, о спасеніи голодающихъ и т. д. Буржуазная же партія у насъ вмѣстѣ съ тѣмъ и монархическая, реакціонная. Наше общество раздѣлено въ сущности только на два лагеря: на одной сторонѣ—реакціонеры, поддерживающіе самодержавіе и православіе, а къ нимъ примыкаетъ, какъ классъ, и наша буржуазія; на другой сторонѣ—наша демократическая интеллигенція и все наше рабочее населеніе. Та часть демократической интеллигенціи, которая не примыкаетъ къ революціонной соціалистической партіи и даже отрицаетъ революціонную борьбу, идетъ, тѣмъ не менѣе, рука объ руку съ соціалистическимъ движеніемъ, такъ какъ помогаетъ ему своей культурной работой. Такимъ образомъ, все наше прогрессивное движеніе развивается въ чисто демократическомъ направленіи; оно происходитъ въ интересахъ рабочаго населенія и опирается на интересы рабочаго класса, а потому, по существу своему, оно носитъ болѣе или менѣе соціалистическій характеръ. Внѣ соціализма у насъ нѣтъ въ настоящее время ни одной прогрессивной политической программы.

IV.

Итакъ, анализъ общественныхъ условій, созданныхъ въ Россіи крестьянской реформой, приводитъ насъ къ тому выводу, что прогрессивное политическое движеніе неразрывно связано у насъ съ соціалистическимъ и должно опираться на интересы рабочаго населенія. Отсюда вытекаетъ громадная политическая роль, предстоящая нашему пролетаріату. Благодаря соціалистическому характеру нашего революціоннаго движенія, на нашъ городской пролетаріатъ, еще до появленія въ Россіи соціально-пролетарской революціонной доктрины, уже было обращено усиленное вниманіе нашей революціонной партіи. Въ городскихъ заводскихъ и фабричныхъ центрахъ начало осуществляться у насъ народническое движеніе семидесятыхъ годовъ; среди петербургскихъ, харьковскихъ, кіевскихъ и одесскихъ рабочихъ дѣйствовали позднѣе многіе члены землевольческой и народовольческой организацій; затѣмъ появились соціалъ-демократы. Можно сказать, что кружковая революціонная пропаганда не прекращалась въ нашихъ промышленныхъ центрахъ въ теченіе всѣхъ послѣднихъ тридцати лѣтъ. И вотъ теперь эта революціонная работа, вмѣстѣ съ культурнымъ воздѣй-

ствіемъ самой жизни. начинаетъ приносить плоды, начинаетъ проявляться въ массовыхъ рабочихъ демонстраціяхъ. Городской пролетаріатъ выступаетъ у насъ, наконецъ, на политическую сцену. Чрезвычайно важно поэтому именно для настоящаго серьезнаго и тревожнаго момента опредѣлить, исходя опять-таки изъ условій, созданныхъ реформой 61-го года, какова же должна быть у насъ роль городского пролетаріата въ нашемъ дальнѣйшемъ соціально-революціонномъ движеніи,—чтобы имѣть передъ собой, такъ сказать, теоретическую руководящую нить въ этомъ движеніи. Мы знаемъ, конечно, что въ періоды приподнятаго революціоннаго настроенія, подобнаго переживаемому нами теперь, не теоретическія соображенія, а событія руководятъ людьми и партіями. Но, съ другой стороны, теоретическія соображенія всегда сохраняютъ за собой извѣстное вліяніе, способное противодѣйствовать тѣмъ или другимъ возможнымъ увлеченіямъ.

Прежде всего мы должны обратить вниманіе на размѣры нашего городского пролетаріата, отъ которыхъ, конечно, зависитъ и сила городского рабочаго движенія. Мы уже видѣли, на какой скудной почвѣ выросла наша капиталистическая промышленность. Ея первоначальный основной и оборотный капиталъ былъ извлеченъ изъ производительныхъ средствъ крестьянскаго населенія. Въ то же время, главнымъ рынкомъ, на который она опиралась въ своемъ развитіи и опирается до сихъ поръ, является нашъ внутренній рынокъ, т. е. преимущественно ежегодный доходъ подорваннаго въ своихъ производительныхъ силахъ крестьянскаго хозяйства и затѣмъ безконечные внѣшніе займы, покрывающіе расходы на казенные постройки и заказы.

Такая скудная и искусственно создаваемая почва не могла, разумѣется, принести обильныхъ плодовъ, а потому размѣры нашей промышленности и численность нашего городского пролетаріата сравнительно еще очень незначительны. Если принять въ разсчетъ населеніе только одной Европейской Россіи, то относительный размѣръ нашего рабочаго контингента въ $4^1/_2$ раза уступаетъ численности германскаго пролетаріата [1]). Въ четыре съ половиной раза меньшій

[1]) По даннымъ 1895 г., въ Германіи, при населеніи въ 53.324.000 душъ, насчитывалось до 4.518.000 рабочихъ, занятыхъ въ крупной промышленности; у насъ, въ 1897 г., при населеніи Европейской Россіи въ 115.475.000 душъ, насчитывалось такихъ рабочихъ 2.098.000.

контингентъ городского пролетаріата! Это—очень крупный недочетъ. Чтобы нагляднѣе представить себѣ эту разницу, стоитъ только предположить, что въ Германіи, при населеніи въ 53 милліона, было бы всего 1.010.000 фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ; или же, наоборотъ, что въ Россіи было бы теперь уже около $9^1/_2$ милліоновъ городскихъ рабочихъ. Во Франціи, въ 1848 г., отношеніе промышленнаго рабочаго населенія къ земледѣльческому не было, вѣроятно, менѣе благопріятнымъ для городского революціоннаго движенія, чѣмъ у насъ въ настоящее время [1]), и, тѣмъ не менѣе, это движеніе было скоро подавлено, благодаря индифферентному или антиреволюціонному настроенію крестьянскихъ массъ. Мы знаемъ, конечно, что экономическое положеніе и настроеніе нашего крестьянства не могутъ быть сравниваемы съ положеніемъ и настроеніемъ французскаго деревенскаго населенія той эпохи. Французское крестьянство довольно широко воспользовалось соціальными результатами революціи 1789 г.; мы знаемъ, что ближайшій экономическій переворотъ, произведенный этой революціей, произошелъ въ значительной степени въ его интересахъ. «Всѣ свидѣтельства,—пишетъ М. Ковалевскій [2]),—сходятся въ признаніи, что въ годы, непосредственно слѣдовавшіе за пережитымъ Франціею переворотомъ, состояніе французскаго земледѣлія было значительно выше того, какое Юнгъ отмѣтилъ въ своихъ путешествіяхъ по Франціи". По словамъ самого Юнга, „революція отразилась самымъ благопріятнымъ образомъ на участи бывшихъ оброчныхъ крестьянъ, сдѣлавшихся независимыми владѣльцами своихъ надѣловъ" [3]). Такимъ образомъ, экономически, революція 1789 г. заключалась прежде всего въ освобожденіи не городского, а сельскаго производства; цеховая монополія была уничтожена Учредительнымъ Собраніемъ, т. е. уже восторжествовавшей революціей, между тѣмъ какъ феодальныя права были разрушены самимъ переворотомъ. Это лучше всего указываетъ на то, кого революція 1789 г. имѣла своимъ главнымъ

---

[1]) На этотъ счетъ трудно привести точныя данныя, такъ какъ статистика распредѣленія населенія по профессіямъ велась тогда во Франціи очень несовершенно. Въ 1851 г., на каждые 10.000 жителей считалось занятыми земледѣліемъ 5.687 человѣкъ (вмѣстѣ съ семьями), промышленностью и торговлей—2.768 человѣкъ, либеральными профессіями—1115.

[2]) Происхожденіе современной демократіи, т. I, стр. 163.

[3]) Ibid.

противникомъ, и въ комъ состояла ея главная массовая сила. Сила эта заключалась въ значительной степени въ возставшемъ крестьянствѣ [1]), которое и воспользовалось, по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ, въ своихъ интересахъ совершившимся переворотомъ. Земли, пріобрѣтенныя тогда французскимъ крестьянствомъ, довольно надолго обезпечили ему сравнительное матеріальное благосостояніе, что, въ свою очередь, должно было отозваться на его политическомъ настроеніи. Благодаря этому, какъ въ 1848 г., такъ и позднѣе, французская деревня, хотя и разоряемая ипотекой, представляла собой очень благопріятную почву для политическихъ интригъ всѣхъ реакціонныхъ партій. Наше крестьянство, несомнѣнно, находится въ другомъ положеніи; въ самомъ важномъ пунктѣ, т. е. въ своемъ экономическомъ положеніи и въ формахъ своего землевладѣнія, оно представляетъ въ извѣстномъ смыслѣ антитезу французскаго мелкаго собственника первой половины XIX вѣка; оно скорѣе напоминаетъ въ этомъ отношеніи французское крестьянство дореволюціонной эпохи. Отсюда слѣдуетъ, конечно, заключить, что и его политическая роль будетъ противоположна той, какую играло въ XIX вѣкѣ французское крестьянство, т. е. что оно не будетъ подавлять своимъ политическимъ индифферентизмомъ городское рабочее движеніе.

Но этотъ выводъ нисколько не уменьшаетъ значенія тѣхъ соображеній, которыя непосредственно вытекаютъ изъ приведенныхъ нами фактическихъ данныхъ относительно сравнительной малочисленности нашего городского рабочаго населенія; напротивъ того, этотъ выводъ говоритъ скорѣе въ ихъ пользу. Въ самомъ дѣлѣ, на основаніи этихъ чисто фактическихъ данныхъ о размѣрахъ нашего городского пролетаріата, а, слѣдовательно, и возможныхъ размѣрахъ нашего городского движенія слѣдуетъ прежде всего придти къ заключенію о необходимости для послѣдняго быть поддержаннымъ крестьянскимъ движеніемъ, такъ же какъ было поддержано французское городское движеніе крестьянствомъ въ 1789 году. До сихъ поръ теоретическая защита исклю-

[1]) «Та муниципальная революція,—говоритъ Оларъ,—которую вызвало взятіе Бастиліи во Франціи, въ іюлѣ и въ августѣ 1789 г., сначала въ городахъ, а потомъ въ деревняхъ, была капитальнымъ фактомъ среди другихъ фактовъ, подготовившихъ торжество демократіи и провозглашеніе республики» (Aulard, Histoire politique de la Révolution française).

чительно-пролетарской революціонной программы обыкновенно опиралась у насъ на соображеніе о неизбѣжномъ численномъ ростѣ нашего городского пролетаріата, вмѣстѣ съ неизбѣжнымъ развитіемъ крупной промышленности. Съ этою цѣлью было выдвинуто даже особое ученіе о независимости размѣровъ капиталистической промышленности отъ рынковъ. Но въ данный моментъ этотъ спорный вопросъ теряетъ свое значеніе, такъ какъ дѣло идетъ уже о начавшемся массовомъ движеніи и о тѣхъ размѣрахъ пролетаріата, въ какихъ застигла его уже *начавшаяся* политическая борьба. И, вотъ, все заставляетъ насъ думать, что въ виду именно ограниченныхъ размѣровъ нашего городского пролетаріата и обусловленныхъ ими размѣровъ возможнаго у насъ городского рабочаго движенія, для него было бы въ высшей степени важно оказаться не изолированнымъ отъ крестьянства, а, напротивъ того, найти въ немъ своего союзника. Но если бы наше крестьянство находилось въ томъ же положеніи, како заняло французское въ послѣ-революціонный періодъ, еслибы оно представляло собою ту индифферентную и спокойную массу, на которую могли бы опереться революціонныя партіи, то тогда всякіе разговоры о союзѣ съ нимъ были бы безполезны, такъ какъ достиженіе этого союза было бы практически неосуществимо. Вотъ почему мы и имѣли основаніе сказать, что отсутствіе аналогіи между французскимъ крестьяниномъ эпохи 1848 г., подавившимъ городское движеніе, и нашимъ, несущимъ на себѣ всю тяжесть существующаго государственнаго строя, говоритъ только въ пользу защищаемаго нами тезиса о необходимости для нашего городского рабочаго движенія искать теперь же поддержки и союзника въ нашемъ малоземельномъ и безземельномъ крестьянствѣ.

Что же можетъ быть выставлено противъ этого тезиса? Соображеніе о неотложныхъ потребностяхъ данной минуты, о невозможности ставить революціонной задачей расширеніе движенія въ моментъ политическаго кризиса, когда всѣ наличныя силы должны быть направлены на нанесеніе одного рѣшительнаго удара. Съ этой точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія не эволюціоннаго процесса, а *революціоннаго момента*, разсматриваемый нами вопросъ устраняется самимъ положеніемъ вещей. Мы можемъ обсуждать его только въ виду извѣстной революціонной программы, предполагающей болѣе или менѣе продолжительную революціонную дѣятельность и связанное съ нею развитіе самой революціонной

партіи, расширеніе области ея вліянія. Только въ этомъ смыслѣ и можетъ идти рѣчь о необходимости для нашего городского движенія искать для себя теперь-же опоры въ оппозиціонномъ настроеніи крестьянскихъ массъ. Признаніе этой необходимости вовсе не предполагаетъ какой-либо остановки въ начавшейся политической борьбѣ. Въ дѣятельности революціонной партіи всегда имѣются двѣ стороны: непосредственные удары, наносимые ею противнику, и агитаціонныя задачи въ виду развитія ея собственныхъ силъ. Вопросъ, разсматриваемый нами, касается того, въ какомъ направленіи должна происходить теперь эта вторая сторона революціонной дѣятельности: должна-ли она быть замкнута въ среду городского пролетаріата или же выйти изъ нея и распространиться на крестьянскія массы?

Всѣ высказанныя нами соображенія клонятся къ тому, чтобы обосновать второе рѣшеніе, какъ болѣе соотвѣтствующее, съ одной стороны, численнымъ силамъ нашего городского пролетаріата, а съ другой—экономическому и политическому положенію нашего крестьянства. Если послѣднему суждено у насъ, въ силу стихійныхъ соціальныхъ условій, играть въ борьбѣ съ самодержавіемъ ту роль, какую играло во Франціи крестьянство въ 1789 г., то это предположеніе неизбѣжно должно вести за собою признаніе необходимости для революціонной партіи сознательнаго вліянія на крестьянскую среду. Въ противномъ случаѣ придется допустить, что крестьянская среда не нуждается, чтобы примкнуть къ революціонному движенію, въ томъ предварительномъ идейномъ воздѣйствіи, въ какомъ нуждался и нуждается до сихъ поръ городской пролетаріатъ.

Что касается того огромнаго количества революціонныхъ силъ, которое потребуется для революціонной пропаганды и агитаціи въ деревнѣ, то легко видѣть, что количество этихъ силъ обезпечивается самымъ ростомъ городского рабочаго движенія, при сохраняющихся связяхъ нашихъ городскихъ рабочихъ съ деревней и при постоянныхъ высылкахъ рабочихъ, замѣшанныхъ въ городскихъ безпорядкахъ, на родину.

Надо только, чтобы наши рабочія организаціи признали революціонное воздѣйствіе на деревню одной изъ своихъ насущныхъ и неотложныхъ задачъ, какъ это уже начинаетъ признаваться нѣкоторой частью соціалъ-демократической литературы послѣдняго времени. Такъ, въ одной изъ статей Плеханова въ первомъ выпускѣ „Зари“ можно прочесть

слѣдующія строки: „Но, вѣдь, кромѣ *промышленныхъ* рабочихъ есть еще и *сельскохозяйственные*. Таковыми являются тѣ изъ крестьянъ, которые по незначительности своего земельнаго надѣла живутъ *продажей своей рабочей силы*. Эти крестьяне—тѣ же пролетаріи, и горе намъ, если мы забудемъ объ этомъ". [1])

Итакъ, какова же должна и можетъ быть роль нашего городского пролетаріата въ уже начавшейся массовой борьбѣ съ самодержавіемъ? Намъ нечего говорить, что всякія опредѣленія такого рода имѣютъ лишь относительную цѣну. Быть можетъ, дѣйствительность оправдаетъ болѣе оптимистическій взглядъ, и наше самодержавіе рухнетъ подъ напоромъ одного городского движенія. Тогда революціонное воздѣйствіе на нашу деревню будетъ происходить при условіяхъ хоть какой-нибудь конституціонной свободы. Но здравая политика требуетъ не уменьшать трудности предстоящей задачи, а скорѣе разсчитывать на болѣе опасную и тяжелую борьбу, для успѣха которой потребуются большія резервныя силы,—въ данномъ случаѣ, силы нашего малоземельнаго и обезземеленнаго крестьянства. Съ этой точки зрѣнія, политическая роль нашего городского пролетаріата можетъ быть опредѣлена скорѣе, какъ роль революціоннаго авангарда въ массовой борьбѣ съ самодержавіемъ и какъ проводника политической пропаганды и агитаціи въ крестьянскую среду съ цѣлью возможнаго расширенія начинающагося массового революціоннаго движенія.

---

[1]) «Еще разъ соціализмъ и политическая борьба». стр. 27.

II.

ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ и РЕВОЛЮЦІЯ.

Къ вопросу о роли интеллигенціи въ революціонномъ движеніи[1]).

(Изъ замѣтокъ и воспоминаній стараго народника).

Прошлымъ лѣтомъ мнѣ пришлось присутствовать на рефератѣ одного изъ русскихъ эмигрантовъ въ Парижѣ. Дѣло происходило въ рабочемъ кабачкѣ Сэнтъ-Антуанскаго предмѣстья подъ вывѣской „Серебрянаго Дьявола". Ораторъ знакомилъ слушателей съ исторіей русскаго революціоннаго движенія. Это былъ сжатый набросокъ нашихъ главнѣйшихъ революціонныхъ теченій, смѣнявшихъ одно-другое за послѣдніе 25—30 лѣтъ, причемъ референтъ обнаружилъ основательное знакомство съ фактической стороной дѣла. Вообще, это была интересная и продуманная рѣчь, производившая тѣмъ болѣе пріятное впечатлѣніе, что она исходила отъ революціонера новаго поколѣнія, знакомаго съ первоначальными фазисами движенія не по личнымъ воспоминаніямъ, а въ значительной степени по печатнымъ или писанымъ матеріаламъ. Основательное знакомство при такихъ условіяхъ съ нашимъ революціоннымъ прошлымъ будетъ, конечно, оцѣнено по достоинству всякимъ, кому извѣстно. какіе огромные пробѣлы замѣчаются въ этомъ отношеніи въ умственномъ багажѣ нашей революціонной молодежи, и какъ трудно ей заполнить эти пробѣлы при разбросанности и недостаточности имѣющейся въ ея распоряженіи революціонной литературы.

Меня особенно заинтересовала въ этомъ рефератѣ характеристика движенія 70-хъ годовъ, знакомаго мнѣ отчасти по личнымъ воспоминаніямъ. Такъ какъ со стороны рефе-

---

[1]) «Вѣстникъ русской революціи», 1902 г., № 2. Ред.

рента эта характеристика являлась попыткой чисто объективнаго, теоретическаго выясненія причинъ и особенностей даннаго движенія, то здѣсь представлялся, слѣдовательно, хорошій случай для провѣрки теоретическихъ выводовъ непосредственными впечатлѣніями и обратно.

Выводы референта, убѣжденнаго соціалъ-демократа, совпадали въ общемъ, какъ и слѣдовало ожидать, съ основными теоретическими положеніями историко-экономической школы. Всѣ главнѣйшія особенности первоначальныхъ стадій русскаго революціоннаго движенія связывались въ его глазахъ съ причинами экономическаго характера и являлись прямымъ результатомъ недостаточнаго промышленнаго развитія дореформенной Россіи. Такъ, напримѣръ, ясно выраженный *соціалистическій* характеръ русскаго революціоннаго движенія, присущій ему до извѣстной степени еще со временъ декабристовъ, объяснялся въ рефератѣ слабымъ развитіемъ у насъ третьяго сословія въ западно-европейскомъ смыслѣ. Этимъ же объяснялся референтомъ и первоначальный личный составъ нашей революціонной партіи съ преобладаніемъ въ ней выходцевъ изъ дворянской и чиновнической среды, а также представителей нашей разночинной интеллигенціи. Та политическая роль, какую сыграла въ Западной Европѣ буржуазія, выпала у насъ, за отсутствіемъ послѣдней, на долю однихъ только идеологическихъ общественныхъ элементовъ. Съ другой стороны, въ силу той же самой экономической отсталости Россіи, почти все ея рабочее населеніе было занято земледѣльческимъ трудомъ: отсюда—неизбѣжное увлеченіе революціонеровъ крестьянской народной массой. Наконецъ, индифферентизмъ къ политикѣ и отрицательное отношеніе къ государству, увлеченіе проповѣдью Бакунина, какъ одна изъ особенностей нашего революціоннаго движенія начала 70-хъ годовъ, выводились референтомъ опять-таки изъ отсутствія въ тогдашней Россіи городского пролетаріата, организованнаго крупной промышленностью, и изъ вытекавшей отсюда необходимости обратиться къ непосредственнымъ идеаламъ самого крестьянства, къ его общиннымъ и артельнымъ инстинктамъ, въ связи съ предполагавшимся въ немъ враждебнымъ отношеніемъ къ государству.

Таково было, въ самыхъ общихъ чертахъ, разумѣется, объясненіе, данное референтомъ революціонному движенію начала 70-хъ годовъ въ Россіи, со всѣмъ его горячимъ юношескимъ увлеченіемъ, съ его страстнымъ порывомъ къ

сліянію съ народомъ и съ тѣмъ огромнымъ запасомъ революціонной энергіи, который оно, какъ извѣстно, обнаружило впослѣдствіи.

Это объясненіе, взятое само по себѣ, не лишено, конечно, извѣстнаго научнаго значенія, такъ какъ указываетъ на одну изъ крупныхъ особенностей въ условіяхъ русскаго общественнаго развитія, а, слѣдовательно, и на одну изъ причинъ того особаго характера, какой приняло у насъ революціонное движеніе. Но нельзя не видѣть, однако, что это объясненіе не охватываетъ собою всего поставленнаго вопроса. Оно отвѣчаетъ скорѣе на вопросъ о томъ, почему первоначальное революціонное движеніе въ Россіи не было аналогично западно-европейскимъ революціоннымъ движеніямъ, и почему оно не развивалось у насъ согласно извѣстнымъ, опредѣленнымъ, заранѣе установленнымъ нормамъ,—нежели на вопросъ, почему, вообще, возникло въ Россіи революціонное движеніе въ тѣхъ своихъ конкретныхъ, жизненныхъ формахъ, которыя именно и должны были бы подлежать историческому объясненію. На вопросъ, почему данное революціонное движеніе получило такой-то личный составъ и приняло такое-то опредѣленное направленіе, намъ говорятъ лишь о томъ, почему это движеніе не могло имѣть того личнаго состава, какой имѣли революціонныя движенія въ Западной Европѣ, и почему оно не могло принять у насъ такого же или аналогичнаго имъ направленія. Но очевидно, что при подобномъ отвѣтѣ остаются все-таки невыясненными тѣ основныя внутреннія причины, которыми было вызвано данное революціонное движеніе въ странѣ со всѣми присущими ему особенностями.

Легко замѣтить, что историческія объясненія, подобныя вышеприведенному, всегда носили у насъ въ значительной степени чисто полемическій характеръ и преслѣдовали, главнымъ образомъ, чисто полемическія цѣли. Въ основѣ ихъ всегда лежало скрытое желаніе подтвердить извѣстный историческій тезисъ, согласно которому только одни революціонныя движенія, опирающіяся на промышленное развитіе и на вызванныя имъ классовыя общественныя силы, способны были бы имѣть дѣйствительно серьезное историческое значеніе. Если исходить изъ этого основного тезиса экономическаго матеріализма, то тогда очевидно, что уже одного простого указанія на очень слабо выраженный классовой характеръ революціоннаго движенія начала 70-хъ годовъ въ Россіи съ его смѣшаннымъ и неопредѣленнымъ

личнымъ составомъ было бы достаточно, чтобы вполнѣ охарактеризовать это движеніе съ разсматриваемой точки зрѣнія и произнесть надъ нимъ тотъ суровый приговоръ, который еще не очень давно было принято произносить у насъ надъ первыми и самыми трудными стадіями нашей медленно развивавшейся революціонной борьбы. Но надо замѣтить, что въ данномъ случаѣ референтъ далеко не стоялъ на этой точкѣ зрѣнія: онъ вовсе не стремился доказать, что всѣ предшествовавшія стадіи революціоннаго движенія въ Россіи, вплоть до появленія у насъ соціалъ-демократической программы, были лишь одной сплошной исторической ошибкой. Напротивъ того, онъ исходилъ изъ основной мысли о преемственной связи соціалъ-демократическаго движенія въ Россіи со всѣми предшествовавшими стадіями нашей революціонной борьбы и имѣлъ въ виду установить въ своемъ рефератѣ именно эту преемственную связь, признавая тѣмъ самымъ постепенно накопленіе и суммированіе въ движеніи всѣхъ его предшествовавшихъ положительныхъ результатовъ. Но въ такомъ случаѣ очевидно, что объясненіе, данное референтомъ, не охватывало собою тѣхъ именно сторонъ русскаго революціоннаго движенія 70-хъ годовъ, которыми обусловливались его положительные результаты, а, слѣдовательно, и его преемственная связь со всѣмъ послѣдующимъ движеніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что въ объясненіи референта главную роль играло *отсутствіе* извѣстныхъ условій въ русской общественной жизни данной эпохи: отсутствіе крупной промышленности, отсутствіе буржуазіи, отсутствіе городского пролетаріата. Но ясно, что отсутствіемъ тѣхъ или другихъ условій въ общественной жизни данной страны не можетъ быть объяснено никакое революціонное движеніе. Если наличность городского пролетаріата можетъ служить объясненіемъ происхожденія въ странѣ революціоннаго движенія, то отсутствіе городского пролетаріата могло бы только служить объясненіемъ *отсутствія* революціоннаго движенія въ этой странѣ, а никакъ не того, что оно приняло въ ней то или другое направленіе. Для того, чтобы революціонное движеніе могло принять какое бы то ни было направленіе, необходимо, чтобы, помимо тѣхъ или другихъ отрицательныхъ признаковъ, оно обладало какими-нибудь положительными свойствами, какими-нибудь собственными внутренними силами, которыми и опредѣлялось бы его направленіе въ извѣстныхъ болѣе или менѣе тѣсныхъ рам-

кахъ, очерченныхъ для него его отрицательными признаками. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно ссылки референта на отсутствіе въ Россіи третьяго сословія, какъ классовой политической силы: одно это отсутствіе ни въ какомъ случаѣ не могло бы служить причиной появленія у насъ внѣ-классового революціоннаго движенія. Очевидно, что объясненія этого внѣ-классового движенія приходится искать въ другихъ сторонахъ общественной жизни, не охватываемыхъ процессомъ промышленнаго развитія.

По этому поводу здѣсь кстати будетъ припомнить оживленные и продолжительные теоретическіе дебаты, происходившіе въ карійской политической тюрьмѣ въ началѣ 1881 года, когда тамъ только-что встрѣтились лицомъ къ лицу представители различныхъ революціонныхъ теченій. Карійская тюремная колонія была въ то время очень многолюдна. Кромѣ осужденныхъ на каторгу женщинъ, жившихъ въ отдѣльномъ зданіи (Армфельдъ, Ковалевская, Лешернъ, Кутитонская и Сарандовичъ), въ мужской политической тюрьмѣ помѣщалось тогда въ двухъ огромныхъ камерахъ стараго уголовнаго острога, на Средней Карѣ, около ста политическихъ ссыльныхъ, причемъ большинство изъ нихъ недавно передъ тѣмъ прибыло изъ Россіи. Это были осужденные по харьковскимъ, одесскимъ и кіевскимъ процессамъ 1879 и 1880 гг.: Попко, Ѳомичевъ, Яцевичъ, Волошенко, Юркевичъ, Поповъ, Жуковъ и др.

Когда, осенью 1878 г., шестеро изъ осужденныхъ по процессу 193-хъ [1]) были привезены на Кару, они застали тамъ всего на всего только восьмерыхъ политическихъ ссыльныхъ [2]). Но вскорѣ послѣ того, какъ извѣстно, послѣдовали одинъ за другимъ крупные политическіе процессы въ разныхъ концахъ Россіи и со многими смертными приговорами и большимъ числомъ осужденныхъ на каторгу: тогда стала быстро переполняться и наша карійская политическая тюрьма. Начинался второй періодъ въ развитіи политической драмы 70-хъ годовъ. Послѣ процесса 193-хъ, закончившаго собою первый періодъ, революціонное движе-

---

[1]) Чарушинъ, Синегубъ, Союзовъ, Тимофей Квятковскій, Брешковская, Шишко. Остальные изъ приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ (Мышкинъ, Войнаральскій, Рогачевъ, Коваликъ и Сажинъ) были отправлены въ харьковскія центральныя тюрьмы.

[2]) Успенскій, Евг. Семяновскій, Ст. Богдановъ, Бибергалъ, Терентьевъ, Тефтулъ, Зах. Богдановъ и А. Кузнецовъ, уже жившій тогда, впрочемъ, на положеніи полусвободнаго человѣка.

nie, какъ извѣстно, рѣзко измѣнило свой первоначальный характеръ; та скрытая революціонная энергія, которая съ самаго начала таилась въ этомъ движеніи, несмотря на его мирныя, повидимому, внѣшнія формы, стала проявляться тогда съ неудержимою силою и съ чисто революціонной, такъ сказать, логикой, т. е., не останавливаясь ни передъ какими препятствіями, не сравнивая и не соразмѣряя своихъ силъ съ силами противника. Несмотря на многочисленные аресты, начавшіеся еще съ осени 1873 года, когда были выхвачены изъ движенія такіе видные дѣятели, какъ Синегубъ, Л. Тихомировъ, Чарушинъ, Кропоткинъ, Купреяновъ и нѣкоторые изъ лучшихъ петергургскихъ рабочихъ, несмотря на массовые аресты лѣта 1874 года и на разгромъ всей организаціи Московскаго кружка въ 1875—76 гг., революціонное движеніе начала 70-хъ годовъ не только не было подавлено тогда этими первыми нанесенными ему ударами, но, напротивъ того, именно послѣ этихъ первыхъ ударовъ оно и развернуло всѣ таившіяся въ немъ внутреннія силы, причемъ необходимо замѣтить, что оно попрежнему черпало свои главныя силы изъ того же самаго общественнаго слоя, какъ и въ первую половину 70-хъ годовъ, сохраняя даже въ значительной степени свой прежній личный составъ [1]).

Теперь спрашивается, чѣмъ же объяснялся этотъ огромный запасъ революціонной энергіи, накопившійся въ извѣстномъ слоѣ русскаго общества къ началу 70-хъ годовъ, и въ чемъ надо было бы видѣть причину того страннаго, на первый взглядъ, явленія, что множество людей, вышедшихъ въ большинствѣ случаевъ изъ дворянской и чиновнической среды, были охвачены тогда у насъ революціонными и соціалистическими стремленіями?

Вотъ этотъ именно вопросъ и дебатировался въ карійской политической тюрьмѣ въ тѣхъ спорахъ, о которыхъ я упомянулъ выше. Въ этихъ спорахъ сразу же обнаружились два главныхъ теоретическихъ теченія, изъ которыхъ одно носило явно-марксистскій характеръ. Сильнѣйшимъ пред-

---

[1]) Вотъ далеко, какъ я думаю, неполный списокъ революціонеровъ, игравшихъ выдающуюся роль въ обоихъ фазисахъ движенія 70-хъ годовъ: Перовская, Желябовъ, Кравчинскій, Лизогубъ, Попко, Ковалевская, Зунделевичъ, Тихомировъ, Кибальчичъ, Саблинъ, Фроленко, Ольга Любатовичъ, Морозовъ, Грачевъ, Г. Гельфманъ, Лешернъ, С. Иванова, Т. Лебедева, Якимова, Ланганс, Ю. Богдановичъ, А. Соловьевъ, Чикоидзе, П. Орловъ.

ставителемъ этого теченія былъ В., человѣкъ большихъ умственныхъ способностей и выдающійся діалектикъ. Это былъ первый „марксистъ", встрѣченный мною въ революціонной средѣ. Прямо ссылаясь на Маркса, онъ строго проводилъ тогда во всѣхъ своихъ выводахъ экономическую точку зрѣнія и искалъ въ основѣ всѣхъ историческихъ явленій экономическую подкладку. Такую именно экономическую основу находилъ онъ и въ данномъ случаѣ, когда старался выяснить причину того общественнаго настроенія и тѣхъ общественныхъ свойствъ русской молодежи, которыя обнаружились въ ней еще съ начала 60-хъ годовъ, въ противоположность, напримѣръ, нѣмецкому студенчеству съ его чисто-буржуазной, филистерской окраской. Причина эта заключалась, по его мнѣнію, въ довольно жалкомъ матеріальномъ положеніи русскаго дворянства и чиновничества и въ той довольно жалкой роли, какую они испоконъ вѣковъ играли въ русскомъ государствѣ,—тогда какъ въ Германіи, напримѣръ, юнкерство всегда составляло гораздо болѣе замкнутое и привиллегированное сословіе, а учащаяся молодежь принадлежала и до сихъ поръ принадлежитъ въ большинствѣ случаевъ къ очень зажиточному бюргерству. Всякое общественное настроеніе,—такъ говорилъ приблизительно В.,—вызывается матеріальными интересами того или другого класса; въ основѣ нашихъ возвышенныхъ стремленій всегда лежитъ экономическая общественная подкладка. Люди—продуктъ данныхъ общественныхъ, т. е. преимущественно экономическихъ условій. При этомъ, въ видѣ иллюстраціи, онъ цитировалъ извѣстное обращеніе Пушкина къ портрету Чаадаева:

Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ—Периклесъ;
У насъ—онъ офицеръ гусарскій.

Итакъ, настоящей исторической причиной и, такъ сказать, безсознательнымъ мотивомъ революціоннаго настроенія русской молодежи являлось, согласно этому взгляду, недовольство своимъ матеріальнымъ положеніемъ того общественнаго слоя, изъ котораго она исходила. На этой исторической почвѣ выростала потомъ революціонная идеологія: народолюбіе, соціализмъ и прочее.

Читатель видитъ, что это объясненіе революціоннаго движенія 70-хъ годовъ даже нѣсколько ближе подходитъ къ его первоначальному источнику, чѣмъ чисто-отрицательная мотивировка соціалъ-демократической школы.

Здѣсь уже указывается непосредственная причина движенія, — революціонное настроеніе даннаго общественнаго слоя, — а затѣмъ указывается также и основная причина этого настроенія — экономическое положеніе русскаго дворянства и русской интеллигенціи вообще. Это было примѣненіе теоріи экономическаго матеріализма къ обществу, еще находившемуся въ промышленномъ застоѣ, при отсутствіи въ немъ тѣхъ революціонныхъ факторовъ, которые вызываются экономическимъ развитіемъ страны. Въ такомъ именно положеніи находилась Россія передъ крестьянской реформой 1861 г. и въ первое десятилѣтіе послѣ этой реформы. Промышленное развитіе еще только-что возникало тогда въ Россіи: пролетаріата и буржуазіи практически еще не существовало. А, между тѣмъ, революціонное движеніе уже началось; и вотъ марксистъ 70-хъ годовъ искалъ для него объясненія въ безсознательномъ недовольствѣ своимъ матеріальнымъ политическимъ положеніемъ русскаго средняго класса.

Позднѣе, находясь уже въ Томскѣ, въ 1887—88 гг., я столкнулся со сторонниками эволюціоннаго экономическаго матеріализма въ его примѣненіи къ русскому революціонному движенію. Здѣсь еще ярче выступали впередъ всѣ сильныя стороны этой теоріи; но вмѣстѣ съ тѣмъ она все также плохо мирилась съ русской дѣйствительностью и съ такимъ же трудомъ укладывалась въ рамки русскаго революціоннаго міросозерцанія, почему и вызывала повсюду самые ожесточенные споры.

Уже не разъ обращалось у насъ вниманіе на то обстоятельство, что ни въ одной изъ промышленныхъ западно-европейскихъ странъ, ни въ Англіи, ни во Франціи, ни въ Германіи, теоретическіе споры объ исключительной роли объективныхъ экономическихъ факторовъ въ процессѣ исторіи никогда не принимали такихъ грандіозныхъ размѣровъ, не получали такого важнаго общественнаго значенія и не волновали такъ глубоко общественныхъ чувствъ, какъ именно у насъ въ Россіи. Это должно указывать, повидимому, на извѣстную зависимость самой этой экономической теоріи отъ объективныхъ условій общественной жизни, на большую или меньшую примѣнимость этой теоріи къ той или другой странѣ, къ тому или другому историческому моменту, т. е., другими словами, на ея относительность, на ея неполноту и односторонность въ смыслѣ универсальной и всеобъемлющей исторической концепціи.

Предположите, въ самомъ дѣлѣ, что въ дѣйствительности составъ общественныхъ и революціонныхъ движеній сложнѣе, чѣмъ какимъ онъ представляется по теоріи борьбы классовъ съ промышленнымъ развитіемъ въ качествѣ основного историческаго двигателя. Предположите, что, кромѣ этого двигателя, несомнѣнно, играющаго первостепенную роль въ извѣстные историческіе моменты, существуетъ, по меньшей мѣрѣ, еще одна болѣе или менѣе дифференцированная общественная сила въ формѣ накопленной идейной и эмоціональной энергіи, воплощенной въ психикѣ сравнительно немногихъ индивидовъ, являющихся какъ бы носителями историческаго прогресса. Самъ по себѣ фактъ существованія такого рода выдающихся представителей революціонной мысли и революціоннаго чувства не подлежитъ, конечно, сомнѣнію. Но весь вопросъ въ томъ, являются ли они, эти идейные носители прогресса, продуктомъ особыхъ условій, особыхъ историческихъ факторовъ; или же, напротивъ того, они сами вызываются, такъ сказать, попутно тѣмъ же экономическимъ процессомъ, который влечетъ за собой крупныя экономическія пертурбаціи и создаетъ, въ концѣ концовъ, условія, благопріятствующія массовому революціонному движенію. Сторонники экономическаго матеріализма утверждаютъ послѣднее, и въ этомъ сведеніи всего къ одному фактору, въ этомъ упрощеніи историческаго процесса, въ этомъ *монизмѣ* они видятъ главную заслугу своей теоріи, тогда какъ именно этотъ монизмъ и составляетъ, по нашему мнѣнію, ея самое слабое мѣсто.

Въ самомъ дѣлѣ, стремленіе быть универсальной и всеобъемлющей заставляетъ разсматриваемую революціонную теорію подводить подъ одинъ общій законъ, подчиняющій общественныя движенія извѣстному объективному фактору, весь сложный личный составъ этихъ движеній, несмотря на господствующіе рѣзкіе контрасты въ жизненныхъ условіяхъ различныхъ слоевъ современнаго общества, а, слѣдовательно, и на вытекающее отсюда разнообразіе въ психикѣ отдѣльныхъ индивидовъ и группъ, и въ мотивахъ, руководящихъ ихъ общественною дѣятельностью! Мы знаемъ, конечно, что экономическій матеріализмъ не отрицаетъ психическаго фактора; мы знаемъ, что ему не разъ самому приходилось торжественно заявлять объ этомъ. Но, вѣдь, съ другой стороны, и противники экономическаго матеріализма никогда не думали освобождать изъ-подъ власти этихъ условій такъ назы-

ваемые *идеологическіе* элементы. Они утверждали только, что форма или, если хотите, формула этого подчиненія не можетъ быть одинакова для всего сложнаго личнаго состава общественныхъ движеній. Въ этомъ именно смыслѣ они и являются противниками революціоннаго экономическаго монизма.

Не подлежитъ сомнѣнію, что всякое революціонное движеніе представляетъ собою реакцію человѣка на окружающія его общественныя условія или, иными словами, продуктъ вліянія окружающей среды на человѣческую психику. Это общая исходная точка какъ сторонниковъ, такъ и противниковъ экономическаго метеріализма, но затѣмъ начинается спорная почва. Теорія революціонныхъ движеній, построенная на развитіи производительныхѣ силъ, вся содержится въ томъ предположеніи, что для того, чтобы извѣстный соціальный принципъ, лежащій въ основѣ даннаго общественнаго строя, вызвалъ революціонное движеніе, необходимо, чтобы этотъ принципъ достигъ своего болѣе или менѣе полнаго развитія и обнаружился въ своихъ наиболѣе рѣзкихъ проявленіяхъ преимущественно экономическаго характера, сплачивая и организуя приэтомъ извѣстные общественные элементы; такимъ образомъ, эта теорія, очевидно, построена на опредѣленномъ уровнѣ умственнаго и эмоціональнаго развитія человѣка, а именно—на томъ его уровнѣ, при которомъ для пробужденія людей къ общественной жизни требуются *особаго* рода внѣшнія воздѣйствія. Но такъ какъ степень умственной и эмоціональной воспріимчивости людей, живущихъ въ одномъ и томъ же обществѣ, далеко не одинакова, то ясно, что уже въ силу одного этого область примѣненія разсматриваемой революціонной теоріи должна быть введена въ извѣстныя, опредѣленныя рамки.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мы не знаемъ, какая идейная пропасть часто раздѣляетъ людей, связанныхъ, такъ сказать, исторически одними и тѣми же интересами, и какія трагическія положенія создаются иногда въ силу именно этого? Одинъ изъ примѣровъ такого трагическаго положенія, хорошо иллюстрирующій затронутый нами вопросъ, мы можемъ привести изъ исторіи великой французской революціи.

Извѣстно, что въ эпоху Директоріи, вслѣдъ за гибелью всѣхъ вождей демократической партіи, въ то время какъ Бонапартъ, путемъ цѣлаго ряда государственныхъ перево-

ротовъ; разрушалъ многое изъ того, что было создано революціей, парижскіе рабочіе, охваченные патріотизмомъ, принявшимъ тогда у французовъ форму простого шовинизма, въ высшей степени благосклонно относились ко всему происходившему и привѣтствовали новаго императора.

Съ другой стороны, какъ разъ въ это самое время (9-го преріаля XII) парижская полиція доносила о захваченной ею рукописи „Esquisse d'un nouveau plan d'organisation sociale", авторомъ которой былъ Сэнъ-Симонъ. „Появленіе этой рукописи въ такой моментъ, — замѣчаетъ Оларъ (A. Aulard) въ своей „Histoire politique de la Révolution française" (стр. 767), — показываетъ, до какой степени этотъ мыслитель опередилъ свое время. Въ тотъ моментъ, когда онъ подвергалъ критикѣ существующій порядокъ и ставилъ соціальный вопросъ, парижскіе рабочіе были вполнѣ довольны своей судьбой, довольны общественнымъ строемъ и съ восторгомъ относились къ Наполеону".

Но еще болѣе рѣзкій контрастъ обнаружился въ данномъ случаѣ въ связи съ заговоромъ Бабёфа.

Извѣстно, что члены общества „Равныхъ" вполнѣ усвоили себѣ въ ту эпоху точку зрѣнія такъ называемаго утопическаго соціализма. Они говорили въ своихъ манифестахъ объ обязанности каждаго трудиться и о преступленіи богатыхъ по отношенію къ бѣднымъ. „Цѣль революціи,— писали они,—уничтожить неравенство и возстановить общее счастье.—Революція не закончена, потому что богатые присваиваютъ всѣ продукты и пользуются исключительною властью, тогда какъ бѣдные работаютъ, какъ невольники, и ничего не значатъ въ государствѣ.—Мы имѣемъ въ виду нѣчто высшее и болѣе справедливое, чѣмъ раздѣлъ земель, а именно—*общее имущество* или *общность имуществъ*. Не должно быть личной собственности на землю: *земля не принадлежитъ никому*.—Все то, чѣмъ обладаютъ люди свыше приходящейся на нихъ долю части изъ общественнаго достоянія, составляетъ хищеніе и узурпацію". (Ibid., стр. 629—630).

Вотъ какъ, слѣдовательно, отразилось тогда въ общественномъ міросозерцаніи бабувистовъ соціальное положеніе Франціи той эпохи. А какъ оно отразилось въ общественномъ міросозерцаніи парижскихъ рабочихъ, видно изъ того, что они совершенно не поняли новаго движенія и остались совершенно равнодушными къ смертному приговору, произ-

несенному надъ главными изъ заговорщиковъ, хотя читали ихъ манифесты и памфлеты.

„Парижскіе рабочіе не волновались,—говоритъ по этому поводу Оларъ;—Бабёфъ никогда не пользовался тою популярностью, какою пользовался, напримѣръ, Маратъ, а возможно даже, что и вовсе не пользовался популярностью. Его болѣе или менѣе слушали, когда онъ говорилъ языкомъ II-го года, когда онъ хотѣлъ обезпечить обиліе съѣстныхъ припасовъ террористическими мѣрами, когда онъ громилъ Директорію. Какъ политическій писатель, онъ нравился; какъ соціалистъ, онъ, повидимому, вызывалъ только одно удивленіе“: (Ibid., стр. 632).

Для того, чтобы парижскіе рабочіе достигли того пониманія своего положенія, какого они достигли, примѣрно, къ 1848 году и какое соотвѣтствовало приблизительно точкѣ зрѣнія бабувистовъ, необходимо было, чтобы соціальный принципъ, лежавшій въ основѣ этого положенія, достигъ болѣе полнаго своего проявленія путемъ развитія производительныхъ силъ, и, согласно разсматриваемой революціонной теоріи, обнаружился въ извѣстныхъ перемѣнахъ экономическаго характера. Но этой необходимости, какъ мы видимъ, не существовало для людей другой категоріи, иначе отражавшихъ на себѣ вліяніе окружающихъ условій. Между тѣмъ, эти люди, несомнѣнно, также играли извѣстную и даже значительную роль въ революціонной исторіи.

Изъ этого примѣра легко видѣть, въ чемъ заключаются та неполнота и та односторонность монистической революціонной теоріи, о которыхъ идетъ у насъ рѣчь: эта теорія не можетъ охватить одновременно всѣхъ составныхъ элементовъ революціоннаго движенія или, лучше сказать, она не охватываетъ тѣхъ изъ его составныхъ элементовъ, которые выступаютъ на революціонную сцену ранѣе устанавливаемаго ею критическаго момента. А не будучи въ состояніи охватить эти элементы, она необходимо стремится умалить или свести на нѣтъ ихъ революціонное значеніе. Это—прямое послѣдствіе ея *монистическаго* характера. Она не можетъ избѣгнуть того силлогизма, который скрывается въ ея основной посылкѣ: всякое революціонное движеніе есть продуктъ развитія производительныхъ силъ съ вытекающими отсюда послѣдствіями (концентраціей капиталовъ, процессомъ обезземеленія и т. д.); а такъ какъ всѣ такъ называемые идеологическіе элементы революціонныхъ движеній трудно было бы подвести подъ дѣйствіе этихъ экономическихъ

перемѣнъ, тѣмъ болѣе, что они выступаютъ на сцену раньше этихъ послѣднихъ, то, слѣдовательно, они не могутъ оказывать существенное вліяніе на ходъ революціонныхъ событій. Таковъ неизбѣжный логическій выводъ изъ разсматриваемой нами теоріи; отказаться отъ него значило бы, очевидно, отказаться отъ самой теоріи.

Этимъ объясняется весьма пренебрежительное и, такъ сказать, *наполеоновское* отношеніе этой теоріи къ идеологіи и идеологамъ [1]), а также ея стремленіе связать во что бы то ни стало происхожденіе идеологическихъ элементовъ революціонныхъ движеній съ какими-нибудь экономическими факторами,—въ родѣ, напримѣръ, объясненія революціоннаго настроенія русской молодежи 70-хъ годовъ жалкимъ экономическимъ положеніемъ русскаго дворянства, или пріурочиванія соціалистическихъ идей и революціонныхъ эмоцій идеологовъ-революціонеровъ 1848 г. къ политическому недовольству мелкой французской буржуазіи, носившемуся, такъ сказать, въ воздухѣ и *незамѣтно для людей* проникавшему собою, по словамъ Бельтова (Плеханова), всѣ идеологическія надстройки той эпохи.

---

[1]) Извѣстно, что Наполеонъ I презрительно называлъ идеологами ненавистныхъ ему республиканцевъ. Примѣры пренебрежительнаго отношенія къ идеологіи легко найти также и въ нашей соціалъ-демократической литературѣ. Въ настоящую минуту у меня подъ рукой «Историческій очеркъ нашихъ порядковъ» Мартынова, — соціалъ-демократическое изданіе, предназначенное для болѣе или менѣе развитыхъ рабочихъ. Въ общемъ, это - очень серьезно и дѣльно написанная брошюра. Но она, тѣмъ не менѣе, носитъ на себѣ извѣстный специфическій отпечатокъ. Такъ, на тѣхъ страницахъ, гдѣ выясняется роль дворянской интеллигенціи въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, она вся проникнута стремленіемъ вызвать презрительное отношеніе къ «проснувшейся дворянской совѣсти 40-хъ годовъ». Для характеристики этой проснувшейся совѣсти, разсказывается о Хомяковѣ, написавшемъ либеральный «стишокъ» и все-таки не освободившемъ своихъ крѣпостныхъ; о Тургеневѣ, также отпустившемъ на волю только однихъ дворовыхъ; о Толстомъ, державшемъ своихъ крестьянъ въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ сосѣдніе помѣщики; объ Огаревѣ, переведшемъ своихъ крѣпостныхъ въ вольные хлѣбопашцы на весьма тяжелыхъ условіяхъ. Не говоря уже о томъ, что, ради историческаго безпристрастія, авторъ могъ бы привести также и примѣры болѣе яркихъ представителей проснувшейся дворянской совѣсти, легко видѣть, что онъ незамѣтно для себя переходитъ здѣсь съ исторической почвы на почву личной морали. Личные изъяны этихъ «дворянъ-писателей» не могли, конечно, помѣшать ихъ произведеніямъ имѣть большое значеніе въ развитіи русской общественной мысли, а, слѣдовательно, и въ осуществленіи крестьянской реформы.

Всѣ эти явныя натяжки прямо обусловлены извѣстной предвзятой идеей. Для того, чтобы избѣжать ихъ, необходимо было бы отказаться пока отъ попытки *монистическаго* объясненія сложныхъ явленій общественной жизни, т. е. необходимо было бы прежде всего признать эту сложность. Причемъ, какъ мы уже имѣли случай это замѣтить, такъ называемый *объективизмъ* и научность въ пониманіи исторіи не только не пострадали бы отъ этого, а, напротивъ того, значительно выиграли бы.

Нетрудно видѣть, въ самомъ дѣлѣ, что объясненіе появленія въ 1804 г. *Новаго плана соціальной организаціи* Сэнъ-Симона или въ 1796 году бабувистовъ прямымъ вліяніемъ окружавшей дѣйствительности на немногія исключительныя натуры, развивавшіяся притомъ въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, въ такой же степени объективно, какъ и объясненіе массового революціоннаго настроенія парижскихъ рабочихъ въ 1848 г. вліяніемъ на нихъ той же окружающей дѣйствительности, но только принявшей тогда болѣе развитыя и рѣзкія формы. Нетрудно видѣть, что вся разница здѣсь заключается только въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ пониманіе окружающей дѣйствительности и революціонное отношеніе къ ней были вызваны тѣснымъ кругомъ болѣе непосредственныхъ впечатлѣній, тогда какъ въ первомъ случаѣ кругъ воспріятій былъ гораздо шире, а воспріимчивость гораздо развитѣе. Въ одномъ случаѣ преобладающую роль играли впечатлѣнія болѣе идейнаго характера: знакомство съ исторіей, естественныя науки, общія картины народной жизни и т. д.,—т. е. та же объективная дѣйствительность, но только охваченная въ гораздо болѣе широкихъ рамкахъ; въ другомъ случаѣ рѣшающую роль играло вліяніе экономической обстановки, непосредственно окружающей самого человѣка, непосредственно соприкасающейся съ нимъ, — т. е. болѣе сильныя и рѣзкія впечатлѣнія, но заключенныя въ небольшомъ сравнительно районѣ. Но очевидно, что въ томъ, что касается собственно объективизма, оба эти явленія ничѣмъ не отличаются, въ концѣ концовъ, одно отъ другого: оба они — продуктъ вліянія внѣшней среды на человѣческую психику. Почему, въ самомъ дѣлѣ, факты, извѣстные, напримѣръ, изъ лѣтописей и другихъ историческихъ документовъ, или факты, собранные статистикой и суммированные въ ея итогахъ, можно было бы назвать менѣе объективными, чѣмъ тѣ внѣшнія условія, которыя окружаютъ рабочаго на круп-

ной мануфактурѣ? Почему перваго рода явленія, окружающія данное лицо и входящія въ составъ *его* внѣшней среды, представляютъ собою менѣе объективный факторъ исторіи, чѣмъ второго рода явленія? И почему для научнаго и объективнаго пониманія исторіи надо было бы принимать во вниманіе вліяніе на человѣческую психику лишь объективныхъ условій этой второй категоріи?

Мы видимъ, слѣдовательно, что, только въ силу извѣстнаго теоретическаго предубѣжденія, на такъ называемые идейные мотивы революціонныхъ движеній принято смотрѣть, какъ на какія-то блѣдныя тѣни, какъ на отраженное вліяніе тѣхъ же самыхъ экономическихъ факторовъ, какими пробуждаются въ жизни массовые элементы революціонныхъ движеній. Болѣе безпристрастный и объективный анализъ заставляетъ признать, что появленіе этихъ идейныхъ мотивовъ и идеологическихъ элементовъ общественныхъ движеній обусловливается не какимъ-то таинственнымъ и *незримымъ для людей* вліяніемъ носящихся въ воздухѣ экономическихъ тенденцій, а прямымъ и непосредственнымъ вліяніемъ самой окружающей дѣйствительности. Соотвѣтственно рѣзкому различію въ психикѣ отдѣльныхъ лицъ и группъ при современныхъ соціальныхъ условіяхъ, окружающая объективная дѣйствительность вырабатываетъ двѣ болѣе или менѣе дифференцированныя категоріи революціонныхъ элементовъ: идеологическую и массовую; причемъ въ исторіи всякаго революціоннаго движенія, всегда связаннаго съ борьбою противъ того или другого господствующаго соціальнаго принципа, идеологическіе элементы этого движенія появляются *раньше* массовыхъ, такъ какъ появленіе ихъ не обусловлено необходимостью болѣе или менѣе полнаго развитія этого соціальнаго принципа, болѣе или менѣе полнаго внѣшняго появленія его въ условіяхъ общественной жизни.

Этою сложностью, этою, такъ сказать, двойственностью революціоннаго процесса, особенно въ его начальныхъ стадіяхъ, объясняется и тотъ ожесточенный характеръ, какой получили именно у насъ въ Россіи споры, вызванные соціалъ-демократической революціонной теоріей, въ то время какъ, напримѣръ, въ Германіи или во Франціи эта теорія охотно принимается всѣми революціонными фракціями.

Дѣло въ томъ, что въ силу неодинаковаго происхожденія и неодновременнаго выступленія на сцену тѣхъ болѣе или менѣе дифференцированныхъ составныхъ элементовъ

революціоннаго движенія, которые мы для краткости назвали идеологическимъ и массовымъ, каждый изъ нихъ можетъ играть въ данное время болѣе или менѣе преобладающую роль, въ зависимости отъ данныхъ историческихъ условій.

Когда появилась социалъ-демократическая теорія общественныхъ движеній, то въ Западной Европѣ на общественную сцену уже выступилъ въ преобладающей роли массовый элементъ, объясненію происхожденія котораго именно и соотвѣтствовала эта теорія; а потому между нею и западно-европейскою революціонною дѣйствительностью не оказалось тогда большихъ разногласій. Совсѣмъ не то у насъ въ Россіи. Россія еще и до сихъ поръ находится на той стадіи революціоннаго развитія, когда массовый элементъ въ ней только-что еще выступаетъ на сцену и когда, вслѣдствіе этого, особенно важную роль въ ней играетъ идеологическій элементъ революціоннаго движенія, т. е. тотъ именно элементъ, который не укладывается въ рамки соціалъ-демократической теоріи. Отсюда этотъ рѣзкій конфликтъ въ теоретической области, вполнѣ соотвѣтствующій разногласію между данною революціонною теоріею и нашей революціонной дѣйствительностью.

Къ этому присоединилась еще одна очень важная причина. Соціалъ-демократическая теорія приспособлена, какъ извѣстно, преимущественно къ условіямъ городской промышленности, между тѣмъ, какъ въ Россіи преобладающую роль играетъ земледѣльческое производство; отсюда новое столкновеніе между теоріей и дѣйствительностью. Впрочемъ, въ Западной Европѣ также возникаетъ теперь столкновеніе на этой почвѣ, и мы касаемся здѣсь этого вопроса только мимоходомъ.

Возвращаясь къ прерванной темѣ нашей статьи, мы должны сказать теперь нѣсколько словъ о томъ, что же такое представляло собою въ концѣ концовъ наше революціонное движеніе 70-хъ годовъ съ точки зрѣнія революціонной теоріи? Чѣмъ объясняется его происхожденіе, и какое значеніе оно имѣло въ нашей революціонной исторіи?

Говоря о происхожденіи революціоннаго движенія начала 70-хъ годовъ, референтъ, рѣчь котораго послужила поводомъ къ нашей замѣткѣ, указывалъ на связь, какую имѣло это движеніе съ возникшимъ тогда въ Западной Европѣ между-

народнымъ рабочимъ движеніемъ и, главнымъ образомъ, съ его анархическимъ теченіемъ, какъ болѣе соотвѣтствовавшимъ, по его словамъ, странѣ, отсталой въ промышленномъ отношеніи.

Связь революціоннаго движенія 70-хъ годовъ съ западноевропейскимъ соціализмомъ, конечно, существовала и не можетъ подлежать сомнѣнію; но намъ кажется, что она имѣла менѣе прямой и непосредственный характеръ, чѣмъ какой былъ приписанъ ей въ рефератѣ.

Что касается собственно анархическихъ или, вѣрнѣе, бакунистскихъ идей, то онѣ только придали окончательную форму революціонному движенію 74-го года, проникнувъ въ Россію лишь зимою 1873—74 года въ видѣ сборника статей Бакунина „Государственность и Анархія", а также черезъ посредство представителей нѣкоторыхъ кружковъ, ѣздившихъ за границу для личнаго свиданія съ Бакунинымъ.

Но ясно, что для того, чтобы русскіе революціонные кружки могли отразить на себѣ въ теченіе очень короткаго промежутка времени революціонныя идеи международнаго рабочаго движенія или анархическія идеи Бакунина, они должны были уже быть подготовленными къ этому заранѣе: они должны были еще ранѣе того возникнуть и развиться на русской почвѣ, подъ вліяніемъ русскихъ условій, русской общественной жизни. И мы, дѣйствительно, знаемъ, что таково было первоначальное происхожденіе революціонныхъ кружковъ конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ. Никакое идейное вліяніе Бакунина, относившееся къ тому же, скорѣе, къ области революціонной тактики, не могло сравниться по своей силѣ и продолжительности съ тѣмъ вліяніемъ, какое было оказано на русскую молодежь конца 60-хъ годовъ сочиненіями Чернышевскаго и Добролюбова, поэзіей Некрасова, книгою Флеровскаго [1], „Историческими письмами" Лаврова и т. д.,—вмѣстѣ съ нѣкоторыми переводными сочиненіями. Изъ послѣднихъ наибольшее вліяніе имѣли тогда, какъ я думаю, романы Шпильгагена и сочиненія Лассаля. „Капиталъ" Маркса былъ еще мало извѣстенъ въ то время широкому кругу читателей, хотя я помню, что Кравчинскій, напримѣръ, изучалъ его на нѣмецкомъ языкѣ въ 1870 году, въ артиллерійскомъ училищѣ. Первый переводъ „Капитала" появился у насъ, какъ извѣстно, въ 1872 г.

---

[1] Положеніе рабочаго класса въ Россіи. Спб. 1869 г. Ред.

Вообще говоря, распространеніе соціалистическихъ идей въ Россіи было тѣсно связано съ нашей публицистикой 60-хъ годовъ, съ борьбою нашихъ нарождавшихся тогда политическихъ партій, съ обсужденіемъ въ нашей текущей печати самыхъ жгучихъ вопросовъ русской общественной жизни. Поэтому западно-европейскій соціализмъ перешелъ къ намъ, какъ теорія, не въ видѣ простыхъ переводовъ и популяризацій, а, въ значительной степени, въ видѣ самостоятельной и часто глубокой критики буржуазныхъ основъ экономическаго и политическаго строя идейными руководителями русскаго общества. Во главѣ этихъ проводниковъ западно-европейскаго соціализма въ русское общественное міросозерцаніе стоялъ такой первоклассный мыслитель, какъ Чернышевскій, примѣчанія котораго къ Миллю, статьи по вопросу объ общинномъ землевладѣніи или статьи объ іюльской монархіи имѣли самостоятельное научное значеніе и создали, можно сказать, особую русскую школу научнаго соціализма [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ передовая литература 60-хъ годовъ, благодаря глубоко проникшему ее революціонному и демократическому настроенію по отношенію къ русской общественной жизни, оказывала огромное *воспитательное* вліяніе на нарождавшуюся тогда русскую интеллигенцію. Вотъ почему мы имѣли право сказать, что революціонное движеніе начала 70-хъ годовъ, даже въ своей чисто теоретической основѣ, возникло не подъ непосредственнымъ вліяніемъ западно-европейскаго соціалистическаго движенія, а было подготовлено идейными вліяніями, выросшими на русской почвѣ; въ томъ же, что касалось собственно его эмоціональной подкладки, это движеніе, несомнѣнно, питалось, главнымъ образомъ, также впечатлѣніями русской дѣйствительности. Оно было проникнуто еще свѣжими тогда и глубоко волновавшими всѣхъ воспоминаніями о жертвахъ реакціи 60-хъ годовъ, о гибели Михайлова и Чернышевскаго, о революціонныхъ организаціяхъ, возникшихъ при освобожденіи крестьянъ и окруженныхъ

---

[1]) Одинъ изъ ссыльныхъ 60-хъ годовъ, часто бесѣдовавшій въ нерчинской тюрьмѣ съ Чернышевскимъ, разсказывалъ мнѣ, что послѣдній не придавалъ Марксу того значенія, которое обычно придается въ соціалистической средѣ, и сильно нападалъ на туманную форму его изложенія. Со стороны Чернышевскаго такое отношеніе къ Марксу не можетъ считаться непростительной дерзостью.

тогда въ нашихъ глазахъ какою-то особою таинственностью; оно, несомнѣнно, находилось также подъ сильнымъ впечатлѣніемъ окружавшихъ его народныхъ бѣдствій. Этотъ послѣдній мотивъ, двигавшій всею революціонною литературою 60-хъ годовъ, быть можетъ, и былъ наиболѣе рѣшающимъ эмоціональнымъ мотивомъ всего движенія.

Но, тѣмъ не менѣе, идейная связь русскаго революціоннаго движенія съ западно-европейскимъ соціализмомъ и, вообще, съ западно-европейской общественной наукой и политической исторіей, была самая тѣсная и глубокая, и Россія получила въ этомъ случаѣ огромное духовное наслѣдство отъ западно-европейской исторіи. Эта передача идейнаго богатства, созданнаго при извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ, въ извѣстной матеріальной обстановкѣ, въ другую страну, стоявшую въ совсѣмъ иныхъ экономическихъ и политическихъ условіяхъ, уже сама по себѣ подтверждаетъ защищаемое нами мнѣніе о сравнительной независимости идеологическаго элемента революціонныхъ движеній отъ экономическихъ факторовъ, подчиняющихъ своему вліянію массовую жизнь даннаго общества. Россія 60-хъ годовъ была еще очень далека отъ тѣхъ соціальныхъ условій, которыя создаются крупной промышленностью въ сколько-нибудь развитомъ состояніи: появленіе въ Россіи пролетаріата еще только предсказывалось тогда Чернышевскимъ въ его статьяхъ объ общинномъ землевладѣніи; систематическое насажденіе капитализма государствомъ только-что начиналось тогда и еще не успѣло принести своихъ плодовъ; о проявленіяхъ классоваго самосознанія городскихъ рабочихъ, даже въ Петербургѣ, еще не могло быть тогда и рѣчи. Даже позднѣе, въ 1873 году, когда на нѣкоторыхъ петербургскихъ фабрикахъ уже возникли рабочіе кружки подъ вліяніемъ революціонной пропаганды, лучшіе изъ представителей этихъ кружковъ заговорили сами о необходимости идти въ деревню и искать опоры для революціоннаго движенія въ крестьянствѣ. Одинъ изъ наиболѣе развитыхъ заводскихъ рабочихъ ушелъ тогда съ завода и сталъ готовиться въ сельскіе учителя; другой выдающійся рабочій (Григорій Крыловъ) также ушелъ тогда съ фабрики, увлеченный примѣромъ эркманъ-шатріановскаго Шовеля, и сталъ продавать народныя книжки. Словомъ, развитіе производительныхъ силъ въ Россіи, даже въ 70-хъ годахъ, было еще настолько незначительно, что никому бы не могло въ то время придти въ голову построить рус-

ское революціонное движеніе на городскомъ пролетаріатѣ. А, между тѣмъ, еще въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ господствующимъ революціоннымъ теченіемъ въ средѣ нашей революціонной интеллигенціи было именно соціалистическое, причемъ эта идейная основа всего движенія была такъ прочно заложена тогда, что въ теченіе всѣхъ послѣдующихъ лѣтъ, несмотря на многія неудачи и тяжелыя разочарованія, отъ нея не было ни малѣйшаго отступленія. Конечно, эта идейная основа поддерживалась тогда всей окружавшей русской дѣйствительностью, поддерживалась неотразимыми впечатлѣніями русской народной жизни. Но во всѣхъ этихъ впечатлѣніяхъ еще не было тогда того специфическаго характера, который обусловливается промышленнымъ развитіемъ страны и къ которому принято спеціально пріурочивать соціалистическую идейную надстройку. Это было просто отраженіе въ психикѣ извѣстной категоріи лицъ окружавшихъ ихъ народныхъ бѣдствій, вмѣстѣ съ глубокимъ пониманіемъ ихъ основной причины;— словомъ, нѣчто аналогичное тому историческому явленію, которое представляло собою бабувистское движеніе въ концѣ XVIII вѣка.

Что касается личнаго состава революціоннаго движенія начала 70-хъ годовъ, то онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ его идеологическому характеру, т. е., не носилъ на себѣ никакого классового отпечатка. Это было полное смѣшеніе, если не „племенъ и нарѣчій", то, во всякомъ случаѣ, „одеждъ и состояній", съ преобладаніемъ того общественнаго элемента, который былъ наиболѣе воспріимчивъ къ даннымъ идеямъ и впечатлѣніямъ, т. е., нашей учащейся молодежи. Такъ какъ въ то время наши университеты и высшія школы были наполнены преимущественно дѣтьми дворянъ и разночинцевъ, то ими же вскорѣ оказались переполнены и казематы Петропавловской крѣпости.

Вообще, идеологическій элементъ революціонныхъ движеній, по самому своему опредѣленію, неразрывно связанъ съ тѣми общественными слоями, которые подготовлены предшествовавшимъ умственнымъ движеніемъ и куда нашли въ данное время доступъ общественныя науки. Въ началѣ прошлаго столѣтія наиболѣе образованнымъ слоемъ русскаго общества оказалось гвардейское офицерство, въ среду котораго были занесены революціонныя идеи XVIII вѣка; и вотъ этого своеобразнаго сочетанія такихъ, пови-

димому, исключающихъ другъ друга элементовъ, какъ офицерство и общественная наука, оказалось вполнѣ достаточно, чтобы въ нашей земледѣльческой Россія съ ея полуазіатскимъ правительствомъ возникло тогда серьезное демократическое общественное движеніе[1]), — несмотря на все видимое несоотвѣтствіе этого движенія съ господствовавшими въ то время матеріальными условіями русской общественной жизни. Съ точки зрѣнія революціоннаго монизма это было какъ бы явнымъ нарушеніемъ всѣхъ установленныхъ теоретическихъ нормъ: съ одной стороны — натуральное хозяйство съ почти полнымъ отсутствіемъ городовъ; съ другой стороны — политическая партія, одушевленная идеями демократической конституціи; съ одной стороны — благоденствовавшее экономически дворянство, еще не начинавшее чувствовать неудобства своей экономической отсталости и даже неудобства крѣпостного труда; съ другой стороны — выдѣленіе наиболѣе состоятельною частью этого господствовавшаго земледѣльческаго сословія изъ своей среды значительнаго контингента революціонеровъ, проникнутыхъ непримиримою враждою къ существующему строю. Попробуйте теперь уложить всѣ эти кажущіяся противорѣчія въ рамки теоріи, признающей единымъ объективнымъ источникомъ революціонныхъ движеній развитіе производительныхъ силъ, а единымъ субъективнымъ источникомъ ихъ — непосредственно-ощущаемое или только еще носящееся въ воздухѣ и незримое для людей экономическое недовольство.

Мы знаемъ, конечно, что можно поставить вопросъ о самомъ общественномъ значеніи даннаго революціоннаго движенія; научная революціонная теорія должна имѣть дѣло только съ общественными явленіями, оставляющими по себѣ какіе-нибудь прочные историческіе слѣды. Мы знаемъ также, что наша крайняя экономическая школа отрицаетъ реальное общественное значеніе за возстаніемъ декабристовъ и отрицаетъ его вполнѣ послѣдовательно, со своей точки зрѣнія, на томъ именно основаніи, что декабристы не были идейными представителями интересовъ своего класса, что ихъ движеніе нельзя было бы пріурочить къ экономическому фактору, который, охватывая своимъ вліяніемъ цѣлый общественный слой, создавалъ бы на

[1]) Пишко имѣетъ въ виду декабристовъ. Ред.

верху его соотвѣтствующую идеологическую надстройку и ея носителей [1]).

Но такой взглядъ слишкомъ бросается въ глаза своей исторической несообразностью, чтобы его можно было серьезно отстаивать; и мы сослались на примѣръ декабристовъ въ виду именно того, что огромное вліяніе этого событія на все послѣдующее развитіе русской общественной жизни слишкомъ хорошо извѣстно. Если только не отрицать вполнѣ преемственности въ развитіи политическихъ партій, если только не защищать того положенія, что соціалистическая идеологія со всѣмъ ея научнымъ багажемъ и со всею ея сложною эмоціональною стороною создается непосредственно даннымъ состояніемъ производительныхъ силъ, безъ предварительной идейной и эмоціональной подготовки, безъ вліянія политическихъ традицій и всей предшествовавшей политической литературы, — то въ такомъ случаѣ нельзя будетъ, конечно, не признать тѣсной генетической связи нашихъ 40-хъ годовъ съ тѣмъ неизгладимымъ впечатлѣніемъ, какое произвело на русское общество возстаніе декабристовъ, а затѣмъ такой же неразрывной связи нашихъ 60-хъ годовъ съ 40-ми. Но въ этомъ именно вліяніи на политическое пробужденіе даннаго общества, на развитіе и распространеніе въ немъ революціонныхъ идей и эмоцій и заключается главное историческое значеніе всѣхъ революціонныхъ движеній, носящихъ идеологическій характеръ и не приводящихъ, повидимому, въ свое время ни къ какимъ положительнымъ результатамъ.

Таково было и для Россіи значеніе революціоннаго движенія 20-хъ годовъ. Сопоставляя это движеніе съ соотвѣтствующими моментами въ дальнѣйшемъ развитіи русской общественной жизни, мы хотѣли бы, между прочимъ, спросить нашихъ просвѣщенныхъ либераловъ, со стороны которыхъ такъ часто раздавались жалобы и упреки по поводу *безрезультатности* революціоннаго движенія 70-хъ годовъ, закончившагося долголѣтней и свирѣпой реакціей: примыкають ли въ данномъ случаѣ эти просвѣщенные либералы

---

[1]) Подобное мнѣніе было высказано однимъ изъ представителей «Рабочей Мысли» на лондонскомъ собраніи эмигрантовъ въ память 75-ти-лѣтней годовщины 14-го декабря 1825 г., въ отвѣтъ на рѣчь Кропоткина о великомъ общественномъ значеніи возстанія декабристовъ.

къ точкѣ зрѣнія нашей крайней экономической школы и относятся ли они съ осужденіемъ къ движенію декабристовъ за вызванную имъ 30-лѣтнюю реакцію николаевской эпохи?

Другимъ историческимъ примѣромъ, хорошо иллюстрирующимъ значеніе общественныхъ движеній чисто идеологическаго характера, можетъ послужить тотъ же заговоръ Бабёфа, окончившійся, какъ мы видѣли, такъ печально и трагически для его участниковъ. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою даже еще болѣе непосредственное и осязательное вліяніе на общественную жизнь страны ея первыхъ неудавшихся революціонныхъ попытокъ. Извѣстно, что первыя революціонныя, соціалистическія группы возникли во Франціи среди парижскихъ рабочихъ, въ началѣ 30-хъ годовъ, подъ прямымъ вліяніемъ идей Бабёфа, изложенныхъ въ *Исторіи заговора*, напечатанной въ 1820 году однимъ изъ оставшихся въ живыхъ заговорщиковъ, а именно—Буонаротти. Извѣстно также, что парижскіе рабочіе, принимавшіе участіе въ апрѣльскомъ возстаніи 1834 г., даже встрѣтились, сидя вмѣстѣ въ тюрьмѣ, съ самимъ Буонаротти, который произвелъ на нихъ тогда очень сильное впечатлѣніе. Такимъ образомъ, революціонная попытка бабувистовъ оказалась потомъ однимъ изъ важныхъ факторовъ, подъ вліяніемъ которыхъ подготовлялась парижская революція 1848 г.

Теперь намъ нетрудно будетъ резюмировать въ нѣсколькихъ словахъ то значеніе, какое имѣли въ нашей революціонной исторіи 70-ые годы. Прежде всего, мы полагаемъ, что не слѣдуетъ отдѣлять въ этомъ случаѣ движеніе начала 70-хъ годовъ отъ всѣхъ послѣдующихъ революціонныхъ событій разсматриваемаго періода. Это было, несомнѣнно, одно и то же движеніе, мѣнявшее не разъ свою программу, но развивавшееся непрерывно въ одной и той же средѣ и подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же основныхъ мотивовъ. Правда, признавая нераздѣльность этого движенія, мы тѣмъ самымъ какъ бы отодвигаемъ на второй планъ его *программу*, и мы, дѣйствительно, отодвигаемъ ее на второй планъ, признавая за нею, въ данномъ случаѣ, реальное значеніе лишь въ извѣстныхъ опредѣленныхъ предѣлахъ.

Программа движенія 70-хъ годовъ имѣла первостепенное значеніе въ своихъ основныхъ чертахъ, въ тѣхъ своихъ основныхъ чертахъ, которыми опредѣлялись общее направле-

ніе и общія задачи движенія; и въ этихъ предѣлахъ программа все время оставалась неизмѣнной. Движеніе все время оставалось революціоннымъ и соціалистическимъ: въ этомъ отношеніи оно вполнѣ сохранило свою цѣльность.

Въ другихъ своихъ чертахъ программа движенія, какъ извѣстно, быстро мѣнялась: на протяженіи шести лѣтъ она послѣдовательно переходила отъ общаго народнаго возстанія къ созданію среди крестьянскихъ массъ отдѣльныхъ революціонныхъ центровъ, съ одной стороны, къ бунтарству—съ другой; затѣмъ—еще болѣе рѣзкій переходъ съ почвы народнаго возстанія на почву политическаго заговора. Ясно, что движеніе искало своего пути, и что въ его собственномъ составѣ не было ничего такого, что сразу и безповоротно опредѣляло бы для него форму революціонной борьбы.

Говоря о народнической программѣ 1874 г., референтъ высказалъ ту мысль, что онъ не думаетъ, конечно, осуждать эту программу, что странно было бы ожидать, напримѣръ, чтобы тогда была выставлена соціалъ-демократическая программа, и что, наконецъ, если бы даже таковая и была выставлена тогда, то движеніе все равно окончилось бы неудачей, потому что для осуществленія соціалъ-демократической программы еще не было въ то время готовыхъ наличныхъ условій. И это совершенно вѣрно.

Но въ такомъ случаѣ какой же критерій можно бы было приложить къ оцѣнкѣ революціонной программы движенія 1874 г., какъ программы *массоваго* движенія, разъ мы признаемъ, что въ такой формѣ это движеніе при всякой программѣ одинаково кончилось бы неудачей, т. е., одинаково не разрослось бы тогда въ массовое революціонное движеніе? Ясно, слѣдовательно, что критерія такого не существуетъ, и что народническая программа 1874 года была, въ концѣ концовъ, такъ же хороша для даннаго историческаго момента, какъ и всякая другая. Но это значитъ, другими словами, что фактически революціонное движеніе еще не могло быть тогда массовымъ, т. е., что оно могло разсчитывать тогда на одни лишь идейные революціонные элементы русскаго общества, какъ среди интеллигенціи, такъ и среди народныхъ массъ. Вотъ почему къ нему нельзя было бы приложить мѣрки массовыхъ революціонныхъ движеній; вотъ почему его нельзя было бы оцѣнивать съ точки зрѣнія теоріи, приспособленной къ массовымъ движеніямъ городского пролетаріата, и вотъ почему, наконецъ, оцѣниваемое

съ этой точки зрѣнія, оно всегда оказывалось лишеннымъ всякаго историческаго значенія. Естественно, что теорія, заранѣе исключавшая, въ силу своей основной посылки, революціонныя движенія идеологическаго характера, не признавала ихъ и тогда, когда сталкивалась съ ними въ дѣйствительной жизни.

Мы видимъ, слѣдовательно, что передъ защитниками соціалъ-демократической революціонной теоріи въ Россіи стояла очень трудная дилемма: имъ приходилось или отказаться отъ своего собственнаго монистическаго принципа, или отказаться отъ преемственной связи съ революціоннымъ прошлымъ. И мы знаемъ, что въ серединѣ 90-хъ годовъ, въ періодъ наибольшаго процвѣтанія у насъ этой теоріи, они стали рѣшительно на второй путь. Но затѣмъ реальныя условія русской общественной жизни, хотя и значительно измѣнившіяся за послѣдніе 10-15 лѣтъ, но все же не въ такой степени, чтобы создать у насъ совершенно новыя условія революціонной борьбы, съ явнымъ преобладаніемъ въ ней массовыхъ элементовъ, стали постепенно выяснять ту важную роль, какую и до сихъ поръ еще играютъ въ нашемъ революціонномъ движеніи такъ называемые идеологическіе элементы, а вмѣстѣ съ тѣмъ стало все болѣе и болѣе выясняться ихъ значеніе и въ нашемъ революціонномъ прошломъ. Неудивительно поэтому, что съ нѣкотораго времени со стороны нашихъ марксистовъ все чаще и чаще слышатся категорическія заявленія о преемственной связи настоящаго революціоннаго движенія въ Россіи съ предшествовавшими стадіями нашей революціонной борьбы, т. е., другими словами, констатируются положительные практическіе результаты, достигнутые этой борьбой.

Говоря о преемственной связи революціоннаго движенія 70-хъ годовъ съ дальнѣйшимъ ходомъ нашихъ революціонныхъ событій, референтъ указывалъ прежде всего на ту его важную заслугу, что оно рѣзко и опредѣленно поставило политическій вопросъ, какъ ближайшую революціонную задачу для Россіи. Эта сторона дѣла теперь признается у насъ, повидимому, всѣми революціонными направленіями.

При этомъ необходимо, однако, замѣтить, что эту постановку политическаго вопроса слѣдуетъ понимать не въ видѣ болѣе или менѣе удачно и сильно аргументированнаго теоретическаго положенія. Вопросъ былъ поставленъ

тогда въ гораздо болѣе конкретныхъ формахъ самимъ движеніемъ, которое, цѣною большихъ усилій и жертвъ, выяснило въ значительной степени политическія условія соціальной борьбы въ Россіи и передало свой опытъ потомству. Съ тѣхъ поръ соціалистическая партія, поднимая революціонное знамя, уже не стояла передъ загадкою русской жизни въ полномъ невѣдѣніи, въ какомъ находились революціонеры начала 70-хъ годовъ.

Другой положительный результатъ движенія 70-хъ годовъ былъ указанъ во время преній по поводу другого реферата, прочитаннаго прошлою зимою въ Парижѣ, однимъ изъ ораторовъ также соціалъ-демократическаго лагеря. Онъ говорилъ—очень кратко, впрочемъ, такъ какъ вопросъ не касался прямо затронутой имъ темы—о тѣхъ новыхъ теченіяхъ въ политикѣ русскаго правительства, какія были вызваны въ началѣ 80-хъ годовъ сознаніемъ раскрывшейся передъ нимъ опасности. Подъ вліяніемъ этого сознанія вмѣстѣ съ самой рѣшительной реакціей въ области общей политики, правительство стало проводить мѣры, имѣвшія въ виду усилить его популярность среди населенія (учрежденіе крестьянскаго банка, законъ объ ограниченіи труда малолѣтнихъ, учрежденіе фабричной инспекціи, заботы о переселенцахъ). Трудно, конечно, сказать, чтобы эти мѣры имѣли какое-нибудь непосредственное значеніе для народа: но онѣ, несомнѣнно, положили начало той политики частичныхъ уступокъ, которая позднѣе, подъ давленіемъ новыхъ революціонныхъ актовъ, повела къ фабричному закону 2-го іюня 1897 г., вмѣшательству министерства внутреннихъ дѣлъ съ цѣлью предупредить недовольство рабочихъ фабрикантами и т. д. Словомъ, это было начало вынужденныхъ уступокъ со стороны стараго строя.

Но главные и непосредственные результаты 70-хъ годовъ обнаружились на развитіи самаго революціоннаго движенія. Мы уже говорили, что роль всякаго революціоннаго движенія идеологическаго характера заключается прежде всего въ томъ, чтобы содѣйствовать распространенію своихъ идей и неразрывно связанныхъ съ ними эмоцій, содѣйствовать расширенію своего собственнаго личнаго состава до его возможныхъ предѣловъ и тѣмъ самымъ подготовлять, со своей стороны, необходимыя условія для массового революціоннаго движенія. Въ этомъ отношеніи историческое значеніе той героически-неравной революціонной борьбы, кото-

рая велась у насъ въ теченіе десяти лѣтъ внутри инертнаго до тѣхъ поръ въ политическомъ отношеніи русскаго общества, было громадно. Можно сказать, что революціонныя идеи, составлявшія въ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ какъ бы привиллегію крайне незначительнаго меньшинства, сдѣлались послѣ того общедоступными и проникли во всѣ уголки русскаго государства. Борьба между умѣренно-либеральнымъ и революціоннымъ направленіями, занимавшая такое важное мѣсто въ литературѣ и общественной жизни 60-хъ и начала 70-хъ годовъ, была закончена разъ навсегда. Теперь споры могли происходить лишь по вопросу о характерѣ и методахъ революціонной дѣятельности: опровергать возможность широкаго мирнаго развитія на почвѣ реформъ и доказывать необходимость революціоннаго движенія въ Россіи стало уже излишнимъ. Общественная жизнь уже была, такъ сказать, поставлена на революціонное положеніе всѣмъ предшествовавшимъ движеніемъ. Насколько, благодаря этому, революціонное движеніе выросло и расширилось по своимъ задачамъ, хорошо можно судить по такому сопоставленію. Въ самомъ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ, въ періодъ наибольшаго упадка революціонныхъ силъ, когда революціонное настроеніе, въ общемъ, находилось въ очень подавленномъ состояніи, въ Петербургѣ и во всѣхъ большихъ городахъ велась все-таки кружковая пропаганда среди рабочихъ, не уступавшая, безъ сомнѣнія, по своимъ размѣрамъ той революціонной пропагандѣ среди рабочихъ, которая велась въ началѣ 70-хъ годовъ, въ періодъ самыхъ большихъ ожиданій и самаго приподнятаго революціоннаго настроенія. Эта пропаганда, какъ извѣстно, признавалась тогда дѣломъ первостепенной важности: она одна составляла главную задачу и поглощала всѣ силы такой, напримѣръ, крупной по тому времени организаціи, какую представлялъ собою кружокъ чайковцевъ. Между тѣмъ, въ этотъ періодъ, о которомъ мы говоримъ, такого рода дѣятельность уже не удовлетворяла больше возросшихъ требованій революціоннаго движенія, не могла дать необходимой матеріальной опоры для революціоннаго движенія. Это одушевленіе снова явилось лишь вмѣстѣ съ гораздо болѣе широкой постановкой революціоннаго вопроса: оно снова явилось лишь тогда, когда въ качествѣ основного пункта революціонной программы было выдвинуто массовое рабочее движеніе въ фабричныхъ центрахъ. И мы знаемъ, что революціонная Россія сразу же

могла выставить тогда очень значительный контингентъ революціонной интеллигенціи, контингентъ, несомнѣнно, значительно превышавшій численный составъ прежнихъ революціонныхъ организацій и достаточный для успѣшнаго проведенія въ жизнь программы массового революціоннаго движенія,—въ извѣстныхъ предѣлахъ, конечно.

Но необходимо опять-таки имѣть въ виду, для правильнаго пониманія *внутреннихъ* причинъ революціонныхъ движеній, что этотъ значительно разросшійся теперь контингентъ революціонной интеллигенціи *не былъ созданъ* соціалъ-демократической программой,—точно также какъ народническое революціонное движеніе 70-хъ годовъ не могло бы быть создано анархической программой, выставленной Бакунинымъ. Этотъ разросшійся революціонный контингентъ былъ лишь призванъ теперь къ активной дѣятельности; революціонная программа 90-хъ годовъ лишь объединила и организовала тѣ революціонные элементы, которые уже были подготовлены самою жизнью; она лишь придала извѣстную опредѣленную форму новому революціонному теченію; созданы же эти революціонные элементы были всѣмъ предыдущимъ революціоннымъ движеніемъ русской общественной жизни. Въ этомъ именно заключается тѣсная преемственная, историческая связь между движеніемъ 90-хъ и 70-хъ годовъ, несмотря на рѣзкую разницу въ ихъ программахъ. Въ періодъ самой враждебной полемики, ихъ, несомнѣнно, связывало тѣсное духовное родство въ формѣ той обще-революціонной идейной и эмоціональной основы, которая необходима для осуществленія какой бы то ни было революціонной программы.

Наконецъ, положительные результаты движенія 70-хъ годовъ обнаружились также и въ томъ первоначальномъ контингентѣ идейныхъ революціонныхъ элементовъ среди рабочаго населенія, который соціалъ-демократическое движеніе уже нашло подготовленнымъ народническимъ революціоннымъ движеніемъ 70-хъ годовъ. Лишь въ видѣ иллюстраціи къ этому заключительному замѣчанію, врядъ ли нуждающемуся въ доказательствахъ, я приведу два слѣдующихъ параллельныхъ факта: въ 1873 г. на одной изъ петербургскихъ фабрикъ мы встрѣтили среднихъ лѣтъ рабочаго (Якова Иваныча), который оказался уже затронутымъ революціонной пропагандой начала 60-хъ годовъ; онъ сразу же сблизился съ нами и началъ приводить къ намъ для знакомства своихъ болѣе юныхъ товарищей. Съ другой стороны,

года два тому назадъ мнѣ пришлось бесѣдовать съ однимъ заводскимъ рабочимъ, пріѣзжавшимъ на время за границу, причемъ онъ сообщилъ мнѣ, между прочимъ, что въ числѣ его знакомыхъ находится одинъ уже пожилой рабочій, знавашій въ 1873 г. Чайковскаго и Кропоткина и оставшійся вѣрнымъ тѣмъ революціоннымъ идеямъ, которыя впервые тогда затронули его.

Роль интеллигенціи въ освободительномъ движеніи [1].

Этой темѣ спеціально посвящены „размышленія“ г. Струве Во всей книгѣ мы имѣемъ дѣло не столько съ серьезными изслѣдованіями, сколько съ размышленіями различныхъ авторовъ, носящими исключительно субъективный характеръ. При этомъ отсутствуетъ тотъ фактическій матеріалъ, который могъ бы служить единственной реальной опорой для субъективныхъ выводовъ. Оцѣнка всякаго историческаго событія провѣряется ея соотвѣтствіемъ съ болѣе или менѣе установленными объективными данными: а въ области общественной жизни эти объективныя данныя тѣмъ связаны съ историческимъ прошлымъ. Вотъ почему историческая критика положеній, высказываемыхъ авторами „Вѣхъ“, является необходимой. Въ статьѣ г. Струве, какъ и во всей книгѣ, рѣчь идетъ не о кризисѣ, а о *гибели* освободительнаго движенія въ его данныхъ формахъ. Причину этой гибели авторъ находитъ въ извѣстныхъ свойствахъ „русской интеллигенціи“, въ основномъ характерѣ ея идеологіи; отсюда онъ дѣлаетъ заключеніе о необходимости замѣны этой идеологіи новою, проникнутою элементами религіозной мистики: „Въ безрелигіозномъ отщепенствѣ отъ государства русской интеллигенціи—ключъ къ пониманію пережитой и переживаемой нами революціи“ [2]). Такова несложная концепція разсматриваемой статьи. Нетрудно видѣть отсутствіе исторической точки зрѣнія въ самой постановкѣ вопроса. Пережитая революція является *продуктомъ* безвѣрія интеллигенціи и извѣстнаго ея отношенія къ государству, ибо рѣшающая роль этихъ двухъ факторовъ, дающихъ ключъ къ пониманію русской революціи, предполагаетъ также и рѣшающую роль

---

1) Сборникъ «Вѣхи, какъ знаменіе времени». Москва. 1910 г. Ред.

2) П. Б. Струве. Интеллигенція и Революція. «Вѣхи», 3-е изд., стр. 161.

интеллигенціи въ условіяхъ происхожденія самого события. Нельзя видѣть ключъ къ пониманію характера общественнаго кризиса въ тѣхъ или другихъ идеологическихъ свойствахъ извѣстной общественной группы, разъ эта группа сама не играла бы опредѣляющей роли въ его происхожденіи. Способность руководить общественнымъ движеніемъ, вести его къ торжеству или гибели должна стоять въ соотвѣтствіи съ мѣстомъ, занимаемымъ разсматриваемымъ факторомъ въ рядѣ причинъ, обуславливающихъ собою теченіе общественной жизни. Такимъ образомъ, авторами „Вѣхъ", и въ числѣ ихъ г-омъ Струве, невольно приписывается русской интеллигенціи несоразмѣрно большое значеніе въ судьбахъ русскаго общества. Несмотря на „убожество" всѣхъ родовъ, открываемое ими во всѣхъ сторонахъ интеллигентской души, тѣмъ не менѣе, эта интеллигентская душа оказывается центральною осью, около которой вращается современная русская исторія, тою центральною силою, которою опредѣляется родъ общественной жизни громадной страны. Такое пониманіе условій историческаго развитія врядъ ли можетъ претендовать на особую глубину. Что придало акту 17 октября его историческое значеніе? Что позволяетъ авторамъ „Вѣхъ" называть событіе, соприкасающееся съ этимъ манифестомъ, „революціей"? Вѣроятно, участіе въ нихъ народныхъ массъ. Г. Струве прямо говоритъ, что „до новѣйшей революціи, связанной съ исходомъ русско-японской войны, Россія пережила два революціонныхъ кризиса, потрясшихъ народныя массы: смутное время, какъ эпилогъ котораго мы разсматриваемъ возмущеніе Разина, и пугачевщину" (стр. 156). Общая черта этихъ трехъ событій — связанное съ ними массовое движеніе. Итакъ, можно думать, что не идеологическія свойства интеллигенціи, а именно свойства народныхъ массъ, участіе которыхъ сообщило движенію значеніе „революціоннаго кризиса", и являются рѣшающимъ элементомъ въ условіяхъ, опредѣлявшихъ характеръ разсматриваемаго событія. Любопытна та историческая идея, съ какою г. Струве подходитъ къ характеристикѣ массоваго движенія 1905—6 годовъ: онъ видитъ въ немъ аналогію съ разинскимъ и пугачевскимъ бунтами. Бывшую роль казаковъ въ попыткахъ „поднять и повести противъ государства низы" г. Струве приписываетъ въ данномъ случаѣ русской интеллигенціи: „Въ указанномъ критическомъ моментѣ нашей до-петровской „смуты", въ его общемъ психологическомъ содержаніи, — пишетъ г. Струве,

чувствуется что-то современное, слишкомъ современное"... (стр. 157).

Г. Струве не считаетъ долгаго подготовительнаго періода, предшествовавшаго взрыву 1905 года; упоминая о Бакунинѣ, считавшемъ, что русская революція началась уже съ 1862 г., онъ говоритъ, что Бакунинъ, „конечно, не думалъ, что революція затянется болѣе чѣмъ на сорокъ лѣтъ" (стр. 164). Но Струве признаетъ этотъ длинный подготовительный періодъ лишь по отношенію къ интеллигенціи; по его словамъ, „послѣ пугачевщины и до этой революціи всѣ русскія политическія движенія были движеніями образованной и привилегированной части Россіи... Только въ той революціи, которую пережили мы, интеллигентская мысль соприкоснулась съ народной—впервые въ русской исторіи въ такомъ смыслѣ и въ такой формѣ" (стр. 164—165).

Такимъ образомъ, народныя массы, до самаго послѣдняго времени, остались внѣ вліянія интеллигентскихъ слоевъ, въ нихъ не проникали идеи политическаго и соціальнаго возрожденія. Только въ моментъ революціоннаго взрыва „съ ошеломляющей быстротой" совершились „прививки политическаго радикализма интеллигентскихъ идей къ соціальному радикализму народныхъ инстинктовъ" (стр. 170). До самаго момента кризиса масса стояла на той же ступени дикости и безсознательности, на какой она находилась во времена Разина и Пугачева; да и въ самомъ движеніи она оказалась не лучше: „Чѣмъ вложились народныя массы въ этотъ кризисъ? Тѣмъ же, чѣмъ онѣ влагались въ революціонное движеніе XVII и XVIII вѣковъ, своими соціальными страданіями и стихійно выроставшими изъ нихъ соціальными требованіями, своими инстинктами и ненавистями" (стр. 169).

Такова историческая картина и такова общая концепція русскаго революціоннаго движенія. Русскія народныя массы—это неизмѣнный элементъ общественной жизни. Это—безразличная сѣрая толпа, не мыслящая, не поддающаяся вліянію историческаго опыта, не выдѣляющая изъ своей среды сознательнаго слоя. Она не является главнымъ рѣшающимъ элементомъ, опредѣляющимъ формы общественнаго движенія; она не подчиняетъ своей коллективной волѣ ни своихъ вождей, ни выдвигаемую ими схему соціальныхъ преобразованій—напротивъ, это всегда одно и то же пассивное орудіе въ рукахъ дѣйствующей политической

партіи. Въ данномъ случаѣ, русская интеллигенція была одержима „политическимъ радикализмомъ“,—вмѣсто того, чтобы заняться „политикой воспитанія“ массъ, она стала на стезю ихъ „политической и соціальной революціонизаціи“ (стр. 170)—и вотъ въ результатѣ нѣчто чудовищное и несообразное, не имѣющее никакой связи ни съ прошлымъ, ни съ будущимъ, какой-то историческій грѣхъ, сплошная политическая ошибка.

Откуда взялась въ русской жизни эта интеллигенція, одержимая политическимъ радикализмомъ и безрелигіознымъ максимализмомъ? Были ли какія-нибудь историческія основанія для появленія ея или это—тоже какой-то историческій грѣхъ, въ которомъ можно лишь раскаяться, взявшись за перестройку интеллигентской души? Наконецъ, какъ это произошло, что только для одной этой интеллигенціи съ ея фантастической идеологіей оказался доступъ къ народнымъ массамъ? Гдѣ были въ это время другіе слои общества—тотъ, напримѣръ, „образованный классъ“, о которомъ упоминаетъ г. Струве, съ его „исторически понятной и прозрачной ролью, обусловленной культурной функціей просвѣщенія“ (стр. 151)?

На всѣ эти вопросы читатель не найдетъ отвѣта въ статьѣ г. Струве. Историческая точка зрѣнія чужда ему какъ по отношенію къ народнымъ массамъ, такъ и по отношенію къ интеллигенціи. На русскую интеллигенцію онъ смотритъ, какъ на явленіе совершенно безпочвенное, отщепленное отъ русской исторіи. Всѣ великіе русскіе писатели „не носили интеллигентскаго лика“; нѣкоторые изъ нихъ даже „срывали и далеко отбрасывали отъ себя интеллигентскій мундиръ“,—словомъ, это какое-то зачумленное сонмище. Но, тѣмъ не менѣе, обойтись безъ него невозможно: отъ вопроса, отрѣшится ли русская интеллигенція отъ своего „безрелигіознаго государственнаго отщепенства“, зависитъ „въ значительной мѣрѣ судьба Россіи и ея культуры“ (стр. 172—173).

Получается такое положеніе: въ исторію страны съ нѣкоторыхъ поръ, примѣрно съ 60-хъ годовъ, впуталась какая-то чужая, посторонняя сила, не выдвинутая общимъ характеромъ русской жизни, не взрощенная на родной почвѣ, возникшая благодаря „воспріятію русскими передовыми умами западно-европейскаго атеистическаго соціализма“,— и вотъ эта посторонняя сила мутитъ и переворачиваетъ вверхъ дномъ всю русскую жизнь, мѣшаетъ нормальному ходу со-

бытій, ставитъ безумныя задачи, увлекаетъ за собой народныя стихіи и создаетъ, наконецъ, хроническій „государственный испугъ", приводитъ страну къ „мертвой точкѣ", сдвинуть съ которой „потребуются годы" (стр. 171).

И никакого историческаго объясненія этому удивительному явленію не находится въ разсматриваемой статьѣ—никакого смысла въ немъ, никакого глубокаго источника, откуда исходила бы не гибель, а обновленіе. Г. Струве проводитъ разграниченіе между Россіей и Западной Европой; онъ указываетъ (стр. 166—167) на огромную разницу между западно-европейскимъ революціоннымъ опытомъ и нашимъ, но онъ не видитъ причины этой разницы въ различіи соціальныхъ условій. Напротивъ, онъ ищетъ различій въ области идей, называя соціализмъ *западно-европейскимъ* и приписывая воспріятію этого чуждаго элемента духовное зарожденіе русской интеллигенціи „въ указанномъ нами смыслѣ", т. е. въ смыслѣ ея полнаго отчужденія отъ государства. Соціализмъ, какъ идея, воспринятая нами съ Запада, не подлежитъ никакимъ національнымъ границамъ. Это—міровое явленіе, вызванное общими условіями историческаго развитія. Какъ принципъ частной собственности не ограниченъ въ своемъ распространеніи никакими странами свѣта, такъ и идея коллективнаго владѣнія средствами производства. Г. Струве признаетъ нормальнымъ для Россіи появленіе буржуазной идеологіи; онъ очень надѣется даже, что и русская интеллигенція „обуржуазится" съ теченіемъ времени „въ процессѣ экономическаго развитія" (стр.173); почему же онъ считаетъ воспріятіе соціализма передовыми русскими умами наноснымъ явленіемъ, чуждымъ русской душѣ?

Между тѣмъ, то основное отличіе русской общественной жизни отъ западно-европейской, то отличіе, которымъ объясняется исторически характеръ идеологіи русской интеллигенціи и характеръ развитія русскаго общественнаго движенія, совершенно не замѣчается г. Струве въ новѣйшей русской исторіи, совершенно не принимается имъ во вниманіе. Мы говоримъ объ отсутствіи въ русской исторіи сильнаго своею численностью и своимъ экономическимъ могуществомъ средняго сословія. Объ этомъ фактѣ упоминается иногда, но ему не придается надлежащаго значенія, между тѣмъ, въ немъ именно лежитъ истинный ключъ къ пониманію всѣхъ тѣхъ загадочныхъ для г. Струве явленій, для объ-

ясненія которыхъ ему приходится прибѣгать чуть ли не къ гипотезѣ дьявольскаго наважденія.

Кѣмъ создана современная западно-европейская культура, передъ которой почтительно преклоняются всѣ безъ исключенія авторы „Вѣхъ“? Кѣмъ воздвигнуты на развалинахъ феодальнаго строя Западной Европы ея политическія учрежденія, ея національныя богатства, ея соціальная структура, столь устойчивая, что даже программы революціонныхъ по существу партій носятъ въ ней сравнительно весьма умѣренный характеръ? Во Франціи, въ моментъ политическаго кризиса, положившаго конецъ феодальному господству, это феодальное господство оставило страну, какъ извѣстно, въ довольно плачевномъ положеніи: но политическое устройство Франціи немедленно же было взято въ свои руки третьимъ сословіемъ, подготовленнымъ средневѣковой исторіей. Это третье сословіе уже и тогда было очень вліятельно и очень многочисленно. Въ Конвентѣ, первомъ представительномъ собраніи, избранномъ всеобщей подачей голосовъ, численное преобладаніе и руководящая роль принадлежали жирондистамъ, представителямъ интересовъ торговой и промышленной буржуазіи. Даже клубъ якобинцевъ со своими отдѣленіями, охватывавшими значительную часть Франціи, представлялъ собою въ большинствѣ случаевъ буржуазную организацію. Когда жирондисты были свергнуты, то это произошло вопреки желанію огромнаго большинства Конвента. Сто тысячъ парижанъ окружили Конвентъ и держали его три дня въ осадѣ, требуя удаленія двадцати семи самыхъ видныхъ и вліятельныхъ жирондистовъ. Большинство Конвента, вмѣстѣ съ частью Горы, объявили пренія несвободными и пытались прорваться изъ залы засѣданія, но осаждавшіе навели на нихъ пушки. Это было открытое насиліе. Четырнадцати-мѣсячное господство революціоннаго правительства, въ теченіе котораго были проведены всѣ крупныя соціальныя мѣры великой французской революціи, было обезпечено возстаніемъ парижскаго рабочаго населенія. Но это былъ лишь яркій эпизодъ въ общемъ ходѣ движенія, эпизодъ, оставившій глубокіе слѣды, главнымъ образомъ, на экономическомъ положеніи французскаго крестьянства; но, тѣмъ не менѣе, господствующее и длительное вліяніе въ этомъ движеніи принадлежало, несомнѣнно, не рабочимъ массамъ, а третьему сословію.

И вотъ это третье сословіе, занявъ очень видное положеніе въ новомъ политическомъ строѣ, вступило въ ком-

промиссъ съ представителями стараго порядка и создало въ теченіе столѣтняго промежутка времени французское буржуазное государство, съ его культурой и съ его очень крѣпкими устоями.

Особую, не только внѣшнюю, но и внутреннюю устойчивость современному буржуазному государству придаетъ промышленное развитіе. При международномъ характерѣ капитала, буржуазія Франціи или Англіи, напримѣръ, получаетъ часть чистаго дохода, въ видѣ дивиденда съ помѣщенныхъ такъ или иначе денегъ, не только со своихъ собственныхъ промышленныхъ предпріятій, но также и съ производительной дѣятельности другихъ странъ; въ ея руки переходитъ извѣстная доля богатствъ болѣе отсталыхъ экономически государствъ, вслѣдствіе чего происходитъ какъ бы искусственное скопленіе капиталовъ въ нѣкоторыхъ центрахъ міроваго промышленнаго развитія; по отношенію къ этому искусственному скопленію капиталовъ и ихъ обладателей. Англія, напримѣръ, уже превратилась, по выраженію Каутскаго, въ своего рода Монте-Карло или Тиргартенскій кварталъ Берлина.

Послѣдствіемъ такого скопленія капиталовъ и богатствъ въ рукахъ западно-европейской буржуазіи была возможность для нея все болѣе и болѣе усиливать свое политическое вліяніе. Въ разливающихся отъ нея во всѣ стороны золотыхъ лучахъ купается многочисленный штатъ всякаго рода кліентовъ. На этой же почвѣ построена западно-европейская городская культура съ ея рѣзкими контрастами между избыткомъ роскоши и избыткомъ обдѣленности. Но на этой же почвѣ зиждется также и подъемъ общаго экономическаго уровня западно-европейскаго населенія, возвышеніе заработной платы, улучшеній условій труда. Все это страшно укрѣпляетъ положеніе господствующихъ классовъ; все это создаетъ очень много сознательныхъ сторонниковъ умѣренной политики, сторонниковъ не радикальной ломки, а постепенныхъ и очень умѣренныхъ преобразованій въ данной соціальной структурѣ.

При такихъ ли условіяхъ происходило и происходитъ у насъ паденіе феодальныхъ устоевъ? Существуетъ ли у насъ что-нибудь подобное тому третьему сословію, которое вотъ уже болѣе ста лѣтъ находится на политической сценѣ Западной Европы? Мы слышимъ скорбные голоса авторовъ „Вѣхъ“, по поводу отсутствія въ Россіи столь любезной ихъ сердцу буржуазной культуры, но неужели они думаютъ, что

эту культуру можно было бы создать примѣсью мистическаго элемента къ идеологіи русской интеллигенціи. Въ западно-европейскихъ государствахъ буржуазная культура создавалась путемъ накопленія богатствъ въ рукахъ очень многочисленнаго общественнаго слоя. Тамъ притягательная сила самого факта, самой возможности этой культуры создала ей принципіальныхъ защитниковъ, многіе изъ которыхъ не лишены, вѣроятно, и мистическаго элемента; они создали соотвѣтствующую идеологію и создали тотъ типъ обуржуазившейся интеллигенціи, о которомъ мечтаетъ теперь г. Струве. Но какъ же вы хотите, чтобы въ русскомъ обществѣ появились многочисленные принципіальные защитники такого политическаго положенія, для осуществленія котораго нѣтъ въ наличности никакихъ реальныхъ общественныхъ элементовъ? Та сильная политическая партія, которая перестроила бы русскую жизнь на западно-европейскій буржуазный образецъ, существуетъ лишь въ воображеніи авторовъ „Вѣхъ". Вмѣсто нея у насъ имѣются пока октябристы, которые на выборахъ 1906 г., при условіяхъ хоть сколько-нибудь правильнаго представительства, заняли въ Думѣ совершенно ничтожное мѣсто [1]). Нѣтъ условій для появленія сильной буржуазной партіи — нѣтъ и соотвѣтствующей культуры; это — совершенно естественное положеніе вещей. Въ той мѣрѣ, въ какой у насъ существуетъ промышленная буржуазія, въ той мѣрѣ, въ какой она способна проявить творческую политическую дѣятельность, въ той мѣрѣ, въ какой она способна оказать притягательное вліяніе на умы,—въ той только мѣрѣ можно разсчитывать и на захватъ ею въ сферу своего вліянія извѣстнаго контингента интеллигенціи. Отрицательное отношеніе къ общественнымъ проявленіямъ буржуазнаго господства, хотя бы и связаннаго съ развитіемъ буржуазной культуры, причисляется почему-то авторами „Вѣхъ" къ исключительнымъ свойствамъ одной только русской радикальной интеллигенціи. Но развѣ имъ неизвѣстно, что это явленіе въ такой же мѣрѣ присуще западно-европейской общественной исторіи? При первыхъ же политическихъ кризисахъ, выдвинувшихъ западно-европейскую буржуазію, въ Англіи появились левеллеры, а во Франціи „общество равныхъ". Событіе 10-го августа 1792 г. въ Парижѣ, имѣвшее огромное политическое значеніе, окончательно сломившее старый политическій строй, произошло

[1]) Рѣчь идетъ о выборахъ въ 1-ю Госуд. Думу. Ред.

путемъ возстанія парижскихъ низовъ, руководимыхъ вождями парижскихъ секцій и „народныхъ обществъ". Переворотъ 31 мая 1793 г. былъ также произведенъ парижскими низами, крайне враждебно настроенными противъ буржуазіи, мечтавшими о равномъ распредѣленіи имуществъ. Подъ давленіемъ этихъ низовъ, представители которыхъ были не Робеспьеръ и не Дантонъ, а Шометъ, Маратъ и другіе, думавшіе уже тогда о соціальномъ переустройствѣ, были проведены въ Конвентѣ двѣ самыя крупныя соціальныя мѣры этой эпохи: отмѣна выкупа за всѣ какъ земельныя, такъ и личныя феодальныя повинности и возвращеніе деревенскимъ коммунамъ общинныхъ земель, отбиравшихся у нихъ въ теченіе ста лѣтъ по указу 1669 г. Такимъ образомъ, разсматриваемое нами анти-буржуазное теченіе было вполнѣ реальнымъ явленіемъ на Западѣ уже въ эпоху первой французской революціи: оно не только положило начало идейному движенію, но уже тогда прикоснулось очень рѣшительно къ принципу частной собственности.

Затѣмъ появились великіе теоретики этого теченія: Годвинъ, Робертъ Овенъ, Сенъ-Симонъ, Фурье, Прудонъ, Лассаль, Марксъ, появился „атеистическій соціализмъ" и соотвѣтствующая ему интеллигенція. Русская интеллигенція съ ея анти-буржуазнымъ настроеніемъ не является исключительной принадлежностью русской жизни; она вовсе не представляетъ собою чего-нибудь специфическаго, не свойственнаго естественному ходу историческаго развитія. Но несомнѣнно, что на фонѣ русской дѣйствительности она занимаетъ совсѣмъ не то положеніе, какое занимала на фонѣ западно-европейской общественной жизни соціалистическая интеллигенція Западной Европы. Тамъ она въ теченіе долгаго времени была подавляема преобладаніемъ буржуазнаго политическаго вліянія. Тамъ до сихъ поръ, несмотря на огромное развитіе рабочаго движенія, буржуазія все еще занимаетъ очень крѣпкія позиціи: тамъ, вслѣдъ за паденіемъ феодальнаго строя, наступилъ долгій періодъ буржуазнаго государственнаго строительства, въ которомъ рабочія партіи не могли принять ровно никакого участія—до такой степени политическая сцена была заполнена ихъ политическими противниками. Словомъ, тамъ во всей новѣйшей исторіи игралъ преобразующую роль тотъ самый элементъ третьяго сословія, котораго у насъ имѣются до сихъ поръ лишь очень незамѣтные слѣды.

Прослѣдите нашу исторію со временъ 60-хъ годовъ со стороны проявленія въ ней общественныхъ силъ и вы уви-

дите на первыхъ порахъ совершенную пустыню. Вся сцена занята борьбою съ только-что еще зарождавшимися, ничтожными по своему непосредственному реальному значенію революціонными организаціями. „Есть въ исторіи такія положенія, изъ которыхъ нѣтъ хорошаго выхода"...—писалъ Чернышевскій въ 1858 г.: „Что же остается дѣлать въ такихъ случаяхъ частному зрителю?. Мы не знаемъ, что ему дѣлать, но знаемъ, по крайней мѣрѣ, что онъ не долженъ дѣлать: не стараться ослѣплять другихъ, остерегаться заражать другихъ идеологическою язвою, если самъ по несчастію подверженъ ей..." [1]). Вотъ въ какомъ видѣ рисовалось тогда положеніе Россіи одному изъ вождей русской соціалистической интеллигенціи. Это положеніе представлялось ему для данной минуты совершенно безвыходнымъ—за отсутствіемъ въ странѣ общественныхъ силъ. Извѣстно, что въ 1861 г. была сдѣлана замѣчательная попытка обращенія ко всему либеральному обществу въ газетѣ „Великоруссъ" [2]). Вопросъ ставили въ ней на чисто практическую почву. Говорилось, между прочимъ, о необходимости, въ прямыхъ интересахъ всего общества, такого разрѣшенія крѣпостного дѣла, при которомъ осталась бы наиболѣе многочисленная и наиболѣе умѣренная часть крестьянства, желавшая лишь сохранить ту землю, какой крестьяне пользовались при крѣпостномъ правѣ: иначе — „законный порядокъ не можетъ водвориться путемъ мирныхъ реформъ, потому что удерживать крестьянъ въ спокойствіи надобно будетъ, какъ и теперь, военными мѣрами. А власть, дѣйствующая такими мѣрами противъ массы населенія, не будетъ соблюдать законности ни въ чемъ". На томъ же основаніи доказывалась необходимость освобожденія Польши: „Вспомнимъ слова Чатама при началѣ возстанія американскихъ колоній: „если англійское правительство подчинитъ деспотизму Америку, сама Англія подвергнется деспотизму".

„Еще не всѣ либеральные русскіе — говорилось далѣе — убѣждены въ необходимости такого рѣшенія крестьянскаго и польскаго вопросовъ: нѣкоторые думаютъ ограничиться половинными уступками. Такіе взгляды оставляютъ безъ вниманія связь этихъ вопросовъ съ конституціоннымъ. Раз-

[1]) «Борьба партій во Франціи»: собр. соч., т. IV, стр. 207.

[2]) Существуетъ много основаній въ пользу предположенія, что въ этомъ изданіи принималъ участіе Чернышевскій.

смотрѣвъ же ихъ по отношенію къ этому коренному дѣлу, нельзя не видѣть, что никакое рѣшеніе ихъ, кромѣ вышеизложеннаго, не ведетъ къ главной цѣли — упроченію конституціи у насъ. Это желаніе либеральныхъ русскихъ можетъ исполниться только при полномъ удовлетвореніи поляковъ и крѣпостныхъ крестьянъ: если останется надобность подавлять тѣхъ и другихъ оружіемъ, законный порядокъ невозможенъ у насъ самихъ. Эту точку зрѣнія комитетъ настоятельно рекомендуетъ вниманію русскихъ конституціоналистовъ"[1]). Эти соображенія, касавшіяся самыхъ насущныхъ интересовъ третьяго сословія — установленія законнаго порядка — не нашли отголоска въ обществѣ и не были поддержаны, потому что у насъ не было третьяго сословія, какъ вліятельной политической силы. Реформы 60-хъ годовъ обсуждались и рѣшались между помѣщиками и правительствомъ. Крестьяне были разорены, несмотря на то, что разореніе ихъ въ самомъ корнѣ подрывало одно изъ главныхъ условій развитія промышленности и усиленія третьяго сословія — существованіе внутренняго рынка. И такъ дѣло шло въ теченіе всего пореформеннаго періода. Возможное ли дѣло, чтобы правительство само прилагало всѣ старанія къ тому, чтобы способствовать накопленію богатствъ въ рукахъ буржуазіи, чтобы оно само заботилось о насажденіи промышленнаго класса, если бы этотъ промышленный классъ представлялъ собою хоть тѣнь политической оппозиціи? А, между тѣмъ, такова была въ Россіи правительственная политика всѣхъ 70-хъ годовъ. Г. Гершензонъ и, повидимому, г. Булгаковъ, въ противоположность г. Струве, говорятъ о русской интеллигенціи, какъ о всемъ образованномъ классѣ, соединяя въ одно цѣлое какъ соціалистическую, такъ и несоціалистическую интеллигенцію, причемъ г. Гершензонъ отдѣляетъ „интеллигентскую массу" отъ „кучки революціонеровъ". Бытъ первой онъ характеризуетъ, какъ „мерзость запустѣнія": „ни малѣйшей дисциплины, ни малѣйшей послѣдовательности даже во внѣшнемъ; день уходитъ неизвѣстно на что, сегодня такъ, а завтра — по вдохновенію, все вверхъ ногами... и т. д." Но есть интеллигенція и интеллигенція. Россія не какая-то, а особая страна, рожденная подъ знакомъ соціализма; надъ ней не вѣетъ соціалистическимъ вѣтромъ, который охваты-

[1]) «Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ», изд. Базилевскаго.

валъ бы поголовно все ея образованное и состоятельное населеніе. Ея интеллигенція, какъ и всюду, раздѣляется по убѣжденіямъ на нѣсколько категорій, причемъ значительное большинство принадлежитъ къ различнымъ оттѣнкамъ либерализма. Мы знаемъ, что представителямъ этой послѣдней категоріи были дѣйствительно свойственны, за весь послѣреформенный періодъ, духовныя черты большого унынія и большой апатіи, и съ тѣхъ поръ, какъ потухли ея первоначальныя либеральныя надежды (примѣрно съ 1866 г.), она уже не жила активною политической жизнью. Ея душевное настроеніе образно представлено Щедринымъ въ типахъ героя „Благонамѣренныхъ Рѣчей" и его пріятеля Глумова. Чѣмъ объясняется это отсутствіе вѣры въ свои силы, этотъ хроническій упадокъ политическаго настроенія? Тѣмъ, что русская либеральная интеллигенція чувствовала себя политически одинокой, тѣмъ, что за ней не стояла общественная сила третьяго сословія. Вся ея общественная программа носила чисто идеологическій характеръ: это были скорбныя рѣчи о независимомъ судѣ, о свободѣ печати, о земскомъ и городскомъ самоуправленіи — безъ всякихъ рессурсовъ для ихъ осуществленія. Государственное строительство Россіи находилось не въ рукахъ третьяго сословія и его теоретическихъ представителей; они не создали соотвѣтствующихъ ихъ идеаламъ политическихъ учрежденій; они не вызвали въ странѣ того культурнаго подъема, который обусловливается накопленіемъ огромныхъ богатствъ въ рукахъ промышленнаго класса.

Этимъ отсутствіемъ на политической сценѣ Россіи сильной и вліятельной буржуазной партіи опредѣлилась преобладающая роль соціалистической интеллигенціи въ ходѣ ея общественнаго развитія. Ея относительное положеніе въ общей перспективѣ русской жизни было гораздо значительнѣе того, какое занимали въ свое время западно-европейскія соціалистическія партіи. Передъ нею открывалось пустое никѣмъ не занятое поле общественной борьбы; она являлась единственной носительницей опредѣленныхъ общественныхъ задачъ; ея стремленія не оттирались на второй планъ тѣмъ побѣдоноснымъ шествіемъ, какое представляло собою выступленіе на политическую сцену западно-европейской буржуазіи. Но русской соціалистической интеллигенціи, также, какъ и западно-европейской, свойственны свои особыя задачи и свои особыя стремленія. Обвинять ее въ томъ, что она не взяла на себя выполненія тѣхъ задачъ,

которыми сопровождалось промышленное и политическое развитіе западной буржуазіи, — значитъ обнаруживать странное пониманіе вещей. Если допустить, что политическіе интересы соціалистической и буржуазной партій на первыхъ шагахъ были даже тождественны, то какими путями могли бы оказаться тождественными ихъ способы осуществленія? Какими путями могла бы соціалистическая интеллигенція перенести на русскую почву ту культуру, которая создавалась на Западѣ вѣками промышленнаго развитія? Какъ могла бы она оказывать давленіе своимъ экономическимъ вліяніемъ на старый порядокъ? Какъ могла бы она, наконецъ, вступить съ нимъ въ тотъ тѣсный союзъ, какимъ сопровождалось на Западѣ установленіе буржуазнаго строя? Ибо политическая побѣда буржуазіи во всѣхъ странахъ міра достигалась въ формѣ компромисса между старымъ и новымъ порядкомъ на почвѣ прежнихъ соціальныхъ устоевъ.

„Актомъ 17 октября по существу и формально революція должна была бы завершиться“ — пишетъ г. Струве (стр. 165). Почему же она, однако, не завершилась? Въ статьѣ г. Струве замѣчается удивительное невниманіе къ фактическому положенію вещей. Онъ говоритъ о томъ, что должно было бы быть, а не о томъ, что было въ дѣйствительности. Незавершеніе революціи актомъ 17 октября онъ приписываетъ „отщепенскимъ идеямъ и отщепенскому настроенію“, которыя „въ моментъ государственнаго преобразованія 1905 г. всецѣло владѣли широкими кругами русскихъ образованныхъ людей“ (стр. 165—166). Но это объясненіе скользитъ по поверхности. Если широкіе круги образованныхъ людей — въ томъ неопредѣленномъ смыслѣ, въ какомъ употреблено это выраженіе, — были отвлечены отщепенскимъ настроеніемъ, то это произошло потому, что они были увлечены тѣмъ главнымъ потокомъ движенія, во главѣ котораго стояли уже не увлеченные только, а подлинные отщепенцы буржуазнаго строя. Но какъ же вы хотите, чтобы эти отщепенцы буржуазнаго строя поступили иначе, а не сообразно своему отщепенству? И какъ вы хотите, кромѣ того, чтобы общественное движеніе остановилось въ томъ именно пунктѣ, который опредѣляется чисто теоретическими соображеніями? Что значитъ остановиться на томъ или другомъ пунктѣ въ періодъ общественнаго кризиса? Это значитъ овладѣть положеніемъ, это значитъ укрѣпиться на занятыхъ позиціяхъ, такъ какъ только въ такомъ случаѣ можетъ быть остановлено то сопротивленіе,

которое идетъ съ другой стороны и у котораго намѣчается своя собственная желательная форма завершенія кризиса. Для того, чтобы русское общественное движеніе было завершено актомъ 17 октября, надо было бы, чтобы въ данный моментъ на русской политической сценѣ господствовала либеральная партія, идеаломъ которой вполнѣ соотвѣтствовала конституція 17 октября,—т. е., надо было бы, чтобы въ Россіи существовало сильное своимъ вліяніемъ третье сословіе, которое взяло бы въ свои руки политическое положеніе и устроило бы извѣстный компромиссъ, какъ это сдѣлала въ аналогичный моментъ французская буржуазія.

Въ данномъ случаѣ, однако, господствующее вліяніе на политической сценѣ принадлежало теченію, руководимому соціалистической интеллигенціей. Это признаетъ самъ г. Струве, такъ какъ именно этому теченію онъ приписываетъ гигель всего движенія. Но спрашивается, могло ли теченіе, поднявшее за собою рабочія массы, направляющееся въ сторону своихъ собственныхъ идеаловъ, завершиться конституціоннымъ компромиссомъ? Пусть г. Струве вспомнитъ о рабочемъ движеніи 1848 г.: оно также вызвало „государственный испугъ" французской буржуазіи; оно также заставило говорить о „варварахъ у нашихъ воротъ" и повлекло за собою воцареніе Наполеона III. Рабочія массы движутся мотивами, отличными отъ мотивовъ буржуазіи, онѣ преслѣдуютъ совсѣмъ особыя цѣли. Представляетъ ли себѣ г. Струве, что такое—актъ 17 октября, взятый въ его политической сущности? Это—компромиссъ между буржуазіей и землевладѣльческимъ классомъ на извѣстной соціальной подкладкѣ. Но такъ какъ тою общественною силою, которая обусловила появленіе этого акта была не буржуазія, а народныя массы, то данное политическое соглашеніе являлось фикціей—за отсутствіемъ другой договаривающейся стороны. И мы, дѣйствительно, видимъ, что какъ только рабочія массы были удалены со сцены, соглашеніе потеряло все свое значеніе и было взято назадъ. Рабочее движеніе было подавлено, какъ было оно подавлено въ 1848 году, но притомъ не считались съ требованіями и интересами третьяго сословія. Въ этомъ—сущность дѣла: въ этомъ—разница между нами и Западной Европой. Рабочее движеніе можетъ, конечно, оплакивать свою неудачу, но оно не можетъ оплакивать неудачи акта 17 октября, такъ какъ этотъ вопросъ—внѣ области его компетенціи. Здѣсь невольно вспоминаются слова Спасовича въ разговорѣ

съ однимъ изъ представителей русскаго рабочаго движенія: „Но знаете ли,—сказалъ онъ,—что вы все-таки работаете не для соціальной революціи; нѣтъ, она еще далеко; вы расчищаете путь намъ, буржуа-либераламъ, какъ вы называете насъ, и только мы воспользуемся вашимъ трудомъ и вашими жертвами“ [1]). Вотъ правильный взглядъ на отношеніе конституціонно-либеральной партіи къ тому теченію, представителемъ котораго является русская интеллигенція. Въ этомъ отношеніи она добросовѣстно исполняла свою историческую миссію и не однажды доставляла случай конституціонно-либеральной партіи воспользоваться ея трудами и жертвами. Не ея вина, если у послѣдней не хватило собственныхъ силъ.

Тѣмъ значительнѣе, разумѣется, та роль, которая выпадаетъ на долю разсматриваемаго теченія, такъ какъ ему приходится брать на себя цѣликомъ всю политическую задачу. Но оно можетъ разрѣшить ее только въ тѣхъ формахъ, которыя свойственны ему, а не третьему сословію. Въ этихъ формахъ, на первоначальныхъ стадіяхъ массоваго движенія, неизбѣжно должно быть много стихійнаго, въ силу огромной численности затронутыхъ элементовъ, неизмѣримо превышающей численный составъ всякаго движенія, выходящаго изъ нѣдръ третьяго сословія. Какъ бы ни была значительна передовая часть рабочаго населенія, она неизбѣжно тонетъ на первыхъ шагахъ въ народной стихіи. Идейное возрожденіе массъ можетъ происходить только путемъ послѣдовательнаго выдѣленія изъ ихъ среды болѣе сознательныхъ элементовъ, причемъ надо имѣть въ виду, при какихъ необычайныхъ трудностяхъ происходитъ у насъ это идейное возрожденіе массъ. Легко, конечно, написать, что „народническая, не говоря уже о марксистской, проповѣдь въ исторической дѣйствительности превращалась въ разнузданіе и деморализацію“ (стр. 169); но много ли исторической правды въ такой характеристикѣ? Разнузданность и деморализація—скорѣе аттрибуты неограниченнаго произвола, чѣмъ того положенія, при которомъ объектъ данной характеристики стѣсненъ въ проявленіи своихъ самыхъ неотъемлемыхъ гражданскихъ и человѣческихъ правъ. Правда, г. Струве утверждаетъ, что наши народныя массы вложились въ характеризуемое имъ движеніе „своими инстинктами, аппетитами и ненавистями“;

[1]) «Процессъ 50-ти», воспоминанія П. С. Джабадари; «Былое», 1907 года, № 8.

но онъ не приводитъ соотвѣтствующихъ данныхъ, онъ не даетъ намъ картины озвѣрѣнія и кровавыхъ расправъ, которыя подтверждали бы аналогію бунтовъ XVII и XVIII вѣковъ съ послѣдними крестьянскими движеніями. Сходства между ними безпристрастный наблюдатель не найдетъ; а, между тѣмъ, на очень существенную разницу указываетъ самъ г. Струве. Онъ говоритъ о полномъ превращеніи, происшедшемъ въ характерѣ руководящихъ элементовъ движенія; онъ говоритъ о замѣнѣ казачества въ роли вождя народныхъ бунтовъ идейнымъ вліяніемъ интеллигенціи. Трудно съ достаточною силою оцѣнить значеніе этой перемѣны. Она обнаруживается прежде всего въ полномъ измѣненіи способа соприкосновенія руководящихъ элементовъ съ массами. Казачеству это соприкосновеніе доставалось безъ всякихъ усилій; связь устанавливалась здѣсь непосредственно, благодаря полному единству міросозерцанія, полному тождеству психологическаго содержанія. Съ другой стороны, извѣстно, что не только въ XVII и XVIII сотлѣтіяхъ, но въ гораздо болѣе близкую къ намъ эпоху 70-хъ годовъ установленіе связи между интеллигенціей и массами было очень затруднено. Всѣ попытки общественныхъ движеній этой эпохи характеризуются отсутствіемъ болѣе или менѣе прочныхъ связей съ массами. Участіе рабочаго элемента въ этихъ первыхъ движеніяхъ количественно опредѣлялось единицами и десятками лицъ, особенно выдававшихся по своимъ умственнымъ и душевнымъ свойствамъ. Интеллигенціи приходилось медленно и съ большою тратою силъ пробивать ту вѣковую стѣну, которая стояла, въ идейной области, на пути ея духовнаго сближенія съ народными массами. Формально г. Струве, быть можетъ, и правъ, когда говоритъ, что „до этой революціи всѣ русскія политическія движенія были движеніями образованной и привиллегированной части Россіи", но онъ забываетъ упомянуть, что съ самой эпохи „хожденія въ народъ" всѣ стремленія русской соціалистической интеллигенціи были направлены къ тому, чтобы выйти изъ своего изолированнаго положенія отщепенцевъ государства и занять въ немъ то большое и отвѣтственное мѣсто, о которомъ упоминаетъ теперь самъ г. Струве. Та „ошеломляющая быстрота", съ какой совершилась, по его словамъ, „прививка политическаго радикализма интеллигентскихъ идей къ соціальному радикализму народныхъ инстинктовъ"—плодъ полемическаго воображенія, лишній разъ подтверждающаго нашу мысль о полномъ отсутствіи исторической точки зрѣнія въ выводахъ автора. Если

народныя массы остались неизмѣнными съ временъ Разина и Пугачева, если онѣ вложились въ пережитое движеніе тѣмъ же, чѣмъ онѣ влагались въ революціонное движеніе XVII и XVIII вѣковъ, то какъ могли бы онѣ быть готовы къ воспріятію интеллигентскихъ идей политическаго радикализма? Если „революція бросилась въ атаку на политическій строй и соціальный укладъ самодержавно-дворянской Россіи“ подъ вліяніемъ „соприкосновенія интеллигентской мысли съ народной“ (стр. 164—165), то какъ могло это соприкосновеніе быть мгновеннымъ? Какъ могло совершиться такое превращеніе мгновенно, подобно тому, какъ происходитъ превращеніе въ сказкахъ по мановенію волшебницы? Въ чудодѣйственную силу мгновеннаго соприкосновенія съ массами вѣрила молодежь начала 70-хъ годовъ; но дѣйствительность скоро показала, что истина заключалась лишь въ самой идеѣ о необходимости этого соприкосновенія. Осуществленіе же должно было потребовать гораздо больше времени. Осуществленіе еще не закончилось и теперь. Мы находимся въ процессѣ неравномѣрнаго поступательнаго движенія, сопровождающагося различными пертурбаціями. Подобно западно-европейскимъ аналогичнымъ движеніямъ, мы переживаемъ теперь одну изъ такихъ пертурбацій, принимаемую авторами „Вѣхъ“ за окончательную и непоправимую катастрофу. Чѣмъ объяснить такой пессимизмъ? По нашему мнѣнію, онъ объясняется крушеніемъ не того движенія, которое вытекаетъ исторически изъ условій русской жизни, которое въ теченіе своего послѣдовательнаго развитія уже успѣло создать для себя прочныя опоры, — а тѣхъ фиктивныхъ построеній, тѣхъ фантастическихъ перспективъ, въ глубинѣ которыхъ рисуется заманчивая картина культурнаго буржуазнаго государства. Эти надежды вспыхнули яркимъ свѣтомъ въ моментъ исторической „даты 17 октября“. Эта дата, знаменовавшая собою, по мнѣнію г. Струве, „принципіальное коренное преобразованіе сложившагося вѣками политическаго строя Россіи“ (стр. 165), въ дѣйствительности оказалась призракомъ, — и, вотъ, крушеніе всѣхъ связанныхъ съ нею надеждъ оставило слѣды глубокаго разочарованія въ нѣкоторыхъ сердцахъ.

III.

ЛИЧНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

Сергѣй Михайловичъ Кравчинскій и кружокъ чайковцевъ[1].

(Изъ воспоминаній и замѣтокъ стараго народника).

«Гдѣ ты, время невозвратное
Незабвенной старины,
Гдѣ ты, солнце благодатное
Золотой моей весны?!.»

Полежаевъ.

I.

Мои первыя воспоминанія о Сергѣѣ Кравчинскомъ связаны съ годами моей ранней юности. Мы встрѣтились съ нимъ въ 1869 г. въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, куда я перешелъ по окончаніи курса во II-ой московской военной гимназіи, а онъ—по окончаніи курса въ Александровскомъ военномъ училищѣ.

Военныя гимназіи были только-что преобразованы тогда (въ 1864 г., если не ошибаюсь) изъ прежнихъ кадетскихъ корпусовъ. Это преобразованіе составляло часть общихъ реформъ, предпринятыхъ министерствомъ Д. Милютина въ военномъ вѣдомствѣ. Такъ называемые спеціальные классы кадетскихъ корпусовъ были выдѣлены тогда въ особыя военныя училища, а общіе классы, съ программой реальныхъ средне-учебныхъ заведеній, составили военныя гимназіи. Такъ какъ послѣднія совсѣмъ не подлежали вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія, то на нихъ сравнительно мало отражалась наша внутренняя политика. Военно-учебное вѣдомство преслѣдовало тогда во всѣхъ своихъ преобразованіяхъ преимущественно педагогическія цѣли. Преж-

[1]) «Вѣстникъ Русской Революціи», мартъ. 1903 г., № 3. Ред.

ній бурсацкій режимъ кадетскихъ корпусовъ, который я еще засталъ, исчезъ безслѣдно: составъ нашихъ преподавателей и классныхъ наставниковъ былъ обновленъ, и среди нихъ попадались образованные и развитые люди. Наша ученическая жизнь спокойно и мирно текла въ стѣнахъ нашего огромнаго Лефортовскаго дворца, причемъ, быть можетъ, благодаря именно этому, въ эти стѣны почти совсѣмъ не проникала окружавшая насъ общественная жизнь. Мы читали въ послѣднихъ классахъ Островскаго, Гоголя, Диккенса и даже Бѣлинскаго, какъ пособіе при изученіи русской литературы, но мы выходили изъ гимназіи съ довольно смутными представленіями о всѣхъ тяжелыхъ и трудныхъ сторонахъ русской общественной жизни.

Съ переходомъ въ артиллерійское училище все это, разумѣется, измѣнилось. Михайловское артиллерійское училище, подобно всѣмъ высшимъ военнымъ школамъ, было тогда полу-закрытымъ учебнымъ заведеніемъ. Юнкера его пользовались правомъ свободнаго выхода изъ стѣнъ училища по 2 или по 3 раза въ недѣлю. Кромѣ того, наше училище вообще, отличалось тогда сравнительно свободнымъ духомъ, отсутствіемъ строгой военной дисциплины и начальственнаго гнета. Нашъ директоръ, генералъ Платовъ, любилъ называть свое училище военнымъ университетомъ. Ближайшее начальство почти совсѣмъ не вмѣшивалось тогда во внутреннюю жизнь юнкеровъ; наше чтеніе стояло внѣ всякаго контроля, и въ училище могли свободно проникнуть какія-угодно книги. И, вотъ, черезъ годъ съ небольшимъ послѣ моего перехода въ артиллерійское училище, у насъ на II курсѣ уже образовалась небольшая группа юнкеровъ, серьезно интересовавшихся общественными вопросами. Повидимому, эта группа возникла самостоятельно, безъ какого-либо воздѣйствія извнѣ, подъ развивающимъ вліяніемъ самого чтенія. Что касается меня, напримѣръ, то я очень хорошо помню, что въ первый разъ меня заставила серьезно задуматься надъ общественными вопросами статья Писарева „Наши реалисты“. Особенно сильное впечатлѣніе произвели тогда на меня тѣ страницы этой статьи, на которыхъ Писаревъ выясняетъ огромныя нравственныя обязательства, лежащія на каждомъ человѣкѣ по отношенію къ окружающему его обществу. Эта простая, повидимому, мысль вызвала тогда во мнѣ цѣлый душевный переворотъ, и ею, въ сущности, опредѣлилась съ того самаго момента программа всей моей жизни: цѣль личнаго существованія была найдена

тогда мною; оставалось только ближе познакомиться со всѣмъ объемомъ и со всѣмъ значеніемъ стоявшей впереди задачи.

Подобный же внутренній переломъ произошелъ, вѣроятно, тогда въ сознаніи еще 4-хъ или 5-ти товарищей моего курса; вскорѣ между нами произошло сближеніе, и мы выдѣлились въ особую товарищескую группу. Мы читали вмѣстѣ новые журналы и горячо обсуждали впервые возникавшіе передъ нами вопросы. Нашимъ любимымъ журналомъ было „Дѣло", гдѣ печатался тогда, между прочимъ, очень популярный въ свое время романъ Омулевскаго „Шагъ за шагомъ".

Около этого именно времени вниманіе нашего небольшого кружка было привлечено однимъ изъ юнкеровъ такъ называемаго „строевого" отдѣленія, куда поступали на III дополнительный курсъ тѣ изъ юнкеровъ двухклассныхъ военныхъ училищъ, которые хотѣли перейти въ артиллерію.

Это былъ чрезвычайно серьезнаго и даже мрачнаго вида юноша, немного сутулый, съ большой головой, массивнымъ лбомъ и рѣзкими чертами лица. Онъ вѣчно сидѣлъ за книгами у своего столика и мало съ кѣмъ разговаривалъ. Даже переходя изъ одной комнаты въ другую, онъ обыкновенно продолжалъ читать, не отрываясь отъ книги. Все это не могло не заинтересовать насъ; по наведеннымъ справкамъ, мы узнали, что фамилія юнкера была Кравчинскій и что онъ перешелъ къ намъ изъ Александровскаго военнаго училища; его товарищи по военной гимназіи отзывались о немъ, какъ о человѣкѣ съ большими способностями.

Вскорѣ послѣ того мнѣ представился случай впервые заговорить съ нимъ, уже не помню точно, по какому поводу. Но это было только начало нашего знакомства: ближе я сошелся съ нимъ позднѣе. Кравчинскій держалъ тогда себя довольно недоступно. Онъ былъ гораздо развитѣе и начитаннѣе насъ; у него уже былъ вполнѣ опредѣленный революціонный взглядъ на Россію и были кое-какія знакомства среди петербургскихъ радикальныхъ кружковъ.

Кромѣ того, Кравчинскій, вообще, жилъ тогда очень замкнутой внутренней жизнью. Вся его энергія была направлена на свое собственное умственное развитіе, на теоретическую подготовку себя къ той революціонной роли, о которой онъ уже мечталъ тогда. Онъ уже читалъ въ то время на нѣсколькихъ языкахъ и, обладая большою памятью, поражалъ насъ своими свѣдѣніями по общественнымъ наукамъ.

Когда я думаю теперь о Кравчинскомъ, онъ всего ярче выступаетъ въ моемъ воспоминаніи именно такимъ, какимъ я зналъ его въ артиллерійскомъ училищѣ: молчаливымъ, всегда серьезнымъ, сурово смотрѣвшимъ исподлобья. Въ немъ менѣе замѣтно проявлялись тогда другія стороны его характера: его любовь къ людямъ, его крайне довѣрчивое отношеніе къ нимъ и его почти дѣтская доброта; эти черты заслонялись тогда его сосредоточеннымъ революціоннымъ настроеніемъ; онъ даже рѣдко смѣялся въ то время и буквально не отрывался отъ книгъ.

Вскорѣ въ нашемъ кружкѣ появились заграничные листки „Народнаго Дѣла", принесенные въ училище Кравчинскимъ. Эти революціонные листки вводили насъ, такъ сказать, въ область революціонной практики, знакомили насъ впервые съ ощущеніями революціонной опасности и революціонной тайны. Я помню, между прочимъ, какое сильное впечатлѣніе произвело на насъ тогда сенсаціонное описаніе въ одномъ изъ номеровъ „Народнаго Дѣла" ареста Нечаева, происшедшаго будто бы въ какомъ-то трактирѣ, въ то время какъ онъ произносилъ тамъ революціонную рѣчь, обращенную къ рабочимъ; далѣе слѣдовалъ такой же сенсаціонный разсказъ о побѣгѣ Нечаева изъ Петропавловской крѣпости. И все это, отъ перваго до послѣдняго слова, было придумано самимъ Нечаевымъ съ цѣлью поднять такимъ путемъ свой революціонный престижъ.

Изъ другихъ событій нашей училищной жизни стоитъ еще упомянуть о тайномъ собраніи нашего кружка, устроенномъ Кравчинскимъ. Это происходило уже лѣтомъ, въ лагеряхъ подъ Краснымъ Селомъ. Сходка наша состоялась въ лѣсу, за Дудергофскимъ озеромъ; насъ собралось на нее человѣкъ 8, и Кравчинскій произнесъ намъ рѣчь. Онъ говорилъ о неизбѣжности революціоннаго пути для Россіи и доказывалъ всѣ преимущества этого пути по сравненію съ путемъ правительственныхъ реформъ. Онъ говорилъ о французской революціи, указывалъ на огромныя перемѣны, вызванныя ею въ самое короткое время, и затѣмъ сравнивалъ съ этими огромными революціонными завоеваніями ничтожные результаты монархическихъ преобразованій, предпринимавшихся въ нѣкоторыхъ государствахъ въ эпоху такъ называемаго просвѣщеннаго деспотизма, какъ, напр., въ Испаніи, гдѣ эти реформы безслѣдно отмѣнялись потомъ послѣдующими королями.

Эта революціонная рѣчь Кравчинскаго могла бы дать теперь довольно вѣрное представленіе о томъ, въ сферѣ какихъ теоретическихъ вопросовъ вращалась тогда революціонная мысль въ Россіи. Наиболѣе горячіе и страстные споры вызывались въ то время именно этимъ вопросомъ о революціи или реформахъ; можно даже сказать, что имъ исчерпывалось тогда все содержаніе революціоннаго движенія, такъ какъ послѣднее состояло въ то время, главнымъ образомъ, въ самомъ рѣшеніи быть революціонеромъ. Дальнѣйшихъ, болѣе конкретныхъ революціонныхъ задачъ русская жизнь еще не ставила тогда, да и не могла ихъ ставить за неимѣніемъ достаточнаго количества революціонеровъ. Дѣло шло пока лишь о зарожденіи первыхъ революціонныхъ группъ среди русской учащейся молодежи; что же касалось взрослаго поколѣнія конца 60-хъ годовъ, то, въ общемъ, оно было враждебно революціонному движенію, такъ какъ отстаивало программу мирной легальной дѣятельности, главнымъ образомъ, земской, и упорно вѣрило въ возможность постепеннаго развитія либеральныхъ реформъ начала 60-хъ годовъ.

Предшествовавшее революціонное движеніе конца 50-хъ и самаго начала 60-хъ годовъ, состоявшее изъ очень небольшого числа убѣжденныхъ и рѣшительныхъ людей, не оставило послѣ себя прямыхъ продолжателей. Одни изъ нихъ были сосланы, а другіе погибли въ польскомъ возстаніи. Кружокъ каракозовцевъ, только-что было начавшій организоваться въ серединѣ 60-хъ годовъ, былъ совершенно уничтоженъ правительственной репрессіей послѣ выстрѣла 4-го апрѣля 1866 г. Затѣмъ еще немного позднѣе въ Москвѣ же разыгралось нечаевское дѣло; но кружокъ Нечаева былъ созданъ искусственно, энергіей одного человѣка; изъ всѣхъ дѣйствительныхъ членовъ этого кружка только убитый Ивановъ и П. Гавр. Успенскій представляли собою болѣе или менѣе самостоятельныя величины; что же касается до Ткачева, Волховскаго, Антоновой и Дементьевой, также привлеченныхъ къ нечаевскому процессу, то они не принимали, на самомъ дѣлѣ, никакого участія въ нечаевской организаціи. Въ сущности, самое возникновеніе подобной революціонной организаціи, державшейся исключительно на ложныхъ конспиративныхъ пріемахъ, уже достаточно указывало на неподготовленность революціоннаго движенія, хотя въ то же время указывало, по выраженію товарища Ф. Волховскаго, просматривавшаго мою рукопись, „на легкость

воспламененія того матеріала, который встрѣтили ближайшіе сотрудники Нечаева“. Не надо забывать, что въ числѣ юношей, привлеченныхъ Нечаевымъ къ своему дѣлу, но поставленныхъ имъ на низшія ступени революціонной іерархіи, находились такіе люди, какъ Пименъ Енкуватовъ, Лау, Климовъ, Долгушинъ, Леонидъ Голиковъ.

Въ то время, какъ въ Москвѣ разыгрывалась нечаевская исторія, въ Петербургѣ уже велась болѣе серьезная подготовительная революціонная работа въ тѣхъ многочисленныхъ кружкахъ самообразованія, изъ которыхъ вышли затѣмъ почти всѣ выдающіеся революціонные дѣятели 70-хъ годовъ. Но что касалось собственно самого Кравчинскаго, то его врядъ ли можно было бы назвать продуктомъ кружковой умственной жизни, такъ какъ по всему складу своего ума и характера это былъ скорѣе одиночка. Когда онъ позднѣе вошелъ въ петербургскій революціонный кружокъ, онъ вошелъ туда уже вполнѣ сложившимся и выработаннымъ революціонеромъ.

Пока же, по окончаніи курса въ артиллерійскомъ училищѣ, будучи произведенъ въ офицеры, онъ уѣхалъ служить въ какую-то батарею, въ провинцію, но уѣхалъ туда съ твердымъ рѣшеніемъ бросить военную службу, и если пробылъ на ней около года, то только для того, чтобы скопить немного денегъ изъ своего офицерскаго жалованья и затѣмъ вернуться въ Петербургъ. Будучи офицеромъ, Кравчинскій продолжалъ вести тотъ же самый образъ жизни, что и въ артиллерійскомъ училищѣ, т. е., все время проводилъ за книгами. Позднѣе онъ разсказывалъ, что, желая избавиться тогда отъ докучныхъ посѣщеній, онъ не держалъ въ своей комнатѣ ровно никакой мебели, кромѣ одной табуретки, на которой сидѣлъ самъ. Въ эту зиму (1870—1871), я, все еще остававшійся въ артиллерійскомъ училищѣ, получилъ отъ него длинное письмо, написанное химическими чернилами. Въ немъ онъ излагалъ мнѣ свои выводы относительно французской революціи. Я очень жалѣю, что не могъ сохранить этого письма, но у меня осталась въ памяти его главная мысль. Письмо было проникнуто вѣрою въ личную революціонную инициативу. Кравчинскій писалъ, что, изучая французскую революцію, онъ все болѣе и болѣе приходилъ къ тому убѣжденію, что главную роль играла въ ней личная энергія ея героевъ; вѣдь, въ сущности, писалъ онъ, революціей заправляла очень небольшая кучка людей. Отсюда дѣлался тотъ выводъ, что и для

Россіи революціонный переворотъ вовсе не представлялся полною невозможностью: стоило только явиться сильнымъ и энергичнымъ вождямъ. Таково было, въ самыхъ общихъ чертахъ, конечно, содержаніе этого письма; въ немъ высказывался первоначальный, юношескій взглядъ Кравчинскаго на революціонное движеніе; оно представлялось ему прежде всего дѣломъ личной инціативы, результатомъ умственнаго движенія, создающаго революціонныхъ героевъ. Этотъ романтическій взглядъ на революціонныя движенія соотвѣтствовалъ, впрочемъ, до извѣстной степени господствовавшимъ тогда въ Россіи историко-философскимъ общественнымъ теоріямъ. Извѣстно, какимъ большимъ вліяніемъ пользовалась въ 60-хъ и 70-хъ годахъ въ Россіи книга Бокля съ ея ученіемъ о всеопредѣляющемъ значеніи идейнаго фактора,—ученіемъ, которымъ очень увлекался тогда и Кравчинскій; для меня почти несомнѣнно, по его восторженнымъ отзывамъ о Боклѣ, что именно эта книга и вызвала въ немъ тогда такую страстную жажду знанія.

Но, съ другой стороны, въ этомъ взглядѣ на революціонное движеніе, какъ на дѣло личной инціативы, заключалась извѣстная доля исторической правды; эта теорія въ значительной степени соотвѣтствовала тогда тому фактическому положенію, въ которомъ находилась общественная жизнь въ Россіи, такъ какъ вся сила общественнаго протеста, дѣйствительно, сосредоточивалась въ ней тогда лишь въ немногихъ отдѣльныхъ лицахъ, которымъ предстояло пробить дорогу широкому общественному движенію. Сама русская жизнь выдвигала тогда на первый планъ именно этихъ немногихъ лицъ, этихъ піонеровъ революціоннаго движенія и ставила ихъ въ положеніе иниціаторовъ революціонной борьбы. Эта роль была, такъ сказать, навязана имъ исторіей, а вовсе не вытекала изъ ихъ собственныхъ теоретическихъ заблужденій. Она была неразрывно связана съ фактической постановкой революціоннаго вопроса въ Россіи. Если бы, напримѣръ, Кравчинскій не былъ въ такой степени убѣжденъ тогда въ творческой силѣ личной революціонной энергіи, то ему оставалось бы только сложить оружіе и отказаться вовсе отъ революціонной борьбы, такъ какъ въ окружавшей его общественной жизни онъ не нашелъ бы тогда, помимо чисто-стихійныхъ крестьянскихъ волненій—да и то уже прекратившихся къ тому времени,—ровно никакой массовой или классовой опоры для революціонной борьбы. Современная пролетарская революціонная

теорія, которая выдвигается обыкновенно, какъ противовѣсъ такъ называемымъ утопическимъ революціоннымъ теоріямъ, возникла впервые въ западно-европейскихъ странахъ, уже послѣ того, какъ рабочія массы стали выступать въ нихъ въ качествѣ самостоятельной общественной силы. Подобно всѣмъ соціальнымъ теоріямъ, и эта теорія могла явиться лишь послѣ того, какъ сама общественная жизнь доставила необходимый для нея историческій матеріалъ, т. е., послѣ того, какъ общественная жизнь передовыхъ западно-европейскихъ странъ уже приняла преобладающій характеръ классовой борьбы между буржуазіей и рабочими массами и когда весь успѣхъ этой борьбы сталъ зависѣть, главнымъ образомъ, отъ роста классового сознанія городского пролетаріата.

И, вотъ, подобно тому, какъ въ западно-европейскихъ странахъ, уже прошедшихъ черезъ стадію первоначальныхъ политическихъ переворотовъ, пролетарская теорія общественнаго развитія получила свое временное историческое оправданіе,—условія русской общественной жизни конца 60-хъ годовъ неизбѣжно выдвигали у насъ на первое мѣсто революціонную интеллигенцію, какъ основную революціонную силу для даннаго историческаго момента, и способствовали появленію революціонной теоріи, наиболѣе соотвѣтствовавшей данному фактическому положенію вещей въ Россіи.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ же самыя условія русской общественной жизни способствовали также и выработкѣ соотвѣтственныхъ имъ революціонныхъ характеровъ съ интенсивнымъ революціоннымъ настроеніемъ, преобладавшимъ надъ теоретическими мотивами,—характеровъ, въ которыхъ личная иниціатива еще не подавлялась выступавшими на первый планъ массовыми общественными силами. Во всякой странѣ, пока она еще не начала жить массовой политической жизнью и пока въ ней еще играютъ огромную политическую роль немногочисленныя группы и даже отдѣльныя сильныя личности, общественная борьба неизбѣжно принимаетъ болѣе или менѣе драматическій характеръ и неизбѣжно способствуетъ проявленію романическихъ или — вѣрнѣе—героическихъ сторонъ въ характерѣ выдающихся людей. Такого рода романическія стороны были въ сильной степени развиты и въ характерѣ Кравчинскаго. Его никогда не могла удовлетворить систематическая, коллективная общественная дѣятельность, и онъ всегда стремился къ болѣе или менѣе единоличному, героическому участію въ

общественной борьбѣ; ему необходимъ былъ личный революціонный подвигъ, — и мы знаемъ, что, въ концѣ концовъ, онъ совершилъ его. Извѣстно также, что, будучи уже за границей, онъ бросался во всѣ революціонныя предпріятія, какія попадались ему на пути: участвовалъ въ герцеговинскомъ возстаніи, участвовалъ въ одной итальянской революціонной экспедиціи, а незадолго до своей смерти высказывалъ желаніе ѣхать сражаться въ возставшую Турецкую Арменію.

Естественно, что эти романтическія стороны характера всего замѣтнѣе проявлялись въ Кравчинскомъ въ періодъ его болѣе или менѣе изолированной жизни, т. е., до его вступленія въ кружокъ чайковцевъ, и что тогда именно онѣ всего сильнѣе отражались на его революціонномъ міросозерцаніи. Самое настроеніе его было въ то время болѣе сосредоточеннымъ, суровымъ и замкнутымъ. Въ этомъ отношеніи встрѣча съ цѣлою вліятельною революціонною группою оказала и на него самого очень замѣтное вліяніе. Во второй его пріѣздъ въ Петербургъ, въ 1871 г., послѣ его выхода въ отставку, онъ уже казался мнѣ нѣсколько инымъ человѣкомъ. Онъ жилъ тогда въ Лѣсномъ Институтѣ, куда записался студентомъ, и хотя попрежнему былъ заваленъ книгами и много читалъ, но уже менѣе походилъ на мрачнаго заговорщика, погруженнаго въ свои собственные революціонные планы.

Кравчинскій всегда очень увлекался людьми; всякая новая встрѣча со сколько-нибудь выдающимся человѣкомъ всегда приводила его въ особенно радостное настроеніе; а въ кружкѣ чайковцевъ, куда онъ вступилъ осенью 1871 г., онъ встрѣтилъ немало выдающихся людей, къ которымъ глубоко и искренно привязался. Кромѣ того, во всемъ своемъ составѣ, этотъ кружокъ уже представлялъ тогда собою извѣстную коллективную общественную силу, съ которой, такъ сказать, слились личныя силы и личные планы Кравчинскаго. Его вѣра въ свою собственную революціонную энергію и его романтическіе революціонные планы уступили тогда мѣсто вѣрѣ въ коллективныя силы кружка и въ его коллективную революціонную дѣятельность.

II.

Такъ называемый кружокъ чайковцевъ представлялъ собою, къ началу 70-хъ годовъ, довольно многочисленную для того времени и чрезвычайно тѣсно сплоченную рево-

люціонную группу. Это было время такъ называемыхъ студенческихъ коммунъ и группъ самообразованія: кружокъ чайковцевъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ своего формированія, сталкивался со всѣми студенческими группами и постепенно пополнялъ свои ряды. По возвращеніи въ Петербургъ, Кравчинскій бывалъ на студенческихъ собраніяхъ, читалъ рефераты, познакомился съ нѣкоторыми изъ членовъ кружка чайковцевъ и вскорѣ былъ приглашенъ ими въ свою организацію; подобнымъ же образомъ Кропоткинъ, по возвращеніи изъ-за границы, въ 1872 г., неминуемо долженъ былъ столкнуться съ членами кружка чайковцевъ и также вступилъ въ ихъ среду. Теперь еще трудно говорить со всѣми подробностями о первоначальномъ возникновеніи и составѣ этой революціонной организаціи. Изъ числа ея членовъ можно назвать самого Чайковскаго, Сердюкова, Купреянова, Ольгу Шлейснеръ, Кравчинскаго, Кропоткина, Грибоѣдова, Перовскую, Чарушина, Синегуба, Леонида Попова. Кружокъ очень медленно пополнялъ свой составъ, и его однородность опредѣлялась не столько полнымъ сходствомъ теоретическихъ взглядовъ, сколько безусловной преданностью одной основной революціонной идеѣ, тѣсно переплетавшейся съ моральною стороною всего движенія 70-хъ годовъ. Эта основная революціонная идея заключалась въ представленіи о революціонной дѣятельности, какъ о служеніи народному дѣлу, вытекавшему изъ сознанія огромной отвѣтственности, лежавшей на интеллигенціи по отношенію къ обездоленнымъ рабочимъ массамъ. Несомнѣнно, что всякое революціонное движеніе всегда имѣетъ подъ собой болѣе или менѣе глубокую моральную основу, такъ что въ этомъ смыслѣ въ революціонномъ движеніи 70-хъ годовъ не было, конечно, ничего оригинальнаго; но отличительной чертой его была лишь та исключительная роль, какую играли въ немъ этическіе мотивы. Людей объединяла тогда, главнымъ образомъ, интенсивность субъективнаго настроенія, а не преданность той или другой революціонной доктринѣ. Среди членовъ кружка чайковцевъ существовали довольно значительныя разногласія въ теоретическихъ взглядахъ; я помню, напримѣръ, горячіе споры между Кропоткинымъ и Купреяновымъ по вопросу о государственности и анархіи; но это нисколько не нарушало внутренней гармоніи кружка; съ другой стороны, одинъ изъ довольно видныхъ членовъ его первоначальнаго состава, очень способный человѣкъ и хорошій организаторъ, долженъ былъ выйти изъ кружка, по-

тому что обнаружилъ нѣкоторыя черты характера, нарушавшія цѣльность представленія о революціонерѣ, какъ личности. Когда въ кружкѣ ставилась кандидатура новаго члена, то прежде всего тщательно обсуждались и взвѣшивались именно нравственныя свойства человѣка, и притомъ иногда довольно второстепенныя, на первый взглядъ [1]).

На почвѣ этого полнаго внутренняго единства развивались революціонныя идеи кружка, причемъ исходной точкой при этомъ служилъ, разумѣется, соціализмъ, такъ какъ самая идея служенія рабочему народу уже содержала въ себѣ сущность соціализма, какъ *этическаго ученія*, какъ протеста противъ экономическаго рабства, какъ защиты правъ рабочаго человѣка. Тотъ нравственный переворотъ, который заставлялъ тогда людей отрекаться отъ окружающаго ихъ буржуазнаго міра и уходить „въ станъ погибающихъ", совершался подъ вліяніемъ именно соціалистическихъ идей, внесенныхъ въ русскую общественную мысль Бѣлинскимъ, Герценомъ, Чернышевскимъ и Добролюбовымъ, идей такъ называемаго утопическаго, а вѣрнѣе,—*этическаго* соціализма. Человѣкъ дѣлался прежде всего соціалистомъ и въ силу этого становился революціонеромъ; онъ возставалъ не столько противъ даннаго политическаго строя, не столько въ защиту своихъ политическихъ правъ или свободы совѣсти, сколько во имя правъ экономически и политически порабощеннаго русскаго народа; народныя бѣдствія и крайне тяжелое обездоленное положеніе только-что освобожденнаго крестьянства

[1]) Для вступленія въ центральный кружокъ чайковцевъ (у кружка были также вспомогательныя, примыкавшія къ нему, группы молодежи), требовалось согласіе всѣхъ его членовъ: одного отрицательнаго голоса было достаточно, чтобы предложенный кандидатъ не вошелъ въ кружокъ. Такъ была устранена, напримѣръ, кандидатура Низовкина,—несмотря на то, что она была предложена такими выдающимися членами кружка, какъ Сердюковъ и Чайковскій,—только потому, что противъ нея высказался юный Купреяновъ, указавъ на болѣзненное, обидчивое самолюбіе Низовкина, несогласимое, по его мнѣнію, съ требованіями кружка. Послѣдствія оправдали эту крайнюю осторожность. Упомянутый выше видный членъ кружка былъ удаленъ, потому что отступалъ отъ того ригоризма въ личной жизни, который составлялъ характерную черту того времени: кружокъ ни за что не принялъ бы въ свою среду человѣка, неспособнаго отказаться отъ перчатокъ или крахмальной рубашки, любящаго выпить или легко относящагося къ женщинѣ. На одномъ изъ засѣданій кружка С. Перовская заявила о неискренности вышеупомянутаго товарища, который старался казаться ригористомъ, а, между тѣмъ, позволялъ себѣ лишнія траты на наряды. Результатомъ было удаленіе изъ кружка этого члена.

заслоняло тогда собою, въ глазахъ революціонеровъ, всѣ другіе общественные вопросы. Въ этомъ именно смыслѣ движеніе 70-хъ годовъ и было народническимъ; оно непосредственно примыкало къ движенію 60-хъ годовъ, когда въ основѣ всего лежала все та же неотвязная, мучительная мысль о русскомъ мужикѣ; въ этомъ смыслѣ народниками одинаково слѣдуетъ признать Герцена, Чернышевскаго и Добролюбова, такъ какъ вся ихъ общественная борьба неразрывно связывалась для нихъ съ мыслью о судьбѣ порабощеннаго русскаго народа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ та же самая мысль была неразрывно связана также и съ соціализмомъ, такъ какъ именно въ соціализмѣ они видѣли единственно возможное разрѣшеніе вопроса. Въ концѣ концовъ, революціонное народничество шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ представляло собою не что иное, какъ тотъ фазисъ въ развитіи соціалистическаго движенія, когда оно еще не успѣло расшириться до размѣровъ *массовой* борьбы, а обнимало собою лишь одни такъ называемые идеологическіе элементы общества, движимые чувствомъ долга по отношенію къ обездоленнымъ рабочимъ массамъ. Этотъ первоначальный фазисъ неизбѣжно переживаетъ, въ тѣхъ или другихъ формахъ, всякое соціалистическое движеніе, причемъ теоретической основой для него является тогда такъ называемый утопическій соціализмъ, какъ критика буржуазнаго строя съ точки зрѣнія моральнаго права, какъ критика, разрушающая *этическіе* устои буржуазнаго порядка. Вотъ почему нельзя назвать правильнымъ обычное *противопоставленіе* утопическаго (этическаго) соціализма *научному*, классовому, такъ какъ это— двѣ послѣдовательныя стадіи одного и того же общественнаго движенія.

Итакъ, чисто соціалистическій характеръ революціоннаго народничества 70-хъ годовъ неизбѣжно обуславливался его основными внутренними стимулами: дѣло шло, какъ мы уже видѣли, о революціонномъ служеніи народному дѣлу. На этой, именно, почвѣ и развивались общіе революціонные взгляды кружка чайковцевъ. Но что касалось собственно выработки практической революціонной программы кружка, то въ этомъ отношеніи его исторія представляетъ весьма любопытныя черты. Кружку чайковцевъ пришлось взяться за эту задачу совершенно самостоятельно, такъ какъ тогда еще не было установлено никакихъ революціонныхъ традицій и не существовало никакой общепри-

знанной революціонной теоріи. Со стороны практической революціонной дѣятельности русская общественная жизнь еще представляла тогда почти совсѣмъ непочатое поле; всѣ предшествовавшія революціонныя попытки 60-хъ годовъ или были очень мало извѣстны въ то время и рисовались въ какихъ-то туманныхъ и неопредѣленныхъ очертаніяхъ, какъ, напримѣръ, исторія революціонной организаціи „Земли и Воли“ 1861 года, или же имѣли скорѣе чисто отрицательное значеніе, какъ, напримѣръ, *нечаевское дѣло*. Нечаевское дѣло вызвало тогда противъ себя особенно сильную реакцію; слово „нечаевщина“ стало обозначать всякую неискренность въ отношеніи между революціонерами, всякое стремленіе къ „генеральству“ въ революціонныхъ организаціяхъ. Но все это касалось, собственно, внѣшнихъ пріемовъ, а не внутренняго содержанія революціонной борьбы; по отношенію къ послѣдней революціонерамъ приходилось тогда двигаться, такъ сказать, ощупью и самимъ прокладывать себѣ дорогу. И, вотъ, кружокъ чайковцевъ сталъ постепенно, путемъ своего собственнаго опыта, своей собственной практической дѣятельности знакомиться съ условіями практической постановки революціоннаго вопроса въ Россіи. При этомъ обнаружилось одно изъ главныхъ отличительныхъ свойствъ этого кружка: сочетаніе большой революціонной рѣшимости и огромнаго внутренняго одушевленія съ крайней осторожностью по отношенію къ каждому своему новому шагу; во всѣхъ его рѣшеніяхъ, также какъ и при выборѣ новыхъ членовъ, критика преобладала надъ увлеченіемъ; тотъ элементъ идеализаціи и восторженной вѣры въ близость революціи, который приписывается обыкновенно всему движенію начала 70-хъ годовъ, явился не съ первыхъ его шаговъ, а позднѣе, когда революціонное движеніе среди интеллигенціи приняло массовый характеръ и когда большая часть членовъ кружка чайковцевъ была уже арестована. Начало этого массоваго движенія относится къ веснѣ 1874 г., а главнѣйшая дѣятельность кружка чайковцевъ имѣла мѣсто между 1870 и концомъ 1873 г. Это было время полнаго застоя въ русской общественной жизни, наступившаго послѣ 1863 и 1866 гг.; никакихъ увлеченій тогда не существовало даже въ теоретической области, гдѣ лишь поддерживались и хранились традиціи „Современника“, да и то въ очень небольшой части легальной печати, при сплошномъ почти господствѣ въ ней того благонамѣреннаго либеральнаго пѣнкоснимательства, которое

доставило столь обильный матеріалъ сатирамъ Щедрина. Немногія существовавшія революціонныя группы чувствовали себя въ то время совершенно оторванными отъ общества, „отщепенцами", по удачному выраженію Соколова [1]), и таили исключительно въ себѣ самихъ сѣмена всѣхъ послѣдующихъ общественныхъ потрясеній. Вотъ почему имъ въ полномъ смыслѣ принадлежала тогда инціатива революціоннаго движенія, причемъ самая ихъ изолированность и оторванность отъ общества представляла имъ, такъ сказать, полную свободу выбора.

Кружокъ чайковцевъ, названный такъ по имени одного изъ его основателей, возникъ весною 1869 г. [2]). Первоначальнымъ организаторомъ этого кружка былъ, впрочемъ, не Н. В. Чайковскій, а двое очень извѣстныхъ въ свое время людей, бывшихъ студентами медицинской академіи. Одинъ изъ нихъ—уже умершій теперь В. Александровъ. Чайковскій вмѣстѣ съ Анатоліемъ Сердюковымъ были первыми изъ примкнувшихъ къ основателямъ этого кружка. Цѣль послѣдняго понималась его основателями такимъ образомъ: они хотѣли создать среди интеллигенціи и преимущественно среди лучшей части студенчества кадры революціонно-соціалистической или, какъ чаще выражались тогда, *истинно-народной* партіи въ Россіи. Съ этою цѣлью первоначальными основателями кружка рѣшено было вести систематическую пропаганду среди учащейся молодежи, устраивать кружки самообразованія, землячества и такъ называемыя *коммуны*, состоявшія уже изъ болѣе тѣсно связанныхъ между собою товарищей.

Съ тою же цѣлью первоначальными организаторами кружка было начато такъ называемое „книжное дѣло", представлявшее собою, помимо непосредственно приносимой имъ пользы, одно изъ лучшихъ средствъ для сближенія съ молодежью на почвѣ чисто практическаго предпріятія и для быстраго расширенія связей. Въ созданіи этого „книжнаго дѣла" обнаружились крупныя организаторскія способности основателей кружка. Оно заключалось въ распространеніи, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ другихъ уни-

---

[1]) Шишко имѣетъ въ виду книжку полковника Н. В. Соколова «Отщепенцы». Вышла въ Спб. въ 1866 г. Была запрещена въ Россіи. Авторъ ея принужденъ былъ эмигрировать. Книжка была переиздана за границей. Ред.

[2]) Свѣдѣнія о возникновеніи этого кружка доставлены мнѣ Н. В. Чайковскимъ, просматривавшимъ мою рукопись.

верситетскихъ городахъ, хорошо подобранной тенденціозной легальной литературы съ присоединеніемъ къ ней, по возможности, запрещенныхъ или изъятыхъ сочиненій (преимущественно Чернышевскаго). Съ этою цѣлью кружокъ входилъ въ сношенія съ нѣкоторыми изъ петербургскихъ издателей и бралъ у нихъ на комиссію съ извѣстной уступкой, конечно, значительное количество экземпляровъ нужныхъ ему изданій, а иногда и прямо покупалъ за полцѣны цѣлыя изданія, какъ, напр., у извѣстнаго въ то время либеральнаго издателя Н. Полякова. Затѣмъ всѣ эти изданія распространялись кружкомъ въ Петербургѣ и провинціальныхъ городахъ черезъ посредство мѣстныхъ студенческихъ группъ, а также политическихъ ссыльныхъ. Книги эти распространялись по большей части въ кредитъ, причемъ кружокъ старался также о выработкѣ и принятіи всѣми кружками самообразованія одинаковой, въ общихъ чертахъ, программы чтенія и занятій, подготовляя такимъ путемъ цѣлое поколѣніе для будущей революціонной дѣятельности въ народѣ.

Такимъ образомъ, были распространены тогда въ значительномъ количествѣ лучшія книги того времени по политическимъ и соціальнымъ вопросамъ. Вотъ болѣе или менѣе полный списокъ этихъ книгъ:

Сочиненія Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева и Некрасова.

Сочиненія Бокля, Костомарова, Щапова, Сергѣевича, Мордовцева, Хлѣбникова, Берне, Дж.-Ст. Милля, Дарвина, Дрэпера, Спенсера, (какія имѣлись тогда въ переводѣ).

Историческія письма Лаврова.

Положеніе рабочаго класса Флеровскаго.

Первый томъ сочиненій Лассаля.

Капиталъ Маркса.

Первый томъ „*Исторіи великой французской революціи*“ Луи Блана.

Комедія всемірной исторіи Шерра.

Романы Шпильгагена, Швейцера (*Эмма*, *Люцинда*), Цшоке (*Дѣлатели золота*).

Отщепенцы Соколова.

Пролетаріатъ во Франціи и *Объ Ассоціаціяхъ* Шеллера-Михайлова и др.

Кружокъ пытался также, съ тою же цѣлью, и самъ издавать нѣкоторыя книги: такъ, онъ участвовалъ въ новомъ изданіи сочиненій Добролюбова и напечаталъ два

своихъ перевода: *Исторію 48-го года* Луи Блана и *Рабочій вопросъ* Ланге, а также издалъ на свой счетъ *Азбуку Соціальныхъ Наукъ* Флеровскаго, *Исторію Коммуны* Корьеза и Ланжоле, 2-е изданіе *Положенія рабочаго класса* Флеровскаго и 2-е изданіе *Историческихъ Писемъ* Миртова; но шесть послѣднихъ книгъ были задержаны цензурой и сожжены, также какъ былъ сожженъ тогда второй томъ сочиненій Лассаля. Но тѣмъ не менѣе цензурный уставъ 1865 г. давалъ все-таки кой-какую возможность пользоваться въ извѣстныхъ предѣлахъ легальной печатью для первоначальной революціонной пропаганды, и кружокъ чайковцевъ воспользовался этой возможностью въ полной мѣрѣ. Дѣло велось въ такихъ крупныхъ размѣрахъ, что массовое распространеніе тенденціозныхъ книгъ скоро обратило на себя вниманіе правительства и вызвало ожесточенныя преслѣдованія. Жандармерія стала производить массовые обыски и захватывать книжные склады. Одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ кружка чайковцевъ былъ высланъ тогда изъ Петербурга, а самъ Чайковскій подвергся четыремъ обыскамъ и былъ дважды арестованъ по этому дѣлу. Мои первыя сношенія съ кружкомъ начались съ того, что ко мнѣ на квартиру были принесены тюки преслѣдуемыхъ книгъ. Наибольшее развитіе книжнаго дѣла относится къ 1871 году, причемъ вмѣстѣ съ распространеніемъ книгъ и съ издательской дѣятельностью значительно расширились связи и знакомства кружка въ различныхъ сферахъ.

Вскорѣ, однако, кружокъ сталъ стремиться придать своей дѣятельности болѣе революціонный характеръ и вывести ее изъ предѣловъ сравнительно замкнутой среды учащейся молодежи, такъ какъ, сама по себѣ, эта среда не представляла тогда никакой общественной силы. Студенческія волненія происходили въ то время на почвѣ чисто студенческихъ интересовъ: дѣло шло, главнымъ образомъ, о кассахъ взаимопомощи и о правѣ представительства при университетскомъ начальствѣ. Къ такого рода студенческимъ волненіямъ кружокъ сталъ относиться, въ концѣ концовъ, довольно индифферентно, стараясь поставить революціонное дѣло на болѣе широкую и твердую почву.

Къ этому, именно, времени относится попытка кружка найти эту болѣе широкую и твердую почву въ земской средѣ. Извѣстно, что земства проявляли тогда довольно широкую иниціативу въ дѣлѣ устройства народныхъ школъ и нѣкоторыхъ кооперативныхъ предпріятій, причемъ зем-

ская дѣятельность еще пользовалась въ то время кой-какой независимостью, а земства нѣкоторыхъ губерній отличались своимъ демократическимъ направленіемъ. Все это представляло извѣстныя положительныя стороны, и кружокъ хотѣлъ убѣдиться въ возможности или невозможности воспользоваться земскими учрежденіями и земскими начинаніями въ чисто революціонныхъ цѣляхъ, т. е., имѣя въ виду найти тамъ удобную почву для веденія соціалистической пропаганды въ народѣ. Нѣкоторые изъ членовъ кружка спеціально изучали тогда земскую литературу и входили въ сношенія съ земскими дѣятелями, но скоро должны были придти къ совершенно отрицательнымъ выводамъ.. Единственнымъ полезнымъ результатомъ этой попытки сближенія съ земствами было то, что въ нѣсколькихъ школахъ мѣста школьныхъ учителей, фельдшеровъ и фельдшерицъ были заняты своими людьми.

Наконецъ, изъ воспоминаній Кропоткина видно, что въ 1872 г. въ кружкѣ чайковцевъ поднимался даже вопросъ о конституціонномъ переворотѣ при помощи давленія на правительство со стороны либеральныхъ элементовъ, находившихся въ высшихъ сферахъ: но и эти планы также не имѣли подъ собою никакой реальной почвы и не повели ни къ какому практическому шагу.

Они интересны въ настоящее время только въ томъ отношеніи, что подтверждаютъ фактически, до какой степени движеніе начала 70-хъ годовъ далеко было, на первыхъ ступеняхъ своего развитія, отъ той теоріи революціонной искры, способной вызвать мгновенное возстаніе народныхъ массъ, которая пользовалась успѣхомъ впослѣдствіи. Мы видимъ, что, напротивъ того, революціонеры 70-хъ гг. искали, въ теченіе извѣстнаго времени и въ различныхъ направленіяхъ, возможной точки опоры для своей революціонной дѣятельности, прежде чѣмъ стать лицомъ къ лицу съ народной массой.

Но такъ какъ общественныя условія пореформенной Россіи неизбѣжно должны были привести ихъ къ тому заключенію, что, помимо нѣкоторой части учащейся молодежи, революціонное соціалистическое движеніе безусловно не могло разсчитывать тогда ни на какую поддержку со стороны культурныхъ слоевъ русскаго общества, то имъ и пришлось, въ концѣ концовъ, обратиться, съ имѣвшимися въ ихъ распоряженіи наличными революціонными силами, непосредственно къ рабочимъ массамъ. И вотъ мы видимъ,

что къ началу 1872 г. кружокъ чайковцевъ, прекративъ всякія дальнѣйшія исканія и попытки, рѣшительно переходитъ къ своей окончательной программѣ: революціонной пропагандѣ среди петербургскихъ рабочихъ, а затѣмъ и среди крестьянства.

Но мы опять повторяемъ, что эта революціонная пропаганда еще не представляла собою въ то время того массоваго движенія въ народъ съ сопровождавшимъ его энтузіазмомъ и восторженными надеждами, какое охватило русскую революціонную интеллигенцію два года спустя. Пока это была еще очень замкнутая и строго конспиративная дѣятельность небольшихъ организованныхъ революціонныхъ группъ, піонеровъ всего движенія 70-хъ годовъ. Въ Петербургѣ такой группой былъ кружокъ чайковцевъ, довольно многочисленный для своего времени (около 20-ти человѣкъ); въ Одессѣ около того же времени и съ такой же программой возникъ революціонный кружокъ, членами котораго были, въ числѣ другихъ, Волховскій, Андрей Франжоли, Чудновскій, Лангансъ и еще очень юный тогда Желябовъ; кромѣ того, въ Одессѣ же совершенно независимо дѣйствовалъ тогда Евг. Ос. Заславскій, пользовавшійся большимъ вліяніемъ среди одесскихъ ремесленниковъ и нѣкоторой части заводскихъ рабочихъ; въ Москвѣ также существовалъ тогда небольшой кружокъ, примыкавшій къ петербургскому кружку; въ числѣ его членовъ были Наталья Александр. Армфельдъ, Варв. Ник. Батюшкова, Клячко, Фроленко и Левъ Тихомировъ; въ Кіевѣ былъ кружокъ, къ которому принадлежалъ Аксельродъ; въ Харьковѣ, Херсонѣ, Вяткѣ, Орлѣ и нѣкоторыхъ другихъ губернскихъ городахъ также существовали небольшія революціонныя группы.

Перечисляя эти болѣе или менѣе извѣстныя мнѣ организованныя революціонныя группы, я вовсе не имѣю въ виду, конечно, дать этимъ сухимъ перечнемъ сколько-нибудь исчерпывающей общей картины революціонной Россіи того времени. Помимо организованныхъ революціонныхъ группъ, тогда существовала болѣе обширная и неорганизованная среда учащейся молодежи, также находившаяся подъ вліяніемъ условій русской общественной жизни и соціалистической литературы. Кромѣ того, тогда были и другія революціонныя организаціи, съ которыми кружокъ чайковцевъ не приходилъ въ прямое соприкосновеніе, какъ, напр., кружокъ

Долгушина и Дмоховскаго, первый выступившій въ самомъ началѣ 1873 г. съ рѣшительной программой революціоннаго призыва къ народу.

III.

Ко времени вступленія Кравчинскаго въ кружокъ чайковцевъ, у послѣдняго уже были установлены сношенія съ петербургскими рабочими, какъ заводскими, такъ и фабричными. Съ заводскими рабочими сношенія завязались, главнымъ образомъ, усиліями Сердюкова, отчасти также черезъ посредство упомянутаго выше Низовкина, студента медицинской академіи. Это былъ, какъ оказалось потомъ, типъ демагога низшаго разряда; онъ сумѣлъ пріобрѣсти популярность среди заводскихъ рабочихъ и позднѣе сталъ настраивать ихъ противъ интеллигенціи; а, въ концѣ концовъ, попавъ въ тюрьму, сдѣлался злостнымъ предателемъ. Съ фабричными рабочими первоначальныя знакомства завязывались при случайныхъ встрѣчахъ въ трактирахъ или на народныхъ гуляньяхъ. Наиболѣе дѣятельнымъ и умѣлымъ человѣкомъ оказывался въ такихъ случаяхъ Синегубъ.

Вступивъ въ кружокъ чайковцевъ, Кравчинскій сталъ читать заводскимъ рабочимъ лекціи по русской исторіи и политической экономіи, причемъ излагалъ имъ въ популярной формѣ первый томъ Маркса. Заводскіе рабочіе тогда, какъ и теперь, были много развитѣе фабричныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ самостоятельно читали тогда Чернышевскаго и Лассаля. Кропоткинъ, по пріѣздѣ изъ-за границы, познакомилъ ихъ съ международнымъ рабочимъ движеніемъ и разсказывалъ имъ о парижской коммунѣ. Изъ нихъ выдѣлились потомъ такіе выдающіеся рабочіе, какъ Лавровъ (умершій въ тюрьмѣ), Обнорскій, Орловъ и др.

Среди фабричныхъ рабочихъ пропаганда носила болѣе элементарный характеръ. Обыкновенно дѣло начиналось съ открытія чего-то въ родѣ вечерней школы въ квартирѣ кого-либо изъ членовъ кружка. Знакомые рабочіе приводили туда своихъ товарищей, желавшихъ „учиться у студентовъ". Ученье сопровождалось чтеніемъ и разговорами. Въ то время вниманіе III-го Отдѣленія еще не было направлено въ эту сторону; воспоминаніе о воскресныхъ школахъ начала 60-хъ годовъ успѣло изгладиться, и III-е Отдѣленіе гонялось тогда преимущественно за заграничными прокламаціями. Благодаря этому, въ теченіе почти двухъ лѣтъ (въ 72 и 73 гг.) ре-

волюціонерамъ можно было вести первоначальную пропаганду среди рабочихъ въ довольно широкихъ размѣрахъ. Зимою 1872 г. на Выборгской сторонѣ кружкомъ былъ нанятъ небольшой отдѣльный домикъ Байкова, куда набиралось по вечерамъ по нѣскольку десятковъ рабочихъ и куда приходилъ также Кропоткинъ для своихъ разсказовъ о заграничномъ рабочемъ движеніи. Даже осенью 1873 г. Синегубъ еще могъ собирать на своей квартирѣ за Невской заставой по 30 и 40 человѣкъ рабочихъ и вести съ ними до поздней ночи шумныя и оживленныя пренія. Къ Синегубу, впрочемъ, къ первому и нагрянула полиція въ ноябрѣ 1873 г.

Съ весны 1873 г. члены петербургскаго кружка уже разселились по всѣмъ фабричнымъ центрамъ Петербурга и систематически расширяли свои связи съ рабочими. Иногда съ этой цѣлью они надѣвали полушубки и отправлялись прямо въ квартиры рабочихъ артелей, что бы читать тамъ по вечерамъ книжки. Кравчинскій поселился въ это время съ другимъ членомъ кружка и съ однимъ изъ заводскихъ рабочихъ за Невской заставой, по сосѣдству съ заводомъ Семянникова (если не ошибаюсь), куда также перекинулась тогда революціонная пропаганда. Скоро, какъ среди заводскихъ, такъ и среди фабричныхъ рабочихъ всѣхъ главныхъ петербургскихъ рабочихъ центровъ образовались небольшія группы сознательныхъ рабочихъ. Дальнѣйшей своей задачей кружокъ чайковцевъ ставилъ объединеніе всѣхъ этихъ отдѣльныхъ группъ съ цѣлью создать изъ нихъ самостоятельную рабочую организацію; но этому плану не удалось осуществиться вслѣдствіе начавшихся вскорѣ арестовъ. Заводскіе рабочіе, впрочемъ, и тогда уже составляли довольно хорошо организованную самостоятельную группу со своей собственной кассой и библіотекой, и притомъ державшуюся по отношенію къ революціонерамъ изъ интеллигенціи съ гораздо большей независимостью, чѣмъ группы фабричныхъ рабочихъ.

Время отъ времени члены кружка чайковцевъ собирались на своей центральной квартирѣ. Здѣсь каждый изъ нихъ давалъ отчетъ о ходѣ пропаганды въ своемъ районѣ; здѣсь же обсуждались общіе планы и общія предпріятія. У кружка была въ Швейцаріи своя типографія, которою завѣдывали сначала Александровъ, а потомъ—Л. Гольденбергъ. Въ этой типографіи были напечатаны первыя революціонныя народныя брошюры, благополучно доставленныя потомъ въ Россію.

Осенью 1873 г. кружокъ задумалъ перенести печатаніе народныхъ брошюръ изъ-за границы въ Россію; съ этой цѣлью Купреяновъ ѣздилъ въ Швейцарію и переправилъ черезъ границу печатный станокъ, который хранился въ лечебницѣ доктора Веймара, сосланнаго потомъ на каторгу и умершаго на Карѣ въ 1886 г. Всѣми дѣлами такого рода завѣдывала особая конспиративная комиссія, къ которой принадлежала, между прочимъ, 18-ти-лѣтняя Перовская. Въ вѣдѣніи Перовской находились также сношенія съ арестованными, сидѣвшими въ III-мъ Отдѣленіи, черезъ одного подкупленнаго жандарма, который регулярно приносилъ ей записки и принималъ отъ нея порученія. Границей завѣдывали Сердюковъ и Купреяновъ; въ 1873 г. они переправили, между прочимъ, черезъ границу Соколова [1]) и Ткачева, бѣжавшихъ изъ административной ссылки, причемъ побѣгъ перваго былъ устроенъ по иниціативѣ и при посредствѣ ставропольскаго кружка (на Кавказѣ), гдѣ находился въ то время Ф. Волховскій, послѣ нечаевскаго процесса, а побѣгъ второго—при содѣйствіи петербургскихъ друзей Германа Лопатина и, въ частности, Ег. Коведяева.

Что касается общаго характера той пропаганды, которая велась тогда среди петербургскихъ рабочихъ, то прежде всего это было стремленіе передать дѣло рабочихъ въ ихъ собственныя руки. Такова была одна изъ главныхъ руководящихъ идей того времени. Тогда среди русскихъ революціонеровъ господствовало сильное предубѣжденіе противъ политическаго якобинства, противъ революціонной диктатуры, противъ мысли о пересозданіи общественнаго строя путемъ декретовъ, причемъ съ представленіемъ о революціонномъ якобинствѣ естественно связывалось также представленіе о болѣе или менѣе значительномъ участіи въ переворотѣ буржуазіи, въ отличіе отъ чисто народныхъ революціонныхъ движеній. Въ позднѣйшее время это идейное теченіе начала 70-хъ годовъ многими понималось, какъ отрицаніе всякой политики, какъ какое-то анти-революціонное стремленіе къ *мирной* соціалистической пропагандѣ въ монархическомъ государствѣ. Легко замѣтить, въ чемъ здѣсь заключалась ошибка. Революціонеры 70-хъ годовъ признавали лишь безплодность и даже вредное значеніе такихъ политическихъ переворотовъ, въ которыхъ народныя массы не играли бы самостоятельной роли, а служили бы

[1]) Авторъ извѣстной книги «Отщепенцы». Спб. 1866 г. Ред.

простымъ орудіемъ въ рукахъ буржуазіи. Это была очень распространенная тогда мысль, навѣянная еще литературою 60-хъ годовъ (вспомните, напр., статьи Добролюбова о Кавурѣ и итальянскомъ парламентѣ). Отрицательное отношеніе къ буржуазнымъ политическимъ переворотамъ сложилось тогда у русской интеллигенціи, всегда стоявшей на строго-соціалистической точкѣ зрѣнія, подъ вліяніемъ извѣстныхъ событій западно-европейской политической исторіи XIX-го вѣка: іюньскихъ дней во Франціи, полнаго разрыва между буржуазіей и пролетаріатомъ во всемъ движеніи 48 г. и, наконецъ, подъ вліяніемъ Интернаціонала и только что происшедшаго тогда подавленія парижской коммуны. Къ всему этому надо еще прибавить, что русская легальная литература была полна тогда описаніями бѣдственнаго положенія западно-европейскаго пролетаріата. Вотъ источники рѣзкаго отрицательнаго отношенія нарождавшейся соціалистической партіи въ Россіи къ буржуазнымъ политическимъ переворотамъ. Но это еще вовсе не значило, чтобы революціонеры 70-хъ годовъ считали возможнымъ примирить какимъ-то путемъ соціалистическое движеніе съ самодержавіемъ и чтобы они понесли въ народъ *мирную* соціалистическую пропаганду. Это значило только, что ихъ политическая программа заключалась въ прямомъ обращеніи къ народу, въ призывѣ къ революціонному возстанію самихъ рабочихъ массъ. Съ этой цѣлью они и двинулись въ народъ, оставляя пока въ сторонѣ непосредственную политическую борьбу съ правительствомъ и отказавшись принципіально отъ всякихъ союзовъ съ либералами. Въ сущности, ихъ программа была тою же программой Интернаціонала съ ея основной идеей о великой исторической роли рабочаго класса, но только перенесенная въ условія русской общественной жизни. А если принять въ соображеніе полную неподготовленность и полную неспособность русской буржуазіи 70-хъ годовъ къ какому-то ни было революціонному движенію, то окажется, что революціонная программа 70-хъ годовъ, со всей ея кажущейся непрактичностью и ея идеализаціей народа, была единственно возможной тогда революціонной программой вплоть до того момента, когда центръ тяжести борьбы былъ перенесенъ въ среду самой революціонной интеллигенціи.

Чтобы еще опредѣленнѣе и конкретнѣе подчеркнуть революціонный характеръ рабочей пропаганды начала 70-хъ годовъ, достаточно будетъ напомнить читателю въ нѣсколь-

кихъ словахъ содержаніе наиболѣе распространявшихся тогда народныхъ брошюръ. Эти брошюры раздѣлялись на легальныя и нелегальныя. Изъ первой категоріи наибольшимъ успѣхомъ пользовались: 1) „Дѣдушка Егоръ",—исторія крестьянскаго ходока, снаряженнаго въ Питеръ и попавшаго въ острогъ; 2) разсказы Наумова, изданные кружкомъ чайковцевъ подъ общимъ заглавіемъ „Сила солому ломитъ", въ видѣ довольно большого тома, но легко разбивавшагося на отдѣльныя брошюры; лучшіе изъ этихъ разсказовъ представляли собой рѣзкій протестъ противъ кулачества, поддерживаемаго начальствомъ, и производили довольно сильное впечатлѣніе какъ на городскихъ рабочихъ, такъ и на крестьянъ; 3) „Древняя Русь" Худякова, гдѣ, какъ извѣстно, подобраны наиболѣе яркія черты и событія вѣчевого строя и Московской Руси; эта книжка служила большимъ подспорьемъ для антимонархичесой пропаганды. Наконецъ, слѣдуетъ еще упомянуть о нѣсколькихъ брошюрахъ естественно-историческаго содержанія („Разсказы о небѣ и землѣ", „Бесѣды о природѣ" и пр.): эти брошюры неизбѣжно поднимали религіозные вопросы и почти всегда приводили къ полнѣйшему отрицанію церковной религіи и даже атеизму, хотя, въ принципѣ, мы никогда не навязывали рабочимъ своихъ антирелигіозныхъ мнѣній.

Изъ нелегальныхъ брошюръ, изданныхъ какъ самимъ кружкомъ чайковцевъ, такъ и другими группами, мнѣ припоминаются слѣдующія: 1) „Исторія одного французскаго крестьянина", передѣлка извѣстнаго историческаго романа Эркманъ-Шатріана; въ ней было сконцентрировано все, что можно было извлечь изъ этой книги наиболѣе революціоннаго; 2) „Стенька Разинъ", драматическая поэма Навроцкаго, напечатанная первоначально въ „Вѣстникѣ Европы" и представлявшая собою во многихъ мѣстахъ, даже безъ всякой передѣлки, сильно написанную революціонную поэму; 3) „Сказка о четырехъ братьяхъ" Л. Тихомирова, гдѣ въ довольно яркихъ картинахъ изображена экономическая, политическая и религіозная эксплуатація народа, съ прямымъ призывомъ къ возстанію; 4) „Чтой-то, братцы",—небольшая брошюра, въ видѣ прокламаціи, на тему о волкѣ-царѣ, попавшемъ въ правители овецъ, помимо ихъ спроса и желанія; въ заключеніи настаивалось на необходимости созыва Земскаго Собора; 5) „Исторія Пугачевскаго бунта", написанная Тихомировымъ, съ добавленіями Кропоткина. Эта брошюра, по самой своей темѣ, очевидно, не могла

носить мирнаго характера [1]); 6) Сборникъ революціонныхъ пѣсенъ и стихотвореній, многія изъ которыхъ были прямо направлены противъ царя, какъ, напримѣръ, пользовавшіяся большимъ успѣхомъ стихотворенія „Барка“ и „Просьба крестьянъ“. Всѣ эти брошюры были написаны ранѣе 1874 г.; позднѣе появились сказки Кравчинскаго („Сказка о копейкѣ“ и „Мудрица Наумовна“), „Хитрая Механика“, „Внушителя словили“ и др.

Эти брошюры не заключали, конечно, въ себѣ никакой опредѣленной революціонной программы, но ихъ общій революціонный характеръ не подлежитъ сомнѣнію; онѣ вполнѣ соотвѣтствовали тому періоду революціонной пропаганды въ народѣ, когда она еще была кружковой, когда дѣло еще шло о выработкѣ отдѣльныхъ лицъ изъ народной среды съ общимъ революціоннымъ міросозерцаніемъ и когда еще не было данныхъ для того, чтобы придать революціонному движенію въ народѣ сколько-нибудь опредѣленную, конкретную форму. Поскольку можно было предвидѣть дальнѣйшее развитіе этого движенія, оно рисовалось нашему кружку въ формѣ все болѣе и болѣе расширяющихся и объединяющихся между собою революціонныхъ группъ среди городскихъ рабочихъ, причемъ эти городскіе рабочіе служили бы проводниками революціонной агитаціи въ деревнѣ. На городскихъ рабочихъ возлагались тогда даже еще большія надежды; предполагалось, что они могутъ выдвинуть изъ своей среды боевую организацію для революціоннаго движенія въ самомъ Петербургѣ. Достигнуть этого надѣялись, главнымъ образомъ, путемъ стачекъ, и, по словамъ Кропоткина, къ которому перешли сношенія съ нашими рабочими Выборгскаго района ко времени уже начавшихся большихъ арестовъ въ Петербургѣ, т. е., къ началу 1874 г.,—

---

[1]) П. А. Кропоткинъ, просматривавшій мою рукопись, сдѣлалъ къ этому мѣсту слѣдующую приписку: «Конецъ брошюры—анархическій идеалъ безначальной Россіи,—дѣйствительно, написанъ мною. Моя рукопись была арестована у кого-то и хранится въ III-мъ Отдѣленіи. Когда брошюра была отпечатана, Новицкій (жандармскій полковникъ, нынѣ генералъ) читалъ мнѣ ее—съ большимъ чувствомъ,- а я слѣдилъ по моей рукописи.

Читалъ и вдругъ прервался:

— Да неужели вы думаете, князь, что это можно осуществить ранѣе 200 лѣтъ? Прекрасно, превосходно,—но ранѣе 200 лѣтъ этого не будетъ.

— А покуда: «пожалуйте въ тюрьму?» Такъ, что-ли? За то, что прозрѣлъ за 200 лѣтъ впередъ?

— Не хотите-ли папироску?

между ткачами Выборгской стороны уже шла тогда рѣчь о подготовленіи къ стачкѣ, причемъ двое изъ рабочихъ, Яковъ Ивановичъ и Вилли Прейсманъ, настаивали даже на томъ, чтобы припасти кое-какое оружіе на случай, если бы во время стачки стали бить рабочихъ [1]).

Таковы были тогда планы нашего кружка. Но, несмотря на сравнительные успѣхи нашей революціонной пропаганды среди городскихъ рабочихъ и на очень приподнятое революціонное настроеніе тѣхъ рабочихъ, которые были затронуты этой пропагандой, мы съ первыхъ же шаговъ должны были убѣдиться въ томъ, что этой пропагандѣ трудно было удержаться тогда въ городскихъ центрахъ, среди городскихъ рабочихъ. Условія русской жизни того времени неминуемо должны были выдвинуть на первый планъ, въ революціонномъ движеніи, вопросъ о деревенскихъ народныхъ массахъ, и я хорошо помню, какъ началось это въ Петербургѣ, лѣтомъ 1873 года.

Наиболѣе выдающимся изъ нашихъ фабричныхъ рабочихъ былъ тогда Григорій Крыловъ, умершій въ 1876 г. въ тверской тюрьмѣ. Это былъ человѣкъ живого, пылкаго темперамента, горячо увѣровавшій въ революціонныя идеи. Онъ совершенно не былъ способенъ тогда оставаться въ бездѣйствіи и мечталъ о широкомъ революціонномъ движеніи; между тѣмъ, въ окружавшей его фабричной средѣ онъ, видимо не встрѣчалъ достаточнаго сочувствія къ своей пропагандѣ и потому скоро сталъ тяготиться этой средой. Тогда онъ началъ искать другихъ путей для своей революціонной дѣятельности и задумалъ, по примѣру эркманъ-шатріановскаго Шовеля, продавать подъ видомъ коробейника народныя книжки. Съ этою мыслью онъ бросилъ фабрику и сталъ продавать народныя книжки по окраинамъ Петербурга, а затѣмъ уѣхалъ въ свою деревню, въ Тверскую губернію. Этотъ уходъ съ фабрики сопровождался и мотивировался, конечно, со стороны Крылова и другихъ рабочихъ, разговорами о необходимости поднять крестьянскій народъ, безъ котораго ничего нельзя сдѣлать. Такимъ образомъ,

[1]) Яковъ Ивановичъ — уже пожилой рабочій, затронутый пропагандой еще въ 60-хъ годахъ. Онъ встрѣтилъ насъ, какъ своихъ старыхъ знакомыхъ; Вилли Прейсманъ, эстонецъ по происхожденію, выдающаяся личность, былъ вожакомъ огромной Кренгольмской стачки, разыгравшейся, если не ошибаюсь, лѣтомъ 1873 г. Онъ былъ арестованъ въ 1874 г. и по выходѣ изъ тюрьмы сдѣлался мистикомъ.

первый толчокъ къ движенію въ деревню былъ данъ въ Петербургѣ самими же рабочими, не находившими въ окружавшей ихъ фабричной средѣ достаточно подготовленной почвы для массоваго рабочаго движенія. То же самое происходило и среди заводскихъ рабочихъ: одинъ изъ нихъ, а именно Орловъ, очень способный юноша, переселившійся за Невскую Заставу вмѣстѣ съ Кравчинскимъ, бросилъ тогда заводъ и сталъ готовиться въ народные учителя.

Что касалось собственно насъ, членовъ кружка, то это рѣшеніе рабочихъ застало нѣкоторыхъ изъ насъ даже врасплохъ и вызвало въ нашей средѣ немалое разочарованіе, такъ какъ мы еще мечтали тогда о правильномъ и прогрессивномъ расширеніи нашей пропаганды въ Петербургѣ и о созданіи сомостоятельной рабочей организаціи. Но мало по малу и насъ стала охватывать и увлекать мысль о деревнѣ, какъ о главномъ центрѣ народной жизни, хотя нѣкоторые изъ насъ (и въ томъ числѣ Чайковскій) смотрѣли на это тогда, какъ на ересь, какъ на внесеніе дезорганизаціи въ правильно поставленное въ Петербургѣ рабочее дѣло.

IV.

Первымъ изъ нашего кружка, бросившимъ тогда организованную рабочую пропаганду въ Петербургѣ и ушедшимъ въ безпредѣльное и таинственно-заманчивое народное море, былъ Сергѣй Кравчинскій. Надо замѣтить, что такое рѣшеніе было въ то время своего рода сожженіемъ кораблей, отреченіемъ отъ многаго очень привычнаго и дорогого, переходомъ къ очень трудной и тяжелой роли. Только огромное революціонное одушевленіе, связанное съ представленіемъ о завѣтныхъ трудовыхъ идеалахъ, скрытыхъ въ народныхъ массахъ, дѣлало эту задачу выполнимой. Идти въ народъ значило тогда выйти изъ университета, бросить книги, разстаться съ городскою жизнью и надѣть на плечи сермягу, — а вмѣстѣ съ нею войти цѣликомъ въ шкуру чернорабочаго или фабричнаго. Я помню, какъ впервые уходилъ въ народъ Кравчинскій и какъ я провожалъ его на петербургскомъ вокзалѣ. Онъ былъ въ посконной рубахѣ и сѣрой поддевкѣ съ узелкомъ подъ мышкой; кромѣ меня, его провожала незнакомая мнѣ блѣдная женщина съ интеллигентнымъ лицомъ и заплаканными глазами.

Кравчинскій былъ по обыкновенію очень оживленъ, много говорилъ и метался по вокзалу, не обращая никакого вниманія ни на свой костюмъ, ни на стоявшихъ подлѣ жандармовъ. Но, вотъ, зазвонилъ звонокъ, мы простились, и онъ уѣхалъ въ Тверскую губернію, къ одному знакомому мелкому помѣщику, къ которому поступилъ въ качествѣ чернорабочаго. Это было въ іюлѣ или августѣ 1873 г.

Въ это лѣто многіе изъ членовъ кружка также разъѣхались въ разныя стороны съ различными порученіями. Чайковскій, пользовавшійся наибольшею извѣстностью, какъ представитель нашего кружка, совершилъ тогда обширную поѣздку по всей Россіи для поддержанія прежнихъ и установленія новыхъ связей; Кропоткинъ уѣхалъ продавать свое имѣніе, чтобы достать денегъ на устройство предполагавшейся типографіи и другія революціонныя предпріятія: Купреяновъ поѣхалъ въ Швейцарію за печатнымъ станкомъ, а также для свиданія съ Лавровымъ, предпринявшимъ тогда изданіе журнала „Впередъ!“. Еще одинъ товарищъ поѣхалъ на югъ для переговоровъ съ одесскою группой.

Я остался тогда въ Петербургѣ, чтобы продолжать дѣло съ рабочими на Выборгской сторонѣ. Мы съ Перовской наняли на это лѣто небольшую квартиру на Саратовской улицѣ, вблизи ткацкихъ фабрикъ, расположенныхъ по Самсоніевскому проспекту. Двѣ другія наши рабочія квартиры находились тогда за Невской и Московской заставами. За Невской заставой жилъ Синегубъ съ женой. Синегубъ завелъ тогда обширныя знакомства съ рабочими артелями на фабрикѣ Торнтона. Число приходившихъ къ нему рабочихъ вскорѣ такъ возрасло, что онъ долженъ былъ пригласить къ себѣ на помощь сначала двухъ товарищей изъ вспомогательнаго кружка, а затѣмъ перетащилъ къ себѣ и Перовскую. Къ концу августа у него же на квартирѣ поселился Л. Тихомировъ, перебравшійся тогда изъ Москвы въ Петербургъ. Тихомировъ былъ пораженъ успѣхами пропаганды за Невской заставой и называлъ это мѣсто Сентъ-Антуанскимъ предмѣстіемъ [1]). На руки Перовской Синегубъ передалъ пришедшаго къ нему какъ-то Петра Алексѣева

---

[1]) Такое же впечатлѣніе произвела пропаганда среди петербургскихъ рабочихъ на Г. Лопатина, который осенью 1873 г. бѣжалъ изъ Сибири и былъ проѣздомъ въ Петербургѣ. Кравчинскій привелъ его, между прочимъ, и за Невскую Заставу, гдѣ онъ увидѣлъ лучшихъ рабочихъ. Онъ говорилъ потомъ, что рѣшительно не ожидалъ встрѣтить того, что встрѣтилъ тогда въ Петербургѣ.

съ четырьмя товарищами. Петръ Алексѣевъ еще не былъ тогда затронутъ революціонной пропагандой и желалъ просто учиться, — „жаждалъ чистой науки“, какъ говорилъ Синегубъ. Особенно привлекала его почему-то геометрія.

За Московской заставой велъ пропаганду Л. Поповъ съ другимъ товарищемъ. На Васильевскомъ островѣ существовалъ попрежнему довольно многочисленный кружокъ заводскихъ рабочихъ, болѣе самостоятельный и державшійся особнякомъ отъ фабричныхъ. Съ нимъ вели дѣло, главнымъ образомъ, Сердюковъ, Чайковскій, Кропоткинъ, Кравчинскій и тотъ, кого Кропоткинъ называетъ въ своей автобіографіи Кельницомъ.

Къ осени всѣ члены нашего кружка снова съѣхались въ Петербургъ; вернулся туда также и Кравчинскій, чтобы принять участіе въ нашихъ общихъ совѣщаніяхъ. Главнымъ дѣломъ кружка все еще признавалась тогда пропаганда среди петербургскихъ рабочихъ, которая значительно расширилась за лѣтнее время, особенно, какъ мы видѣли, за Невской заставой. Помимо чисто практической постановки рабочей пропаганды, насъ уже занималъ тогда вопросъ о выработкѣ общей революціонной программы кружка. Послѣ нѣсколькихъ засѣданій по этому поводу, Кропоткину было поручено набросать проектъ нашей программы. Проектъ этотъ былъ написанъ имъ и принятъ кружкомъ. Когда начались аресты, поведшіе за собой разгромъ почти всего нашего кружка, выработанная нами программа уже переписывалась набѣло для сообщенія ея провинціальнымъ организаціямъ [1]). Основной идей этой программы было крестьянское возстаніе и отобраніе земли у помѣщиковъ. Общее направленіе мысли было попрежнему анти-парламентарское, если можно такъ выразиться; прямое участіе народа въ политической жизни признавалось необходимой гарантіей, и русское крестьянство признавалось способнымъ создать такой строй жизни, послѣ переворота, на почвѣ общиннаго землевладѣнія. Первая книжка „Впередъ“, появившаяся въ концѣ 1873 г., не вполнѣ отвѣтила господствовавшему настроенію кружка; статья Лаврова, слишкомъ настаивавшая на научной подготовкѣ пропагандистовъ, вызвала даже возраженіе со стороны Чайковскаго. Въ своемъ открытомъ письмѣ въ редакцію онъ говоритъ, что наука безъ

---

[1]) Эта программа была арестована и цитировалась въ обвинительномъ актѣ по процессу 193-хъ.

революціоннаго настроенія ровно ничего не дастъ народному дѣлу, что надо дорожить именно тѣми годами, когда молодежь еще беззавѣтно отдается революціонному движенію и что въ продолжительныхъ научныхъ занятіяхъ всегда лежитъ опасность увлеченія спеціальностью, или самой наукой въ ея современной буржуазной обстановкѣ. Словомъ, въ этой статьѣ уже сказывалось то настроеніе, когда требованія данной минуты заслоняютъ собой медленную подготовительную работу и когда признается необходимость сосредоточить на одной опредѣленной революціонной задачѣ всѣ наличныя революціонныя силы [1]).

Соотвѣтственно этому настроенію, стала измѣняться также и первоначальная программа нашей рабочей пропаганды, имѣвшая въ виду преимущественно выработку отдѣльныхъ сознательныхъ личностей среди рабочихъ. Теперь среди насъ стало замѣтно усиливаться стремленіе къ массовой пропагандѣ, стремленіе обращаться къ народнымъ массамъ, проникать въ народныя массы. Одна изъ такихъ попытокъ происходила еще въ началѣ осени 1873 г. въ самомъ Петербургѣ. Туда пріѣхалъ этой осенью тотъ тверской помѣщикъ, у котораго жилъ Кравчинскій, и привезъ съ собою поклоны отъ земляковъ къ двумъ каменщикамъ, работавшимъ въ одной артели, состоявшей душъ изъ восьмидесяти, причемъ эта артель располагалась для ночлега въ томъ самомъ домѣ, который она воздвигала. И вотъ этотъ мелкій тверской землевладѣлецъ, разыскавъ своихъ земляковъ, познакомилъ съ ними сначала Кравчинскаго, а потомъ Синегуба. Кравчинскій и Синегубъ стали ходить тогда по вечерамъ въ эту артель каменщиковъ и читали тамъ книжки, а затѣмъ заводили разговоры. Бесѣды велись очень оживленныя и быстро переходили, разумѣется, на самыя жгучія темы. Кравчинскому и Синегубу впервые пришлось тогда говорить передъ такой обширной аудиторіей и ощущать массовое вліяніе своей пропаганды. Особенно воспламеняли слушателей рѣчи Синегуба, пропагандиста по натурѣ, доходившаго въ такихъ случаяхъ до беззавѣтнаго увлеченія. Послѣ одного изъ такихъ вечеровъ, Кравчинскій, по выходѣ изъ артели вмѣстѣ съ Синегубомъ, нервно дрожа и крѣпко прижимаясь къ нему, говорилъ: „Синегубъ, ты—волшебникъ! Я убѣдился сегодня,

[1]) Движеніе 70-хъ годовъ обвиняется иногда въ «отрицаніи науки». Но это ошибка: его можно обвинять только въ томъ, что оно вербовало учащуюся мододежь, отрывая ее отъ науки.

что можно дѣйствовать на массы... Необходима массовая пропаганда".

Въ связи со всѣмъ этимъ возраставшимъ среди насъ революціоннымъ одушевленіемъ стала намѣчаться тогда же еще одна перемѣна въ способѣ нашей пропаганды: такъ какъ для сближенія съ народными массами форма прежней студенческой пропаганды оказывалась уже не подходящей, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыми изъ нашихъ рабочихъ раньше еще указывалось на то, что какъ-ни-какъ, а все же мы, студенты, ведемъ барскій образъ жизни, то среди насъ все болѣе и болѣе стала укрѣпляться тогда мысль о необходимости для пропагандиста самому дѣлаться рабочимъ. Тогда именно поступилъ кочегаромъ на чугунно-литейный заводъ Дмитрій Рогачевъ, удивлявшій тамъ всѣхъ своей необычайной физической силой и ворочавшій въ горнѣ, хотя безъ всякой сноровки, огромныя глыбы чугуна; тогда же стали устраиваться въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ особыя интеллигентами мастерскія, слесарныя, кузнечныя и сапожныя, для обученія ремеслу будущихъ пропагандистовъ. Слѣдуетъ замѣтить также, что осенью и зимою этого года (1873) въ Петербургѣ уже началось сильное общее возбужденіе среди интеллигенціи, подготовившее революціонный походъ лѣта 1874 г. Въ Петербургѣ въ эту зиму происходили постоянныя и многолюдныя сходки, причемъ среди молодежи возникли многочисленныя новыя группы, ставившія своею задачей пропаганду въ народѣ.

Кравчинскій, какъ мы уже видѣли, шелъ впереди этого общаго движенія. Какъ только въ нашемъ кружкѣ были рѣшены всѣ неотложные организаціонные вопросы, онъ снова ушелъ въ народъ, вмѣстѣ съ Дмитріемъ Рогачевымъ. На этотъ разъ они преобразились въ пильщиковъ и уѣхали въ ту же Тверскую губернію, гдѣ стали странствовать по деревнямъ, нанимаясь на работу и ведя революціонную пропаганду. Надо замѣтить, что, еще будучи студентомъ Лѣсного института, Кравчинскій, по примѣру Рахметова, сталъ развивать въ себѣ физическую силу и достигъ въ этомъ отношеніи очень значительныхъ результатовъ; только благодаря этой подготовкѣ, онъ могъ теперь сразу же выполнять обыкновенную дневную работу пильщика, не возбуждая ни насмѣшекъ, ни подозрѣній въ крестьянахъ и не отставая ни въ чемъ отъ силача Рочачева.

Какъ Кравчинскій, такъ и Рогачевъ, были оба выдающимися пропагандистами. Рогачевъ обладалъ веселымъ, откры-

тымъ характеромъ и легко сходился съ простымъ народомъ; когда онъ бродилъ потомъ въ качествѣ пропагандиста болѣе трехъ лѣтъ по Руси, его повсюду принимали за настоящаго рабочаго. Въ Кравчинскомъ были другія сильныя стороны: онъ производилъ на слушателей впечатлѣніе своими знаніями, обширной памятью и тою внутреннею силою, которая всегда чувствовалась въ немъ. Оба они дѣйствовали крайне рѣшительно, смѣло вступали въ разговоры и мало стѣснялись въ рѣчахъ. Немудрено поэтому, что скоро о нихъ стали распространяться всякіе слухи въ той мѣстности, гдѣ они странствовали въ качествѣ пильщиковъ, и, въ концѣ концовъ, ихъ велѣно было задержать. Ихъ арестовали въ какой-то волости и отправили съ двумя сотскими въ ближайшій уѣздный городъ. Вездѣ, гдѣ они останавливались по дорогѣ, они продолжали вести свою революціонную пропаганду; и вотъ подъ вліяніемъ этой пропаганды, во время ночевки въ какой-то деревнѣ, одинъ молодой парень отодвинулъ засовъ у двери деревенской каталажки, куда ихъ заперли, и помогъ имъ такимъ образомъ бѣжать.

Спасшись на этотъ разъ—и уже на всю жизнь—отъ русскихъ тюремъ, Кравчинскій поѣхалъ въ Москву, а затѣмъ побывалъ въ Одессѣ, гдѣ въ первый разъ встрѣтился съ Волховскимъ; побывалъ онъ также въ Нижнемъ и въ Казани, откуда пришелъ пѣшкомъ, съ обозомъ, снова въ Москву, гдѣ собрались тогда уцѣлѣвшіе отъ петербургскаго погрома члены кружка чайковцевъ.

Къ этому именно періоду странствія Кравчинскаго по Россіи относится его двухнедѣльное пребываніе у молоканъ. Произошло это такъ: онъ встрѣтился съ однимъ изъ нихъ по дорогѣ и разговорился съ нимъ, а затѣмъ получилъ отъ него рекомендацію къ ихъ главарю, жившему въ какомъ-то уѣздѣ Рязанской губерніи. Кравчинскій отправился туда и пріобрѣлъ большое уваженіе среди этихъ сектантовъ, благодаря особенно тому, что зналъ на память чуть не всю библію. Онъ пріѣхалъ туда какъ разъ на страстную недѣлю, а потому долженъ былъ выдержать вмѣстѣ съ сектантами самый строжайшій постъ. Никакого революціоннаго значенія эта экскурсія, насколько мнѣ помнится, не имѣла, хотя, по воспоминаніямъ Волховскаго, Кравчинскаго, подъ вліяніемъ именно этого посѣщенія молоканъ, занимала одно время мысль сдѣлаться ихъ начетчикомъ съ революціонными цѣлями, къ чему его приглашали также и сами молоканы

V.

Весною 1874 г. въ Москвѣ собрались, какъ я уже сказалъ, почти всѣ уцѣлѣвшіе отъ погрома члены кружка чайковцевъ. Въ сущности, къ этому времени существованіе кружка, какъ сплоченной революціонной организаціи, было уже покончено. Большинство членовъ кружка были арестованы, и его дѣятельность среди рабочихъ въ Петербургѣ была прервана. Первый большой погромъ произошелъ, какъ я уже упоминалъ, за Невской заставой, гдѣ вмѣстѣ съ Синегубомъ, Тихомировымъ, Стаховскимъ и Борисевичемъ былъ арестованъ тогда также и весь кружокъ фабричныхъ рабочихъ, образовавшійся тамъ за лѣто на ткацкихъ фабрикахъ. Но эти аресты еще не разстроили, впрочемъ, организаціи нашего кружка. На Выборгской сторонѣ все еще продолжались тогда прежнія сношенія съ рабочими и завязывались новыя знакомства среди нихъ. Вскорѣ, однако, и въ этомъ главномъ центрѣ нашей рабочей пропаганды начались большіе аресты. Въ началѣ января былъ арестованъ Чарушинъ, а затѣмъ въ мартѣ также и Купреяновъ, самые видные люди этого района. Здѣсь, какъ мы потомъ убѣдились, сношенія революціонеровъ съ рабочими были выслѣжены полиціей при помощи двухъ рабочихъ-шпіоновъ, уже дѣйствовавшихъ въ этомъ смыслѣ и раньше того въ Москвѣ, при выслѣживаніи долгушинскаго кружка. Теперь эти рабочіе-шпіоны были присланы для той же цѣли въ Петербургъ. Это были уже опытные люди, очень смышленые и производившіе при первой же встрѣчѣ самое благопріятное впечатлѣніе своимъ пониманіемъ дѣла и своей видимой искренностью. Они очень ловко устроили арестъ Чарушина, нисколько не скомпрометировавъ этимъ себя, такъ что послѣ Чарушина съ ними, безъ малѣйшаго колебанія, сталъ продолжать тѣ же сношенія Купреяновъ; затѣмъ они выдали и Купреянова; тогда на Выборгскую сторону, для поддержанія связей съ рабочими, сталъ ходить Кропоткинъ, подъ фамиліей Бородина, причемъ и ему также пришлось имѣть дѣло съ этими шпіонами; наконецъ, былъ арестованъ, въ концѣ марта, и Кропоткинъ, причемъ одинъ изъ шпіоновъ участвовалъ вмѣстѣ съ сыщикомъ въ задержаніи его на Невскомъ проспектѣ.

Въ мартѣ 1874 года былъ арестованъ также почти весь кружокъ заводскихъ рабочихъ на Васильевскомъ островѣ. Разгромъ былъ полный. Большинство еще неарестованныхъ

членовъ кружка чайковцевъ уже разыскивалось полиціей и потому перешло на нелегальное положеніе. Даже наша центральная квартира чуть не была захвачена. Она помѣщалась въ Казарменномъ переулкѣ, въ небольшомъ отдѣльномъ домикѣ, который нанимала въ качествѣ хозяйки Перовская. Появленіе шпіоновъ въ этомъ почти еще незастроенномъ тогда переулкѣ было, однако, скоро замѣчено нами, и мы успѣли вывезти на подводѣ всѣ наши вещи, какъ разъ наканунѣ обыска, такъ что когда явилась полиція, она нашла домъ запертымъ и пустымъ.

Изъ всего кружка чайковцевъ въ Петербургѣ осталось, послѣ разгрома, только 2 или 3 еще неизвѣстныхъ полиціи члена да 2 или 3 новыхъ товарища, приглашенныхъ Кропоткинымъ и Сердюковымъ во время самаго разгрома. На нихъ обязанности лежало теперь, главнымъ образомъ, поддержаніе сношеній съ заключенными. Всѣ же перешедшіе на нелегальное положеніе члены кружка выѣхали тогда изъ Петербурга и, какъ уже было сказано, встрѣтились весною въ Москвѣ. Перовская была арестована одна изъ первыхъ еще въ ноябрѣ 1873 г., но противъ нея не было тогда достаточно уликъ, и черезъ нѣсколько недѣль ее освободили на поруки. Послѣ этого она уѣхала къ матери въ Крымъ, гдѣ пробыла до конца 1877 г., когда была вызвана въ судъ по процессу 193-хъ.

По пріѣздѣ въ Москву уцѣлѣвшіе отъ погрома члены петербургскаго кружка уже застали тамъ сильное революціонное броженіе, начавшееся, какъ мы видѣли, повсюду еще съ осени 1873 года. Въ Москвѣ накопилось въ то время много хорошей молодежи, только-что охваченной революціоннымъ настроеніемъ; среди нея особенно выдѣлялся своей талантливостью и своимъ юношескимъ одушевленіемъ Николай Морозовъ. Много нашлось также тогда серьезныхъ сторонниковъ движенія въ народъ и среди студентовъ Петровской академіи, гдѣ видную роль играли въ то время московскіе члены кружка чайковцевъ (Фроленко и др.). Кромѣ того, довольно многочисленный кружокъ группировался тогда въ Москвѣ около Мышкина, въ его типографіи, а также около Войнаральскаго, въ устроенной имъ весною на Плющихѣ сапожной мастерской. Тогда же примкнули къ движенію Саблинъ и Татьяна Лебедева.

Такимъ образомъ, весною 1874 г. настроеніе въ Москвѣ было особенно оживленное. Для пріѣхавшихъ туда членовъ петербургскаго кружка это было какъ бы продолженіемъ

ихъ петербургской жизни и дѣятельности: вслѣдъ за полнымъ разгромомъ петербургской организаціи начиналось, хотя и плохо организованное, но зато болѣе широкое революціонное движеніе, увлекшее за собою и ихъ. Это обстоятельство помогло имъ не почувствовать сразу всей ихъ потери, всей тяжести нанесеннаго имъ въ Петербургѣ удара. Только позднѣе, послѣ новыхъ погромовъ и новыхъ массовыхъ арестовъ, которыми закончилось бурное лѣто 1874 г., немногіе остававшіеся еще на свободѣ члены кружка чайковцевъ,—этой дружной революціонной семьи, созданной въ Петербургѣ усиліями цѣлаго ряда выдающихся людей и сильныхъ характеровъ, — почувствовали свое одиночество. Почувствовалъ его тогда и Кравчинскій, который, вообще, придавалъ очень большое значеніе этому кружку и, кромѣ того, былъ сильно привязанъ лично ко многимъ изъ его арестованныхъ членовъ [1]).

Изъ Москвы Кравчинскій ушелъ въ компаніи съ однимъ товарищемъ, сначала въ Тульскую губернію, а затѣмъ на югъ, и съ тѣхъ поръ я уже не видалъ его больше до самаго моего пріѣзда въ Лондонъ, зимою 1890 г. Такимъ образомъ, о всей его революціонной жизни за этотъ 16-лѣтній промежутокъ времени у меня нѣтъ личныхъ воспоминаній, и я могу сообщить здѣсь о ней лишь нѣсколько отрывочныхъ фактовъ. Отсюда читатель видитъ, что мои воспоминанія объ этой выдающейся личности и этомъ выдающемся представителѣ революціоннаго движенія 70-хъ годовъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы полными. Мало того: въ нихъ совершенно отсутствуетъ сколько-нибудь полный разсказъ о томъ именно періодѣ революціонной жизни Кравчинскаго, который былъ наиболѣе богатъ революціонными событіями и который наиболѣе соотвѣтство-

---

[1]) «Въ кружкѣ всѣ были братья,—пишетъ одинъ изъ его старыхъ членовъ въ своихъ воспоминаніяхъ, хранящихся у меня;—быть можетъ, кружокъ носилъ нѣсколько сектантскій характеръ; но, не хвастаясь, долженъ сказать, что врядъ ли когда-либо существовалъ кружокъ, представлявшій собой такой братскій, искренній дружескій союзъ. Въ кружкѣ было осуществлено полное равенство, безусловное уваженіе къ мнѣнію каждаго, которое всегда выслушивалось до конца. Ни у кого изъ насъ не было ни малѣйшаго поползновенія генеральствовать надъ другими. Да и такая попытка неминуемо кончилась бы неудачей: одни сарказмы Клеменца, этого свободолюбца до конца ногтей, сдѣлали бы ее невозможной».

валъ сильному, героическому темпераменту этого человѣка, съ трудомъ укладывавшемуся въ первоначальныя рамки нашей замкнутой, кружковой жизни.

Татьяна Ивановна Лебедева, которую я видѣлъ послѣдній разъ на судѣ, въ концѣ 1877 г., разсказывала мнѣ, что зимою 1876 г. Кравчинскій былъ въ Петербургѣ и находился въ крайне подавленномъ душевномъ настроеніи. Иногда ей казалось даже, что онъ сходитъ съ ума: онъ часто совсѣмъ не отвѣчалъ на обращенные къ нему вопросы и разговаривалъ съ самимъ собой. Ходилъ онъ тогда по Петербургу въ самомъ невозможномъ костюмѣ, наполовину городскомъ, наполовину крестьянскомъ, и жилъ неизвѣстно гдѣ. Какъ-то онъ сообщилъ Татьянѣ Ивановнѣ, что былъ захваченъ въ какомъ-то притонѣ вмѣстѣ съ мазуриками, но по дорогѣ убѣжалъ отъ полиціи. То обстоятельство, что онъ не былъ тогда арестованъ, хотя его усиленно разыскивали, очень удивляло ее, и объяснялось, по всей вѣроятности, именно тѣмъ, что онъ не принималъ никакихъ предосторожностей. Какъ и всегда, его выручала въ подобныхъ случаяхъ полная беззаботность и какая-то разсѣянность человѣка, занятаго своими собственными мыслями и своимъ собственнымъ дѣломъ. Это отношеніе къ полиціи, какъ къ чему-то совсѣмъ постороннему и мало его касающемуся, было возведено у него даже въ систему, но очевидно, что въ основѣ этой системы лежало все-таки, прежде всего, отсутствіе всякой боязни за самого себя, причемъ это довольно рѣдкое въ людяхъ свойство было развито въ немъ, какъ я думаю, усиліями воли и продолжительной практикой. Въ Москвѣ у насъ былъ общій хорошій знакомый, арестованный по долгушинскому дѣлу, а затѣмъ выпущенный изъ тюрьмы подъ домашній арестъ, причемъ его безсмѣнно сторожилъ городовой. Намъ очень хотѣлось повидаться съ этимъ знакомымъ, но такъ какъ мы оба были на нелегальномъ положеніи, то я не счелъ этого возможнымъ для себя; Кравчинскій же пошелъ и потомъ не безъ удовольствія разсказывалъ мнѣ, какъ онъ проникъ въ самую львиную пасть. Онъ, по всей вѣроятности, не могъ допустить въ себѣ мысль, что онъ чего-нибудь испугается. Также мало были свойственны ему то безпокойство и волненіе, которыя испытываются почти каждымъ, кому приходится выступать

передъ публикой, произносить рѣчи и т. п. Когда я гостилъ у него въ Лондонѣ въ 1893 г., мы какъ-то пошли съ нимъ на ежегодное общее собраніе англійскаго „Общества друзей свободы въ Россіи“, на которомъ онъ долженъ былъ произнести рѣчь. По дорогѣ онъ разсказывалъ мнѣ о задуманныхъ имъ литературныхъ работахъ и, видимо, нисколько не заботился о предстоявшемъ ему выступленіи передъ довольно избранной англійской публикой; когда же я, наконецъ, спросилъ его, о чемъ онъ будетъ говорить, то онъ отвѣтилъ мнѣ совершенно равнодушно: „Ну, что-нибудь да придетъ въ голову!“

Между 1875 и 1878 годами Кравчинскій нѣсколько разъ ѣздилъ за границу и возвращался обратно въ Россію. Въ 1876 г. онъ попалъ въ Герцоговину, гдѣ писалъ какія-то прокламаціи къ возставшимъ славянамъ, какъ разсказывалъ мнѣ одинъ изъ бывшихъ съ нимъ русскихъ; въ 1877 г. онъ близко сошелся съ итальянскими соціалистами, особенно съ Малатестой и Кафіеро, и присоединился къ беневентинской вооруженной экспедиціи. Небольшой отрядъ вооруженныхъ итальянскихъ соціалистовъ овладѣлъ тогда одною или двумя деревенскими коммунами и учредилъ тамъ временный соціалистическій порядокъ. Попытка эта имѣла, конечно, чисто демонстративное значеніе. Инсургенты были схвачены итальянскими властями и посажены въ тюрьму, а въ томъ числѣ и Кравчинскій. Въ тюрьмѣ онъ просидѣлъ до смерти Виктора-Эммануила, которая случилась въ слѣдующемъ же 1878 г. и повела за собою амнистію.

Весною 1878 г. Кравчинскій былъ уже въ Петербургѣ и велъ переписку съ осужденными по процессу 193-хъ, сидѣвшими тогда въ Петропавловской крѣпости. Въ Россіи возникла тогда знаменитая организація „Земля и Воля“, положившая начало всему послѣдующему народовольческому движенію; однимъ изъ учредителей этой организаціи былъ Кравчинскій. Онъ перевезъ черезъ границу часть типографіи, предназначавшейся для печатанія органа этой революціонной группы, и былъ однимъ изъ его редакторовъ. Какъ въ „Землѣ и Волѣ“, такъ и въ „Общинѣ“, издававшейся тогда за границей, былъ помѣщенъ рядъ статей Кравчинскаго, написанныхъ свойственнымъ ему восторженнымъ и пламеннымъ языкомъ. Наконецъ, 4 авг. того же 1878 г. онъ, какъ извѣстно, выступилъ мстителемъ за погибшихъ товарищей и убилъ шефа жандармовъ, генерала Мезенцева.

Поводомъ къ этому убійству послужилъ приговоръ по процессу 193-хъ. Въ этомъ процессѣ судились всѣ арестованные въ 1873 и 1874 гг., по обвиненію въ пропагандѣ среди рабочихъ и крестьянъ. Всѣхъ арестованныхъ тогда пропагандистовъ было около 1000 человѣкъ, но изъ нихъ суду было предано только 193. Слѣдствіе по этому дѣлу тянулось около 4 лѣтъ, безъ всякаго вниманія со стороны разныхъ слѣдственныхъ комиссій къ сотнямъ молодыхъ жизней, разрушавшихся въ продолжительномъ одиночномъ тюремномъ заключеніи. Это было золотое время для жандармеріи и прокуратуры; карьеры Слезкиныхъ, Жихаревыхъ, Желеховскихъ и др. создавались тогда легко и быстро, причемъ никто изъ этихъ господъ даже и не думалъ о возможности какого-нибудь отпора со стороны революціонеровъ. Масса заключенныхъ, проводившихъ годъ за годомъ въ одиночныхъ тюрьмахъ, представляла для нихъ какъ-бы пассивный слѣдственный матеріалъ, надъ которымъ они изощряли свою проницательность. Знаменитое III-е Отдѣленіе еще пользовалось тогда своимъ традиціоннымъ обаяніемъ, унаслѣдованнымъ имъ отъ николаевской эпохи, и шефъ жандармовъ еще могъ спокойно прогуливаться тогда лѣтними утрами по улицамъ Петербурга.

Между тѣмъ, число погибшихъ за эти 4 года въ одиночномъ заключеніи отъ болѣзней, сумашествія и самоубійства доходило до 80 человѣкъ. Среди революціонеровъ стала даже возникать тогда теорія цѣлесообразности вооруженнаго сопротивленія при арестахъ: такъ велика казалась имъ вѣроятность умереть безплодно въ тюрьмѣ даже при сравнительно ничтожномъ обвиненіи. Многіе изъ умершихъ въ предварительномъ заключеніи по процессу 193-хъ были бы или вовсе оправданы судомъ, или же приговорены къ самому незначительному наказанію. Фактъ этотъ былъ хорошо выясненъ защитниками на нашемъ процессѣ и произвелъ сильное впечатлѣніе даже на особое присутствіе сената съ Петерсомъ во главѣ. Вообще, процессъ 193-хъ, разбиравшійся вскорѣ послѣ процесса 50-ти, уже подготовившаго со своей стороны сочувственное настроеніе въ обществѣ, вызвалъ замѣтную сенсацію въ Петербургѣ. Вслѣдствіе этого, приговоръ особаго присутствія оказался неожиданно мягокъ: изъ 193-хъ подсудимыхъ, 90 было оправдано совершенно, а для 70-ти въ наказаніе было вмѣнено предварительное заключеніе; даже по отношенію къ осужденнымъ на каторгу судъ ходатайствовалъ о замѣнѣ ея ссыл-

кой на житье, исключивъ, впрочемъ, изъ этого ходатайства Мышкина [1]).

Подъ впечатлѣніемъ этого процесса, сопровождавшагося, притомъ, различными манифестаціями со стороны подсудимыхъ: отказомъ отъ присутствія на судѣ и отъ всякой защиты, рѣчью Мышкина и рѣзкими протестами со стороны другихъ подсудимыхъ, въ петербургскомъ обществѣ произошло тогда нѣчто аналогичное тому, что не разъ повторялось потомъ въ исторіи нашего революціоннаго движенія, а именно—когда это движеніе отражалось косвеннымъ путемъ на общественномъ настроеніи и вызывало въ немъ извѣстный подъемъ оппозиціоннаго духа. Но такъ какъ этотъ подъемъ обуславливался не внутренними силами самого общества, а ходомъ борьбы между революціонной партіей и самодержавнымъ правительствомъ, дѣйствіями которыхъ всегда руководила своя внутренняя логика, то такого рода либеральное общественное настроеніе никогда не бывало особенно прочнымъ. Такъ случилось и на этотъ разъ. Съ одной стороны, въ правительственныхъ сферахъ оказалась, разумѣется, своя партія непримиримыхъ, одинъ изъ корифеевъ которой, петербургскій полиціймейстеръ Треповъ, устроилъ извѣстное побоище въ домѣ предварительнаго заключенія и истязаніе Боголюбова; результатомъ этого былъ выстрѣлъ Вѣры Засуличъ, повлекшій за собой небывалыя въ Россіи событія: оправданіе присяжными Вѣры Засуличъ, демонстративную овацію публики, наполнявшей залу суда, бурную сцену на улицѣ, когда столпившіеся передъ зданіемъ суда революціонеры вырвали оправданную Засуличъ изъ рукъ жандармовъ и скрыли ее отъ преслѣдованій правительства, причемъ весь либеральный Петербургъ съ тревогой слѣдилъ за ея судьбой, а газета „Сѣверный Вѣстникъ“ рѣшилась даже напечатать ея открытое письмо.

Съ другой стороны, 4-лѣтнія неистовства правительства принесли свои неизбѣжные результаты и рѣзко измѣнили настроеніе революціонной партіи. Начались насильственные революціонные акты и на югѣ Россіи, въ Одессѣ, идея

[1]) Всѣхъ приговоренныхъ къ каторгѣ было 13 человѣкъ: Мышкинъ, Коваликъ, Войнаральскій, Муравскій, Рогачевъ, Сажинъ, Чарушинъ, Синегубъ, Добровольскій, Шишко, Квятковскій, Союзовъ, Брешковская. Изъ числа осужденныхъ особое присутствіе не ходатайствовало также о 5-хъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ на житье (С. Жебуневъ, Чудновскій, Волховскій, Ив. Чернявскій и Ларіоновъ).

вооруженнаго сопротивленія нашла въ это время свое первое практическое примѣненіе при арестѣ Ковальскаго.

Все это произошло какъ разъ въ промежутокъ времени между произнесеніемъ приговора по процессу 193-хъ и его конфирмаціей. Послѣдствія не заставили ждать себя: ходатайство суда не было принято во вниманіе, и всѣ 13 человѣкъ, осужденныхъ на каторгу, были отправлены, одни на Кару, а другіе (Мышкинъ, Коваликъ, Войнаральскій, Муравскій, Рогачевъ и Сажинъ)—въ харьковскія центральныя тюрьмы, въ эту обитель „заживо погребенныхъ". Затѣмъ около 80 человѣкъ, оправданныхъ по суду, были арестованы вновь и сосланы административнымъ порядкомъ въ сѣверныя губерніи. Такимъ образомъ, логика положенія взяла свое, и революціонная борьба должна была разгорѣться съ новой силой.

И, вотъ, въ этомъ новомъ фазисѣ революціоннаго движенія 70-хъ годовъ, Кравчинскому суждено было опять взять на себя роль смѣлаго иниціатора. Имъ совершенъ былъ первый крупный террористическій актъ: убійство генерала Мезенцева. Подробности этого событія достаточно извѣстны. Кравчинскій вышелъ навстрѣчу Мезенцеву во время его обычной утренней прогулки по Михайловской площади, въ компаніи съ полковникомъ Макаровымъ, и нанесъ ему смертельный ударъ стилетомъ; затѣмъ онъ бросился въ пролетку, запряженную тѣмъ самымъ Варваромъ, на которомъ уже спасся раньше Кропоткинъ, и былъ увезенъ товарищемъ-кучеромъ. При всѣхъ приготовленіяхъ къ этому безпощадному революціонному акту, Кравчинскій настаивалъ на томъ, чтобы ему былъ, по возможности, приданъ характеръ открытаго нападенія. Спасшись удачно отъ преслѣдованія, онъ упорно желалъ остаться въ Петербургѣ, несмотря на то, что въ Петербургѣ тогда была поставлена на ноги вся полиція. Товарищамъ стоило большого труда выпроводить его за границу подъ какимъ-то нарочно созданнымъ предлогомъ.

Вся дальнѣйшая революціонная дѣятельность Кравчинскаго въ періодъ его заграничной жизни, носила преимущественно литературный характеръ. Его лучшія произведенія извѣстны всѣмъ. Въ нихъ онъ сумѣлъ дать яркія картины революціонной жизни, какія могъ дать только человѣкъ, долго жившій въ самомъ ея центрѣ, и сумѣлъ передать внутреннюю, психологическую сторону русскаго революціоннаго движенія, какъ могъ это сдѣлать только

человѣкъ, самъ переживший и перечувствовавшій самыя сильныя и глубокія впечатлѣнія революціонной жизни въ одинъ изъ ея наиболѣе тревожныхъ и драматическихъ періодовъ. По единодушнымъ отзывамъ изъ Россіи, его книги до сихъ поръ производятъ свое революціонное дѣйствіе на все болѣе и болѣе расширяющійся кругъ читателей, продолжая служить тому дѣлу, которому до послѣдняго дня своей жизни служилъ ихъ авторъ.

Пріѣхавъ за границу въ 1890 г., я снова увидалъ Кравчинскаго послѣ 16-лѣтней разлуки. Въ Сибири до меня доходили изрѣдка слухи о немъ. Я зналъ, что онъ жилъ въ Англіи и что онъ много писалъ на англійскомъ языкѣ; при этомъ мнѣ передавали иногда, что онъ почти совсѣмъ отстранился отъ русскаго революціоннаго движенія. Допуская, конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ отчуждающее вліяніе долгой заграничной жизни, я не связывалъ и не могъ связать этого съ какими-нибудь серьезными внутренними перемѣнами въ самомъ Кравчинскомъ: я зналъ, что такіе люди, какъ онъ, не мѣняются ни при какихъ условіяхъ. Но въ первый же свой пріѣздъ въ Лондонъ я былъ пораженъ тѣмъ, до какой степени этотъ человѣкъ мало измѣнился даже во всѣхъ своихъ второстепенныхъ типичныхъ чертахъ русскаго революціонера. Это былъ все тотъ же, прежній Кравчинскій, все тотъ же русскій нигилистъ, несмотря на совсѣмъ другую окружавшую его тогда обстановку. Всю ту необходимую частицу англійскихъ обычаевъ и условныхъ приличій, которая налагалась на него его англійскими знакомствами, онъ принималъ, какъ скучный парадный костюмъ, который сбрасывается при первой возможности. Еще менѣе, конечно, отразилась заграничная жизнь Кравчинскаго на его внутреннемъ обликѣ. Это былъ все тотъ же русскій революціонеръ, все тотъ же сильный, вѣрный и преданный товарищъ, все тотъ же человѣкъ 70-хъ годовъ, для котораго личная жизнь, какъ въ молодости, такъ и въ зрѣломъ возрастѣ, могла существовать только въ формѣ служенія народному дѣлу. Всѣ его завѣтныя мечты, всѣ его излюбленные планы всегда принадлежали русскому революціонному движенію. Его заграничная агитація, которой онъ отдавалъ одно время много силъ и времени, имѣла въ его глазахъ чисто второстепенное и служебное значеніе. Даже его большая склонность къ литера-

турно-художественному творчеству всегда была связана въ его глазахъ съ революціонными задачами: „Кто-же будетъ писать революціонную беллетристику?"—говорилъ онъ, когда заходила рѣчь о томъ, чтобы ему взять на себя редактированіе заграничнаго революціоннаго органа.

Въ немъ еще было много сохранившихся силъ, была спокойная увѣренность въ себѣ, большой политическій умъ и страстная преданность общественному дѣлу, служеніе которому съ самыхъ юныхъ лѣтъ обратилось для него въ единственный руководящій жизненный принципъ. Эта цѣльность и страстность общественнаго чувства, составляющія, вообще, характерную черту русской революціонной интеллигенціи, имѣли въ Кравчинскомъ одного изъ своихъ наиболѣе яркихъ представителей. Ими объяснялось то сосредоточенное, часто сумрачное настроеніе, которое почти не покидало этого, по натурѣ крайне добраго и даже нѣжнаго человѣка, лишеннаго всякой узости, всякаго фанатизма. Иногда мнѣ казалось, что онъ какъ-бы только наполовину жилъ окружавшей его повседневной жизнью. Большую часть времени онъ проводилъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ; затѣмъ появлялся среди близкихъ со своимъ задумчивымъ, разсѣяннымъ видомъ, со своей милой, широкой улыбкой, но скоро снова уходилъ въ свои мысли и снова запирался въ своемъ кабинетѣ. Всѣ тяжелыя воспоминанія, всѣ ужасы русской жизни были слишкомъ тѣсно связаны съ его личною жизнью: съ его молодостью, со всѣми его надеждами, съ его погибшими друзьями; они всецѣло владѣли его душой и были главнымъ элементомъ, опредѣлявшимъ его настроеніе.

Благодаря той же силѣ и искренности общественнаго чувства, Кравчинскій былъ совершенно недоступенъ для мелкихъ партійныхъ раздоровъ и личной полемики. Надо было видѣть, съ какимъ глубокимъ равнодушіемъ онъ относился ко всему подобному. Можно было подумать, что имѣешь дѣло съ политически индифферентнымъ человѣкомъ. Но стоило только выступить на сцену одному изъ тѣхъ вопросовъ или воспоминаній, съ которыми какъ бы сливалось все его существованіе, и тогда страстная и сдержанная энергія этого, повидимому, невозмутимаго человѣка, вырывалась наружу. Одинъ изъ товарищей, впервые познакомившійся съ Кравчинскимъ въ Лондонѣ, разсказывалъ мнѣ, что онъ, все время молчавшій и относившійся безучастно къ происходившей у него на квартирѣ бесѣдѣ, вдругъ весь

вспыхнулъ и высказалъ очень рѣзкое замѣчаніе, когда покойный Людвигъ Савицкій сталъ отрицать значеніе политической свободы для Россіи. Я помню также, какъ измѣнилось его лицо и какія жесткія слова вырвались у него, когда при немъ зашла рѣчь о Сигидѣ, засѣченной въ Карійской тюрьмѣ. Это кажущееся невозмутимое спокойствіе Кравчинскаго было спокойствіемъ человѣка, слишкомъ много пережившаго на своемъ вѣку и слишкомъ хорошо владѣвшаго собой.

Глядя на его тихую, однообразную жизнь въ Лондонѣ, въ началѣ 90-хъ годовъ, среди обычной англійской обстановки, трудно было представить себѣ, какъ еще много таилось въ немъ его прежней революціонной энергіи. Его, видимо, тяготила эта монотонная жизнь, занятая почти исключительно работою для англійской печати, и онъ охотно снова бросился бы въ какое-угодно революціонное предпріятіе. Но въ тѣ годы революціонная Россія еще переживала, какъ извѣстно, глухое и трудное время. Въ самой Россіи шла тогда лишь медленная подготовительная работа, сношенія съ заграницей носили чисто-случайный характеръ, и эмиграція не могла не чувствовать всей своей оторванности отъ русской жизни.

Но, вотъ, прошло еще нѣсколько лѣтъ, и все это вдругъ измѣнилось. Русское революціонное движеніе приняло неожиданно-широкіе размѣры, и въ основу его легло уже начавшееся тогда массовое движеніе пробуждающагося русскаго народа,—того самаго народа, къ которому такъ рвались сердца революціонеровъ 70-хъ годовъ и къ которому были обращены ихъ первые призывы 25 лѣтъ назадъ... Но Кравчинскому не суждено было дожить до этого сравнительно болѣе счастливаго для насъ времени. 11-го (23-го) декабря 1895 г. онъ погибъ совершенно неожиданно, благодаря роковой случайности, на 43-мъ году своей жизни.

Онъ жилъ на западныхъ окраинахъ Лондона среди еще незастроенныхъ пустырей. Одинъ изъ такихъ пустырей пролегалъ между его домикомъ и квартирой Волховскаго, такъ что они обыкновенно ходили другъ къ другу по этой сокращенной дорогѣ; при этомъ надо было переходить въ одномъ мѣстѣ полотно желѣзной дороги; ни сторожа, ни заставы въ этомъ мѣстѣ не было; каждому предоставлялось самому заботиться о своей безопасности. Утромъ рокового дня Кравчинскій шелъ по направленію къ рельсамъ, погру-

женный въ какія-то думы и слишкомъ поздно замѣтилъ налетѣвшій на него изъ-за поворота поѣздъ. Его ударило въ голову, и смерть была мгновенна.

Кравчинскій пользовался большой извѣстностью и въ Англіи, и въ Америкѣ, особенно же въ соціалистическомъ мірѣ Лондона. Поэтому его похороны приняли характеръ торжественной политической манифестаціи, въ которой приняли участіе всѣ выдающіеся вожди англійской рабочей партіи. Ихъ рѣчи, сказанныя при этомъ, не были сказаны ради одной только политической манифестаціи, англичане, знавшіе Кравчинскаго сколько-нибудь близко, любили и цѣнили его, какъ человѣка. Послѣ его смерти въ англійской и американской печати появилось нѣсколько воспоминаній о немъ, проникнутыхъ самой искренней симпатіей.

Въ заключеніе этого, къ сожалѣнію, неполнаго очерка я приведу нѣсколько выдержекъ изъ рѣчи, произнесенной надъ гробомъ Кравчинскаго его старымъ товарищемъ Кропоткинымъ.

„Горько и тяжело мнѣ говорить, — такъ началъ свою рѣчь Кропоткинъ, — надъ гробомъ такого дорогого, такого молодого товарища и друга. Онъ едва вступилъ въ ту пору жизни, когда человѣкъ достигаетъ полнаго расцвѣта своихъ силъ. Онъ жилъ съ такою беззавѣтною любовью къ дѣлу освобожденія Россіи; въ немъ горѣла такая вѣра въ это дѣло; жизнь ключемъ кипѣла въ немъ; въ груди было столько силы и энергіи, столько могучей воли!..

„...Онъ любилъ русскую жизнь, русскій народъ... Онъ вѣрилъ въ народное движеніе... Чувства личнаго страха онъ вовсе не зналъ. Каждую минуту онъ могъ бы отдать свою жизнь за любое дѣло — лишь бы оно было глубоко человѣческое. Чувства личнаго самолюбія въ немъ не было даже и въ зачаточномъ состояніи. Не понималъ онъ также и чувства партійной узости...

„И часто, часто я думалъ: вотъ, настанетъ время, Россія проснется, закипитъ великій переворотъ; партіи, личная вражда и самолюбія будутъ сталкиваться. Тогда Сергѣй будетъ человѣкомъ незамѣнимымъ, необходимымъ. Онъ пойметъ, и другихъ заставитъ понять, — что такое должна быть жизнь народа въ такой моментъ, съ ея безконечнымъ много-

образіемъ, какъ изъ этого многообразія создается новая жизнь. Это онъ понималъ глубоко.

„Я говорю, а его могучій и вмѣстѣ съ тѣмъ короткій образъ стоитъ предо мною. Долго онъ будетъ жить среди насъ, какъ связующее звено, какъ призывъ къ работѣ для общаго дѣла, какъ дорогой образъ одного изъ лучшихъ людей русскаго движенія“...

Да, это былъ одинъ изъ лучшихъ людей русскаго движенія. Пусть же эта слабая попытка напомнить какъ о немъ самомъ, такъ и о томъ времени, которому онъ отдалъ свои силы, сослужитъ хоть небольшую службу народному революціонному движенію въ Россіи.

Изъ воспоминаній прошлаго [1]).

Весною 1873 г. я былъ вызванъ изъ Москвы въ Петербургъ письмомъ отъ Сергѣя Кравчинскаго. Кравчинскій сообщалъ, что петербургскій кружокъ, о существованіи котораго я до тѣхъ поръ только догадывался, приглашалъ меня вступить въ число своихъ членовъ. Это былъ кружокъ чайковцевъ. Зиму 1873 г. я провелъ въ Петербургѣ и видѣлся съ нѣкоторыми изъ нихъ. Я былъ въ это время въ технологическомъ институтѣ, но уже рѣшилъ сдѣлаться народнымъ учителемъ. Идея необходимости сближенія съ рабочими массами носилась тогда въ воздухѣ. Вскорѣ послѣ Рождества я бросилъ занятія въ институтѣ и пріѣхалъ въ Москву, гдѣ у меня былъ близкій товарищъ. Мы послали въ два или три земства письма съ предложеніемъ занять мѣста народныхъ учителей и ждали отвѣта. Въ это самое время пришло письмо Кравчинскаго, и я немедленно выѣхалъ въ Петербургъ.

Мнѣ былъ данъ адресъ квартиры на Саратовской улицѣ, тогда еще немощеной, съ деревянными мостками вмѣсто тротуаровъ и деревянными домами. На квартирѣ меня встрѣтилъ высокій юноша съ густыми рыжими волосами, падавшими на высокій лобъ, и блѣдная дѣвушка съ очень умнымъ лицомъ. Это были Чарушинъ и Анна Дмитріевна Кувшинская. Оба были изъ Вятки. Анна Дмитріевна числилась студенткой женскихъ медицинскихъ курсовъ, только что открывшихся при медико-хирургической академіи. Вмѣстѣ съ Перовской, сестрами Корниловыми и Ободовской, она входила въ составъ кружка чайковцевъ. Она принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыя однѣ изъ первыхъ перешагнули страшный порогъ, о которомъ говорилъ Тургеневъ. Когда я узналъ ее, она уже вела занятія съ рабочими Выборгской стороны. Знакомства съ рабочими

---

[1]) Посмертная работа. Была напечатана въ заграничномъ сборникѣ—«Памяти Л. Э. Шишко», 1910 г. Ред.

начались у кружка чайковцевъ еще съ 1871 года. На частныхъ квартирахъ устраивались нѣчто вродѣ вечернихъ классовъ, на которые приглашались рабочіе. Зимою 1872 года на Выборгской сторонѣ былъ нанятъ отдѣльный домикъ Байкова, куда ежедневно стекалось по нѣсколько десятковъ рабочихъ. Съ ними занимались чтеніемъ, ариѳметикой, географіей и въ то же время приглядывались къ нимъ, знакомились ближе съ наиболѣе выдающимися изъ нихъ, одаренными Божьей искрой. Изъ такихъ образовывались болѣе тѣсныя группы, которыя посвящались, въ самыхъ общихъ чертахъ, въ цѣли кружка. Одна изъ такихъ подобранныхъ группъ собиралась по вечерамъ на квартирѣ Чарушина и Кувшинской, когда я пріѣхалъ въ Петербургъ. Я до сихъ поръ помню нѣкоторыхъ изъ этихъ рабочихъ: помню Григорія Крылова,—страстная и самоотверженная натура, рвавшаяся на подвигъ; помню Якова Ивановича, пожилог ткача, захваченнаго пропагандой еще въ воскресныхъ школахъ 1861—62 гг.; помню молодого и дерзкаго Абакумова, сдержаннаго Ефима... Бесѣдами и чтеніями на этихъ небольшихъ вечернихъ собраніяхъ руководилъ, главнымъ образомъ, Чарушинъ, но Анна Дмитріевна вносила въ нихъ много свойственнаго ей оживленія. Умная и общительная, она хорошо различала индивидуальныя особенности каждаго изъ рабочихъ, и съ каждымъ изъ нихъ у нея устанавливались простыя и правильныя отношенія. То была ранняя заря рабочаго движенія. Представителями его являлись отдѣльныя единицы, какъ бы оторванныя отъ окружавшей ихъ массовой среды. Эта окружавшая ихъ массовая среда была тогда еще на очень низкой ступени общественнаго развитія; ей чужда была даже самая мысль о возможности какого-нибудь участія въ общественной жизни. Знакомясь съ соціалистами, рабочіе впервые сталкивались съ совершенно новыми для нихъ вопросами: они переносились какъ бы совсѣмъ въ другой міръ; отъ пропагандиста требовались незаурядныя способности, чтобы содѣйствовать этому духовному перевороту. Вотъ почему такіе крупные люди, какъ Кравчинскій, Кропоткинъ, Клеменцъ, Купреяновъ, Анатолій Сердюковъ уходили цѣликомъ въ работу, приносившую, повидимому, столь незначительные результаты. Съ точки зрѣнія современныхъ условій, достигнутое съ большими усиліями пріобрѣтеніе двухъ или трехъ десятковъ сознательныхъ рабочихъ врядъ ли даже заслуживало бы особаго упоминанія: но въ то время это были первые драгоцѣнные

ростки, положившіе начало рабочему движенію. Большое значеніе этихъ первыхъ шаговъ хорошо сознавалось въ то время, и вліяніе кружка чайковцевъ никѣмъ не оспаривалось.

Этотъ кружокъ представлялъ какъ бы тѣсную товарищескую семью. Всѣ члены его были связаны между собою личною дружбою, безусловно вѣрили въ полную преданность каждаго изъ нихъ. Личная жизнь сливалась для нихъ съ общимъ завѣтнымъ дѣломъ. Подборъ членовъ кружка на почвѣ полной искренности и безраздѣльности стремленій создалъ группу лицъ, столь родственныхъ между собой по духу, что личная привязанность и самая тѣсная дружба возникала между ними какъ бы по довѣрію.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, я уже горячо полюбилъ Чарушина и Анну Дмитріевну и мы составляли какъ бы отдѣленіе Выборгской стороны по занятію съ рабочими и ежедневно встрѣчались другъ съ другомъ. Затѣмъ, въ самомъ началѣ 1874 г. Чарушинъ былъ арестованъ, а вскорѣ послѣ него была арестована и Анна Дмитріевна. Началось долгое, почти четырехлѣтнее тюремное заключеніе. Увидѣлись мы снова только во время суда въ концѣ 1877 г., а въ іюлѣ 1878 г. я, Чарушинъ и Синегубъ были отправлены на Кару, причемъ Анна Дмитріевна, уже обвѣнчавшаяся тогда съ Чарушинымъ, поѣхала вмѣстѣ съ нимъ. Мы пробыли тамъ до лѣта 1881 г. Эти три года были полны самыхъ тяжелыхъ впечатлѣній, но вмѣстѣ съ тѣмъ они окрашены многими дорогими воспоминаніями. Насъ было тогда еще мало на Карійской каторгѣ—человѣкъ 12, причемъ пятеро изъ насъ принадлежали къ кружку чайковцевъ (Чарушины, я и Синегубъ съ женой). По пріѣздѣ, мы нашли тамъ Е. С. Семяновскаго и С. П. Богданова, которые были привезены за годъ до насъ. Кромѣ того, тамъ находились П. Г. Успенскій, осужденный въ 1871 году по нечаевскому дѣлу, и его жена, Александра Ивановна, служившая акушеркой при тюремной больницѣ. Затѣмъ были еще А. О. Союзовъ, А. Т. Квятковскій, А. Н. Бибергаль и нѣкоторые другіе. Вмѣстѣ съ нами пріѣхала на Кару Е. К. Брешковская, но оставалась тамъ только два или три мѣсяца, а потомъ была увезена на поселеніе,

Первые мѣсяцы по пріѣздѣ на Кару мы провели въ тюрьмѣ, хотя, по общимъ тюремнымъ правиламъ, могли бы уже быть выпущенными на вольныя квартиры, такъ какъ срокъ нашихъ каторжныхъ работъ, согласно приговору суда, долженъ быть считаться со дня нашего ареста, т. е.

съ 1874 года. Комендантомъ Карійскихъ каторжныхъ тюремъ былъ тогда В. О. Кононовичъ. Это было довольно рѣдкое явленіе въ офиціальномъ мірѣ. Человѣкъ съ большими способностями, умный и развитой, онъ отличался гордымъ и независимымъ характеромъ. Встрѣчаясь съ людьми другого круга и другого образа мыслей, онъ умѣлъ цѣнить въ нихъ то, что заслуживало уваженія,—въ такихъ случаяхъ признанныя закономъ и даже обязательныя для него мѣрки отходили на второй планъ. При насъ на Карѣ была группа уральскихъ казаковъ, сосланныхъ за волненія, бывшія въ 1874 г. Это были убѣжденные люди, жертвы политическихъ преслѣдованій. Вопреки всѣмъ тюремнымъ уставамъ, Кононовичъ не сталъ держать ихъ въ тюрьмѣ и устроилъ имъ болѣе сносное существованіе, назначивъ ихъ сторожами при казенныхъ магазинахъ. Встрѣтившись съ политическими заключенными, онъ вскорѣ разглядѣлъ въ нихъ болѣе близкихъ себѣ по духу людей, чѣмъ окружавшее его общество казацкихъ офицеровъ и чиновниковъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на него Евгеній Степановичъ Семяновскій. Это былъ во всѣхъ отношеніяхъ выдающійся человѣкъ—выдающійся по уму, по образованію, по силѣ общественнаго чувства и по силѣ сознанія неприкосновенности своей личности. Онъ горячо любилъ рабочій народъ. Онъ бросилъ все, бросилъ любимаго отца, бросилъ личное счастье, карьеру и пошелъ, вмѣстѣ съ другими, съ книжками къ рабочимъ, но ни за какія идеальныя блага онъ не отказался бы ни отъ одной малѣйшей частицы своего человѣческаго достоинства. Сознаніе неприкосновенности своей человѣческой личности было дороже для него жизни. Онъ былъ всегда очень сдержанъ и хорошо владѣлъ собой; онъ просто и спокойно отстаивалъ свои требованія, когда они касались этой святыни для него, но пошелъ бы въ отстаиваніи ихъ до конца. Во время его пребыванія въ Иркутскомъ острогѣ, по дорогѣ въ Кару, его, одѣтаго въ арестантскій халатъ, встрѣтилъ на тюремномъ дворѣ полковникъ Соловьевъ, адъютантъ иркутскаго генералъ-губернатора, надменный гвардейскій офицеръ. Послѣдовалъ вопросъ: „Какъ фамилія?“ Зная, что передъ нимъ политическій арестантъ, Соловьевъ намѣренно избѣгалъ мѣстоимѣнія. „Чья?“—спросилъ его Семяновскій. „Какъ фамилія?“—уже угрожающе загремѣлъ Соловьевъ. „Чья?“—снова и также спокойно повторилъ Семяновскій, причемъ смотрѣлъ Соловьеву прямо въ глаза. Въ этомъ взглядѣ было

столько внутренней силы и рѣшимости, что Соловьевъ не выдержалъ и прерывающимся голосомъ произнесъ:—„Ваша“. Эта небольшая сцена очень характерна. Семяновскій отлично понималъ серьезность положенія: если бы Соловьевъ не сдался, дѣло кончилось бы неминуемой катастрофой. Въ этомъ отношеніи Семяновскій былъ хрупкая натура, не жилецъ на этомъ свѣтѣ. И онъ, дѣйствительно, скоро погибъ, не кончивъ срока каторжныхъ работъ.

Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда, Кононовичъ сталъ хлопотать черезъ забайкальскаго губернатора о примѣненіи къ политическимъ заключеннымъ общаго тюремнаго правила, по которому вторая половина срока проводится каторжниками на вольныхъ квартирахъ. Разрѣшеніе было получено черезъ годъ, но Кононовичъ къ веснѣ освободилъ насъ отъ тюрьмы своею властью. Онъ освободилъ насъ отъ всякихъ обязательныхъ работъ и освободилъ отъ всякаго вмѣшательства въ нашу жизнь мѣстной полиціи. Онъ былъ полнымъ хозяиномъ въ округѣ Карійскихъ золотыхъ промысловъ, гдѣ были расположены по теченію рѣки Кары пять или шесть огромныхъ остроговъ, наполненныхъ тысячами каторжниковъ. Здѣсь онъ представлялъ собою высшую власть и не могъ встрѣтить никакого противодѣйствія своимъ распоряженіямъ; но отсюда могли сыпаться и, дѣйствительно, вскорѣ посыпались на него доносы.

И вотъ послѣ долгаго, почти пятилѣтняго тюремнаго заключенія наша маленькая товарищеская группа оказалась на полной свободѣ въ предѣлахъ даннаго далекаго уголка. Мы могли вдоволь наслаждаться роскошной мѣстной природой, съ ея жаркимъ лѣтнимъ солнцемъ, съ ея красивыми сопками, съ ея огромными смолистыми лиственницами, съ ея необыкновеннымъ богатствомъ цвѣтовъ. У насъ были книги, были хорошія воспоминанія; насъ связывали хорошія дружескія отношенія; у насъ была молодость, были силы, были не только неразрушенныя, а даже и непоколебленныя общественныя стремленія. Но мы были плѣнниками. Далекая Россія, къ которой рвались всѣ наши мысли, казалась намъ недосягаемой мечтой. Въ насъ не было той душевной усталости или политическаго разложенія, при которыхъ даже и ссылка, обставленная сколько-нибудь сносными условіями, является какъ-бы тихимъ пристанищемъ. Это активное настроеніе, этотъ избытокъ энергіи при встрѣчѣ съ окружавшей насъ общественной пустыней, производили диссонансъ, который накладывалъ мучительный отпечатокъ на наше су-

ществованіе. Всего сильнѣе отражалось это на Семяновскомъ. Онъ трудно переносилъ ссылку. Его большія способности, его страстное стремленіе быть полезнымъ своему народу какъ бы переполняли его тоскующее сердце, не находя выхода. Мысль объ уходившихъ безплодно годахъ терзала его; но только въ рѣдкія минуты и только самымъ близкимъ друзьямъ онъ высказывалъ свое скрытое настроеніе. Обычно же онъ казался очень спокойнымъ и даже оживленнымъ. Онъ былъ болѣе другихъ центромъ нашей небольшой колоніи. Къ нему обращались за совѣтомъ; онъ велъ переговоры съ Кононовичемъ по поводу какихъ-нибудь столкновеній съ мелкимъ мѣстнымъ начальствомъ; съ нимъ чаще всего заводились теоретическіе разговоры.

Анна Дмитріевна также нелегко переживала наше вынужденное интеллигентное отшельничество. Въ ней также всегда были очень живы общественныя стремленія. Какъ ни была она привязана къ своей семьѣ, но семья никогда не наполняла ея существованія. И чѣмъ болѣе продолжалась ссылка, тѣмъ менѣе она мирилась съ ней. Позднѣе, когда она жила въ Читѣ, а затѣмъ въ Нерчинскѣ, эта неудовлетворенность придавала какой-то хроническій тоскливый оттѣнокъ ея настроенію. Она была въ числѣ тѣхъ немногихъ женщинъ, которыя при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и при большихъ семейныхъ заботахъ пронесли къ неприкосновенности черезъ всю свою долголѣтнюю ссылку и умственные запросы, и потребность въ общественной жизни.

Вскорѣ она познакомилась съ женой Кононовича, и это знакомство было началомъ той дружбы, которая связала ихъ впослѣдствіи, когда семья Кононовича оказалась одно время въ очень драматическомъ положеніи. У Анны Дмитріевны было умѣнье знакомиться съ людьми. Она привлекала ихъ къ себѣ своимъ умомъ и своею большой психологической чуткостью. Съ нею легко было быть откровеннымъ, такъ какъ можно было быть увѣреннымъ, что она не задѣнетъ болѣзненно ни одной вашей чувствительной струны. Въ ней было много изящества и потребности къ красотѣ. Она всегда умѣла придать привлекательный видъ своей домашней обстановкѣ, даже при жизни въ убогихъ карійскихъ квартирахъ съ выбѣленными известкой стѣнами; у нея въ домѣ всегда было хорошо и уютно...

Такъ жили мы въ теченіе почти двухъ лѣтъ въ своемъ тѣсномъ кругу, среди дикой природы, отрѣзанные отъ остального міра. До насъ доносились слухи о Петербург-

скихъ событіяхъ 1879 и 1880 годовъ, поражавшихъ насъ рѣзкимъ переломомъ по сравненію съ характеромъ движенія начала 70-хъ годовъ. Будучи оторванными отъ движенія съ 1874 г., мы не пережили сами всѣхъ условій, вызвавшихъ этотъ переломъ, а потому вначалѣ не вполнѣ ясно представляли себѣ психологію дѣятелей послѣдняго періода. Только позднѣе, встрѣтившись съ ними лично, можно было уловить сущность новаго настроенія. Тѣмъ временемъ на Кару начали прибывать политическіе, осужденные по процессамъ 1879 года, изъ Кіева и Одессы. Для нихъ былъ приспособленъ одинъ изъ старыхъ остроговъ вскорѣ и насчитывавшій уже около сотни заключенныхъ. Для женщинъ была назначена небольшая особая тюрьма—та самая, въ которой мы провели первые мѣсяцы по пріѣздѣ на Кару. Среди заключенныхъ женщинъ находились Н. Армфельдъ—бывшій членъ нашего кружка, М. Ковалевская, С. Лешернъ, Кутитонская и др. Въ мужской тюрьмѣ сидѣли Волошенко, Попко, Стеблинъ-Каменскій, Михаилъ Родіоновичъ Поповъ, Юрковскій и многіе другіе, которыхъ уже нѣтъ больше.

Вскорѣ намъ пришлось познакомиться со всѣми ими, такъ какъ нашему полу-идиллическому пребыванію на каторжныхъ работахъ былъ положенъ конецъ. Въ концѣ декабря 1880 года Кононовичъ получилъ распоряженіе, шедшее отъ Лорисъ-Меликова,—прекратить переписку политическихъ съ родственниками и уничтожить по отношенію къ нимъ освобожденіе на вольныя квартиры. Онъ долженъ былъ снова посадить насъ въ тюрьму.

Это неожиданное распоряженіе оборвало ту тонкую нитку, на которой съ трудомъ удерживалась для Семяновскаго его жизнь въ ссылкѣ. Идти снова въ тюрьму онъ не захотѣлъ и рѣшилъ умереть. Онъ давно уже былъ истерзанъ внутренне пятилѣтнимъ лишеніемъ свободы. Къ этому лишенію свободы онъ не могъ привыкнуть; онъ чувствовалъ его непрерывно, ежедневно. Каждое утро, подымаясь съ постели, смотря на сверкающее солнце, на мирную природу, онъ зналъ, что онъ лишенъ навѣки правъ, что онъ запертъ, какъ звѣрь въ клѣтку. Онъ не могъ свыкнуться съ этимъ положеніемъ. Въ немъ не было той упругости, которая позволяетъ человѣку, при данныхъ обстоятельствахъ, въ силу практической необходимости, перейти на низшую ступень существованія. Онъ остался до конца тѣмъ же гордымъ и непоколебимымъ, какимъ вступилъ на избранный имъ путь; онъ сошелъ въ могилу съ тоскою въ сердцѣ,

съ жаждою жизни, но съ сознаніемъ, что той жизни, какую ему предлагали, онъ не хочетъ. Однимъ изъ смертельныхъ ударовъ, нанесенныхъ ему, было лишеніе переписки съ родными. Онъ горячо любилъ своего стараго отца, жившаго въ Кіевѣ. Между ними была не только родственная привязанность, но глубокое взаимное уваженіе. Мысль, что у него отнята возможность обмѣниваться хотя изрѣдка письмами съ любимымъ отцомъ, которому уже недолго оставалось жить, лишеніе этой простой человѣческой потребности, это сознаніе себя до такой степени въ чужихъ рукахъ перевернуло всю его душу. Передъ нимъ рисовалась перспектива еще долгой, трехлѣтней осторожной жизни съ кандалами, съ забайкальскими казаками, съ смотрителями... и онъ съ тяжелой мыслью о неотвратимомъ несчастіи „почтительнѣйше вернулъ свой билетъ".

Семяновскій жилъ въ квартирѣ Чарушиныхъ. Утромъ въ тотъ день, когда насъ должны были отвести въ тюрьму, въ его комнатѣ раздался выстрѣлъ. Его нашли уже мертвымъ; на столѣ лежало его предсмертное письмо къ отцу и братьямъ. Письмо это трудно читать безъ слезъ на глазахъ [1]).

Мы пошли въ острогъ, а жены остались хоронить мертвеца, могила котораго затеряна теперь вмѣстѣ со многими другими. Кононовичъ отказался отъ мѣста Карійскаго коменданта и былъ переведенъ въ Нерчинскъ начальникомъ Нерчинскаго каторжнаго округа.

Осужденнымъ по большому процессу оставалось до окончанія срока только нѣсколько мѣсяцевъ. Лѣтомъ 1881 года Чарушины, Синегубъ и я были переведены на поселеніе, причемъ Чарушины, пробывъ нѣкоторое время въ Читѣ, переѣхали затѣмъ въ Нерчинскъ, гдѣ и прожили лѣтъ 5 или 6. Здѣсь они опять встрѣтились съ Кононовичемъ и вскорѣ еще тѣснѣе сблизились съ нимъ. Какъ старшему военному чину въ Нерчинскѣ, Кононовичу была подана нерчинскими жителями жалоба на многолѣтнія злоупотребленія при рекрутскихъ пріемахъ въ мѣстномъ воинскомъ присутствіи. Дѣло шло о столь обычномъ въ Сибири взяточничествѣ. Исправникъ, вмѣстѣ съ полицеймейстеромъ, учредили бюро, черезъ которое за извѣстную

[1]) См. «Былое», 1906 г., № 11.—«Предсмертное письмо Е. С. Семяновскаго къ отцу» и «Помощникъ прис. повѣр. Е. С. Семяновскій—одинъ изъ первыхъ Карійцевъ». Ред.

плату можно было откупиться отъ воинской повинности. Сношенія велись черезъ посредство какого-то фактора изъ бывшихъ уголовныхъ ссыльныхъ. Кононовичъ по своему обычаю взялся за дѣло съ большой энергіей и скоро долженъ былъ арестовать, какъ исправника, такъ и полицеймейстера. Зная, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, онъ всѣ слѣдственныя бумаги держалъ у себя на дому. И, вотъ, въ одну ночь, двери его дома были приперты снаружи кольями, а самый домъ подожженъ. Кононовичъ съ семьей едва успѣли выскочить изъ огня, бумаги всѣ сгорѣли.

Послѣ этой трагической исторіи семья Кононовича нашла на нѣкоторое время пріютъ у Чарушиныхъ, среди общаго отчужденія отъ нея мѣстной публики. Дѣло приняло одно время такой оборотъ, что уже Кононовичъ попалъ подъ негласное слѣдствіе, по обвиненію въ томъ, что онъ въ силу политическаго радикализма умышленно дискредитируетъ полицію.

По воспитанію и привычкамъ Кононовичъ далеко не былъ демократомъ. Кромѣ того, въ теченіе долгой службы, онъ усвоилъ на многое болѣе или менѣе бюрократическій взглядъ. Сначала онъ видѣлъ въ политическихъ просто людей, заслуживающихъ человѣческаго обращенія, причемъ проводилъ грань между политическими изъ интеллигенціи и политическими изъ рабочихъ: „я понимаю, что у васъ могутъ быть свои идеи,—говорилъ онъ кому-то изъ насъ,— но скажите, пожалуйста, что общаго между вами и Союзовымъ?“—Союзовъ былъ московскій рабочій. Впослѣдствіи Кононовичъ и объ Иванѣ Осиповичѣ Союзовѣ отзывался не иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ.

Эта большая перемѣна во взглядахъ произошла подъ вліяніемъ близкаго столкновенія съ людьми другой среды и другого міросозерцанія. Когда я встрѣтился съ Кононовичемъ въ Читѣ, въ 1884 или 1885 году, я нашелъ въ немъ уже не чиновника коронной службы. Офиціальная складка исчезла; передо мной былъ просто умный человѣкъ очень прогрессивныхъ взглядовъ.

Это одинъ изъ примѣровъ того вліянія, какое могло оказывать, въ частности, общество Анны Дмитріевны. Это была одна изъ тѣхъ женщинъ, самая личность которыхъ производитъ извѣстное обаяніе на окружающихъ: около нея всегда были люди, подчиняющіеся невольно ея облагораживающему вліянію. Въ этомъ отношеніи тяжелая и въ значительной мѣрѣ изолированная жизнь Анны Дмитріевны

не дававшая возможности развернуться всѣмъ таившимся въ ней силамъ, не прошла безслѣдно; тѣ, которымъ пришлось встрѣтиться съ нею, не забудутъ ея горячихъ рѣчей, ея чуткой отзывчивости, ея способности привлекать другихъ къ заботамъ, выходящимъ изъ круга житейскихъ интересовъ. Загорѣвшаяся въ ней съ молодости искра Божія уже не угасала.

Тяжела была ея жизнь. Много горя, много тяжелыхъ потерь, много могилъ было разсѣяно на ея пути. Но если подумать о той массѣ лучшихъ привязанностей, лучшихъ человѣческихъ чувствъ, лучшихъ воспоминаній, которыя связываются съ этой жизнью, то невольно приходитъ на память предсмертное письмо Семяновскаго. Несмотря на всю тоску и муку, приведшія его къ роковому концу, онъ все-таки звалъ своихъ младшихъ братьевъ слѣдовать его пути: лучшаго не отыщется въ этомъ мірѣ.

Къ характеристикѣ движенія начала 70-хъ годовъ [1]).

(Изъ личныхъ воспоминаній).

Воспоминанія Н. А. Морозова о революціонномъ движеніи начала семидесятыхъ годовъ, помѣщенныя въ майской и іюньской книжкахъ „Русскаго Богатства“ [2]), отличаются, кромѣ своихъ другихъ достоинствъ, большою точностью описаній и подробностью возстановляемыхъ фактовъ, что, въ свою очередь, значительно способствуетъ оживленію въ памяти другихъ участниковъ этой минувшей эпохи относящихся сюда фактовъ, идей и впечатлѣній. Въ этомъ отношеніи это—очень рѣдкое по своей жизненности и конкретности воспроизведеніе уже довольно далеко отошедшаго прошлаго: это—одна изъ хорошо сохранившихся страницъ уже очень потерпѣвшей отъ времени и наполовину растерянной рукописи.

А, между тѣмъ, эта рукопись, несомнѣнно, имѣетъ свое значеніе въ исторіи развитія русскаго общественнаго движенія. Когда-то въ ней одной заключалось все то, что было вписано въ данное время въ ходъ русской жизни носителями соціалистической идеи. Много вносилось тогда въ эту жизнь другого, съ разныхъ сторонъ, хорошаго и дурного— и гораздо больше дурного, чѣмъ хорошаго. Это была эпоха уже вполнѣ опредѣлившейся реакціи въ политикѣ пореформеннаго правительства, эпоха расцвѣта капиталистическихъ тенденцій и упорно поддерживавшихся вѣрованій въ путь постепеннаго и мирнаго обновленія Россіи. Это была эпоха, когда экономическія послѣдствія „великихъ реформъ“ уже начинали отчетливо обозначаться для русскаго общества въ

---

[1]) «Русское Богатство», 1906 г., № 10. Ред.

[2]) См. «Въ началѣ жизни». Ред.

статистическихъ изслѣдованіяхъ Янсона, въ книгѣ Флеровскаго „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“ [1]) и, наконецъ, въ уже надвигавшемся самарскомъ голодѣ 1873—1874 года. Это была эпоха, когда въ литературѣ уже появились „благонамѣренныя рѣчи“ щедринскаго Глумова, когда „пришелъ Чумазый“, передъ которымъ широко распахнулись двери правительственныхъ чертоговъ,—въ то время, какъ въ переднихъ этихъ чертоговъ просвѣщеннѣйшіе изъ отцовъ русскаго либерализма безмолвно выслушивали начальственные окрики.

Словомъ, общее положеніе дѣла уже было тогда вполнѣ намѣчено, какъ въ экономической, такъ и въ политической области, и должно было развиваться въ томъ именно направленіи, какое было указано основателями русской соціалистической школы. Извѣстно, съ какимъ холоднымъ равнодушіемъ отнесся, напримѣръ, Чернышевскій въ 1861 г. къ состоявшемуся надѣленію освобожденныхъ крестьянъ землею,—тѣхъ освобожденныхъ крестьянъ, которымъ онъ заранѣе предсказывалъ неизбѣжную участь ирландскихъ арендаторовъ. Закончивъ свою знаменитую полемику съ Вернадскимъ, онъ открыто заявилъ, что ему даже „совѣстно вспоминать“ о той безвременной самоувѣренности, съ какою онъ поднялъ вопросъ объ общинномъ землевладѣніи:

„Этимъ дѣломъ я сталъ безразсуденъ, скажу прямо, сталъ глупъ въ своихъ собственныхъ глазахъ“—такъ резюмировалъ Чернышевскій результаты своего вмѣшательства въ реформенное движеніе.—Ибо, объяснялъ онъ, сохраненіе общиннаго землевладѣнія составляетъ только одну сторону дѣла; другимъ необходимымъ условіемъ является „принадлежность ренты тѣмъ самымъ лицамъ, которыя участвуютъ въ общинномъ землевладѣніи... Кто, кромѣ глупца, можетъ хлопотать о сохраненіи собственности въ извѣстныхъ рукахъ, не удостовѣрившись прежде, что собственность достанется въ эти руки и достанется на выгодныхъ условіяхъ?“ [2]).

Вотъ почему Чернышевскій относился съ полнымъ пренебреженіемъ къ тѣмъ неумѣреннымъ восторгамъ, которые раздавались тогда въ лагерѣ русскихъ либераловъ по поводу отвоеваннаго ими у крѣпостниковъ надѣленія освобожденныхъ крестьянъ землею,—надѣленія, достигнутаго путемъ

---

[1]) Книга вышла въ С.-Петербургѣ, въ 1869 г., изд. Н. Полякова. Ред.

[2]) См. вступленіе къ статью: «Критика философскихъ предубѣжденій». Полное собраніе сочин., т. IV, стр. 304, 306 и 307. Ред.

даже такихъ компромиссовъ, какъ введеніе четвертного надѣла и удержанія въ деревнѣ розогъ въ видѣ угрозы будущимъ неплательщикамъ.

Но лучшіе представители русскаго либерализма, въ родѣ Тургенева и Кавелина, не понимали этого холоднаго равнодушія со стороны людей новаго направленія; оно казалось имъ проявленіемъ безмѣрнаго самомнѣнія и желчнаго безсердечія. Они не понимали „шипа и свиста“ ядовитыхъ змѣй „Современника“; имъ казалось, что эти странные, непонятные люди губятъ розовыя надежды либеральной эпохи. Историческая правда заставляетъ даже сказать, что лучшіе представители русскаго либерализма, уже носившіе въ своей груди печать буржуазнаго духа, *радовались* втайнѣ насильственной гибели соціалистическаго теченія начала 60-хъ годовъ: „То, что вы пишете мнѣ о паденіи крайнихъ мнѣній— читаемъ мы въ одномъ изъ писемъ Кавелина къ Спасовичу за этотъ періодъ—*меня крайне радуетъ* [1]); хотя это *паденіе* крайнихъ мнѣній, какъ выражался Кавелинъ, представляло собою въ дѣйствительности преждевременную смерть Добролюбова, ссылку въ каторжныя работы Михайлова и Чернышевскаго и закрытіе „Современника“.

Этимъ эпизодомъ интимной переписки какъ нельзя лучше характеризуется господствовавшее тогда политическое настроеніе русскихъ либераловъ, стоявшихъ на всей высотѣ европейской культуры. Они предавали свои политическія судьбы въ руки пореформеннаго правительства, они вѣрили въ живучесть осуществившихся реформъ; они возлагали надежды на *личную благожелательность* высшихъ сферъ — вопреки общимъ желѣзнымъ законамъ даннаго политическаго института. А, вѣдь, между тѣмъ, все это были высокообразованные и даже ученые люди, хорошо знакомые съ политической исторіей, вообще, и съ политической исторіей Россіи, въ частности; наконецъ, въ салтыковскихъ сатирахъ передъ ними уже выворачивалась тогда наизнанку вся подоплека русскаго сословнаго бюрократизма.

Чѣмъ же объяснялась такая удивительная довѣрчивость умныхъ, гуманныхъ и талантливыхъ отцовъ русскаго либерализма? Этотъ вопросъ былъ однимъ изъ наиболѣе серьезныхъ вопросовъ, которыми занималась высокомѣрная и „без-

---

[1]) Собраніе сочиненій Кавелина, т. III. Воспоминанія Спасовича Курсивъ нашъ.

сердечная“ [1]) критика „Современника“. Здѣсь устанавливалась впервые въ русской литературѣ *классовая* точка зрѣнія на явленія общественной жизни; здѣсь впервые выступали въ русской литературѣ послѣдовательные и суровые защитники интересовъ трудовыхъ массъ. Статьи Добролюбова о либеральной политикѣ Кавура, поражавшія Тургенева своею „безтактностью“, статьи Чернышевскаго объ іюльской монархіи, выясненіе экономической стороны общественной психологіи въ „Примѣчаніяхъ къ Миллю“—все это были необходимые элементы *соціалистическаго* міросозерцанія; все это впервые создавало въ области русской мысли элементы будущей соціалистической партіи.

И вотъ теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, оглядываясь на пройденный путь и „отирая потъ, а иногда и слезы“,—какъ говорилъ Герценъ,—мы уже можемъ съ достаточной объективностью констатировать, кто былъ правъ и кто былъ наивенъ и „безсердеченъ“, какъ въ своихъ главныхъ экономическихъ выводахъ, такъ и въ основномъ положеніи своей политической программы: представители „крайнихъ мнѣній“ или носители просвѣщеннаго либерализма въ Россіи 60-хъ годовъ,—утописты или реальные политики?

Утописты! Сколько умныхъ и просвѣщенныхъ *помѣщиковъ*, сколько сознательныхъ и полусознательныхъ политическихъ *трусовъ* скрывали за этимъ крылатымъ словечкомъ свои гражданскія немощи! Однимъ изъ характерныхъ признаковъ революціоннаго поколѣнія начала 70-хъ годовъ являлось его отчужденіе отъ „отцовъ“, его такъ называемое „отщепенство“, тотъ „нигилизмъ“, который былъ хорошо подмѣченъ, но такъ плохо понятъ Тургеневымъ, какъ и все, вообще, что подмѣчалось имъ въ русскомъ революціонномъ движеніи. Но спрашивается: какъ же иначе, какъ не съ непримиримой антипатіей и отчужденностью могли относиться къ такъ называемому „культурному обществу“ тѣ, еще незатронутые жизнью, юные люди, которые были воспитаны идейно на соціальной критикѣ Добролюбова и экономическомъ анализѣ Чернышевскаго, а морально—на еще не давнихъ тогда примѣрахъ этихъ двухъ великихъ русскихъ гражданъ, этихъ

[1]) Молодой критикъ «Отечественныхъ Записокъ» Краевскаго Громека прямо обвинялъ публицистовъ «Современника» въ отсутствіи сердца, на что Чернышевскій отвѣчалъ въ «Полемическихъ Красотахъ»: Что за притча? Даже у курицы есть сердце, а у нихъ его нѣтъ... Есть, родной мой, есть, и очень сердитое, только не на васъ».

великихъ политическихъ борцовъ Россіи шестидесятыхъ годовъ?

Я хорошо помню всю эту, такъ сказать, *личную* сторону движенія начала 70-хъ годовъ, это непосредственное столкновеніе складывавшагося соціалистическаго міросозерцанія съ окружавшей его чуждой общественной обстановкой. Это столкновеніе неизбѣжно должно было проявляться тогда въ отношеніяхъ къ семьѣ, къ университетской наукѣ, къ легальнымъ рамкамъ общественной дѣятельности.

Связь съ родительскимъ домомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ обычной, проторенной жизненной дорожкой порывалась радикальнымъ образомъ. Это было неизбѣжное слѣдствіе разъ принятаго основного рѣшенія:

Средь міра дольнаго,
Для сердца вольнаго
Есть два пути.

Никакая материнская любовь, никакой страхъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ не могли заставить человѣка повернуться на тотъ путь, гдѣ погибала его общественная вѣра, гдѣ разбивалось его представленіе о нравственной красотѣ. Рѣдко кто изъ „отцовъ" способенъ былъ понять тогда эти идейные мотивы. Отсюда — столь опостылѣвшіе укоры въ „молодости", въ губительномъ вліяніи злыхъ агитаторовъ. А затѣмъ—разрывъ и много горя, много пролитыхъ материнскихъ слезъ, много наполовину разрушенныхъ семей...

Въ 1871 году я вышелъ офицеромъ изъ артиллерійскаго училища, съ органическимъ отвращеніемъ къ офицерскому званію. Послѣдній учебный годъ я совсѣмъ бросилъ заниматься военными науками и могъ сдать экзамены только потому, что помнилъ кое-что изъ прошлыхъ двухъ лѣтъ. На второмъ курсѣ я познакомился съ Кравчинскимъ, перешедшимъ къ намъ изъ московскаго Александровскаго училища. Этотъ крупный человѣкъ, съ большими умственными способностями, произвелъ на меня тогда сильное впечатлѣніе. Я помню его сидѣвшимъ постоянно за книгами и довольно сурово посматривавшимъ на окружавшую его военную молодежь. Онъ уже всецѣло ушелъ тогда въ другой, *идейный* общественный міръ, а въ окружавшей его средѣ искалъ лишь немногихъ единомышленниковъ по духу, съ которыми могъ открыто, съ радостной улыбкой, дѣлить все; но, какъ сильная натура, онъ не скрывалъ своего враждебнаго отношенія къ дѣйствительности. Если бы это было

позднѣе, въ эпоху возстановленія корпусовъ, его, несомнѣнно, выгнали бы изъ училища послѣ первыхъ двухъ дней. Но тогда въ артиллерійской средѣ еще ощущалось революціонное дуновеніе 60-хъ годовъ, пронесшееся, какъ извѣстно, надъ академіями артиллерійской и генеральнаго штаба; кромѣ того, во всей военной средѣ еще ощущалось тогда нѣкоторое облагораживающее вліяніе милютинскихъ реформъ.

Кравчинскій вышелъ изъ училища однимъ годомъ раньше меня, затѣмъ прослужилъ еще около года въ какой-то артиллерійской бригадѣ. Я подалъ въ отставку немедленно же послѣ того, какъ получилъ офицерскую саблю. Покончить такимъ неожиданнымъ путемъ съ открывавшейся военной карьерой стоило нѣкоторыхъ усилій. Артиллерійское начальство было нѣсколько озадачено; полковникъ Демьяненковъ негодовалъ, что правительство безполезно затрачиваетъ на людей, подобныхъ мнѣ, дорого стоящія средства военнаго образованія. Къ счастію, тогда еще не существовало обязательной воинской повинности, и сбросить съ плечъ ненавистные эполеты разрѣшалось въ каждую данную минуту. Но дома пришлось пережить душевныя тревоги. Я помню одну безсонную ночь, проведенную въ бесѣдѣ съ почтеннымъ земскимъ дѣятелемъ. Это былъ, несомнѣнно, хорошій и честный, по своему, человѣкъ, демократъ, пользовавшійся уваженіемъ въ земской средѣ. По просьбѣ моей матери, онъ взялся поговорить со мною на тему о безпочвенности революціонныхъ стремленій, — и, вотъ, мы какъ-то поѣхали вмѣстѣ съ нимъ въ его земскій округъ. Дѣло было лѣтомъ, и мы выѣхали въ ночь. Начались споры о земствѣ, о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, о земскихъ школахъ... Но что могли предложить намъ тогда добродѣтельные либералы болѣе или менѣе притягательнаго взамѣнъ величественной „Идеи рабочаго класса", взамѣнъ священныхъ для насъ завѣтовъ „Современника"? Русскій либерализмъ родился съ печатью смиренія на челѣ; исторія вырвала у него изъ рукъ революціонныя знамена 1789 года; его политической эмблемой надолго осталась знаменитая щедринская „плевательница" въ земскихъ больницахъ. Никакіе хорошіе люди въ либеральной средѣ не могли разсчитывать тогда на успѣхъ своей либеральной пропаганды.

Первый годъ по выходѣ въ отставку я провелъ въ Технологическомъ институтѣ. Кравчинскій также уже вышелъ тогда въ отставку и жилъ въ Лѣсномъ институтѣ. Въ сту-

денчествѣ тогда шло движеніе въ пользу расширенія студенческихъ правъ: добивались выбора представителей въ академическіе совѣты, устраивали студенческія столовыя и т. д. Но, помимо того, устраивались также по студенческимъ квартирамъ кружки самообразованія, въ которыхъ читались рефераты по общественнымъ вопросамъ. Въ одномъ изъ такихъ кружковъ Кравчинскій излагалъ исторію французской революціи по Луи Блану [1]). Мы съ нимъ поддерживали также сношенія съ артиллерійскимъ училищемъ, гдѣ остались нѣкоторые члены нашего юнкерскаго кружка. Съ этой цѣлью устраивались небольшія собранія на квартирѣ одного артиллерійскаго офицера [2]).

Въ общемъ, этотъ годъ прошелъ для меня довольно однообразно. Я много работалъ надъ выясненіемъ для себя общественныхъ задачъ и особенно мучился надъ разрѣшеніемъ еще совсѣмъ темнаго для меня вопроса о возможной формѣ революціоннаго движенія въ Россіи. При моемъ, тогда еще совсѣмъ изолированномъ, существованіи, этотъ вопросъ стоялъ передо мною, такъ сказать, непосредственно, во всѣхъ своихъ необъятныхъ размѣрахъ, безъ промежуточнаго звена все болѣе и болѣе расширяющейся подготовительной революціонной работы. Я чувствовалъ себя какъ бы одинокимъ передъ лицомъ той огромной волны народнаго движенія, которую предстояло вызвать на поверхности еще мертваго океана народной жизни. Ходъ революціоннаго движенія рисовался мнѣ тогда въ своихъ самыхъ примитивныхъ очертаніяхъ: въ видѣ всеобщаго и великаго народнаго возстанія, а революціонная дѣятельность рисовалась въ такихъ же примитивныхъ чертахъ — въ видѣ руководящей и всепоглощающей роли извѣстныхъ историческихъ героевъ: Дантона, Камилла Демулена, Лассаля съ его агитаціонными рѣчами. Но здѣсь являлось неизбѣжное сопоставленіе своихъ собственныхъ силъ съ силами этихъ большихъ людей; а отсюда возникала даже нѣкоторая подавленность настроенія. Я хорошо помню, что чтеніе и перечитываніе наиболѣе яркихъ страницъ исторической и агитаціонной литературы всегда оставляло во мнѣ именно это гнетущее сознаніе собственной безпомощности. Меня мало мучили общіе вопросы міросозерцанія и мало тревожили личныя колебанія: все это

[1]) Членомъ этого кружка былъ, между прочимъ, Мартынъ Ланганзъ, одинъ изъ видныхъ дѣятелей Народной Воли.
[2]) Е. Е. Емельянова.

было уже установлено достаточно прочно. Хотя теоретическія свѣдѣнія въ области соціализма не были тогда у меня особенно велики, но ихъ все-таки хватало для первоначальной постановки вопроса. Мнѣ было извѣстно все главное, что давала тогда русская экономическая литература, т. е., главнымъ образомъ, сочиненія Чернышевскаго и вышедшій первый томъ сочиненій Лассаля; по-французски я прочелъ нѣкоторыя изъ сочиненій Прудона и Луи Блана, а по-англійски очень тщательно изучилъ политическую экономію Милля. По-нѣмецки я не читалъ и о Марксѣ имѣлъ понятіе лишь изъ разговоровъ съ Кравчинскимъ. Въ общемъ, теоретическая сторона соціализма не вызывала тогда во мнѣ никакихъ мучительныхъ сомнѣній: возможность замѣны существующей экономической организаціи организаціей, основанной на трудовомъ началѣ, была въ моихъ глазахъ доказана безусловно. Также удовлетворительно былъ рѣшенъ личный вопросъ: „отреченіе отъ стараго міра" не требовало даже никакихъ особыхъ усилій; внутренно все существо рвалось навстрѣчу лучшимъ идеаламъ, навстрѣчу призывамъ нашихъ великихъ учителей. Но куда идти? Что дѣлать? Какъ выполнить свой общественный долгъ? Здѣсь русская жизнь еще не давала тогда никакихъ руководящихъ нитей: у насъ не было даже признаковъ сколько-нибудь сформированной соціалистической партіи: зачатки революціонныхъ организацій 60-хъ годовъ исчезли безслѣдно, и отдѣльнымъ членамъ революціоннаго поколѣнія начала 70-хъ годовъ приходилось искать свою дорогу ощупью, что, конечно, было тяжело и мучительно.

Потребность выхода изъ этого несоотвѣтствія между огромностью задачи и размѣрами единичныхъ силъ была такъ настоятельна, что жизненная практика нашла для него временное разрѣшеніе въ формѣ революціонныхъ кружковъ или такъ называемыхъ „коммунъ". Эти революціонные кружки и коммуны сыграли въ свое время большую роль въ исторіи развитія русскаго революціоннаго движенія; въ нихъ вырабатывались теоретически первоначальные элементы будущихъ программъ; въ нихъ складывались характеры участниковъ движенія. У многихъ изъ этихъ участниковъ связаны съ ихъ кружками лучшія воспоминанія молодости; они нашли въ нихъ удовлетвореніе личнымъ сторонамъ жизни; тѣсная кружковая дружба замѣняла имъ порванныя связи съ семьей и обществомъ.

Какъ всякое орудіе борьбы, эти кружки получили из-

вѣстную дань нападокъ и клеветы со стороны враждебнаго лагеря. Ихъ обвиняли въ подавленіи индивидуальныхъ стремленій, въ подчиненіи менѣе сильныхъ людей вліянію болѣе сильныхъ и т. д. Всякій политическій прокуроръ считалъ своимъ долгомъ громить въ обвинительномъ актѣ чудовищную безнравственность этихъ революціонныхъ коммунъ. Но можно смѣло сказать, что отстраненіе отъ кружковыхъ организацій и стремленіе замкнуться въ рамки индивидуальнаго развитія почти всегда указывало тогда, даже при крупныхъ личныхъ способностяхъ, на большое преобладаніе эгоистическихъ наклонностей. Даже огромныя личныя силы, въ примѣненіи къ великимъ общественнымъ задачамъ, необходимо должны были обнаружить всю свою недостаточность, — тогда какъ чисто эгоистическія стремленія, конечно, очень удобно укладывались въ рамки изолированнаго существованія при полномъ расцвѣтѣ всѣхъ красотъ индивидуальнаго развитія.

Въ первый годъ своей студенческой жизни я еще не сблизился ни съ одною революціонною группою; хотя я былъ знакомъ съ братомъ Ольги Шлейснеръ, состоявшей членомъ уже возникшаго тогда кружка чайковцевъ, но ничего не зналъ о самомъ кружкѣ. Только разъ ко мнѣ на квартиру было принесено на храненіе отъ этого кружка нѣсколько мѣшковъ съ книгами, за которыми усиленно гонялись жандармы. Кружокъ чайковцевъ занимался тогда издательствомъ и распространеніемъ по провинціальнымъ городамъ легальныхъ книгъ съ общественнымъ направленіемъ; дѣло это велось широко [1]); Третье Отдѣленіе напало на его слѣды и стало производить обыски и аресты. Мѣшки съ книгами были принесены ко мнѣ Синегубомъ, который, впрочемъ, немедленно же ушелъ. Познакомился я съ нимъ впослѣдствіи, когда самъ былъ принятъ въ число членовъ кружка.

Такъ прошла зима 1871—72 гг. Къ лѣту я сдалъ экзамены съ I на II курсъ Технологическаго института и уѣхалъ на лѣто, по старой памяти, домой, въ Московскую губернію. Здѣсь я скоро очень сблизился съ однимъ студентомъ

[1]) Кружокъ отчасти самъ издавалъ книги («Исторію 48 года» Луи Блана, «Рабочій вопросъ» Ланге, «Азбуку соціальныхъ наукъ» Флеровскаго, «Исторію Коммуны» Корьеза и Ланжоля, второе изданіе «Историческихъ писемъ» Лаврова, второе изданіе «Положенія рабочаго класса» Флеровскаго), отчасти входилъ въ соглашеніе съ другими издательствами и пріобрѣталъ съ большой уступкой ихъ книги для разсылки по провинціямъ.

Петровской академіи, братомъ вышеупомянутаго почтеннаго земскаго дѣятеля Д*, такъ что осенью мы съ нимъ вмѣстѣ поѣхали въ Петербургъ. Лѣтомъ мы видѣлись ежедневно и, между прочимъ, читали первый томъ вышедшаго тогда перевода „Капитала". Но на этотъ разъ Марксъ далъ мнѣ очень немного, по сравненію съ тѣмъ, что уже было усвоено мною изъ Чернышевскаго и Лассаля. Оцѣнилъ я его только при второмъ чтеніи, въ 1876 году, въ Петропавловской крѣпости.

Наиболѣе памятнымъ для меня въ это лѣто было знакомство съ народной учительницей, невѣстой моего новаго товарища. Это была преданная народу дѣвушка, всецѣло отдавшая себя служенію ему; она вся была проникнута настроеніемъ очень извѣстнаго тогда среди молодежи романа Мордовцева „Знаменіе времени". Для меня это знакомство было важно въ томъ отношеніи, что оно указало мнѣ на одну изъ возможныхъ конкретныхъ формъ сближенія съ народомъ. Положеніе народнаго учителя стало на нѣкоторое время въ моихъ глазахъ какъ бы политическимъ знаменемъ, и съ этой мыслью я уѣхалъ въ Петербургъ.

Но я еще не считалъ себя достаточно подготовленнымъ теоретически; я еще не считалъ возможнымъ оторваться тогда отъ умственнаго центра и уйти съ своими наличными силами въ глушь. Зима 1872—73 гг. началась для меня такъ же замкнуто, съ усиленнаго чтенія у себя дома, въ небольшой студенческой комнатѣ, которую мы заняли съ Д* на набережной Екатерининскаго канала. На лекціи второго курса Технологическаго института я уже пересталъ ходить, порѣшивъ окончательно бросить университетскую науку. Въ области моихъ теоретическихъ занятій я былъ поглощенъ тогда, главнымъ образомъ, чтеніемъ „Позитивной Философіи" Конта; читалъ я его очень медленно и успѣлъ прочесть только два первыхъ тома, но это чтеніе было для меня очень важно въ смыслѣ пріобрѣтенія устоевъ общаго міросозерцанія. Я, вообще, не былъ способенъ поглощать массы книгъ, такъ какъ не обладалъ большой памятью; поэтому я еще со времени артиллерійскаго училища выбиралъ преимущественно капитальныя сочиненія: „Происхожденіе видовъ" Дарвина, „Физіологическія письма" Фохта, „Исторію цивилизаціи" Бокля, „Исторію французской революціи" Зибеля и сидѣлъ надъ ними съ большою настойчивостью. Стремленіе къ саморазвитію было вложено въ насъ тѣми серьезными и даже суровыми требованіями, какія предъявлялись къ обществен-

ной дѣятельности со стороны идейныхъ руководителей тогдашней русской молодежи. Наше представленіе о „новыхъ людяхъ“ неразрывно связывалось съ именами Лопухова, Кирсанова, Рахметова; а требованія этихъ людей были очень велики. Вся та эстетическая сторона культуры, которая отвергалась нашими учителями, отвергалась ими во имя болѣе важныхъ и настоятельныхъ потребностей общественной жизни. Чтобы имѣть право относиться пренебрежительно къ изящнымъ искусствамъ, надо было замѣнить ихъ въ своемъ развитіи тѣмъ, что ставилось выше; а въ этомъ отношеніи роль науки и умственной подготовки никогда еще не ставилась такъ высоко въ жизни и въ исторіи, какъ въ литературѣ 60-хъ годовъ.

Извѣстно, что вопросы личной морали тщательно разрабатывались въ томъ кругѣ людей, который былъ охваченъ революціоннымъ движеніемъ 60-хъ и 70-хъ годовъ, и это прежде всего потому, что это революціонное движеніе было въ основѣ своей соціалистическимъ, т. е., стремилось къ полному соціальному переустройству; а всякое соціальное переустройство необходимо обнимаетъ личную нравственность, точно также какъ всякій данный общественный строй необходимо создаетъ свою собственную мораль. Можно прекрасно быть политическимъ радикаломъ и гордо охранять „независимость“ своей личной жизни. Священныя права индивидуальности составляютъ въ этомъ случаѣ какъ бы корелативъ священныхъ правъ собственности. Если вы обратите вниманіе на то, чѣмъ поддерживается, въ настоящемъ соціальномъ строѣ притязаніе на полную независимость своей индивидуальной жизни, на большую широту ея размаха, то вы увидите, что оно поддерживается, въ концѣ концовъ, привиллегированнымъ экономическимъ положеніемъ. Ясное дѣло, что въ такихъ только предѣлахъ и допускалось тогда у насъ кружковое посягательство на неприкосновенность индивидуальнаго строя жизни; но въ этихъ предѣлахъ оно, несомнѣнно, было вполнѣ законно и было связано со всѣмъ нашимъ соціалистическимъ міросозерцаніемъ.

Вотъ почему соціалисты „перваго призыва“, которыхъ крайне ограниченные размѣры доступной тогда общественной дѣятельности заставляли обращать особое вниманіе на интенсивность борьбы, а слѣдовательно, и на ея внутреннюю подготовку, такъ серьезно были заняты вопросами личной морали, а эти вопросы личной морали были тѣсно связаны съ вопросами умственнаго развитія.

Одною изъ теоретическихъ работъ въ данной области, вызвавшей много обсужденій и рефератовъ въ кружкѣ чайковцевъ (какъ я узналъ впослѣдствіи), была статья П. Лаврова въ „Отечественныхъ Запискахъ": „Современныя ученія о нравственности" [1]). Основная мысль этой статьи заключалась въ томъ, что вся личная мораль можетъ быть построена на стремленіи къ собственному *умственному развитію*. Это стремленіе неизбѣжно вызывается въ человѣкѣ непосредственнымъ ощущеніемъ той особой радости, какую онъ испытываетъ отъ сознанія своего умственнаго усовершенствованія, а это сознаніе неизбѣжно является вслѣдъ за пріобрѣтеніемъ новыхъ знаній и новыхъ идей. Такимъ образомъ, во внутренней жизни человѣка возникаетъ сильный личный стимулъ, влекущій его все дальше и дальше къ своему собственному умственному развитію, пока это стремленіе не обращается въ непобѣдимую привычку и не связывается съ представленіемъ объ идеалѣ развитой личности. Переходъ къ общественнымъ идеаламъ и къ общественной дѣятельности былъ построенъ здѣсь на томъ, что человѣкъ можетъ осуществить свое стремленіе къ личному развитію лишь въ извѣстно-общественной средѣ.

Большой интересъ, вызванный этими идеями человѣка 60-хъ годовъ, который былъ затѣмъ однимъ изъ теоретическихъ руководителей поколѣнія 70-хъ годовъ, хорошо указываетъ, на какую высокую ступень ставилось тогда умственное развитіе.

Наконецъ, въ томъ же направленіи дѣйствовало все вліяніе Писарева, поскольку онъ связывалъ въ своихъ статьяхъ призывъ къ личному развитію съ призывомъ къ общественной дѣятельности.

Вообще, умственная сторона жизни, строго-логическое обоснованіе самыхъ возвышенныхъ побужденій занимали огромное мѣсто въ общественной психологіи 60-хъ и 70-хъ годовъ. Извѣстно, на какой непреклонно-утилитарной точкѣ зрѣнія стоялъ Чернышевскій въ своихъ выводахъ относительно того, какъ должны были поступать въ жизни порядочные люди. Даже Рахметовъ, котораго Чернышевскій самъ характеризовалъ, какъ *особаго* человѣка, не похожаго на остальныхъ людей, все высчитывалъ и все доказывалъ по формулѣ: такъ надо, потому что это выгодно, а такъ не

[1]) См. «Отечеств. Записки». 1870 г., №№ 3, 4, 5, 6 и 8. Вышла отдѣльнымъ изданіемъ въ 1904 г. Ред.

надо, потому что это невыгодно. Каждый шагъ личной жизни, каждое рѣшеніе въ общественной области надо было обосновать логическими соображеніями, надо было *доказать* съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ. Въ теченіе очень долгаго времени идея *непосредственнаго* внутренняго влеченія, непосредственныхъ чувствъ и страстей, часто не имѣющихъ ничего общаго съ логикой, была совсѣмъ изъята у насъ изъ разсмотрѣнія даже въ научной области, касавшейся нравственныхъ вопросовъ. „Теорія нравственныхъ чувствъ" Адама Смита, являющаяся прямой предшественницей современнаго научнаго пониманія происхожденія альтруистическихъ стремленій въ человѣкѣ, была совершенно забыта. Въ буржуазныхъ сферахъ она была вытѣснена дѣйствительнымъ господствомъ мотивовъ личнаго разсчета (при извѣстномъ приспособленіи къ данному случаю дарвиновской теоріи борьбы за существованіе), а въ кружкахъ, охваченныхъ соціалистическимъ движеніемъ, она замѣнялась стремленіемъ обосновать свои общественные взгляды неопровержимыми логическими доказательствами. Люди, подчинявшіе всю свою жизнь требованію общественнаго долга, въ основѣ котораго лежала именно эмоціональная сторона психики, не хотѣли признавать своихъ *личныхъ* стремленій законнымъ элементомъ въ рѣшеніи общественныхъ задачъ. Отдавая себя всецѣло на служеніе общественному дѣлу, они какъ бы устраняли себя изъ состава заинтересованныхъ сторонъ.

Это объяснялось, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что, по существу своему, то революціонное движеніе, которымъ были охвачены поколѣнія 60-хъ и 70-хъ годовъ (а также и дальнѣйшія), было чисто-классовымъ; оно вытекало изъ полной противоположности экономическихъ интересовъ различныхъ общественныхъ слоевъ; но при этомъ участники и иниціаторы этого движенія сами не принадлежали къ тому общественному классу интересы котораго они защищали: они были отщепенцами своего класса „кающимися дворянами", и, слѣдовательно, должны были относиться въ высшей степени недовѣрчиво ко всѣмъ своимъ личнымъ побужденіямъ.

Но, кромѣ того, полное „отреченіе отъ стараго міра" уже вообще предполагаетъ, что полные мотивы, связывающіе человѣка съ окружающею дѣйствительностью, заранѣе устраняются изъ разсмотрѣнія, причемъ на сценѣ остаются лишь соображенія общаго характера, касающіяся условій всего общественнаго переустройства; а такого рода разсчеты и со-

ображенія неизбѣжно требуютъ теоретическихъ знаній. Какой-нибудь сельскій хозяинъ или коммерсантъ могутъ прекрасно обойтись во всей своей жизненной практикѣ безъ всякихъ научныхъ общественныхъ теорій, довольствуясь одними специальными свѣдѣніями въ своей области; они могутъ по чистой совѣсти относиться къ вершинамъ науки, какъ къ излишней роскоши, и нисколько не печалиться по поводу своего круглаго невѣжества въ сферѣ общественныхъ вопросовъ. Даже политическимъ дѣятелямъ буржуазнаго лагеря не приходится много заботиться о выясненіи объективныхъ общественныхъ истинъ; имъ необходимо лишь хорошо усвоить какую-нибудь готовую теорію, соотвѣтствующую ихъ основному личному стремленію къ охраненію извѣстныхъ классовыхъ интересовъ, сущность которыхъ уже *ощущается ими непосредственно и безошибочно* всѣмъ ихъ существомъ.

Но попробуйте обойтись безъ научныхъ истинъ въ томъ положеніи, когда вы лично совершенно не заинтересованы въ окружающихъ васъ жизненныхъ, практическихъ интересахъ, когда своими непосредственными психо-физіологическими ощущеніями вы не можете оцѣнивать желательности или нежелательности данныхъ общественныхъ перемѣнъ. Вы вкладываете всѣ свои личныя силы въ общественное дѣло, и весь личный вопросъ сводится для васъ тогда къ тому, какое будетъ сдѣлано изъ нихъ употребленіе: производительное или непроизводительное; здѣсь безошибочность своихъ собственныхъ, если такъ можно выразиться—*утробныхъ* инстинктовъ уже не помогаетъ; здѣсь нужны теоретическія знанія; надо сколько-нибудь понимать сложный ходъ общественной жизни, надо выяснить для себя въ возможно большей степени такъ называемые „проклятые вопросы"; иначе вы окажетесь въ томъ положеніи, какого не можетъ перенести ни одна сознательная личность: вы отдаете всѣ свои жизненные рессурсы, надежды и ожиданія на такое дѣло, о ходѣ котораго даже не желаете получить доступныхъ вамъ свѣдѣній; такое равнодушіе противорѣчило бы самому понятію о жизни, ея основному инстинкту. Одни люди вкладываютъ свои интересы въ сельское хозяйство, другіе—въ богатство и въ отстаиваніе своихъ правъ на него, третьи—въ общественное движеніе; но если только человѣкъ не утратилъ основного инстинкта жизни, желанія поддерживать свое существованіе, то онъ не можетъ относиться безразлично къ данному источнику всѣхъ своихъ жизненныхъ интересовъ.

Такимъ образомъ, стремленіе къ научной истинѣ, вполнѣ искреннее и интенсивное желаніе выяснить для себя общіе законы, управляющіе развитіемъ общественной жизни, прямо вытекаетъ изъ основной постановки личнаго вопроса со стороны людей, всецѣло посвящающихъ себя дѣлу общественнаго переустройства; это — не ихъ индивидуальное свойство, а свойство того положенія, въ какое они ставятъ себя; это стремленіе такъ же естественно и неизбѣжно, какъ естественно и неизбѣжно, скажемъ, банкиру интересоваться выясненіемъ хода предпріятія, на которое онъ затратилъ весь свой наличный капиталъ.

Вотъ почему вопросы умственнаго развитія, вопросы крайне серьезнаго отношенія къ высшимъ сферамъ знанія были неразрывно связаны съ господствующими жизненными стремленіями описываемаго мною круга людей. То пристрастіе къ книгѣ, та погоня за послѣдними пріобрѣтеніями общественныхъ наукъ, то необычайно горячее и даже страстное отношеніе къ теоріи, какими отличаются люди этого круга, вовсе не является случайностью; напротивъ того, все это необходимо вытекаетъ изъ занятаго ими общественнаго положенія. Эти „недоучки", бросающіе высшія школы и не пріобрѣтающіе никакихъ спеціально-техническихъ познаній, неизбѣжно являются очень образованными людьми въ области общественныхъ и философскихъ наукъ, на эту именно область всецѣло затрачиваются ими всѣ ихъ умственныя силы, освобожденныя отъ серьезнаго добросовѣстнаго изученія какой-нибудь медицины, юриспруденціи или технологіи.

И, какъ средній представитель того круга людей, къ которому я тяготѣлъ съ ранней юности всею своею душою и къ которому я, въ концѣ концовъ, присоединился безраздѣльно, я былъ очень серьезно занятъ своимъ собственнымъ умственнымъ развитіемъ. Мнѣ врядъ ли надо оговариваться, что такого рода подробности моей личной жизни сообщаются здѣсь лишь въ качествѣ общихъ черть данной среды и только въ качествѣ таковыхъ, конечно, могутъ интересовать читателя. Желая подробнѣе выяснить нѣкоторыя очень важныя стороны движенія начала 70-хъ годовъ, затронутыя въ живомъ и въ высшей степени конкретномъ разсказѣ моего стараго товарища Н. Морозова, я не могъ ограничиться одними отвлеченными поправками или дополненіями: я долженъ былъ вызвать для этого въ своей памяти также хоть какія-нибудь конкретныя, фактическія указанія,

которыя, естественно, всего лучше удержались въ связи съ подробностями личной жизни.

Движеніе начала 70-хъ годовъ приняло къ веснѣ 1874 года, съ которой начинается разсказъ Морозова, уже *массовый* характеръ среди русской революціонной интеллигенціи; но та волна его, которая захватила собою въ Москвѣ молодого основателя „Общества естествоиспытателей“, была не первою волною этого движенія; оно подготовлялось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ болѣе медленнымъ процессомъ кружковой жизни; и вотъ объ этомъ именно подготовительномъ процессѣ движенія я хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ въ предлагаемыхъ замѣткахъ.

Сидя за книгами въ своей студенческой комнатѣ на Набережной Екатерининскаго канала, я еще не принималъ тогда личнаго участія въ жизни моего будущаго кружка; но этотъ кружокъ уже постепенно приближался ко мнѣ, хотя, по своему обычаю, съ очень большою осмотрительностью. Кравчинскій, уже состоявшій тогда членомъ кружка чайковцевъ, каждую недѣлю, по воскресеньямъ, приходилъ къ намъ съ Д* утромъ изъ Лѣсного института, а иногда и наканунѣ вечеромъ, причемъ ночевалъ у насъ на полу въ нашей небольшой комнатѣ. Приходилъ онъ обыкновенно съ книгами по русской исторіи и говорилъ, что даетъ у кого-то уроки. Въ дѣйствительности, онъ читалъ тогда еженедѣльно лекціи по исторіи кружку заводскихъ рабочихъ Васильевскаго Острова, вмѣстѣ съ Кропоткинымъ, Сердюковымъ, Ельцинскимъ и Чайковскимъ, которые вели пропаганду среди заводскихъ рабочихъ преимущественно въ этомъ райнѣ [1]). Кравчинскій, конечно, долженъ былъ говорить обо мнѣ своимъ новымъ товарищамъ, но одного его мнѣнія было еще недостаточно для приглашенія меня въ среду этой очень тщательно подбиравшейся и тѣсно сплоченной революціонной группы.

Вскорѣ Кравчинскій принесъ мнѣ для перевода отрывокъ, не помню точно, изъ какой именно книги, кажется — Эскироса, о положеніи французскихъ крестьянъ передъ революціей. Предложивъ мнѣ перевести этотъ отрывокъ, онъ сказалъ, что переводъ нуженъ, какъ матеріалъ для

---

[1]) Подробнѣе о дѣятельности кружка чайковцевъ я разсказалъ въ моихъ воспоминаніяхъ о Сергѣѣ Кравчинскомъ—«Кравчинскій и кружокъ чайковцевъ». (См. «Вѣстникъ Рус. Революціи», 1903 г., № 3. и отдѣльное изданіе брошюрой. Спб. 1906 г. В. Распопова. Статья вошла въ настоящій выпускъ. Р е д.).

народныхъ книжекъ, составленіемъ которыхъ занята одна группа. Переводъ я долженъ былъ отнести по указанному адресу къ Михаилу Васильевичу Купреянову, о которомъ я раньше ничего не зналъ и не слышалъ.

Когда я пришелъ къ Купреянову, то встрѣтилъ очень еще молодого человѣка, лѣтъ 18-ти, но совсѣмъ не казавшагося слишкомъ юнымъ. Съ необыкновенно серьезнымъ взглядомъ огромныхъ темныхъ глазъ, съ смуглымъ, землисто-сѣраго цвѣта лицомъ и очень высокимъ лбомъ, отчасти закрывавшимися падавшими на него волосами, онъ произвелъ на меня сразу же импонирующее впечатлѣніе. Я не помню хорошо нашей бесѣды, но она скоро перешла на вопросъ о народномъ движеніи. Я высказалъ свой взглядъ,—по всей вѣроятности, очень революціонный, но сводившійся къ общимъ мѣстамъ о народномъ возстаніи, о революціонной агитаціи и пр. Купреяновъ сталъ говорить о роли самого народа, о значеніи его собственнаго отношенія къ дѣлу и привелъ въ поясненіе своей мысли тѣ грустныя размышленія Чернышевскаго, гдѣ онъ открыто признаетъ безсиліе интеллигенціи и даже ничтожное значеніе своей собственной литературной дѣятельности. Я опять повторяю, что помню лишь общій смыслъ нашего разговора, но хорошо помню то впечатлѣніе, какое онъ произвелъ на меня. Я увидѣлъ, что этотъ юноша затрагиваетъ глубину вопроса, что онъ не горячится, не воодушевляетъ себя революціонными фразами, но что у него сильно работаетъ мысль. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ чувствовалась большая душевная сила. Искренность его рѣчи, совершенная прямота и серьезность его отношенія къ вопросу даже не заботили его; въ немъ была та степень внутренней убѣжденности и внутренней силы, при которой человѣкъ уже не заботится о впечатлѣніи, производимомъ имъ на другихъ. Позднѣе, когда мы съ нимъ очень сблизились (это было уже въ тюрьмѣ), онъ какъ-то охарактеризовалъ мнѣ себя, какъ очень *наивнаго* человѣка: это было сказано при разсказѣ о его завязывавшемся было, но скоро оборвавшемся романѣ во время его поѣздки за границу, и я думаю, что онъ говорилъ тогда о своей наивности въ этомъ именно смыслѣ. Но главное и преобладающее впечатлѣніе, какое я вынесъ изъ этой первой встрѣчи съ Купреяновымъ, было сознаніе его большого умственнаго превосходства. Это былъ, какъ мнѣ кажется, самый умный человѣкъ, какого я только встрѣчалъ въ жизни. Въ немъ не было блестящихъ ум-

ственныхъ свойствъ, въ немъ не было ни тѣни краснорѣчія, и онъ даже жаловался на слабость своей памяти, которая мѣшала ему научиться иностраннымъ языкамъ; но въ немъ была огромная сила мысли и способность проникать въ глубину вещей. Онъ рѣдко повторялъ идеи другихъ писателей, кромѣ самыхъ первостепенныхъ, причемъ нельзя было даже сказать, чтобы онъ *читалъ* этихъ первостепенныхъ писателей: онъ скорѣе передумывалъ ихъ. Такъ, напримѣръ, онъ читалъ первыя двѣ главы „Капитала" Маркса въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, лежа по цѣлымъ днямъ на своей постели. Онъ говорилъ мнѣ потомъ, что добивался при этомъ чтеніи того, чтобы перевести крайне отвлеченное и частью метафизическое изложеніе Маркса въ область конкретныхъ явленій, и что это было очень трудно. Онъ много занимался также высшей математикой. Вообще, его умственное развитіе шло совсѣмъ особымъ путемъ. Онъ очень рано бросилъ гимназію—если не ошибаюсь, будучи еще въ четвертомъ классѣ, а затѣмъ сталъ учиться самостоятельно, по своему собственному плану. Нѣкоторые гимназическіе предметы такъ и остались у него въ полномъ забросѣ, вслѣдствіе чего о русской орѳографіи, напримѣръ, онъ имѣлъ очень недостаточное представленіе; но зато семнадцатилѣтнимъ юношей онъ уже достигъ большой зрѣлости въ самыхъ сложныхъ вопросахъ, какъ личной, такъ и общественной жизни, и уже тогда занималъ выдающееся положеніе въ кружкѣ чайковцевъ.

Мое мнѣніе о Купреяновѣ, какъ объ очень выдающемся человѣкѣ, не было единичнымъ. Всѣ безъ исключенія члены кружка чайковцевъ, среди которыхъ было немало очень замѣтныхъ людей, относились къ его огромнымъ мыслительнымъ способностямъ съ особымъ уваженіемъ, несмотря на его большую молодость. Когда, послѣ моего перваго свиданія съ нимъ, я употребилъ въ отвѣтѣ на вопросъ Кравчинскаго о моемъ впечатлѣніи неудачное выраженіе: „очень неглупый", то онъ сейчасъ же возразилъ мнѣ: „Какъ очень неглупый? Да это—очень *умный* человѣкъ". Кравчинскій чувствовалъ къ Купреянову большую привязанность. Когда послѣдній бывалъ у него въ Лѣсномъ, то Кравчинскій часто ходилъ провожать его до города, на Можайскую улицу, а затѣмъ, не будучи въ состояніи прервать бесѣды, они иногда возвращались пѣшкомъ обратно въ Лѣсное, и т. д.

Но Купреянова цѣнили въ кружкѣ чайковцевъ не

только за его большой умъ. Это была также большая революціонная сила, въ смыслѣ извѣстнаго вліянія на окружающихъ. Кромѣ того вліянія, какое всегда оказываетъ въ этомъ случаѣ большой умъ, заставляя болѣе слабые умы признать правильность данныхъ выводовъ, и тѣмъ какъ бы *принуждая* людей слѣдовать именно данному направленію и часто производя на нихъ этою невидимою силою болѣе могущественное давленіе, чѣмъ какое могли бы оказать самые грозные внѣшніе импульсы,—въ Купреяновѣ таилась еще огромная моральная власть надъ людьми, обусловленная его собственной нравственной силой. Когда человѣкъ безъ малѣйшаго колебанія предъявляетъ къ самому себѣ самыя суровыя требованія, онъ безъ такого же колебанія предъявляетъ ихъ къ другимъ,—и въ этомъ именно заключается главное условіе всякаго моральнаго вліянія. Окружающіе безсознательно ощущаютъ на себѣ это высшее нравственное право и подчиняются ему—точно такъ же, какъ они неизбѣжно ощущаютъ надъ собой умственное превосходство и также подчиняются ему идейно. Освободиться отъ этого принудительнаго моральнаго или идейнаго воздѣйствія можно, только покрививши своимъ собственнымъ умомъ или своею совѣстью,—что въ еще неиспорченномъ человѣкѣ происходитъ съ большимъ затрудненіемъ. На этомъ совершенно неустранимомъ фактѣ основана вся тайна вліянія такъ называемыхъ агитаторовъ; возмущаться этимъ явленіемъ, негодовать на козни революціонеровъ совершенно безплодно. Кромѣ того, это значитъ желать, чтобы предполагаемыя жертвы революціонной агитаціи, при освобожденіи себя отъ ея власти, принимали, по отношенію къ своему собственному идейному или моральному сознанію или *меньє умныя*, или *меньє нравственныя* рѣшенія.

Вліяніе Купреянова на встрѣчаемыхъ имъ людей было еще тѣмъ сильнѣе, что онъ обладалъ въ значительной степени тѣмъ свойствомъ, которое можно назвать психологическою проницательностью; онъ умѣлъ хорошо видѣть внутренній міръ другого, умѣлъ разгадывать затаенныя душевныя движенія. Въ разговорѣ съ нимъ вы чувствовали, что онъ какъ бы читаетъ ваши мысли, причемъ на его лицѣ появлялась тогда улыбка, иногда—добрая, иногда—недобрая, смотря по обстоятельствамъ; и я думаю, что этой улыбкой дорожили или боялись ее многіе люди. Вообще, Купреяновъ часто смѣялся, и какъ-то непроизвольно, при-

чемъ послѣ припадка смѣха, лицо его вдругъ принимало свое обычное, очень серьезное выраженіе, а большіе глаза опять смотрѣли строго. Эти чудные большіе, темные глаза, умные и глубокіе, такъ и не успѣли высказать всего, что могли. Михаилъ Купреяновъ погибъ очень рано. Онъ былъ арестованъ въ началѣ 1874 года и просидѣлъ въ тюрьмѣ вплоть до суда, т. е., до начала 1878 года, когда судъ (по процессу 193-хъ) приговорилъ его къ сравнительно легкому дополнительному истязанію—ссылкѣ на житье въ сѣверныя губерніи. Но четырехлѣтнее одиночное заключеніе уже сдѣлало свое дѣло; „мѣра предупрежденія и пресѣченія“ достигла своей настоящей цѣли: она успѣла достаточно истощить его организмъ и медленно исчерпать до конца запасъ его физическихъ силъ. Почти наканунѣ выхода изъ тюрьмы онъ, всегда страдавшій плохимъ желудкомъ, заболѣлъ перитонитомъ и черезъ нѣсколько дней умеръ въ одиночной камерѣ Петропавловской крѣпости.

— —

Купреяновъ всегда принималъ дѣятельное участіе при обсужденіи въ кружкѣ чайковцевъ вопроса о пріемѣ какого-нибудь новаго члена. Его голосъ, вмѣстѣ съ голосомъ Перовской, очень много значили въ этихъ дѣлахъ и всегда были направлены въ сторону строгаго выбора. Тщательность подбора своихъ членовъ и большая забота о конспиративныхъ и другихъ необходимыхъ требованіяхъ революціонной дѣятельности составляли одну изъ главныхъ особенностей этого кружка, соотвѣтствовавшихъ общему характеру его задачи. Это была *подготовительная* работа, разсчитанная на болѣе или менѣе продолжительное время, а для такой работы требовались не массовыя, а единичныя силы. Поэтому каждый новый участникъ этой работы долженъ былъ представлять собою извѣстную величину, и притомъ безъ большихъ изъяновъ въ какихъ-либо сторонахъ, имѣющихъ значеніе при данныхъ условіяхъ кружковой жизни и дѣятельности. Нужно было обращать огромное вниманіе не только на положительныя свойства, но также и на ихъ гармонію съ другими требованіями.

Моя встрѣча съ Купреяновымъ, очевидно, была устроена въ виду моей предполагавшейся кандидатуры, но вопросъ и на этотъ разъ остался пока еще нерѣшеннымъ. Я же, не зная, разумѣется, закулисной стороны дѣла, уѣхалъ вскорѣ послѣ того съ Д* въ Москву, гдѣ у него было довольно

много личныхъ знакомствъ. Здѣсь, къ веснѣ 1873 года, въ меблированныхъ комнатахъ Скворцовой, на Моховой, гдѣ онъ поселился послѣ своей женитьбы, постоянно собиралась разнаго рода молодежь, и, вообще, образовалось нѣчто въ родѣ небольшого центра съ общимъ революціоннымъ направленіемъ, но безъ опредѣленныхъ плановъ. Сколько-нибудь крупной организаціи въ Москвѣ тогда не существовало. Тихомировъ, жившій тогда въ Москвѣ, хотя уже и состоялъ въ сношеніяхъ съ кружкомъ чайковцевъ, но не находилъ вокругъ себя ничего такого, что могло бы создать элементы для самостоятельной группы, а потому осенью 1873 г., бросивъ Московскій университетъ, перебрался въ Петербургъ, гдѣ примкнулъ къ работѣ петербургской организаціи. Съ Тихомировымъ я иногда встрѣчался; познакомился я съ нимъ, кажется, по поводу составлявшейся мною тогда программы чтенія для одного небольшого кружка молодежи. И вотъ, какъ-то зайдя къ нему утромъ, я встрѣтилъ у него еще одного очень виднаго члена кружка чайковцевъ, Н. А. Чарушина, который возвращался тогда въ Петербургъ послѣ объѣзда тѣхъ городовъ, гдѣ у кружка имѣлись свои связи, причемъ велъ также переговоры объ изданіи заграницей революціоннаго журнала, которымъ и явился впослѣдствіи „Впередъ", подъ редакціей П. Л. Лаврова. Съ Чарушинымъ я разговорился, и онъ очень мнѣ понравился. Такъ какъ разговоръ коснулся у насъ народной литературы, то я передалъ ему (уже не помню, лично или черезъ Тихомирова) только-что написанную мною тогда небольшую брошюрку (страничекъ въ 10) съ призывомъ къ народному возстанію. Построена была эта брошюрка на извѣстной баснѣ Крылова: „Въ овечьи старосты у льва просился волкъ" и, вѣроятно, была написана горячо, потому что пользовалась потомъ успѣхомъ [1]).

Чарушинъ уѣхалъ черезъ день или два, а я остался въ Москвѣ, гдѣ къ тому времени, т. е., къ веснѣ 1873 г. начинали уже возникать болѣе опредѣленныя революціонныя предпріятія. Между прочимъ, на квартиру Д* явился какъ-то уже сравнительно болѣе почтенный по виду человѣкъ,

---

[1]) Этому успѣху я былъ обязанъ своимъ мимолетнымъ знакомствомъ съ Желябовымъ. Во время процесса 193-хъ, къ которому привлекался и онъ, онъ какъ-то подошелъ ко мнѣ въ тюремномъ корридорѣ и сталъ съ большимъ жаромъ говорить объ этой брошюрѣ. Послѣ того я уже не встрѣчался съ нимъ.

мировой судья Черниговской губерніи, также совершавшій свой первый объѣздъ по Россіи. Это былъ С. Ф. Коваликъ, у котораго составился тогда планъ населить свой уѣздъ революціонными земскими служащими: учителями, докторами, волостными писарями и т. д. Насколько я помню, планъ этотъ предполагалъ медленный и систематическій захватъ всего административнаго вліянія въ данной мѣстности, и именно по вопросу объ осуществленіи такого захвата у насъ произошелъ споръ, ни приведшій ни къ какому соглашенію.

Болѣе продолжительными были мои сношенія съ кружкомъ долгушинцевъ, который также появился около этого времени въ Москвѣ. Но этотъ кружекъ не былъ московскаго происхожденія. Главнѣйшіе его члены: Долгушинъ, Дмоховскій, Панинъ и Плотниковъ пріѣхали изъ Петербурга. Ихъ планъ заключался въ томъ, чтобы устроить въ Москвѣ тайную типографію, отпечатать уже бывшія у нихъ въ рукахъ брошюры прокламаціоннаго характера: „Какъ надо жить по закону природы и правды“ и „Къ русскому народу“ [1]), а затѣмъ распространить эти брошюры по деревнямъ на возможно большемъ районѣ, съ цѣлью вызвать народное возстаніе. Для подобнаго рода предпріятія, носившаго характеръ быстраго революціоннаго удара, требовались очень рѣшительные люди, и вся небольшая организація долгушинцевъ состояла именно изъ революціонеровъ такого типа.

Наибольшимъ вліяніемъ среди нихъ пользовался самъ Долгушинъ, котораго я лично, впрочемъ, видѣлъ только два или три раза, такъ какъ онъ пріѣхалъ въ Москву позднѣе. Изъ его разговоровъ я помню, что онъ рѣзко противопоставлялъ свой способъ дѣятельности программѣ петербургскаго кружка, т. е., кружка чайковцевъ, которыхъ онъ, со свойственной ему довольно ехидной улыбкой, называлъ „книжниками“,—сильно подчеркивая этимъ длительный и какъ бы кунктаторскій характеръ ихъ пропаганды среди рабочихъ. Если не ошибаюсь, Долгушинъ привлекался раньше по нечаевскому дѣлу; въ немъ, несомнѣнно, были признаки бакунинскаго взгляда на народное движеніе, но я не знаю точно, ѣздилъ ли онъ за границу и видѣлся ли лично съ Бакунинымъ.

---

[1]) Первая изъ нихъ была написана Берви-Флеровскимъ, а вторая—Долгушинымъ.

Изъ всѣхъ долгушинцевъ я всего ближе познакомился съ Иваномъ Ивановичемъ Папинымъ. Это былъ чрезвычайно живой, энергичный и общительный человѣкъ, сильнаго сложенія, съ яркимъ румянцемъ на лицѣ. Онъ немедленно же приступилъ къ рекогносцировкамъ по окружнымъ московскимъ деревнямъ: заходилъ въ избы, знакомился съ крестьянами, участвовалъ въ ихъ праздникахъ и даже попалъ къ кому-то изъ нихъ на крестины въ качествѣ крестнаго отца. Я помню одну сцену, послужившую, такъ сказать, фактическимъ доказательствомъ этихъ его экскурсій по деревнямъ и его ночевокъ по крестьянскимъ избамъ. Какъ-то онъ пришелъ ко мнѣ съ только-что купленнымъ частымъ гребешкомъ, взялъ листъ газетной бумаги, разостлалъ на столѣ и сталъ быстро вычесывать волосы, наклонившись надъ бумагой, на бумагу посыпался цѣлый дождь насѣкомыхъ. При этомъ онъ весело смѣялся и разсказывалъ мнѣ о своихъ похожденіяхъ.

Долгушинъ, при послѣдней встрѣчѣ со мною, уже довольно опредѣленно заговаривалъ о томъ, чтобы я присоединился къ ихъ организаціи. Такъ какъ я уже искалъ тогда перехода къ непосредственной дѣятельности и уже написалъ съ этой цѣлью письма въ нѣсколько земствъ съ предложеніемъ занять мѣсто народнаго учителя, то весьма вѣроятно, что, въ концѣ концовъ, я примкнулъ бы къ этому кружку, о практическихъ задачахъ котораго я имѣлъ пока еще только общее представленіе, но личный составъ котораго не могъ мнѣ не нравиться. Мой ближайшій тогда товарищъ Д* также относился къ этимъ людямъ очень сочувственно и впослѣдствіи былъ арестованъ по долгушинскому дѣлу. Но мое сближеніе съ долгушинцами было неожиданно прервано. Я получилъ какъ разъ въ это время письмо изъ Петербурга отъ Кравчинскаго, въ которомъ онъ звалъ меня немедленно пріѣхать туда и говорилъ въ достаточно понятныхъ для меня выраженіяхъ о томъ, что меня приглашали вступить въ организацію петербургскаго кружка, о которомъ я уже имѣлъ нѣкоторое представленіе.

Черезъ день или два послѣ того я былъ въ Петербургѣ и явился прямо на ту квартиру, адресъ которой былъ указанъ мнѣ въ письмѣ Кравчинскаго. Это была квартира Чарушина и А. Д. Кувшинской (впослѣдствіи его жены), которые занимали двѣ сосѣднихъ комнаты на Саратовской улицѣ (тогда состоявшей почти сплошь изъ небольшихъ деревянныхъ домиковъ). Меня встрѣтили совсѣмъ по-дружески, и я какъ-то сразу почувствовалъ, что попалъ въ

родную среду, къ которой быстро привязался. Вообще, этотъ переходъ отъ моего до тѣхъ поръ сравнительно изолированнаго существованія къ коллективной жизни большого, тѣсно-сплоченнаго кружка чайковцевъ былъ для меня какъ бы вступленіемъ въ новую жизнь. Я сразу почувствовалъ здѣсь ту особую захватывающую человѣка атмосферу, тотъ высшій тонъ жизни, которые свойственны серьезной революціонной дѣятельности; я вошелъ, наконецъ, въ среду людей, встрѣчу съ которыми считаю за самое счастливое событіе въ своей жизни.

Какъ разъ въ день моего пріѣзда, въ кружкѣ было назначено очередное собраніе, и мы вскорѣ же пошли съ Чарушинымъ и Кувшинской на Можайскую улицу, гдѣ была тогда главная квартира кружка. Я помню, что мосты были въ то время разведены по случаю весенняго ледохода, и мы должны были сдѣлать длинный обходъ черезъ Николаевскій мостъ.

На Можайской улицѣ почти всѣ были уже въ сборѣ. Я встрѣтилъ здѣсь Купреянова, который жилъ тутъ же, въ небольшой боковой комнатѣ, встрѣтилъ въ первый разъ Чайковскаго, увидѣлъ Перовскую—совсѣмъ молодую и незамѣтную дѣвушку, ютившуюся около сестеръ Корниловыхъ, увидѣлъ Ельцинскаго, Кропоткина, Кравчинскаго. Всѣхъ было около пятнадцати человѣкъ.

Разговоръ шелъ о текущихъ дѣлахъ кружка. Здѣсь я узналъ о занятіяхъ съ рабочими, которыя велись въ разныхъ концахъ города, о печатавшихся за границей народныхъ книжкахъ, о какихъ-то долгахъ, которые остались на кружкѣ по дѣлу объ издательствѣ легальныхъ книгъ и уладить которые было поручено Чайковскому, и т. д. Всего я, конечно, не помню въ этомъ памятномъ мнѣ засѣданіи, но живо помню нѣкоторыя подробности. Помню, напримѣръ, то замѣтное впечатлѣніе, которое производила въ немъ фигура Чайковскаго: высокій, живой, съ чрезвычайно простыми, открытыми манерами, онъ, видимо, игралъ большую роль въ дѣлахъ кружка; съ нѣкоторыми изъ членовъ онъ переговаривался о чемъ-то особо, причемъ разъ уводилъ Перовскую и одну изъ сестеръ Корниловыхъ въ другую комнату. Помню также, что Ельцинскій прочелъ здѣсь свое новое стихотвореніе „Кузнецъ“, появившееся потомъ въ народныхъ изданіяхъ. Кропоткинъ былъ старше насъ всѣхъ, но онъ мало говорилъ на этотъ разъ и, какъ потомъ выяснилось для меня, не занималъ руководя-

щаго положенія въ кружкѣ. Если можно было говорить о руководящей роли въ этой революціонной семьѣ, гдѣ все рѣшалось по общему согласію и гдѣ всѣ члены были связаны между собою не только единствомъ взглядовъ, но и тѣсной дружбою, то эта руководящая роль принадлежала скорѣе всего Чайковскому, Чарушину, Купреянову и Перовской; на нихъ болѣе всего падали общія функціи кружка, и они болѣе всего охраняли его конспиративные интересы. Кравчинскій, котораго я всегда считалъ за очень крупнаго человѣка, какъ бы затеривался въ этой средѣ большихъ умовъ и огромныхъ характеровъ. Ельцинскій, очень выдававшійся своими блестящими способностями, никогда не принималъ на себя общей руководящей роли, по свойству своего характера. С. С. Синегубъ—одна изъ яркихъ фигуръ въ кружкѣ — тогда отсутствовалъ: онъ былъ въ Новоторжскомъ уѣздѣ, гдѣ занималъ мѣсто народнаго учителя. Анатолій Сердюковъ, принадлежавшій къ членамъ-основателямъ кружка чайковцевъ, былъ въ это время арестованъ и сидѣлъ при III отдѣленіи. М. А. Натансонъ, которому, главнымъ образомъ, принадлежала самая иниціатива возникновенія кружка, уже былъ сосланъ тогда административнымъ порядкомъ въ сѣверныя губерніи.

Моя первоначальная дѣятельность въ кружкѣ чайковцевъ естественнымъ образомъ примкнула къ дѣятельности Чарушина, въ вѣдѣніи котораго находился выборгскій районъ пропаганды. Сначала я только присутствовалъ при его „занятіяхъ“ съ рабочими, какъ у насъ говорилось тогда. Почти ежедневно къ нему на квартиру собиралась по вечерамъ группа рабочихъ, человѣкъ въ 6—8. Онъ читалъ съ ними какія-нибудь статьи или выдержки изъ книгъ, иногда общеобразовательнаго характера, по физикѣ, космографіи и т. д., иногда — касавшіяся положенія рабочаго класса, или же что-нибудь по исторіи, въ связи съ политическими вопросами. Притомъ, конечно, завязывались разговоры на общефилософскія или революціонныя темы. Эти занятія имѣли въ виду выработку сознательныхъ единицъ среди еще не затронутаго тогда пропагандой фабричнаго петербургскаго населенія; а эти сознательныя единицы, въ свою очередь, должны были явиться пропагандистами въ своей средѣ. И такія сознательныя единицы, конечно, вырабатывались. Я до сихъ поръ помню нѣкоторыхъ изъ рабочихъ, прихо-

дившихъ тогда къ Чарушину: Абакумова, Якова Ивановича, Ефима, Григорія Крылова. Эти сознательные рабочіе вели на своихъ фабрикахъ пропаганду, также единичную, подыскивали наиболѣе подходящіе элементы и приводили ихъ къ „студентамъ". Изъ такихъ вновь появлявшихся рабочихъ, желавшихъ заниматься со „студентами", образовывались новыя группы, которыя передавались въ вѣдѣніе кого-нибудь другого изъ членовъ кружка. Такимъ образомъ, пропаганда постепенно расширялась, хотя очень медленно и всегда въ формѣ выработки *отдѣльныхъ* сознательныхъ единицъ. Нѣкоторые изъ вновь приходящихъ рабочихъ начинали съ того, что просили подучить ихъ грамотѣ или ариѳметикѣ; нѣкоторые отставали потомъ сами, другихъ отстраняли, какъ не подававшихъ никакихъ надеждъ. Вообще, это были лишь первоначальные шаги по отношенію ко всей массѣ фабричныхъ рабочихъ. Вы встрѣчались не съ представителями рабочей среды, болѣе или менѣе проникнутой классовыми особенностями своего положенія и требовавшей только болѣе сознательнаго руководительства; вы встрѣчались съ отдѣльными личностями, выдѣлявшимися изъ совершенно еще инертной среды и не чувствовавшими своей связи съ окружавшей ихъ массой. Это придавало совсѣмъ особый характеръ всему движенію и, какъ мы увидимъ ниже, отразилось на дальнѣйшихъ рѣшеніяхъ наиболѣе сознательныхъ изъ затронутыхъ пропагандой рабочихъ. Въ этой первоначальной стадіи движенія еще не было тѣхъ элементовъ, которые давали бы ему возможность принять коллективную форму; въ силу данныхъ объективныхъ условій оно должно было оставаться пока въ разрозненномъ, неорганизованномъ состояніи.

Недѣли черезъ двѣ или три послѣ моего вступленія въ кружокъ, мнѣ на руки была также передана небольшая новая группа, составленная стараніями рабочихъ, приходившихъ къ Чарушину и Кувшинской. Въ это именно время случилось такъ, что Чарушину надо было снова ѣхать въ объѣздъ по городамъ, главнымъ образомъ, на югъ, въ Одессу, гдѣ дѣйствовала тогда хорошо сплоченная группа Волховскаго[1]); Кувшинская уѣхала на свою родину, въ Вятку, и я остался на лѣто одинъ во всемъ выборгскомъ

---

[1]) Называю такъ эту группу для краткости. Волховскій былъ наиболѣе извѣстнымъ мнѣ ея представителемъ.

районѣ. Лучшіе изъ рабочихъ Чарушина—Абакумовъ и Крыловъ—также уѣхали тогда изъ Петербурга.

Я никогда не отличался большими способностями пропагандиста и могъ вести дѣло только въ очень ограниченныхъ размѣрахъ, но нѣкоторыя изъ сохранившихся въ моей памяти черточекъ, относящихся до моихъ занятій съ рабочими, будутъ все-таки до извѣстной степени освѣщать эту эпоху только-что возникавшаго рабочаго движенія со стороны тѣхъ или иныхъ свойствъ, которыя обнаруживались при этомъ среди самихъ рабочихъ.

Я задумалъ было сначала вести со своей группой систематическія занятія по русской исторіи съ древнихъ временъ, съ географической картой и съ объясненіемъ первоначальнаго происхожденія Руси; но вскорѣ оказалось, что всѣ эти древляне и кривичи мало интересовали моихъ слушателей, а я чувствовалъ себя стѣсненнымъ въ моей ближайшей цѣли необходимостью останавливаться на мало относившихся къ дѣлу подробностяхъ. Тогда я прямо перешелъ къ отдѣльнымъ, наиболѣе важнымъ эпизодамъ русской исторіи, причемъ огромную помощь при этомъ оказала мнѣ книжка Худякова „Древняя Русь“.

Тогда въ нашихъ рукахъ уже были нѣкоторыя заграничныя народныя брошюры, изданныя нашимъ кружкомъ: сокращенная „Исторія французскаго крестьянина“ Эркмана-Шатріана, немного передѣланная драматическая поэма Навроцкаго „Стенька Разинъ“, сборникъ революціонныхъ стихотвореній и т. д., но главнымъ пособіемъ при занятіяхъ съ рабочими служили намъ тогда легальныя книги. Такъ, я помню, что читалъ своему кружку нѣкоторые отрывки изъ Примѣчаній Чернышевскаго къ Политической Экономіи Милля; пользовался также статистическими цифрами, касавшимися бюджета, и книгой Янсона.

Въ качествѣ агитаціонной литературы очень полезны были разсказы Наумова изъ жизни крестьянъ и пріисковыхъ рабочихъ „Мірской учетъ“, „Ежъ“ и другіе. Я помню, какое сильное впечатлѣніе было произведено на сидѣвшихъ у меня рабочихъ, когда Ельцинскій, прекрасно читавшій народные разсказы, прочелъ имъ по моей просьбѣ только-что появившійся тогда въ „Отечественныхъ Запискахъ“ разсказъ „Ежъ“, гдѣ шло дѣло о двухъ сознательныхъ пріисковыхъ рабочихъ, старикѣ и молодомъ „Ежѣ“, которые вызываютъ волненіе во всей пріисковой рабочей толпѣ по поводу неправильнаго разсчета.

Изъ посѣщавшихъ меня рабочихъ (всего у меня перебывало въ это лѣто не болѣе десяти человѣкъ) наиболѣе обращали на себя вниманіе Григорій и Большаковъ. Григорій былъ человѣкъ уже среднихъ лѣтъ и очень обстоятельный; говорилъ онъ съ разстановкой и довольно густымъ басомъ. Въ немъ была извѣстная религіозная закваска, и первое время знакомства онъ отстаивалъ обычные консервативные взгляды, причемъ проявлялъ, однако, большую любознательность. Особенно неожиданное впечатлѣніе произвели на него объясненія по русской исторіи. Онъ попросилъ у меня взять книжку Худякова къ себѣ на домъ и тамъ перечитывалъ ее. Когда онъ убѣдился въ справедливости отрицательнаго отношенія къ современному общественному устройству, то этотъ переворотъ казался въ немъ прочнымъ и устойчивымъ. Характерно въ немъ было то, что онъ интересовался, главнымъ образомъ, положеніемъ не фабрики, а деревни. Онъ непремѣнно разсчитывалъ вернуться въ свою деревню и добиться того, чтобы его выбрали въ старосты. „Тогда, — говорилъ онъ,—я поверну деревенскія дѣла по своему". Это не значило, конечно, чтобы онъ надѣялся вызвать что-нибудь въ родѣ крестьянскаго возстанія: онъ хотѣлъ просто занять вліятельное положеніе въ своей деревнѣ, съ цѣлью болѣе удобной пропаганды.

Ѳедоръ Большаковъ былъ еще совсѣмъ молодымъ; но онъ былъ очень уменъ и—что было для меня всего удивительнѣе—съ чрезвычайно нервной и впечатлительной организаціей, хотя вовсе не экспансивный. Это не былъ задорный и горячій человѣкъ; напротивъ того, съ перваго взгляда онъ казался скорѣе флегматичнымъ, съ блѣднымъ лицомъ и нѣсколько изысканными манерами. Онъ очень внимательно и толково слѣдилъ за занятіями, но довольно долго ничѣмъ не проявлялъ своего особенно горячаго отношенія; но вотъ какъ-то въ воскресенье, когда рабочіе собрались у меня днемъ, подъ вліяніемъ разговоровъ, чтенія стихотвореній Некрасова и даже пѣнія революціонныхъ пѣсенъ (помню, между прочимъ, что пѣли пѣсню 60-хъ годовъ: „Долго насъ помѣщики душили"), его вдругъ охватило замѣтное нервное волненіе. Онъ былъ совсѣмъ блѣденъ и немного дрожалъ. Когда я подошелъ къ нему, онъ тихо сказалъ мнѣ, что самъ не знаетъ, что съ нимъ происходитъ, и уже не помню точно, въ какихъ именно выраженіяхъ произнесъ свою аннибалову клятву. Съ этой минуты онъ сталъ совсѣмъ своимъ человѣкомъ.

Такъ проходили у меня лѣтніе мѣсяцы 1873 года въ занятіяхъ съ рабочими и въ подготовкѣ къ нимъ. Въ другихъ частяхъ города также велась пропаганда нашимъ кружкомъ. На Васильевскомъ Островѣ еще съ 1872 года образовалась группа заводскихъ рабочихъ. Съ ними поддерживали постоянныя сношенія Сердюковъ, Чайковскій, Ельцинскій, Кравчинскій и Кропоткинъ. Это была довольно большая и хорошо сорганизованная группа, среди которой находились очень развитые рабочіе (Обнорскій, Лавровъ, Орловъ). Заводскіе рабочіе, т. е., рабочіе механическихъ заводовъ, слесаря, токари по металлу, литейщики и пр., вообще, стояли гораздо выше фабричныхъ по своему развитію; они читали самостоятельно, и для нихъ установились систематическія лекціи по политической экономіи, исторіи, западно-европейскому революціонному движенію и т. д.

За Невской Заставой велась пропаганда какъ на заводахъ, такъ и на фабрикахъ. Для сношенія съ заводскими рабочими туда переѣхали на лѣто Кравчинскій и Ельцинскій; а для сношеній съ фабричными тамъ поселился уже вернувшійся изъ Тверской губерніи Синегубъ, который даже открылъ у себя нѣчто въ родѣ неоффиціальной вечерней школы для рабочихъ. Но о немъ самомъ и о его пропагандѣ я скажу нѣсколько словъ ниже.

За Московской Заставой поселились Леонидъ Поповъ и Жуковъ (бывшій сельскій учитель); они завели знакомства и занятія съ рабочими на фабрикахъ, находившихся въ этомъ районѣ.

Купреянова, Чарушина, Чайковскаго и Кропоткина не было тогда въ Петербургѣ. Купреяновъ уѣхалъ за границу, главнымъ образомъ, по дѣламъ изданія и перевозки нелегальныхъ брошюръ. Онъ долженъ былъ купить и доставить въ Петербургъ небольшой, но хорошей системы печатный станокъ,—что и было имъ исполнено. Станокъ этотъ хранился въ лѣчебницѣ Веймара, но воспользоваться имъ кружку уже не удалось. Купреяновъ велъ, кромѣ того, переговоры съ Лавровымъ по изданію и транспортировкѣ журнала „Впередъ".

Чайковскій объѣзжалъ въ это лѣто провинціальные города. Кромѣ поддержанія связей кружка съ провинціями, на немъ лежали также финансовыя заботы. Кропоткинъ уѣхалъ продавать свою землю въ Харьковскую губернію, причемъ всѣ полученныя деньги были отданы имъ на революціонное дѣло.

Перовская оставалась въ Петербургѣ. Она наняла комнату рядомъ съ моей на Саратовской улицѣ, но не вела самостоятельныхъ занятій съ рабочими. У меня осталось за это время въ памяти ея сношеніе съ жандармомъ изъ III Отдѣленія, гдѣ сидѣли тогда Сердюковъ и Грибоѣдовъ. Повязавшись платкомъ, она ходила въ назначенное мѣсто на свиданіе съ этимъ жандармомъ, чтобы получать и передавать письма.

Въ серединѣ этого лѣта произошло довольно важное событіе въ жизни нашего кружка: отъѣздъ въ деревню Кравчинскаго, что было связано съ общими результатами нашей пропаганды среди петербургскихъ рабочихъ. Я уже упоминалъ выше, что фабричная рабочая масса въ Петербургѣ еще совершенно не была тогда затронута движеніемъ и выдѣляла изъ своей среды лишь немногія сознательныя единицы. Вслѣдствіе этого въ этой средѣ еще не было условій для какого бы то ни было массоваго движенія, которое могло бы принять революціонный характеръ. Наши товарищи-рабочіе чувствовали себя въ этой средѣ еще слишкомъ изолированными и не встрѣчали въ ней достаточнаго сочувствія; ихъ сожители по квартирамъ или артелямъ часто называли ихъ „студентами". Одинъ изъ ходившихъ ко мнѣ рабочихъ, очень молодой, но симпатичный юноша, какъ-то пригласилъ меня, въ праздничный день, пойти къ нему въ артель и прочесть вслухъ какую-нибудь брошюру, увѣряя, что тамъ все свои, знакомые люди. Я согласился, и мы отправились. Я засталъ въ большой артельной комнатѣ человѣкъ съ десятокъ рабочихъ. Но когда я сталъ читать имъ, не помню уже какую, брошюру, то вскорѣ поднялся со своего мѣста молчавшій до тѣхъ поръ рабочій — отставной солдатъ — и сталъ очень угрожающе протестовать противъ моего противоправительственнаго чтенія. Другіе слушатели отнеслись къ этому вмѣшательству совершенно пассивно, и произошла очень неловкая сцена. Мой знакомый рабочій началъ урезонивать отставного солдата, съ которымъ былъ въ болѣе или менѣе товарищескихъ отношеніяхъ, какъ съ членомъ одной артели, но посѣщеніе мое, во всякомъ случаѣ, кончилось полной неудачей.

Правда, мое чтеніе затронуло, очевидно, политическіе вопросы, и эту неудачу можно объяснить неумѣлостью пропагандиста. Возможно, что если бы я оставался на чисто-экономической почвѣ, въ предѣлахъ повседневныхъ фабричныхъ интересовъ, то мнѣ удалось бы болѣе овладѣть вни-

маніемъ слушателей. Но врядъ ли можно допустить, однако, чтобы степень сознательности въ рабочихъ массахъ по отношенію даже къ ихъ экономическому положенію могла находиться въ полномъ несоотвѣтствіи съ ихъ политической отсталостью, и чтобы на почвѣ полнаго политическаго индифферентизма можно было когда-нибудь вызвать даже серьезное экономическое движеніе.

Во всякомъ случаѣ, ни у одного изъ нашихъ сознательныхъ рабочихъ не возникало тогда мысли о томъ, чтобы мы совершали ошибку въ общемъ направленіи нашей пропаганды, когда касались политическихъ вопросовъ и отступали отъ частной экономики: ни у одного изъ нихъ, при сильно возбужденномъ стремленіи къ самостоятельной пропагандѣ, не являлось тогда идеи о возможности начать движеніе въ своей рабочей средѣ на почвѣ ближайшихъ экономическихъ нуждъ; все то, что они видѣли и воспринимали вокругъ себя, не наталкивало ихъ на этотъ путь. Напротивъ того, тѣ изъ нашихъ товарищей-рабочихъ, которые проявляли всего больше иниціативы и самостоятельности, первые стали нападать на первоначальную программу нашего кружка въ томъ именно смыслѣ, что она была слишкомъ замкнута въ подготовительную работу среди однихъ городскихъ рабочихъ.

Въ этомъ отношеніи въ основномъ составѣ нашего кружка, несомнѣнно, существовала извѣстная задерживающая тенденція. Какъ всякая сильная организація, кружокъ былъ склоненъ крѣпко держаться за разъ начатую имъ систематическую работу и не проявлялъ никакого желанія разбрасываться въ стороны и увлекаться болѣе широкими революціонными планами. Такъ, я помню, что когда появились первыя извѣстія о самарскомъ голодѣ 1873—1874 гг. и когда у нѣкоторыхъ изъ насъ, какъ, напримѣръ, у Синегуба, стала возникать мысль о поѣздкѣ для агитаціи въ Самарскую губернію, то Чайковскій, въ разговорѣ со мной, отнесся къ этому плану крайне отрицательно.

Но что касается рабочихъ, то со стороны именно ихъ скоро стала проявляться тенденція бросать фабрики и ѣхать для пропаганды въ деревни. Первымъ заявилъ о такомъ своемъ желаніи Крыловъ. Со свойственной ему рѣшительностью онъ еще весною 1873 года года взялъ разсчетъ на фабрикѣ и сначала придумалъ ходить по окраинамъ Петербурга съ коробкой народныхъ книжекъ, въ качествѣ книгоноши, а затѣмъ, къ началу лѣта, совсѣмъ

уѣхалъ изъ Петербурга въ свою деревню, въ Тверскую губернію.

Я помню еще такой характерный случай: одинъ изъ лучшихъ рабочихъ изъ группы Васильевскаго Острова, Михаилъ Орловъ, также бросилъ заводъ и сталъ готовиться къ экзамену на сельскаго учителя. Съ этой цѣлью онъ поселился за Невской Заставой на одной квартирѣ съ Ельцинскимъ, который очень цѣнилъ его.

Все это не могло не имѣть вліянія на еще только-что вырабатывавшіеся програмные взгляды нашего кружка. Его первоначальная идея—охватить своей систематической пропагандой всю рабочую массу Петербурга—была построена чисто теоретическимъ путемъ. Въ ней была прочна и незыблема только основная мысль о необходимости перенести революціонное движеніе изъ студенческой среды въ рабочую, передать революціонное дѣло въ народныя руки; но вся дальнѣйшая разработка этой основной идеи, очевидно, подлежала вліянію самой жизни. И вотъ всепоглощающая русская деревня уже начинала тогда оказывать свое притягательное дѣйствіе. Помимо того доминирующаго значенія, какое всегда имѣлъ въ русской экономикѣ и въ русской соціалистической литературѣ земельный вопросъ, на которомъ было, какъ извѣстно, сосредоточено все вниманіе Чернышевскаго, первыя наши попытки соціалистической пропаганды первые практическіе шаги по пути къ сближенію съ рабочими массами приводили насъ къ тому же самому выводу: сами сознательные городскіе рабочіе не ощущали пока вокругъ себя революціонизирующаго вліянія фабричной обстановки и чувствовали тяготѣніе къ деревнѣ.

Подъ вліяніемъ такихъ именно впечатлѣній Кравчинскій, всегда болѣе или менѣе сохранявшій за собою личную иниціативу и не миривийся вполнѣ съ рамками одной кружковой работы, задумалъ уйти въ деревню. Въ этомъ рѣшеніи сказывалась также та тенденція полнаго слиянія съ народомъ и приведенія въ полное соотвѣтствіе своей личной жизни со своими идеями, которою было такъ сильно окрашено все движеніе начала 70-хъ годовъ. Положеніе „студента“, занимающагося съ рабочими, не вполнѣ удовлетворяло этой тенденціи. Я помню по этому поводу разговоръ Чарушина съ однимъ изъ его рабочихъ, во время котораго этотъ рабочій высказывалъ ему откровенно, что онъ, Чарушинъ, все-таки былъ на положеніи не рабочаго человѣка и не несъ никакой трудовой лямки. Здѣсь была задѣта очень

больная струна нашего внутренняго настроенія; наши теоретическіе соображенія и выводы тѣсно переплетались тогда съ извѣстными психологическими мотивами, а эти психологическіе мотивы сильно клонили въ сторону полнаго сліянія съ трудовыми массами. Этимъ объясняется та, если такъ можно выразиться, *лирическая* сторона хожденія въ народъ, которая, несомнѣнно, присутствовала во всемъ движеніи начала 70-хъ годовъ. Я совершенно увѣренъ, напримѣръ, что Кравчинскій, при всемъ его серьезномъ объективномъ отношеніи къ дѣлу, былъ просто лично радъ и доволенъ, когда впервые надѣлъ на себя посконную рубаху и крестьянскую поддевку. Я помню Сергѣя Кравчинскаго въ двухъ видахъ: сначала студентомъ, въ его заваленной книгами комнатѣ въ Лѣсномъ институтѣ; помню, съ какимъ интересомъ онъ показывалъ мнѣ тѣ рѣдкія сочиненія, которыя онъ старался достать, помню, какъ онъ говорилъ о своемъ страстномъ стремленіи овладѣть всѣми человѣческими знаніями (это было подъ сильнымъ впечатлѣніемъ книги Бокля),—а затѣмъ я помню его уже на вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги съ котомкой въ рукѣ и въ крестьянской одеждѣ на плечахъ. Это были два совсѣмъ разныхъ человѣка; второй Кравчинскій дѣйствительно отрекся отъ многаго, что было ему очень дорого и съ чѣмъ онъ сжился въ первую эпоху своего развитія; здѣсь были сожжены корабли цѣлаго традиціоннаго представленія о революціонной дѣятельности (въ видѣ вождя, стоящаго наверху, надъ массами, вродѣ шпильгагенскаго Лео Гутмана), здѣсь уже явно сказывалась господствующая тогда идея передачи всего революціоннаго дѣла въ руки самого народа, идея преклоненія передъ внутренней правдой трудовой народной жизни.

Отъѣздъ Кравчинскаго былъ пока единичнымъ явленіемъ и даже неожиданнымъ для кружка. Когда Чайковскій къ концу лѣта пріѣхалъ въ Петербургъ и узналъ объ этомъ отъѣздѣ, то онъ только развелъ руками. Въ общемъ, кружокъ до самаго своего разгрома не покидалъ своей главной руководящей линіи: пропаганды среди заводскихъ и фабричныхъ рабочихъ Петербурга. Въ этомъ отношеніи большое мѣсто въ жизни нашего кружка занимала дѣятельность Синегуба, одного изъ талантливѣйшихъ нашихъ пропагандистовъ, пропагандиста по натурѣ, пользовавшагося огромнымъ успѣхомъ среди фабричныхъ рабочихъ. Пріобрѣтеніе первыхъ знакомствъ среди нихъ, еще при самомъ началѣ, при самомъ переходѣ кружка къ непосредственной пропа-

гандѣ, происходило при большой его помощи. Онъ умѣлъ заводить знакомства съ рабочими, умѣлъ говорить съ ними увлекательно и задушевно. Онъ могъ живо и съ интересомъ спорить съ рабочими по цѣлымъ часамъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ; онъ входилъ въ личную психологію каждаго изъ нихъ и въ то же время располагалъ ихъ къ себѣ своею прямотою и искренностью. Рабочіе любили его и цѣнили, какъ учителя; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ поэтъ и написалъ для нихъ получившія потомъ большое распространеніе „Думы ткача“:

Ломитъ, терзаетъ головушку бѣдную
Грохотъ машинныхъ колесъ...

Я присутствовалъ иногда при бесѣдахъ съ рабочими Купреянова и Ельцинскаго. Каждый изъ нихъ по своему достигалъ желаемыхъ результатовъ. Купреяновъ заставлялъ слушателя размышлять. Такъ, однажды, желая объяснить одному изъ рабочихъ совершенную неизбѣжность чиновниковъ при самодержавномъ правительствѣ, онъ такъ наглядно и такъ логически-связно показалъ неотдѣлимость существованія самодержавія отъ чиновниковъ, что даже мнѣ самому этотъ вопросъ сталъ казаться какъ-то яснѣе; онъ именно умѣлъ развивать и доказывать самыя, повидимому, простыя мысли.

Ельцинскій вносилъ въ свою пропаганду много блеска и остроумія; онъ прекрасно разсказывалъ и находилъ удачныя сравненія. При очень большой начитанности онъ могъ извлекать изъ своей богатой памяти сколько угодно фактовъ, цифръ, стихотвореній, историческихъ анекдотовъ. Иногда онъ прибѣгалъ къ пропагандѣ отъ противнаго, если можно такъ выразиться. Такъ, при случайной встрѣчѣ съ оборваннымъ крестьяниномъ въ Олонецкой губерніи, куда онъ поѣхалъ, подъ видомъ ученаго геолога, освобождать изъ ссылки Тельса, сосланнаго по нечаевскому процессу, онъ сталъ, со свойственнымъ ему остроуміемъ, доказывать оборванному крестьянину, что такъ именно и слѣдуетъ, чтобы онъ, баринъ, носилъ хорошую одежду и золотые часы, а чтобы мужикъ ходилъ въ рубищѣ и работалъ, и т. д. въ томъ же родѣ.

Синегубъ, въ своей пропагандѣ, болѣе сближался съ рабочими, тѣснѣе входилъ въ ихъ умственную и душевную жизнь, болѣе отдавалъ себя имъ. Онъ проводилъ съ ними все свое время, и его квартира за Невской Заставой скоро

обратилась въ настоящій рабочій клубъ. Ежедневно по вечерамъ тамъ собиралось по 30 и по 40 рабочихъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ засиживались до поздней ночи.

Скоро у него образовалась група особо избранныхъ имъ рабочихъ, которыхъ онъ убѣдилъ составить свою особую артель и поселиться на отдѣльной квартирѣ. На эту квартиру онъ нерѣдко заходилъ самъ, и тамъ открыто велись революціонные разговоры, что и послужило въ началѣ ноября къ доносу и аресту его самого и всей его групы. Оказалось, что одинъ изъ добровольныхъ сыщиковъ-рабочихъ нанялъ комнату рядомъ съ этой квартирой и устроился такъ, что могъ подслушивать все, что въ ней происходило.

Для помощи себѣ Синегубъ выписалъ своего стараго товарища по гимназіи Стаховскаго и еще одного юношу, Борисевича, которымъ передалъ часть своихъ школьныхъ занятій съ рабочими. Наконецъ, въ концѣ лѣта 1873 года въ Петербургъ перебрался изъ Москвы Тихомировъ и поселился на квартирѣ самого Синегуба, совершенно очарованный той широкой пропагандой, которую встрѣтилъ здѣсь послѣ московскаго затишья.

Позднѣе, уже къ ноябрю мѣсяцу, за Невскую Заставу переѣхала Перовская для занятій съ рабочими. Она поселилась на одной квартирѣ съ Дмитріемъ Рогачевымъ, причемъ Синегубъ передалъ имъ групу рабочихъ, среди которыхъ находился, между прочимъ, извѣстный Петръ Алексѣевъ, прославившійся своею рѣчью по процессу пятидесяти.

Такимъ образомъ, къ осени 1873 года весь кружокъ чайковцевъ былъ снова въ Петербургѣ. Пріѣхалъ даже Кравчинскій изъ своей лѣтней экскурсіи. Онъ прожилъ это лѣто у одного мелкаго помѣщика Тверской губерніи, Ярцева, бывшаго артиллерійскаго офицера. Ярцевъ, по собственному побужденію, пожелалъ опроститься, велъ совершенно мужицкій образъ жизни и самъ работалъ на землѣ, вмѣстѣ со своими батраками. Кравчинскій поступилъ къ нему въ качествѣ чернорабочаго, желая практически приспособиться къ своему новому положенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ у него былъ планъ, которому не препятствовалъ со своей стороны и Ярцевъ,—устроить въ его имѣніи помѣщеніе для тайной типографіи, для чего Кравчинскій рылъ какое-то подземелье.

Въ концѣ августа я и Перовская переѣхали съ Саратовской улицы въ Казарменный переулокъ на Петербургской Сторонѣ, гдѣ сняли небольшой отдѣльный домикъ. Здѣсь и происходили теперь общія совѣщанія кружка. На этихъ со-

вѣщаніяхъ, вскорѣ послѣ того какъ всѣ собрались въ Петербургѣ, было рѣшено, во-первыхъ, образовать группу фабричныхъ рабочихъ изъ лучшихъ представителей всѣхъ районовъ. Это была бы попытка самостоятельной рабочей организаціи, въ руки которой и предполагалось передать веденіе пропаганды. Во вторыхъ, было рѣшено обнародовать программу кружка на выработку которой было употреблено нѣсколько совѣщаній.

Оба эти проекта остались неосуществленными, вслѣдствіе арестовъ, начавшихся съ ноября мѣсяца. О ходѣ этихъ арестовъ, приведшихъ къ полному разгрому кружка чайковцевъ, я передалъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Сергѣѣ Кравчинскомъ. Изъ числа разыскиваемыхъ, но еще не арестованныхъ членовъ кружка, Кравчинскій, Ельцинскій и я оказались весною 1874 г. въ Москвѣ, гдѣ и встрѣтились у О. Г. Алексѣевой съ сразу же очаровавшимъ насъ юношей Николаемъ Александровичемъ Морозовымъ.

Теперь, прежде чѣмъ перейти къ тѣмъ дополненіямъ, какія должны быть сдѣланы къ его разсказу объ этомъ заключительномъ періодѣ движенія начала 70-хъ годовъ, необходимо сказать еще нѣсколько словъ о программѣ кружка чайковцевъ, которая, хотя и не успѣла быть разосланной по всѣмъ провинціальнымъ группамъ, какъ это предполагалось, но была уже обсуждена на нашихъ совѣщаніяхъ и редактирована Кропоткинымъ. При обыскѣ у него была отобрана уже совсѣмъ готовая рукопись. Нѣсколько выдержекъ изъ этого наброска программы послужатъ документальнымъ, такъ сказать, свидѣтельствомъ относительно тѣхъ теоретическихъ итоговъ, съ которыми движеніе начала 70-хъ годовъ вступило тогда въ болѣе широкій, массовый періодъ своего существованія. Воспоминанія Н. Морозова относятся именно къ этому періоду движенія, когда сильно выдвинулась впередъ лишь одна изъ его общихъ идей— необходимость идти въ народъ: но мы уже видѣли, что эта общая идея имѣла свою исторію, что она явилась результатомъ цѣлаго подготовительнаго періода кружковой жизни.

Уже самое заглавіе рукописи, найденной у Кропоткина, очень характерно для опредѣленія главныхъ теоретическихъ

итоговъ этого подготовительнаго періода. Оно было таково: „Должны ли мы заняться разсмотрѣніемъ идеала будущаго строя [1])?

Вотъ, слѣдовательно, въ чемъ заключался тогда основной вопросъ, подлежавшій обсужденію. Вопросъ этотъ рѣшался отрицательно. Никакихъ своихъ плановъ идеальнаго общественнаго устройства мы не должны были предлагать народу; сама жизнь покажетъ, въ какія новыя формы выльется общественная организація послѣ соціальнаго переворота. Мы должны были лишь подготовить условія этого переворота, тѣ революціонные кадры среди городскихъ рабочихъ и крестьянства, отъ наличности которыхъ зависѣла возможность его осуществленія. „Для подготовленія соціальной революціи въ Россіи",—такъ излагаются въ обвинительномъ актѣ идеи программы,—„необходимо образовать революціонную организацію... Подготовительная дѣятельность революціонной организаціи должна быть направлена, главнымъ образомъ, на увеличеніе числа ея единомышленниковъ въ средѣ крестьянства и городскихъ рабочихъ, посредствомъ дѣятельной пропаганды своихъ воззрѣній и усиленія неудовольствія противъ правительства". При этомъ особенное вниманіе въ программѣ обращалось „на подготовку революціонныхъ дѣятелей изъ городскихъ рабочихъ, которые, возвращаясь на родину, могутъ распространять между крестьянами соціальныя идеи, усвоенныя отъ агитаторовъ". Въ отличіе отъ программы такъ называемыхъ бунтарей или „вспышкопускателей", здѣсь не совѣтуется „возбуждать подобныя явленія, дабы не отвлекать ими народа отъ стремленія къ достиженію главной цѣли—всеобщаго возстанія во имя коренного переворота". Но вмѣстѣ съ тѣмъ признается полезнымъ „не препятствовать развитію мѣстныхъ волненій и сопротивленія властямъ, если только они вызываются естественнымъ путемъ".

Наконецъ, очень характерно также слѣдующее заявленіе въ программѣ кружка чайковцевъ: выражая свое полное сочувствіе международной ассоціаціи рабочихъ въ лицѣ ея *секціи федералистовъ* и ихъ русскихъ представителей-эмигрантовъ, она „вмѣстѣ съ тѣмъ отказывается отъ *полной солидарности* со всѣми партіями эмигрантовъ, признавая.

[1]) Это заглавіе вмѣстѣ съ изложеніемъ главныхъ мыслей программы находится въ обвинительномъ актѣ по дѣлу 193-хъ.

что русская народная революціонная партія должна самобытно развиться среди русскаго народа" [1]).

Здѣсь очень важно обратить вниманіе на это стремленіе подчеркнуть *самостоятельность* движенія 70-хъ годовъ. Очень часто въ объясненіяхъ его происхожденія придается преувеличенное значеніе вліянію заграничной и преимущественно бакунинской пропаганды. Не отрицая, конечно, этого вліянія, необходимо признать, что оно имѣло передъ собою уже подготовленную почву. Извѣстно, что идеи Бакунина были изложены, главнымъ образомъ, въ двухъ книжкахъ, изданныхъ его заграничнымъ кружкомъ: „Государственность и анархія" и „Историческое развитіе Интернаціонала"; но эти книжки появились въ Россіи лишь въ началѣ 1874 года; между тѣмъ, мы видѣли, что идейное движеніе, создавшее отдѣльныя революціонныя группы въ главныхъ университетскихъ центрахъ Россіи и вызывавшее въ этихъ группахъ неустранимое тяготѣніе къ рабочимъ массамъ, началось гораздо раньше. Бакунинская пропаганда лишь *совпала* съ тѣмъ главнымъ выводомъ, къ которому пришла внутренняя подготовительная работа и уже имѣвшаяся революціонная практика даннаго поколѣнія, а потому она какъ бы замѣнила собою, въ глазахъ нѣкоторыхъ историковъ движенія, все то ничѣмъ незамѣнимое и гораздо болѣе продолжительное воспитательное вліяніе, какое имѣла на данное поколѣніе соціалистическая литература 60-хъ годовъ и пореформенное положеніе русскаго крестьянства.

Члены кружка чайковцевъ, пережившіе лично, на самихъ себѣ, всю эту подготовительную стадію, не могли, конечно, считать себя продуктомъ лишь заграничной, эмигрантской пропаганды, тѣмъ болѣе, что не были вполнѣ солидарны и съ нѣкоторыми ея теоретическими положеніями (особенно касавшимися отдѣльныхъ мѣстныхъ бунтовъ), а потому желали указать въ своемъ наброскѣ программы на самостоятельность развитія русской народной революціонной партіи.

[1] Мы должны опять оговориться, что эти програмныя выдержки берутся нами изъ обвинительнаго акта; но намъ кажется, нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ ихъ точности. Прокуроръ, очевидно, не былъ заинтересованъ въ этомъ случаѣ въ искаженіи излагаемаго текста и, не имѣя никакихъ собственныхъ идей по данному предмету, могъ только дословно слѣдовать тексту. Наконецъ, хотя я не помню, конечно, подлинныхъ выраженій обсуждавшейся нами програмы, но хорошо помню общій ея смыслъ, который вполнѣ совпадаетъ въ моей памяти съ содержаніемъ приводимыхъ отрывковъ.

Теперь мнѣ уже легко будетъ сдѣлать тѣ немногія поправки и дополненія къ разсказу Морозова, сознаніе необходимости которыхъ и было ближайшимъ поводомъ къ появленію на свѣтъ Божій этихъ личныхъ воспоминаній.

„Кто были эти люди, а съ ними и всѣ участвовавшіе въ движеніи семьдесятъ четвертаго года: соціалисты, анархисты, коммунисты, народники или что-либо другое?“—такъ часто спрашивали Морозова въ послѣдующее время; и онъ всегда останавливался въ недоумѣніи, не зная, что отвѣчать.

Но такъ какъ онъ въ высшей степени точенъ и вѣренъ дѣйствительности въ своихъ воспоминаніяхъ, то, вмѣсто отвѣта на эти вопросы, онъ приводитъ подлинныя слова и выраженія тѣхъ представителей движенія семьдесятъ четвертаго года, съ которыми встрѣтился въ Москвѣ.

„Всѣ считали для себя обязательнымъ, какъ бы дѣломъ простаго приличія—говоритъ онъ—выразить сочувствіе къ соціалистическимъ идеаламъ и къ соціалистической литературѣ, но каждый разъ, какъ заходила рѣчь о деталяхъ будущаго общественнаго строя, всякое затрудненіе устранялось однимъ и тѣмъ же стереотипнымъ отвѣтомъ:

„Мы ничего не хотимъ навязывать народу... Мы вѣримъ, что, какъ только онъ получитъ возможность распоряжаться своими судьбами, онъ устроитъ все такъ хорошо, какъ мы даже и вообразить себѣ не можемъ. Все, что мы должны сдѣлать,—это—освободить его руки, и тогда наше дѣло будетъ закончено, и мы должны будемъ совершенно устраниться“.

Эти слова чрезвычайно вѣрно передаютъ тѣ заключительные выводы, на которыхъ остановились тогда представители движенія начала семидесятыхъ годовъ. Память и въ этомъ случаѣ не измѣнила Морозову, и всякій, пережившій самъ то время, какъ бы слышитъ здѣсь повтореніе своихъ собственныхъ словъ. Но тѣ выводы и размышленія, на которые они наводятъ Морозова, нуждаются въ поправкахъ.

„Уже одна эта неопредѣленность воззрѣній,—пишетъ онъ,—показывала мнѣ еще тогда, что корни движенія находятся вовсе не въ соціалистическихъ идеяхъ, которыя дебатировались по временамъ среди многихъ новыхъ знакомыхъ. Чувствовалась какая-то другая скрытая пружина, которой они и сами не подозрѣвали“. И затѣмъ онъ высказываетъ нѣсколько своихъ мыслей относительно этой скрытой пружины.

Здѣсь не совсѣмъ понятно, почему неопредѣленность приводимыхъ выраженій, въ которыхъ такъ ясно, однако, просвѣчиваетъ идея передачи всего будущаго общественнаго устройства въ руки самого освобожденнаго трудового народа, эта идея, такъ всецѣло охватившая тогда людей, вплоть до того, что вызвала въ нихъ рѣшеніе отречься отъ всѣхъ своихъ самыхъ завѣтныхъ личныхъ стремленій и привычекъ,—противорѣчила бы въ какомъ-нибудь отношеніи соціалистическимъ идеаламъ и соціалистической литературѣ? Развѣ основною мыслью всей соціалистической литературы того времени (да и теперешняго) не является именно эта увѣренность въ непогрѣшимости классовыхъ тенденцій и даже классовыхъ инстинктовъ рабочаго человѣка? Развѣ „идея рабочаго класса", вытекающая непосредственно изъ его собственнаго положенія, не отодвинула тогда, на самомъ дѣлѣ, на задній планъ всѣ другія идеи и теоріи народнаго блага, вырабатывавшіяся въ интеллектуальныхъ и буржуазныхъ сферахъ: якобинскія, анархическія, сенъ-симонистскія, фурьеристскія и т. д.? Именно въ силу своей глубокой убѣжденности въ истинѣ великой идеи рабочаго класса соціалисты того времени и отказывались причислять себя къ какой-нибудь опредѣленной категоріи или школѣ, навязывавшей рабочему классу свою собственную систему общественнаго устройства. Они только съ особенною рѣзкостью противопоставляли себя либераламъ, какъ представителямъ буржуазнаго класса, а въ Россіи, кромѣ того, еще и сторонникамъ реформаторской, монархической политики, вслѣдствіе чего часто называли себя просто *радикалами*, какъ упоминаетъ объ этомъ и Морозовъ.

Положимъ даже, что теоретически они заблуждались, такъ всецѣло и исключительно довѣряясь въ вопросѣ о будущемъ соціальномъ устройствѣ классовому инстинкту рабочаго народа: но развѣ не слѣдуетъ видѣть подкладку этого заблужденія именно въ преданности соціализму, именно въ идеализаціи трудового начала, въ отреченіи отъ всѣхъ буржуазныхъ политическихъ системъ и даже въ боязни ихъ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ историческихъ событій?

Такимъ образомъ, мы рѣшительно не видимъ, чтобы приводимыя Морозовымъ подлинныя выраженія представителей движенія семьдесятъ четвертаго года, въ родѣ: „мы ничего не хотимъ навязывать народу", „мы вѣримъ, что онъ самъ сумѣетъ устроить свою судьбу, разъ только будетъ

свободенъ" и т. д., —въ чемъ-нибудь противорѣчили чисто соціалистической подкладкѣ всего движенія начала семидесятыхъ годовъ. Напротивъ того, эти выраженія какъ разъ совпадаютъ съ тѣми, напримѣръ, основными програмными положеніями соціалистическаго кружка чайковцевъ, о которыхъ упоминается въ обвинительномъ актѣ. Я не знаю, въ какой степени мнѣ удалось въ этихъ блѣдныхъ автобіографическихъ замѣткахъ передать общее настроеніе, общій идейный характеръ этого соціалистическаго кружка, но, во всякомъ случаѣ, какъ его идейное происхожденіе, связанное непосредственно съ могучимъ вліяніемъ уже несомнѣнно соціалистической литературы Чернышевскаго и Добролюбова, такъ и всѣ его поступки и помыслы могутъ свидѣтельствовать ни о чемъ иномъ, какъ о его беззавѣтной преданности соціалистическимъ идеаламъ. Зачѣмъ же мы будемъ искать другой скрытой пружины общественной дѣятельности этого, напримѣръ, кружка, когда тѣ ея обоснованія, которыя высказаны имъ въ его програмныхъ заявленіяхъ, въ распространявшихся имъ брошюрахъ, въ рѣчахъ его членовъ на судѣ и т. д., могутъ служить сами по себѣ достаточнымъ матеріаломъ для выясненія ея мотивовъ? Да и развѣ у насъ, вообще, не осталось отъ той эпохи достаточныхъ для этого объективныхъ данныхъ?

Что касается до того скрытаго мотива движенія начала семидесятыхъ годовъ, о которомъ упоминаетъ затѣмъ Морозовъ и который сводится ко взгляду на революціонное движеніе начала 70-хъ годовъ, какъ на „классовое студенческое движеніе", какъ на „борьбу русской учащейся, полной жизненныхъ силъ интеллигенціи со стѣсняющимъ ее правительственнымъ и административнымъ произволомъ", то это одна изъ наименѣе удачныхъ мыслей всего его разсказа. Я уже упоминалъ, что въ моментъ моего поступленія въ Технологическій институтъ, послѣ выхода въ отставку, тамъ шло чисто-студенческое движеніе: собирались сходки, выбирались депутаты и т. д. Вырвавшись только-что изъ полузакрытой военной школы, я до извѣстной степени еще поддавался тогда обаянію этого массоваго студенческаго волненія и помню, что при первой моей встрѣчѣ съ Купреяновымъ спросилъ его, почему онъ не принимаетъ въ немъ никакого участія:

— „По глубокому равнодушію къ студенческимъ дѣламъ", —отвѣтилъ мнѣ Купреяновъ, и эти слова, сказанныя въ то время, когда студенческія волненія еще такъ недавно

воплощали въ себѣ все революціонное движеніе, врѣзались въ мою память. Въ устахъ члена кружка чайковцевъ, уже перешедшаго тогда фактически къ пропагандѣ въ рабочей средѣ, эти слова не были пустой фразой. Въ сущности, все историческое значеніе революціоннаго движенія начала 70-хъ годовъ въ томъ именно и заключалось, что, не довольствуясь прежней агитаціей среди студенчества, оно стало пробивать себѣ дорогу въ народныя массы.

Михаилъ Рафаиловичъ Гоцъ [1]).

(Памяти дорогого друга).

Я не буду говорить о молодомъ Михаилѣ Рафаиловичѣ Гоцѣ, какимъ онъ былъ въ періодъ ранней юности. Объ этой порѣ его жизни намъ разскажутъ другіе его товарищи. Я познакомился съ Гоцемъ въ то время, когда онъ пріѣхалъ за границу, послѣ своей долголѣтней ссылки, уже простреленный солдатской пулей въ Якутскѣ и похоронившій свою молодость въ Акатуйскомъ острогѣ.

Первый разъ я встрѣтилъ Гоца въ Парижѣ, на засѣданіи той небольшой комиссіи, которой были поручены подготовительныя работы, связанныя съ постановкой памятника на могилу Лаврова. Я увидѣлъ вошедшаго среди уже начавшагося засѣданія незамѣтнаго по виду человѣка, небольшого роста, съ очень простыми манерами. Многія выдающіяся и даже блестящія стороны Гоца никогда не бросались сразу въ глаза. Это былъ очень скромный человѣкъ и одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которые совершенно не заняты сами собою. Мы встрѣтились съ нимъ, какъ старые товарищи.

Вскорѣ послѣ того онъ привлекъ мое вниманіе на рефератѣ о Михайловскомъ, читавшемся въ Парижѣ однимъ соціалъ-демократомъ. Гоцъ вошелъ въ залу въ серединѣ реферата, но попросилъ слова сейчасъ же послѣ его окончанія и сталъ говорить, видимо, безъ всякой подготовки. Его рѣчь была очень проста и лишена политическихъ рѣзкостей, но онъ указалъ референту на упущенныя имъ стороны въ соціологическихъ построеніяхъ Михайловскаго, причемъ ссылался на тексты и цитировалъ на память нѣкоторыя резолюціи нѣмецкой соціалистической партіи. Слушатели не могли не обратить серьезнаго вниманія на эту простую рѣчь представителя не-соціалъ-демократической мысли.

---

[1]) «Былое» 1906 г., № 11.

Тогда, какъ въ Россіи, такъ и среди эмиграціи, только что еще начинало возстановляться идейное теченіе, прерванное реакціей послѣ-народовольческаго періода, и Гоцъ былъ однимъ изъ первыхъ теоретиковъ, которые открыто взяли въ свои руки наслѣдственное знамя семидесятыхъ годовъ. Тѣ, кто еще не забылъ этой, столь близкой къ намъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уже столь далеко ушедшей отъ насъ эпохи начала девятисотыхъ годовъ, должны знать, что для такого выступленія требовалось въ то время нѣкоторое идейное мужество, въ которомъ, впрочемъ, у Гоца никогда не было недостатка.

Немедленно же послѣ своего пріѣзда за границу Гоцъ принялъ самое дѣятельное участіе въ литературной и матеріальной постановкѣ новаго теоретическаго органа „Вѣстника Русской Революціи“. Въ области теоретической мысли, всегда игравшей огромную роль въ русскомъ революціонномъ движеніи, всякому новому теченію приходилось пробивать себѣ дорогу среди почти неприступныхъ твердынь соціалъ-демократической ортодоксіи. Необходимо было носить въ своемъ сознаніи вполнѣ законченную, стройную систему міросозерцанія, чтобы противопоставить ее твердо-установившимся идейнымъ навыкамъ огромнаго большинства въ составѣ русскаго общественнаго движенія. Мы всѣ хорошо помнимъ еще, съ какою увѣренностью въ своемъ теоретическомъ превосходствѣ относились тогда признанные властители думъ къ новымъ и странно звучащимъ словамъ людей, „которыхъ всѣхъ можно было усадить на одномъ диванѣ“. Но надо было также видѣть, съ какимъ спокойнымъ юморомъ и веселымъ блескомъ въ своихъ умныхъ глазахъ относился Михаилъ Рафаиловичъ Гоцъ къ этому традиціонному идейному высокомѣрію. Рѣдкая устойчивость мысли и неисчерпаемый запасъ умственной энергіи составляли одинъ изъ его отличительныхъ признаковъ. Я не запомню, чтобы Гоцъ, хотя бы на одну минуту, былъ удрученъ зрѣлищемъ великой и, какъ казалось иногда, непобѣдимой армады теоретическихъ противниковъ. Его никогда не покидала въ этой, сначала очень неравной, борьбѣ веселая улыбка и часто очень остроумная шутка. Быстро начавшее тогда возстановляться и организовываться соціально-революціонное направленіе въ русскомъ общественномъ движеніи нашло въ немъ одного изъ своихъ наиболѣе стойкихъ и надежныхъ членовъ-основателей.

Скоро его квартира, въ Парижѣ, сдѣлалась сборнымъ пунктомъ, куда заходили не только друзья и единомышлен-

ники, но также и люди другого соціалистическаго лагеря, заинтересованные его появленіемъ среди эмиграціи. Вѣчно занятый, вѣчно торопившійся, вѣчно озабоченный предпріятіями въ Россіи, съ которою онъ велъ постоянныя сношенія, Гоцъ никогда не хлопоталъ о привлеченіи къ себѣ людей, никогда не старался сдѣлать свой домъ центромъ движенія; это дѣлалось само собою, въ силу присущихъ ему свойствъ, въ силу его огромныхъ и разностороннихъ способностей. Это былъ одинъ изъ тѣхъ революціонныхъ дѣятелей, по отношенію къ которымъ движеніе какъ-бы всецѣло сливается съ ихъ собственнымъ существованіемъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ своего пріѣзда за границу, Гоцъ уже не имѣлъ своей личной жизни; она исчезла совершенно, она была вытѣснена безъ остатка партійными дѣлами и партійными интересами. У него, въ буквальномъ смыслѣ слова, не было ни одной свободной минуты, въ теченіе которой онъ могъ бы подумать о самомъ себѣ, даже о своихъ теоретическихъ работахъ. Только во время пріѣзда его родныхъ, съ которыми его связывали очень тѣсныя отношенія, онъ запиралъ квартиру и исчезалъ съ нашего горизонта. Это было неотвратимо: въ этомъ случаѣ онъ уже не принадлежалъ самому себѣ.

Мы всѣ, окружавшіе Гоца, привыкали смотрѣть на него не какъ на извѣстную индивидуальную единицу, со своими особыми чертами и привычками, а какъ на воплощеніе нѣкоторыхъ общихъ индивидуальныхъ свойствъ, связанныхъ съ данной общественной программой и данной общественной дѣятельностью. Въ немъ не замѣчалось, въ сферѣ партійной жизни, никакихъ личныхъ стремленій, никакихъ слабостей, прежде всего ужъ потому, что въ немъ, вообще, не замѣчалось никакихъ проявленій собственной личной жизни. Это былъ на рѣдкость умный, широко образованный, живой, отзывчивый, страстный, неумолимо-требовательный въ вопросахъ достоинства и чести—сторонникъ даннаго общественнаго направленія, и ничего больше. Все остальное исчезало въ немъ безслѣдно. Гдѣ бы вы ни встрѣтили его и сколько бы времени ни провели съ нимъ, вы никогда не могли замѣтить въ немъ ничего, кромѣ одной этой общественной стороны его жизни. Онъ шелъ въ типографію, читалъ корректуры, писалъ или шифровалъ письма, принималъ безконечное число посѣтителей, торопился на какое-нибудь собраніе и т. д.—словомъ, все его существованіе было безраздѣльно поглощено тѣми или другими его пар-

тійными функціями. Но наиболѣе характерною особенностью въ этомъ образѣ жизни, свойственномъ болѣе или менѣе всѣмъ серьезнымъ общественнымъ дѣятелямъ, была та удивительная черта Гоца, въ силу которой онъ какъ бы совсѣмъ *не замѣчалъ* этого полнаго отсутствія личныхъ элементовъ въ своей жизни и, внутренно, нимало не протестовалъ противъ этого. Такого рода существованіе соотвѣтствовало его второй натурѣ; оно лежало въ основѣ всего его жизненнаго строя. Съ самой своей ранней молодости онъ пріучилъ себя жить исключительно интересами высшаго порядка, интересами общественныхъ идеаловъ, безмѣрными страданіями настоящаго и безмѣрными радостями будущаго общественнаго строя.

Эта незамѣтная, быть можетъ, съ перваго взгляда, но очень важная особенность *внѣ-личнаго* существованія, когда она проявляется въ такихъ исключительныхъ размѣрахъ, въ какихъ она проявлялась у Михаила Гоца, свойственна лишь рѣдкимъ, избраннымъ натурамъ, „дѣлателямъ новой жизни", и она именно составляла основную черту духовнаго облика Михаила Гоца. Ею опредѣлялся весь его жизненный путь, и она именно связывала его духовно съ лучшими русскими людьми, со всѣми лучшими представителями русскаго общественнаго движенія, — съ тѣми, иногда безвѣстными, а иногда прославившимся, великими подвижниками русской земли, которыми красится многотрудная русская общественная жизнь. Одни изъ этихъ людей умирали въ Россіи, другіе умирали за границей, но для всѣхъ для нихъ, при данныхъ условіяхъ жизни русскаго народа, не было проложено ни даже самой узенькой тропинки къ личному счастью; для всѣхъ для нихъ преждевременная могила составляла одну и туже неминуемую ближайшую пристань. Они были связаны съ многострадальной жизнью русскаго народа не идейной только, но органическою, кровною связью.

То обстоятельство, что Михаилъ Гоцъ умеръ на далекой чужбинѣ, а не на своей родинѣ, —въ Берлинскомъ хирургическомъ госпиталѣ, а не на Якутской виселицѣ, или не на дворѣ старой Шлиссельбургской тюрьмы,—составляло лишь совершенно непредвидѣнную случайность; причемъ, по несчастью, эта случайность не только не облегчила для него, но лишь во много разъ увеличила безмѣрную тяжесть его жизни.

И при всемъ томъ, это была въ высшей степени жизнерадостная натура, полная энергіи и разнообразныхъ силъ. Въ немъ были большіе задатки многосторонняго и счастли-

ваго личнаго существованія; въ немъ были большія способности къ воспріятію художественныхъ красотъ жизни; въ немъ были богатыя умственныя способности, тянувшія его въ теоретическія сферы, къ спокойнымъ радостямъ идейнаго творчества. Но все это было отброшено имъ въ сторону; все это было подавлено въ немъ громадною волною общественныхъ бѣдствій въ Россіи, и онъ, безъ малѣйшихъ колебаній, отрекся даже отъ самыхъ чистыхъ, отъ самыхъ возвышенныхъ источниковъ личнаго существованія.

Особенно велика была для него та жертва, въ силу которой онъ долженъ былъ махнуть рукою на запросы своего большого теоретическаго ума. Онъ обладалъ выдающимися умственными силами: огромною памятью, способностью критическаго анализа и несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ. Въ тѣхъ его бѣглыхъ журнальныхъ замѣткахъ, для которыхъ онъ, съ большимъ трудомъ, находилъ иногда время, можно видѣть признаки такой широкой начитанности и такого литературнаго блеска и одушевленія, которые свойственны лишь крупнымъ писателямъ. Въ періодъ своей вынужденной бездѣятельности, скитаясь по сибирскимъ тюрьмамъ, а затѣмъ, живя въ ссылкѣ въ Западной Сибири, онъ имѣлъ времени много читать и завелъ у себя большую библіотеку; онъ уже сблизился на практикѣ съ теоретическими занятіями, онъ уже конкретно заинтересовался изслѣдованіемъ теоретическихъ вопросовъ и имѣлъ въ своихъ рукахъ всѣ данныя для выдающейся литературной дѣятельности. Даже въ періодъ интенсивной партійной жизни онъ не разставался со своей библіотекой, выписывалъ вновь выходящія книги и все еще питалъ надежду когда-нибудь вернуться къ прерваннымъ теоретическимъ и литературнымъ работамъ; —хотя, иногда, сознавая всю призрачность этихъ надеждъ, онъ съ нѣкоторой болью въ душѣ говорилъ, что ужъ не можетъ слѣдить больше за наукой и превращается въ чистаго практика.

Эта очень тяжелая духовная жертва для такой богатоодаренной натуры, это закланіе своего внутренняго *я*—составляли, быть можетъ, самое осязательное проявленіе его беззавѣтнаго самоотреченія; онъ зарывалъ въ землю свои лучшіе таланты. Кто знакомъ съ практической стороной революціоннаго движенія, съ повседневными требованіями конспиративной работы, тотъ знаетъ, сколько мелкихъ предосторожностей и какую огромную затрату времени они налагаютъ даже на своихъ главныхъ руководителей. Помимо

тѣхъ драматическихъ моментовъ, которые бываютъ связаны съ ходомъ крупныхъ революціонныхъ предпріятій, цѣлыя недѣли и цѣлые мѣсяцы въ заграничной жизни Гоца уходили на безпрерывную, утомительную и часто раздражающую суету все болѣе и болѣе расширявшагося текущаго дѣла. Онъ рѣдко могъ дочитывать въ одинъ пріемъ газетныя статьи, не говоря уже о журналахъ и книгахъ; у него на квартирѣ, не умолкая, звенѣлъ звонокъ, и его нервы доходили подчасъ до крайняго напряженія. Но онъ отдалъ всего себя въ распоряженіе данныхъ, неизбѣжныхъ условій и безропотно несъ свою общественную службу,—лишь изрѣдка поглядывая съ грустной улыбкой на заставленныя книгами полки своей библіотеки. „У насъ есть кому писать и безъ меня"—говаривалъ онъ въ такихъ случаяхъ: „пусть пишетъ В.[1]), а я буду оберегать его отъ черной работы".

Къ сожалѣнію, Гоцъ былъ незамѣнимый для партіи человѣкъ именно въ области чисто-практическихъ функцій. Съ большими теоретическими силами онъ соединялъ въ себѣ рѣдкія дѣловыя способности: большую ясность ума и быстроту соображенія, которыя позволяли ему немедленно же и не колеблясь принимать необходимыя рѣшенія. Его точная, никогда не измѣнявшая ему память и постоянное вниманіе къ подробностямъ, полное отсутствіе разсѣянности и какая-то неисчерпаемая умственная энергія дѣлали его способнымъ слѣдить за всѣми сторонами дѣла, держать въ своихъ рукахъ множество отдѣльныхъ отраслей, переходить въ теченіе цѣлаго дня отъ одного предмета къ другому и никогда не терять головы, никогда даже не терять терпѣнія и своего обычнаго веселаго огонька въ глазахъ.

Имѣя во главѣ того или другого предпріятія Михаила Гоца, можно было не бояться ни крупныхъ промаховъ, ни мелкихъ упущеній. Десятки лицъ обращались къ нему ежедневно за совѣтами и указаніями и всегда находили опредѣленный отвѣтъ. Это былъ идеальный практикъ. Прекрасно понимая практическую сторону дѣла, онъ никогда не спускался съ высоты принципіальныхъ требованій; тщательно охраняя матеріальные интересы партіи, онъ никогда не руководился денежными разсчетами; очень горячій по темпераменту, вспыхивавшій, какъ порохъ, при всякомъ волнующемъ событіи, онъ никогда не терялъ здраваго взгляда

---

[1]) Викторъ Михайловичъ Черновъ. Ред.

на вещи. Его роль представителя центральнаго комитета партіи за границей какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала всѣмъ этимъ выдающимся его способностямъ.

Но заграничная дѣятельность не могла удовлетворить его. Когда въ 1903 году движеніе въ Россіи стало все болѣе и болѣе расширяться, онъ сталъ готовиться къ отъѣзду туда. Онъ не разъ говорилъ мнѣ, вполнѣ опредѣленно, объ этихъ своихъ намѣреніяхъ, и—не задержи его тяжелая, смертельная болѣзнь—ничто въ мірѣ, никакія соображенія о партійныхъ интересахъ не могли бы заставить его отказаться отъ рѣшенія принять непосредственное участіе въ еще болѣе важныхъ партійныхъ дѣлахъ, въ самомъ центрѣ движенія. Но судьба рѣшила иначе; вмѣсто полнаго простора революціонной дѣятельности, вмѣсто полнаго примѣненія его рѣдкихъ активныхъ способностей и его огромной духовной энергіи, она готовила ему, по истинѣ, страдальческій конецъ.

Его болѣзнь развивалась довольно медленно, и первое время обнаруживалась лишь мучительными болями, которыя принимались за ревматическія; только теперь, зная происхожденіе этихъ болей, обусловленныхъ давленіемъ опухоли на центры спинного мозга, можно себѣ представить, до какой степени онѣ были мучительны. Скоро Гоцъ могъ засыпать только съ помощью морфія, но все еще крѣпился и ни въ чемъ не измѣнялъ своей обычной жизни. Такъ какъ онъ не любилъ говорить о своей болѣзни, такъ какъ онъ могъ попрежнему заниматься дѣлами, могъ даже попрежнему шутить и смѣяться, блистая часто своимъ милымъ, незлобивымъ остроуміемъ, то постороннему человѣку трудно было догадаться о его болѣзни. Предполагалось, что онъ сильно простудился въ сырой неаполитанской тюрьмѣ, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ все шло какъ будто по старому. Но вотъ пришло время, когда его непрекращавшіяся мучительныя боли, особенно усилившіяся при дурной погодѣ, сдѣлали для него пребываніе въ Женевѣ совершенно невозможнымъ, и онъ долженъ былъ уѣхать въ болѣе южный климатъ. Затѣмъ настало время, когда появились явные признаки прогрессирующаго паралича: сначала отнялись ноги, потомъ была парализована вся нижняя часть тѣла, потомъ даже руки—и Гоцъ оказался навсегда прикованнымъ къ постели.

Тогда наступилъ послѣдній, страдальческій, и вмѣстѣ съ тѣмъ героическій періодъ его жизни, длившійся болѣе двухъ лѣтъ; наступилъ періодъ борьбы его духа съ ужасною

смертельною болѣзнью. Эта болѣзнь не оставляла его въ покоѣ ни на одинъ день, причемъ, непрерывно мучая его, она въ то же время медленно, но неуклонно отнимала у него, одну за другой, отдѣльныя части его физическаго существованія; а вмѣстѣ съ ними отнимались также, все въ большей и большей степени, источники всей его индивидуальной жизни: терялась даже самая возможность для него сознавать себя живымъ существомъ и сохранять какія-либо надежды на дальнѣйшія личныя перспективы. Все, что касалось личной жизни, умерло тогда для него не только идейно, въ силу его собственнаго рѣшенія, но уже и реально, физически, въ силу безвозвратнаго разрушенія. Будь у него хоть въ сколько-нибудь значительной степени развита личная сторона жизни, занимай она хоть сколько-нибудь значительное мѣсто во всемъ его предшествующемъ двадцатилѣтнемъ существованіи—такая безнадежная утрата всѣхъ ея органическихъ источниковъ и мотивовъ, несомнѣнно, должна была бы проявиться полнымъ упадкомъ духовной энергіи, полной потерей интереса къ окружающему. Разъ разрушено самое физическое существованіе человѣка, то, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ разрушены и всѣ связанные съ этимъ существованіемъ личные интересы—даже самыхъ возвышенныхъ категорій.

Вотъ почему, люди, съ обычной долею въ ихъ психикѣ чисто личныхъ жизненныхъ стимуловъ, такъ рѣзко мѣняютъ свою духовную физіономію при всякой серьезной, а тѣмъ болѣе смертельной болѣзни; вотъ почему эти люди дѣлаются неузнаваемы для своихъ окружающихъ.

Но у Гоца не было этихъ личныхъ стимуловъ жизни; они были давно уже, въ теченіе всего его двадцатилѣтняго революціоннаго служенія, отодвинуты далеко назадъ, въ самый укромный уголокъ его очень дѣятельнаго существованія. Мы всегда имѣли предъ собою чрезвычайно живого, возбужденнаго, даже страстнаго человѣка; вся его повседневная жизнь была проявленіемъ никогда не изсякавшаго запаса внутренней энергіи; по своей подвижности и неутомимости онъ выдавался даже среди своихъ очень дѣятельныхъ и энергичныхъ сотоварищей; но весь этотъ неизсякаемый запасъ энергіи и жизненнаго интереса, вся эта кипучая дѣятельность существовали въ немъ какъ бы помимо его собственной личности, вполнѣ независимо отъ всякихъ личныхъ ея мотивовъ; они существовали въ немъ въ силу другихъ, болѣе общихъ, внѣ-личныхъ стремленій, давно побо-

ровшихъ въ немъ основныя личныя побужденія, давно поставившихъ его на высоту общечеловѣческаго внѣличнаго существованія.

И вотъ, когда болѣзнь убила въ немъ физическаго человѣка, эта другая сторона его жизни, не бросавшаяся сразу въ глаза, не всегда даже замѣтная при нормальныхъ условіяхъ, выступила ярко наружу. Въ этомъ полу-умирающихъ, на три четверти физически уничтоженномъ, укороченномъ, изсохшемъ, измученномъ тѣлѣ, мы имѣли предъ собою того же самаго Михаила Гоца, того же самаго борца и дѣятеля; не измѣнившагося ни въ одномъ изъ своихъ основныхъ свойствъ, не потерявшаго ни единой черты своего прежняго духовнаго облика. Это былъ все тотъ же умный, проницательный, горячій, иногда насмѣшливый и негодующій, иногда веселый и шутливый, представитель русскаго общественнаго движенія.

Въ этомъ отношеніи болѣзнь ничего не измѣнила въ его существованіи. Около его постели или кресла происходили партійныя совѣщанія и обсуждались самыя серьезныя предпріятія; къ нему, попрежнему, ѣхали изъ Россіи делегаты центральнаго комитета и представители отвѣтственныхъ организацій; когда онъ возвращался въ Женеву, онъ попрежнему руководилъ изданіемъ партійнаго органа;—словомъ, въ тѣ немногіе часы жизни, которые онъ еще могъ отвоевывать у своей болѣзни, онъ оставался прежнимъ Гоцомъ, прежнимъ неизмѣннымъ товарищемъ по дѣлу. Когда онъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, укрытый плэдомъ, когда вы видѣли его характерную голову съ высокимъ лбомъ и горящими глазами, когда вы слышали его громкій голосъ и слушали его рѣчь, далекую отъ личныхъ тревогъ и печалей, вы легко могли забыть о его болѣзни. Трехлѣтнія мучительныя страданія и все болѣе и болѣе выяснявшаяся перспектива близкой смерти не могли сломить въ немъ его прежняго духа. Ужасная болѣзнь безжалостно уничтожала на вашихъ глазахъ дорогое и любимое живое существо, но она не могла еще отнять дѣятельнаго члена у партіи. Это была удивительная картина торжества духовной энергіи и беззавѣтно-преданнаго сердца надъ разрушительными силами смерти.

Но болѣзнь все болѣе и болѣе развивалась, слабыя надежды на возможность выздоровленія все болѣе и болѣе исчезали, и неминуемый конецъ приближался. Въ началѣ лѣта 1906 года Гоцъ въ послѣдній разъ пріѣхалъ въ уже опустѣвшую тогда Женеву, откуда вся прежняя партійная

жизнь была перенесена въ Россію. Около его постели собирались теперь лишь рѣдкіе наѣзжавшіе гости, а немногимъ остававшимся за границей друзьямъ было еще тяжелѣе смотрѣть на послѣднія потухавшія искры дорогого существованія.

Я часто видѣлся съ Гоцемъ во время его болѣзни, но я никогда не замѣчалъ на его лицѣ выраженія скорби или отчаянія. Обыкновенно онъ встрѣчалъ приходившихъ веселой улыбкой; затѣмъ шли разговоры о чемъ угодно, но только не о немъ самомъ и ни о его положеніи: „Эхъ, оставимъ это: надоѣло!“—такъ чаще всего обрывалъ онъ краткія сообщенія о ходѣ своей болѣзни. Но даже помимо его собственныхъ словъ и жестовъ, въ самомъ выраженіи его лица, въ его голосѣ, въ его глазахъ вы никогда не могли бы подмѣтить признаковъ подтачивающаго его внутренняго упадка духа. Тотъ же живой тонъ, та же вспыхивающая страстность, то же веселое, незлобивое остроуміе. Но вотъ, въ эти послѣднія недѣли его жизни, въ этотъ послѣдній его пріѣздъ въ Женеву и на его настроеніи уже стала отражаться набѣгающая тѣнь смерти. Изрѣдка, не всегда еще, съ перерывами прежней бодрости и одушевленія, она начинала накладыватъ свою тяжелую руку на его обычный душевный строй, пересиливать его больную душу, одолѣвать его больное сердце. Такъ-то, однажды, подходя незамѣтно къ тому мѣсту въ саду отеля, гдѣ онъ одинъ лежалъ въ своемъ креслѣ, я уловилъ на его лицѣ выраженіе такой печали и такой глубокой тоски, что первую минуту мнѣ трудно было сдержать свое волненіе...

Да, онъ, конечно, страдалъ въ эти послѣдніе дни своей жизни. Даже онъ, такъ хорошо защищенный отъ личныхъ страданій, такъ далеко отбросившій отъ себя тревоги личной жизни, не могъ вполнѣ освободиться отъ ощущеній своего собственнаго личнаго несчастья; даже онъ долженъ былъ временами испытывать ту ничѣмъ не скрашиваемую, ничѣмъ неоправдываемую, никому ненужную, чисто личную боль, какой сопровождается всякое чисто-личное горе... Но, вѣдь, онъ никогда и не разсчитывалъ на полную чашу однихъ удачъ и радостей въ своей жизни.

Михаилъ Гоцъ былъ въ очень ранней молодости оторванъ отъ всѣхъ житейскихъ удобствъ и радостей, былъ загнанъ въ необитаемыя мѣста Сибири, подвергся самому безпощадному насилію, разстрѣливался солдатскими пулями, просидѣлъ цѣлые годы въ каторжной тюрьмѣ и, наконецъ, сдѣ-

лался жертвой мучительной болѣзни; — но развѣ онъ промѣнялъ бы эту свою жизнь на какую-угодно сумму личнаго благополучія? Въ Россіи теперь ежедневно погибаютъ люди, полные силъ и молодости, погибаютъ добровольною смертью. Спрашивается: развѣ могло бы поддерживаться такое положеніе вещей, развѣ Россія могла бы выставить такое неисчерпаемое количество часто безмолвнаго и безвѣстнаго одушевленія, если бы носители его не находили для себя извѣстнаго эквивалента, если бы они не заключали въ самихъ себѣ, въ своей собственной груди, того источника внутренняго спокойствія и душевнаго равновѣсія, которому должны были бы позавидовать самые счастливые маленькіе люди въ своей счастливой маленькой жизни?

Да, конечно, Михаилъ Гоцъ пережилъ много душевной муки и перенесъ много личныхъ несчастій; и, тѣмъ не менѣе, это былъ одинъ изъ избранниковъ на землѣ, одинъ изъ ея счастливѣйшихъ сыновъ—ибо онъ носилъ въ своемъ сердцѣ источники самыхъ высокихъ человѣческихъ радостей.

Но мало этого: ему было суждено также подойти очень близко къ источникамъ другихъ еще болѣе объективныхъ и болѣе общихъ радостей, связанныхъ съ результатами общественнаго движенія въ Россіи. Ему было суждено дожить до того момента русской общественной жизни, когда въ ней уже начали воочію осуществляться далекія мечты, далекія надежды его болѣе раннихъ и менѣе счастливыхъ предшественниковъ. Для тѣхъ людей, которые, подобно Гоцу и въ той же степени, какъ онъ, дѣйствительно отдаютъ всю свою жизнь, всѣ свои лучшія силы на дѣло народнаго освобожденія, — вопросы личнаго существованія, конечно, отступаютъ на второй планъ. Но это великое дѣло народнаго освобожденія, эта великая соціальная задача народнаго пробужденія въ Россіи, вначалѣ движенія, являлась неизмѣримо трудной, почти недостижимой. Громадныя политическія и стихійныя препятствія заграждали къ ней всякій доступъ; всѣ первоначальныя героическія усилія, направленныя противъ этихъ препятствій, разбивались вначалѣ какъ бы безслѣдно. Многіе такіе же сильные умы и такія же великія сердца пошли на эту борьбу и погибли „безъ трепета и безъ надеждъ впереди“. Цѣлыя десятилѣтія проходили безъ замѣтныхъ результатовъ, цѣлыя поколѣнія смѣняли одно другое на одной и той же губительной, истребляющей всѣ молодыя силы Россіи и, повидимому, безплодной работѣ. Погибали лучшіе люди, умирали самыя избранныя сердца, а

народныя массы все еще оставались, повидимому, такими же чуждыми и далекими, такими же неподвижными и недосягаемыми... И, вотъ, въ это тяжелое мучительное время, гораздо труднѣе было умирать русскимъ лучшимъ людямъ, безъ твердой увѣренности въ успѣхѣ, безъ осязаемыхъ результатовъ, передаваемыхъ преемникамъ.

Но теперь эти тяжелыя времена миновали; результаты великаго общественнаго движенія въ Россіи стали ясно очерчиваться впереди, и русскія народныя, рабочія массы стали, наконецъ, пробуждаться на нашихъ глазахъ,—и стали пробуждаться въ такихъ размѣрахъ и съ такимъ сознаніемъ своихъ собственныхъ великихъ массовыхъ народныхъ задачъ, что еще въ очень неотдаленную отъ насъ эпоху трудно было даже мечтать о такихъ огромныхъ успѣхахъ.

Для людей, подобныхъ Гоцу, для людей, которые вкладывали всѣ свои лучшія надежды не въ дѣло завоеванія одной политической конституціи, которые ожидали отъ Россіи, взамѣнъ отданныхъ ей безчисленныхъ жертвъ, непосредственнаго приступа къ осуществленію ближайшихъ трудовыхъ требованій—и только въ этой цѣли находили оправданіе для понесенныхъ невозвратныхъ и неоцѣнимыхъ потерь,—въ глазахъ такихъ людей эта наступившая полоса великаго массоваго движенія въ Россіи имѣла совсѣмъ особую цѣну. Это была та степень удовлетворенія, та степень внутренняго успокоенія и духовной радости, по сравненію съ которыми даже ужасы переживаемой теперь общественной агоніи [1]) теряли свой зловѣщій характеръ. Пусть будетъ брошено еще много дорогихъ жертвъ на неизбѣжную борьбу, пусть будетъ пережито еще много тревогъ и мученій, но, вѣдь, это—уже конецъ, это—уже послѣднія кровавыя жертвы, послѣднія невозвратныя потери. Пристань уже видна, развязка неизбѣжна,—и она въ рукахъ у самихъ проснувшихся, сознательныхъ массъ трудового народа. Этого великаго завоеванія русскаго освободительнаго движенія не въ силахъ теперь не только отнять, но даже сколько-нибудь серьезно ослабить никакія темныя силы.

---

[1]) Статья писана послѣ разгона 1-й Гос. Думы, въ періодъ знаменитаго «столыпинскаго успокоенія», сопровождавшагося военно-полевой юстиціей, съ ея «бытовымъ явленіемъ»—смертной казнью, военными погромами (въ родѣ Сѣдлеца, Бѣлостока и т. д.), карательными экспедиціями (подобно Литвиновской), разстрѣлами, массовыми арестами и высылками, и т. п. Ред.

Таковы были послѣднія, радостныя впечатлѣнія, которыми озарялась потухавшая личная жизнь Михаила Гоца. Онъ былъ достаточно приготовленъ всѣмъ своимъ прошлымъ, чтобы достойно оцѣнивать эти впечатлѣнія, и онъ оцѣнилъ ихъ въ полной мѣрѣ. Съ этими безконечно радостными мыслями, съ этимъ облегченнымъ чувствомъ, послѣ долгихъ лѣтъ мучительной тревоги и мучительныхъ ожиданій, онъ спокойно сошелъ со сцены жизни. Онъ много страдалъ, но онъ не былъ несчастнымъ. Онъ умеръ удовлетвореннымъ во всѣхъ основныхъ запросахъ своей души...

IV.

ПИСЬМА.

Письмо къ матери[1]).

(28-го Іюня 1881 г.).

Дорогая мамаша.

14 Іюня я пріѣхалъ въ г. Читу и оставленъ здѣсь на жительство. Немедленно послѣ того, какъ опредѣлилось мое мѣстопребываніе, я телеграфировалъ Вамъ въ Москву по тому адресу, который Вы дали, когда справлялись относительно моего положенія у коменданта Кары, но такъ какъ Вы уже выѣхали изъ Москвы, то телеграмму вернули обратно, и я тогда телеграфировалъ въ Подольскъ на имя папаши. Меня очень тревожило то безпокойство, въ которомъ Вы, вѣроятно, находились, не получая отъ меня такъ долго писемъ, хотя я зналъ, что г. Кононовичъ [2]) отвѣчалъ на Вашъ запросъ обо мнѣ, но я боялся, что его отвѣтъ не вполнѣ разсѣетъ Ваши опасенія. Причина моего внезапнаго молчанія, какъ онъ, вѣроятно, и сообщилъ Вамъ, заключалась въ томъ, что всѣмъ сосланнымъ на Кару было безусловно

---

[1]) Настоящее письмо, адресованное въ г. Подольскъ на имя Анны Петровны Шишко, извлечено нами изъ Дѣла Департамента Полиціи—«О лицахъ, осужденныхъ Особ. Присут. Правит. Сената 23 Января 1878 г.», № 3591, т. I, часть I. (Начато 11 Сент. 1881 г.—кончено 15 Іюня 1896 г.). Письмо это не дошло по назначенію—оно было перехвачено и доставлено Московскому Губернатору. Послѣдній призналъ «неудобнымъ передачу означеннаго письма по адресу» и «счелъ необходимымъ представить его на усмотрѣніе Департамента Государственной Полиціи». Судебный Отдѣлъ Департамента Г. Пол., въ свою очередь, предложилъ Московскому Губернатору объявить г-жѣ Шишко, что «письмо сына ея Леонида, находящагося на поселеніи въ г. Читѣ, гдѣ онъ водворенъ по отбытіи каторжныхъ работъ, не можетъ быть доставлено ей, вслѣдствіе сообщенія въ немъ свѣдѣній, не подлежащихъ передачѣ». Ред.

[2]) Полковникъ В. О. Кононовичъ—комендантъ Карійскихъ каторжныхъ тюремъ. См. о немъ у Шишко «Изъ воспоминаній прошлаго», напечатанныхъ въ настоящемъ выпускѣ. Ред.

запрещено писать даже своимъ ближайшимъ роднымъ. Это распоряженіе было объявлено намъ, кажется, въ половинѣ декабря 80 г. отъ имени графа Л.-Меликова [1]). Ларисса Васильевна, жена Синегуба, тогда же написала Вамъ объ этомъ и послѣ нѣсколько разъ извѣщала Васъ о моей цѣлости и невредимости, но ея письма какимъ-то образомъ не доходили до Васъ [2]). Самъ я не имѣлъ права даже предупредить Васъ о томъ, что не буду болѣе писать, и, такимъ образомъ, Вы были предоставлены на волю разныхъ предположеній болѣе или менѣе тревожнаго свойства относительно того, что случилось со мною на Карѣ. Но, дорогая мамаша, какъ я ни безпокоился за Васъ по этому поводу я все-таки не желалъ бы, чтобы Вы тогда же узнали о всемъ, что произошло у насъ на Карѣ вмѣстѣ съ наступленіемъ новаго 1881 года. Теперь, когда я нахожусь за пятьсотъ верстъ отъ мѣста этихъ происшествій и могу говорить о нихъ, какъ о минувшихъ и уже пережитыхъ мною, я, пожалуй, скажу Вамъ, что постигнувшая насъ инструкція Л.-Меликова не ограничивалась только совершеннымъ запрещеніемъ всякой переписки, но предписывала также содержаніе въ тюрьмѣ и даже въ оковахъ всѣхъ сосланныхъ на Кару политическихъ преступниковъ вплоть до истеченія всего ихъ срока; вслѣдствіе чего всѣ они, уже освобожденные изъ тюрьмы по ранѣе дѣйствовавшимъ правиламъ должны были снова возвратиться въ нее. Этотъ неожиданный ударъ тяжело отразился на участи многихъ изъ моихъ товарищей, а одинъ изъ нихъ даже не пережилъ его и застрѣлился наканунѣ нашего новаго заточенія [3]). Въ это же время сходила съ ума одна изъ политическихъ преступницъ, также

---

[1]) Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ. Упоминаемое Л. Шишко распоряженіе гр. Лорнса-Меликова о новомъ порядкѣ содержанія политическихъ каторжанъ было издано 15 декабря 1880 г. См. А. Тунъ «Исторія революціоннаго движенія въ Россіи», Петроградъ, 1917 г., стр. 217—218. Ред.

[2]) Судя по участи настоящаго письма, они задерживались при перлюстраціи всей переписки, идущей на имя А. П. Шишко. Ред.

[3]) Помощн. присяж. повѣреннаго Евгеній Степановичъ Семяновскій,—застрѣлился 31 Декабря 1880 г. Подробно о немъ см. у Шишко «Изъ воспоминаній прошлаго», вошедшихъ въ настоящій выпускъ. Кромѣ того: С. Б. Богдановъ—«Пом. прис. пов. Е. С. Семяновскій—одинъ изъ первыхъ карійцевъ», «Обвинительный актъ о Семяновскомъ» и «Предсмертное письмо Е. С. Семяновскаго къ отцу», «Былое» 1906 г., № 11. Ред.

сосланныхъ на Кару, и въ припадкахъ умопомѣшательства билась въ тюремномъ лазаретѣ. Столько гнетущихъ впечатлѣній сопровождали мое и безъ того не особенно веселое путешествіе къ тюремнымъ воротамъ.

Впрочемъ, само по себѣ тюремное заключеніе не очень пугало меня, потому что я зналъ, что оно, во всякомъ случаѣ, будетъ непродолжительно. Я Вамъ писалъ раньше, что срокъ моей каторги оканчивается 21 Февраля, но оказалось, что этотъ разсчетъ былъ ошибоченъ, и я пробылъ въ тюрьмѣ до 1 Іюня, а восьмого числа я уже выѣхалъ изъ Кары вмѣстѣ съ Синегубами, которые также поселены въ Читѣ. Изъ тѣхъ денегъ, которыя Вы прислали мнѣ на дорогу, у меня еще осталось нѣкоторое количество, и я могу просуществовать на него до полученія отъ Васъ письма.

Глаза мои поправляются понемногу, но заниматься еще ничѣмъ не въ состояніи. Я устроился въ Читѣ вмѣстѣ съ небольшой и очень гостепріимной компаніей находящихся здѣсь административно-ссыльныхъ, и по существующимъ цѣнамъ мнѣ надо будетъ получать рублей по пятнадцати въ мѣсяцъ.

О самой Читѣ въ другой разъ, а пока до свиданія, моя дорогая мамаша. Крѣпко цѣлую Васъ, папашу, братьевъ и мою милую Юлю. Пишите мнѣ почаще.

Любящій Васъ сынъ
Леонидъ Шишко.

Пишите по такому адресу: Въ Читу (Забайкальской области) Г-ну Полицеймейстеру для передачи политическому ссыльному Л. Шишко.

Изъ писемъ къ I. Д. Смирнову [1].

Женева, 14—1 Января 1902 г.

„Дорогой I. Д., недавно я прочелъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ Ваши воспоминанія о бывшемъ Сиротскомъ корпусѣ, о его профессорахъ [2]. Мнѣ кажется даже, что эти воспоминанія не были подписаны полнымъ именемъ, но я узналъ ихъ автора и съ первыхъ же строкъ сталъ съ особеннымъ интересомъ читать статью, въ которой меня приковывали мои собственныя неизгладимыя воспоминанія. Затѣмъ изъ описанія юбилея я узналъ, что Вы—директоръ корпуса, и мнѣ захотѣлось написать вамъ просто по первому движенію, по невольному желанію броситься на встрѣчу старому знакомому, котораго неожиданно встрѣчаешь на улицѣ.

Потомъ это желаніе укрѣпилось во мнѣ тою живою привязанностью, которую я сохранилъ къ Вамъ съ тѣхъ давнихъ поръ, когда Вы заняли въ моей жизни то самое мѣсто, какое въ Вашей жизни заняли нѣкоторые изъ профессоровъ Сиротскаго корпуса. Мнѣ захотѣлось написать Вамъ, что первыя и основныя сознательныя впечатлѣнія, которыми потомъ опредѣлилось въ общихъ чертахъ мое отношеніе къ жизни, были вызваны Вами, Вашимъ вліяніемъ, Вашею лич-

---

[1] I. Д. Смирновъ—преподаватель географіи въ бывшей 2-й Московской военной гимназіи, гдѣ учился Л. Шишко. Въ семьѣ Смирнова очень часто собирались ученики старшихъ классовъ этой гимназіи въ томъ числѣ и Шишко, для литературныхъ чтеній подъ руководствомъ самого Смирнова, который сумѣлъ дать первый толчокъ къ духовному развитію своихъ воспитанниковъ. Приводимыя письма написаны Шишко послѣ 30-лѣтней разлуки со Смирновымъ. См. «Изъ старыхъ воспоминаній» (Памяти Л. Шишко) «Современникъ» за 1912 г., № 7. Ред.

[2] См. «Наши преподаватели въ эпоху реформъ». «Рус. Вѣд.», 5 декабря 1901 г. Ред.

ностью. За дальнѣйшій ходъ, за дальнѣйшее развитіе этихъ первыхъ впечатлѣній Вы, конечно, не отвѣтственны; здѣсь уже выступили на сцену впечатлѣнія не школьной, а всей русской жизни; но Вы помогли мнѣ встрѣтиться съ этой жизнью болѣе или менѣе подготовленнымъ и прочно стать на ту дорогу, которую я выбралъ и которую не покинулъ до сихъ поръ.

„Такъ какъ я послѣ долгаго опыта, et toute connaissance de causse, признаю свой выборъ лучшимъ, какой я могъ сдѣлать при данныхъ условіяхъ, то я могу теперь искренно поблагодарить Васъ за оказанную мнѣ помощь. Быть можетъ, для васъ не будетъ совсѣмъ безразлично это безпристрастное свидѣтельство.

Я уже болѣе десяти лѣтъ живу за границей (съ конца 1889 года), въ настоящее время нахожусь въ Женевѣ. Адресъ мой: Chemin Sautter, № 11.

Будьте здоровы. Отъ души желаю Вамъ всего лучшаго.

Л. Шишко".

---

11 іюня 1902 г.

Дорогой I. Д., только сегодня, вернувшись изъ небольшой поѣздки, получилъ Ваше письмо, и для меня было большою радостью прочесть его. Я могу въ одномъ отношеніи назвать свою жизнь очень счастливою: у меня было много друзей, и я всегда жилъ, даже при очень скверныхъ внѣшнихъ условіяхъ, окруженный той атмосферою дружбы и чистой привязанности, которую никто не можетъ отнять, даже отгородивъ человѣка отъ міра каменной стѣнкой. Эта поддержка всегда была чрезвычайно важна для меня, и она началась именно Вами. Быть можетъ, именно Ваше вліяніе и сдѣлало меня способнымъ завязать потомъ прочныя связи съ лучшими людьми моего поколѣнія. Съ ними я и прошелъ свою жизненную дорогу, которая опредѣлилась, конечно, въ значительной степени не личнымъ выборомъ, а историческими условіями страны. Другая счастливая сторона моей жизни въ томъ, что я никогда, ни на минуту не терялъ вѣры въ тотъ историческій ходъ событій, который захватилъ и меня своимъ колесомъ; а при такой вѣрѣ внѣшняя обстановка уже теряетъ первостепенное значеніе,— если, конечно, сохраняется самая жизнь или, лучше ска-

зать, если она не слишкомъ уже калѣчится. А я и въ этомъ отношеніи оказался все-таки счастливѣе многихъ: вотъ уже болѣе 10-ти лѣтъ живу за границей. Самое трудное, лично для меня, время было въ теченіе тѣхъ 13-ти лѣтъ, когда я былъ почти безъ глазъ. Это было дѣйствительно тяжело. У меня разболѣлись глаза еще въ 1877 г., и затѣмъ въ продолженіе цѣлыхъ 13-ти лѣтъ я не могъ совсѣмъ читать и заниматься умственнымъ трудомъ; а, между тѣмъ, это было особенно нужно тогда. И тутъ, конечно, много помогли близкіе люди, но все-таки этого лишенія ничто не могло вполнѣ заполнить. Такъ я и уѣхалъ за границу съ больными глазами. Здѣсь же я скоро вернулъ себѣ зрѣніе. Оказалось, что все дѣло было въ очень сложныхъ очкахъ, которыхъ никто изъ докторовъ, попадавшихся на пути, не умѣлъ опредѣлить. Конечно, многое было потеряно дла меня въ эти 13 лѣтъ умственнаго бездѣйствія, но все-таки я отчасти возстановилъ свою умственную жизнь и могъ принять участіе, по крайней мѣрѣ, въ теоретической сторонѣ нашего общественнаго движенія, руководящей нити котораго я никогда не упускалъ изъ вида. Такъ какъ жизнь русскихъ за границей теперь далеко не является такой оторванной, какъ раньше, благодаря гораздо болѣе частымъ сношеніямъ и множеству пріѣзжающихъ, то и мое существованіе здѣсь все же наполнено кое-какимъ содержаніемъ и интересомъ. Въ общихъ чертахъ мои юношескіе взгляды не измѣнились: они только болѣе выяснились и прочнѣе установились теоретически. Во всемъ прошломъ, связанномъ съ ними, я вижу не тяжелую и безрезультатную затрату силъ и не торжество озлобленныхъ побѣдителей, а хотя и медленное и страшно дорого оплачиваемое, но все же поступательное шествіе, медленное, но все расширяющееся развитіе извѣстныхъ идейныхъ началъ.

Матеріально я не бѣдствовалъ это время. Я много работалъ надъ переводами. Мнѣ очень хотѣлось бы прислать Вамъ на память свою послѣднюю переводную работу; но, къ сожалѣнію, мои книги остались въ Женевѣ, а мы переѣхали на лѣто въ Савойю. Но я непремѣнно пришлю Вамъ осенью; тогда и адресъ Вашъ, вѣроятно, будетъ тотъ же, что и теперь. Послѣдній мой переводъ—Оларъ, „Политическая исторія французской революціи". Я много перевелъ книгъ за послѣднія восемь-девять лѣтъ: Лансона — „Исторія французской литературы" (Солдатенковское изданіе); Эсмена, „Основы государственнаго права"; Сеньобоса,

„Политическая исторія современной Европы“ (Павленковское изданіе); Sutherland'а „Развитіе нравственнаго инстинкта“; да всего сразу и не припомнишь. Такого рода переводы были интересны и сами по себѣ, не говоря уже о томъ, что они не давали времени скучать и хандрить.

Я женился уже за границей гдѣ встрѣтился въ первый же годъ послѣ пріѣзда въ Парижъ, со вдовою Льва Мечникова, когда-то извѣстнаго ученаго и публициста, и его падчерицей,—моей теперешней женой. Дѣтей у меня нѣтъ, но есть также падчерица, уже взрослая дѣвушка. Жили мы большую часть времени въ Парижѣ. Первые годы я и жена работали у географа Элизе Реклю, у котораго жена была секретаремъ послѣ смерти Льва Мечникова, который былъ его секретаремъ и другомъ. Все это лѣто и осень, до конца сентября, мы проживемъ въ Савойѣ; адресъ нашъ такой: Menthon St. Bernard (la Vallombreuse) Haute Savoie France.

Куда дѣнемся зимою, еще не знаю; но сообщу Вамъ тогда свой адресъ. Жалѣю, что у меня нѣтъ своей фотографической карточки; я, вообще, давно уже не снимался. Если снимусь, то пришлю Вамъ. У меня уцѣлѣла Ваша карточка еще изъ 2-й М. В. гимназіи. Мнѣ очень хотѣлось бы имѣть Вашу фотографію. Передайте мой сердечный привѣтъ Екатеринѣ Николаевнѣ. У меня довольно живо сохранились въ памяти черты ея лица.

О многомъ хотѣлось бы поговорить съ Вами; хотѣлось бы услышать Вашъ голосъ, Вашу рѣчь, услышать Ваши разсказы о видѣнномъ и пережитомъ. У меня все-таки есть еще надежда, что Вамъ представится надобность побывать за границей.

Пока же будьте здоровы.

Искренно привязанный къ Вамъ

Л. Шишко“.

---

16 января н. ст. 1905 г.

„Дорогой I. Д., я хотѣлъ написать Вамъ къ Новому году, но потомъ подумалъ, что въ это время особенное скопленіе писемъ, а потому еще болѣе возможны потери ихъ—и отложилъ писать на нѣсколько дней, а тутъ какъ разъ получилось Ваше письмо отъ 28 дек. Я получилъ и

Ваше московское письмо, и зналъ уже о всѣхъ Вашихъ тревогахъ, имъ же нѣтъ числа теперь. Странное время. Послѣ многихъ лѣтъ какого-то мертваго затишья и полной неподвижности въ массовой русской общественной жизни, наступили тревожныя времена, полныя событій—но какихъ событій, отъ которыхъ душа содрогается! Ужасы, ужасы и ужасы! [1]). Да, трудною дорогою пробивается Россія къ свѣту. Такая масса всевозможнаго гнета и поруганія накопилась въ русской жизни, что первые свѣтлые проблески еще тонутъ и заглушаются въ этой тяжелой и мрачной атмосферѣ. Возьмите, напримѣръ, проявленія искренняго патріотизма, въ видѣ помощи измученнымъ солдатамъ; собираются послѣднія крохи, заботливо заготовляются фуфайки, теплая обувь и проч.,—и вдругъ оказывается, что вмѣсто этого получаются какія-то отрепья. Или подумайте только, въ какую ужасную форму выливаются у насъ первые порывы политическаго энтузіазма! Юноши и дѣвушки идутъ со знаменами и священными для нихъ лозунгами — идутъ просто потому, что души ихъ рвутся къ самоотверженному служенію человѣчеству, а навстрѣчу имъ—нѣчто дикое, неописуемое по своему примитивному варварству; и такъ во всемъ. Слишкомъ много накопилось этого варварства, слишкомъ долго оно господствовало и слишкомъ сильно укрѣпилось. Только широкая волна массоваго народнаго потока можетъ обновить русскую жизнь, а для такого широкаго движенія недостаточны поверхностные политическіе лозунги; необходимы такіе идеалы и цѣли, которые проникали бы глубоко въ основы общественной жизни и захватывали бы основы народнаго сознанія. Только полное обновленіе жизни на основахъ новаго міросозерцанія, только новая соціальная религія можетъ дѣйствительно вывести Россію на новую дорогу; иначе получатся жалкіе компромиссы, печальное смѣшеніе либеральныхъ съѣздовъ и кулачной расправы. Но, конечно, не религія Льва Толстого. Какую возмутительную ложь (безсознательную) и профанацію представляютъ его вѣщанія на всю вселенную о ненужности внѣшнихъ измѣненій и о необходимости нравственнаго усовершенствованія; а, между тѣмъ, западно-европейскіе люди считаютъ Толстого какимъ-то свѣточемъ Россіи; чистая срамота!

---

[1]) Письмо писано Шишко въ періодъ еврейскихъ погромовъ, избіеній и убійствъ студентовъ, курсистокъ и гимназистовъ во время демонстрацій и т. п. Ред.

Ну, какъ же Вы все-таки поживаете? Какъ здоровье? И что дѣлаете? Поклонитесь, пожалуйста, Е. Н—нѣ [1]). У насъ здѣсь настоящая зима; недавно выпалъ большой снѣгъ, цѣлый день шелъ, такъ что даже сани появились на улицахъ; всѣ деревья опущены, и изъ моего окна настоящій зимній пейзажъ. Жена и ея мать очень кланяются вамъ. У меня много дѣла; не успѣваю справляться, и времени не хватаетъ. Удивительно скоро идетъ время. Читали ли Вы въ „Нашей Жизни" воспоминанія Л. Пантелѣева о шестидесятыхъ годахъ? Интересъ ихъ ослабляется тѣмъ, что пишетъ человѣкъ уже очень очерствѣвшій, и потому одушевленіе и энтузіазмъ того времени совсѣмъ не передается разсказомъ. Почти всѣ выведенныя лица оказываются, въ концѣ концовъ, или недоумками, или негодяями. Нельзя прилагать къ людямъ, жившимъ 40 л. тому назадъ, критику настоящаго времени. Ну, будьте здоровы. Вашъ Л. Ш.".

---

[1]) Жена І. Д. Смирнова. Ред.

V.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Похороны Л. Э. Шишко.

Похороны Л. Э. Шишко были назначены въ воскресенье, 23 января. Къ 10 час. утра на квартиру умершаго (28, Quai de Bethune) стали собираться товарищи, знакомые и представители русскихъ и заграничныхъ организацій, которыхъ удалось извѣстить въ короткій промежутокъ времени, бывшій въ распоряженіи Комитета по устройству похоронъ.

Въ 10 съ половиною час. гробъ, покрытый цвѣтами и вѣнками, былъ вынесенъ изъ квартиры, поставленъ на колесницу и процессія двинулась по бульварамъ S-t Germain и S-t Michel къ кладбищу.

Толпа шла молча, рядами, — растянувшись длинной лентой. Несли вѣнки: громадныхъ размѣровъ вѣнокъ отъ Международ. Соціалист. Бюро, затѣмъ отъ редакцій: „Знамени Труда", „За Народъ", „Народное Дѣло", отъ Центр. Ком. П. С. Р., отъ группы русскихъ типографскихъ рабочихъ, отъ 1-ой и 2-ой Парижскихъ группъ Сод. Р. С.-Д. Р. П., Австрійской С.-Д. П., Парижской группы Сод. П. С.-Р. („Борцу за Землю и Волю"), Парижской группы Бунда и С.-Д. Польши и Литвы, отъ партіи „Серпъ" („Вѣчная память славному борцу"), Заграничнаго Областн. Ком. С.-Р., Женевской гр. П. С.-Р., Лозанской гр. П. С.-Р., Общества помощи политическимъ изгнанникамъ, отъ П. П. С., Загр. Бюро Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. („Ветерану русской революціи"), Парижской гр. С.-Р., Парижской гр. русскихъ анарх.-ком. („Революціонеру-народнику"), ред. „Голосъ С.-Д." („Старому ветерану русской революціи"), партіи Дашнакцутюнъ, Украинской Громады въ Парижѣ, Лондонской гр. П. С.-Р. („Борцу за Землю и Волю"), Центр. Загр. Бюро Р. С.-Д. Р. П., ред. журн. „Былое" („Славному борцу за общее дѣло"), ред. „La Tribune Russe", отъ друзей изъ Финляндіи, отъ друзей и др.

На кладбищѣ Montparnasse, около временной могилы, были произнесены рѣчи; онѣ были проникнуты любовью къ нашему покойному товарищу, уваженіемъ къ его чистой,

свѣтлой личности, къ его беззавѣтной преданности дѣлу революціи и соціализма. Во всѣхъ рѣчахъ, какъ и во всей церемоніи похоронъ и толпѣ, присутствовавшей на кладбищѣ, чувствовалась общность настроенія... образъ дорогого для всѣхъ Л. Э. Шишко, — какъ напоминаніе о прошломъ и настоящемъ революціи, какъ призывъ къ дальнѣйшей борьбѣ, къ вѣрѣ въ успѣхъ,—захватилъ, объединилъ всѣхъ, всѣ партіи...

По окончаніи рѣчей раздалось пѣніе революціонныхъ гимновъ и толпа стала расходиться.

Л. Э. похороненъ недалеко отъ могилъ П. Л. Лаврова и Г. А. Гершуни.

Рѣчи на могилѣ Л. Шишко.

Рѣчь тов. И. Л. Рубановича.

Отъ имени Партiи Соц.-Рев. и Интернацiонала (на франц. яз.).

Тов. Рубановичъ, прежде чѣмъ дать характеристику личности и краткiй очеркъ жизни Л. Э. Шишко, привѣтствуетъ делегатовъ отъ Интернацiонала и отъ всѣхъ россiйскихъ соцiалистическихъ партiй, собравшихся въ такомъ большомъ количествѣ на могилѣ стараго борца. Личность Шишко выростаетъ изъ узкихъ рамокъ партiи и является символомъ русской революцiи.

Въ лицѣ Л. Э. Шишко соцiалисты всего мiра чтутъ великое соцiально-революцiонное движенiе, съ началомъ котораго такъ тѣсно связано имя Шишко и которому онъ вѣрно служилъ въ теченiе всей своей жизни.

Шишко принадлежалъ къ сословiю дворянъ, и судьба готовила его къ легкой жизни общественнаго паразита. Но сознанiе *долга народу* заставило его уйти изъ мiра „торжествующихъ и обагряющихъ руки въ крови“, чтобъ отдаться всецѣло, безъ оглядки и навсегда, дѣлу рабочихъ, дѣлу крестьянъ, угнетенныхъ и эксплоатируемыхъ.

Типъ представителя интеллигенцiи, для котораго *борьба классовъ* не только научно констатированный фактъ, не только идея, не только политическая программа, а сложный этическiй комплексъ, требующiй *радикальнаго переворота всей личной жизни*,—этотъ типъ начинаетъ исчезать даже въ Россiи, по мѣрѣ того, какъ самъ рабочiй классъ беретъ въ свои руки борьбу за свои интересы: съ тѣмъ большимъ уваженiемъ Интернацiоналъ долженъ остановиться на чествованiи памяти этихъ цѣльныхъ „личностей“, которымъ единство идей и чувствъ, программы и личной жизни придаетъ нравственную красоту, которая намъ необходима.

безъ которой наша пролетарская борьба съ ея тяжелыми перипетіями была бы черезчуръ тяжела и мрачна.

Тов. Рубановичъ рисуетъ образъ блестящаго артиллерійскаго офицера, который подаетъ въ отставку и уходитъ въ рабочіе кварталы проповѣдывать соціалистическое евангеліе.

Товарищъ Кравчинскаго (Степняка), а позже Чайковскаго, Натансона, Кропоткина, Софьи Перовской и др., Шишко старается проводить въ массѣ идеи соціалистическаго Интернаціонала, идеи Парижской Коммуны, являясь, такимъ образомъ, ферментомъ, который въ будущемъ, когда экономическія условія подготовятъ массы къ этому процессу, вызоветъ могучее революціонное броженіе.

Недолго продолжалось это „хожденіе въ народѣ". Полный жизни и молодости, Шишко съ сотнями товарищей уходитъ въ тюрьму, которая для многихъ является могилой. Съ энтузіазмомъ и вѣрой, но съ надорваннымъ здоровьемъ, онъ черезъ 4 года предварительнаго заключенія предстаетъ передъ судьями въ знаменитомъ процессѣ 193-хъ и присуждается къ каторгѣ. Правда, судьи, устрашенные жестокостью своего приговора, предоставляютъ монарху использовать свои верховныя прерогативы, но Александръ Романовъ, „первый дворянинъ" Россійской Имперіи, не могъ простить „измѣнника" своего сословія и отправилъ Шишко на каторгу, на 9 лѣтъ. Завѣщаніе, оставленное осужденными по этому процессу, имѣло большое вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ революціоннаго движенія.

Тов. Рубановичъ, охарактеризовавъ жизнь и поведеніе Шишко на каторгѣ, разсказываетъ его бѣгство изъ Сибири, его первые годы за границей, куда онъ является молодымъ человѣкомъ 36 лѣтъ, но съ маской старика, которую онъ сохранялъ до своей смерти.

Тов. Рубановичъ обрисовываетъ роль Шишко въ созданіи „Аграрно-Соціалистической Лиги", его дѣятельное участіе въ литературныхъ предпріятіяхъ партіи с.-р., его участіе на Амстердамскомъ Международномъ Съѣздѣ, „для котораго онъ составилъ первую часть партійнаго доклада", и, наконецъ, характеризуетъ Л. Э. въ моментъ, когда, увлеченный событіями конца 1906 г., онъ переѣзжаетъ въ Петербургъ.

„Какое великое счастье видѣть всходы долголѣтнихъ посѣвовъ, и то, что было мечтою, осуществленнымъ въ жизни. Рабочія массы проснулись и сознательно потребовали

той Земли и Воли, которая была написана на знамени Партіи красною кровью первыхъ борцовъ-піонеровъ. Шишко имѣлъ счастье жить нѣсколько мѣсяцевъ среди проснувшагося народа; того народа, который съ жадностью читалъ революціонную литературу и его „Очерки русской исторіи“, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ краснорѣчиво одинъ американскій наблюдатель русской жизни того бурнаго періода“...

Изложивъ жизнь Л. Э. послѣднихъ трехъ лѣтъ, его несокрушимую вѣру въ торжество революціи, его хладнокровіе въ тяжелыя минуты паденія революціонной волны и раскрытія позорныхъ язвъ подлой провокаціи въ рядахъ столь любимой имъ партіи, т. Рубановичъ заканчиваетъ свою рѣчь слѣдующими словами: „ты умеръ еще молодымъ, но съ сознаніемъ исполненнаго до конца долга; спи спокойно рядомъ съ Лавровымъ и Гершуни. Родина не забудетъ твоего имени; и твой тихій, скромный образъ труженика, мыслителя и борца съ кристально-чистой душой будетъ долго служить яркимъ свѣточемъ для твоихъ товарищей и бойцовъ грядущихъ поколѣній“.

Рѣчь доктора Мелье (Mellier),

Депутата отъ г. Клиши, отъ имени Соціалистической Фракціи Французскаго Парламента.

Депутатъ Мелье заявляетъ, что вся соціалистическая группа Парламента сочла бы долгомъ присутствовать на похоронахъ тов. Шишко, если бы не неотложная работа пропаганды и агитаціи, которая вызвала въ провинціи всѣ наличныя силы... Но онъ уполномоченъ заявить, что всѣ соціалисты-депутаты душой и сердцемъ теперь вмѣстѣ съ русскими соціалистами-революціонерами на этой печальной манифестаціи. Сердце надрывается при мысли, въ какихъ тяжелыхъ условіяхъ должны жить и умирать наши русскіе товарищи. Эти сотни изгнанниковъ, собравшихся на могилѣ глубокоуважаемаго борца, говорятъ о тысячахъ и десяткахъ тысячъ другихъ борцовъ, которыхъ русскій тиранъ томитъ въ тюрьмахъ, при условіяхъ, которыя возмущаютъ совѣсть всего цивилизованнаго міра.

Историкъ Шишко старался пролить свѣтъ въ сознаніе мужиковъ, которые до сихъ поръ еще не отрѣшились отъ власти мифовъ и легендъ, представляющихъ царя „батюш-

кой", заботящимся о своихъ дѣтяхъ . Это сознаніе медленно, но вѣрно созрѣетъ въ умахъ русскаго народа, и тогда... участь нашихъ королей пусть будетъ грознымъ предзнаменованіемъ для тирана. Министры, окружающіе послѣдняго, захотѣли затопить движеніе въ Россіи не только кровью, но и грязью... Нашлись даже депутаты Черной Думы, якобы представители интеллигенціи, претендующіе на либерализмъ и радикализмъ, изъ тѣхъ, что провозгласили себя оппозиціей Его Величества, которые, чтобъ выслужиться у реакціи, бросали свой комъ грязи въ русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ...

Но образы такихъ людей, какъ Шишко, отражаютъ эту грязь, она не пристаетъ къ Партіи, имѣющей въ своихъ рядахъ такихъ людей, какъ Шишко...

Депутатъ Мелье, намекая на снѣгъ, который густыми хлопьями падалъ во время его рѣчи, говоритъ, что сама природа какъ бы принимаетъ символическое участіе въ похоронахъ русскаго революціонера.

„Эти бѣлыя, хрустально-чистыя слезы, падающія съ неба, говорятъ намъ о хрустально-чистой, кроткой душѣ покойнаго; духъ его живъ, живъ въ сотняхъ и тысячахъ его друзей и товарищей, которые донесутъ его знамя до конца, т. е., до побѣды..."

Рѣчь тов. Брака.

Отъ имени Національнаго Совѣта Французской Соціалистической Партіи.

Тов. Бракъ делегированъ вмѣстѣ съ Ж. Лонге на похороны Шишко.

Французская Партія въ часы горя и радости всегда была и будетъ бокъ-о-бокъ съ русскими соціалистическими партіями, въ частности—съ партіей соціалистовъ-революціонеровъ. Имя Шишко связано со всей исторіей русской революціонной интеллигенціи, которую такъ неудачно попытался представить извѣстный Франціи русскій писатель Тургеневъ. Мы знали близко Петра Лаврова, этого духовнаго отца русской революціонной интеллигенціи, котораго соціалисты всего міра признали однимъ изъ своихъ наиболѣе проницательныхъ учителей. Величіе такихъ личностей, какъ Шишко, въ томъ, что они страдали за соціализмъ еще раньше, чѣмъ экономическія и политическія условія создали въ Россіи почву для его реальнаго существованія. Наша партія, Французская

секція Интернаціонала, сознаетъ всю трудность тѣхъ условій, при которыхъ приходилось Шишко начать свою проповѣдь. Но зато какіе гигантскіе шаги сдѣлало соціалистическое движеніе въ Россіи, когда развитіе промышленности призвало къ жизни пролетаріатъ и разбудило самое крестьянство. Былъ моментъ, когда русскіе соціалисты шли въ авангардѣ соціальной революціи. Наше движеніе развивается съ силою историческаго, неотвратимаго процесса. Наша побѣда такъ же неизбѣжна, какъ восходъ солнца послѣ темной ночи и блѣдной зари.

Шишко можетъ спокойно спать рядомъ съ Лавровымъ и нашими коммунарами. Его дѣло—наше дѣло — восторжествуетъ.

Рѣчь тов. Отто Поль.

Отъ имени Нѣмецкой и Австрійской Соціалъ-Демократической Партіи.

Отто Поль говоритъ по-нѣмецки.

Ораторъ заявляетъ, что онъ возложилъ отъ имени Parteivorstand (Ц. К.) австрійской соціалъ-демократіи вѣнокъ на могилу Леонида Шишко. Нѣмцы, какъ и французы, мало освѣдомлены о русскомъ революціонномъ движеніи, однако, нѣкоторыя работы Шишко, особенно по аграрному вопросу. извѣстны имъ изъ французскаго органа соціалистовъ-революціонеровъ. Очевидно, это былъ глубокій мыслитель и убѣжденный дѣятель, сосредоточившій все свое вниманіе на работѣ воспитанія массъ. Нѣмецкій и австрійскій пролетаріатъ съ энтузіазмомъ слѣдили за ходомъ русской революціи, вліяніе которой становилось замѣтно особенно въ Австріи. Память такихъ людей, какъ Шишко, должна быть цементомъ, связывающимъ соціалистовъ и пролетаріевъ всѣхъ странъ и всѣхъ языковъ, безъ различія религіи и пола, въ одно неразрывное международное цѣлое. Да здравствуетъ солидарность всѣхъ трудящихся въ борьбѣ противъ ихъ политическихъ и экономическихъ эксплуататоровъ!

Рѣчь тов. Брантинга—сына.

Отъ имени Шведской Соціалъ-Демократической Партіи.

Ораторъ извинился, что говоритъ по-французски, на мало знакомомъ ему языкѣ. Онъ уполномоченъ высказать на могилѣ великаго соціалиста-революціонера чувства братской соли-

дарности, которыя связываютъ шведскій пролетаріатъ съ героями русской революціи.

„Наши битвы носятъ иной характеръ, такъ какъ мы завоевали политическую свободу и можемъ свободно организоваться для массовой борьбы. Но мы не только понимаемъ, мы сочувствуемъ тѣмъ русскимъ товарищамъ, которые не останавливаются ни передъ какими жертвами, чтобы завоевать условія человѣческаго существованія, а славныя имена Гершуни, Лаврова, Шишко служатъ и намъ путеводной звѣздой въ нашей борьбѣ за соціалистическій идеалъ.

Память Леонида Шишко, отдавшаго свою жизнь на служеніе обездоленнымъ, будетъ намъ вѣчно свята!“.

Рѣчь тов. Волонтера.

Отъ имени редакціи „Голоса Соціалъ-Демократа“.

Товарищи! Въ настоящій моментъ, когда эти неожиданно падающіе хлопья снѣга напоминаютъ намъ о далекой и дорогой родинѣ, особенно тяжело стоять предъ могилой только-что почившаго бойца, одного изъ вождей нашей революціонной арміи, малочисленной арміи, окруженной со всѣхъ сторонъ сонмомъ враговъ. Вдвойнѣ тяжело думать, что оборвалась жизнь того, кто на протяженіи длиннаго историческаго пути, долгой и кровавой войны со злымъ и упорнымъ врагомъ велъ свой передовой отрядъ отъ побѣды къ побѣдѣ и палъ сраженный именно въ тотъ моментъ, когда наша недавно многомилліонная армія, потерпѣвъ рядъ неслыханныхъ пораженій, частью разсѣялась, деморализованная и разбитая, частью, въ лицѣ немногихъ уцѣлѣвшихъ батальоновъ, отступила на оборонительныя позиціи, чтобы здѣсь передохнуть и собраться съ силами. Думалъ ли нашъ дорогой товарищъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда наша великая страна переживала свой періодъ бури и натиска и свѣтлые горизонты открывались передъ измученнымъ народомъ, думалъ ли Шишко, что ему придется почить вѣчнымъ сномъ не на родной сторонѣ, среди тѣхъ, ради которыхъ онъ боролся и страдалъ, а здѣсь, на далекой чужбинѣ, за рубежомъ Россіи?!

Кончилась какъ будто прекрасная сказка, героями которой были мы всѣ, и злая колдунья-дѣйствительность вступила въ свои права. Но дорогой товарищъ не былъ изъ числа тѣхъ, кто падаетъ духомъ въ минуты ненастья. Онъ

былъ представителемъ стараго вымирающаго уже поколѣнья богатырей, ставшихъ во главѣ революціоннаго движенія въ тотъ моментъ, когда наше знамя подымали лишь немногія, исключительныя по своимъ высокимъ нравственнымъ качествамъ личности. И Шишко всегда былъ силенъ и бодръ духомъ, всегда горячо вѣрилъ въ свѣтлое будущее родины и умѣлъ внушать эту вѣру окружающимъ. И потому вдвойнѣ тяжела его потеря.

По словамъ одного литературнаго критика, великій скандинавскій поэтъ въ своей „Дикой Уткѣ", этомъ художественномъ шедеврѣ реалистическаго символизма, проводитъ ту мысль, что есть такіе люди, которые сразу идутъ ко дну, какъ только имъ попадаетъ въ тѣло пара дробинокъ, и никогда не всплываютъ наверхъ. Такихъ людей много во всякой средѣ. Ихъ было немало и въ рядахъ нашей революціонной арміи. Рожденные въ эпоху тяжкаго безвременья, раненые въ самое сердце нѣсколькими дробинками холопства, робости, инертности, эти люди не могли уже окончательно выздоровѣть. Въ моментъ наивысшаго революціоннаго настроенія и подъема окружающей ихъ среды, эти люди выпрямлялись на мгновенье во весь свой ростъ, но прошелъ временный энтузіазмъ,—и они снова опустились на колѣни, какъ будто пригнутые къ землѣ рукой Держиморды. Это были дѣти бродячей, переходной эпохи, они уже не могли примириться со старымъ временемъ, но и не доросли до новаго. Покойный товарищъ былъ полной противоположностью этимъ слабымъ людямъ. Онъ весь былъ въ будущемъ и громкимъ голосомъ звалъ къ нему всѣхъ, имѣющихъ уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видѣть. Мнѣ пришлось встрѣтиться съ Шишко одинъ разъ въ жизни, задолго до нашего Drang und Sturm періода, въ тотъ моментъ, когда почти все было тихо кругомъ и грядущія событія еще не бросали своей тѣни назадъ. Шишко и тогда былъ весь проникнутъ воодушевленіемъ и горячей вѣрой въ близкую зарю освобожденія и эта вѣра передавалась всѣмъ, кто сталкивался съ нимъ, независимо отъ разногласій въ тѣхъ или въ другихъ программныхъ и тактическихъ вопросахъ. И страшныя пораженія, понесенныя нами недавно. не могли сломить этой вѣры. Покойный товарищъ зналъ, что когда распадался Римъ цезарей, подъ двойнымъ напоромъ варваровъ извнѣ и собственнаго разложенія внутри, въ активѣ римскаго правительства были счастливыя Каталаунскія битвы, какъ нынѣ въ активѣ русскаго правитель-

ства севастопольскія, московскія, кронштадтскія и финляндскія побѣды, были даже энергичные и талантливые полководцы, въ родѣ Аэція, какъ нынѣ у насъ Столыпинъ. Но подъ ударами новыхъ силъ старый Римъ продолжалъ умирать, дряхло раскинувшись на своихъ семи холмахъ. И намъ, представителямъ будущаго, нечего опускать руки въ виду страшныхъ пораженій, понесенныхъ нами, нечего падать духомъ передъ многочисленными стоящими на нашемъ пути препятствіями, какъ бы грандіозны они не были. У революціи—источникъ энергіи непрерывный: собственное движеніе, которое можетъ остановиться лишь на время, чтобы затѣмъ съ удвоенной силой начать прежнюю созидательную работу, у реакціи—запасъ энергіи ограниченъ тѣмъ, что накоплено въ аккумуляторахъ. И потому побѣда за нами, какъ до послѣдняго момента своей жизни думалъ и вѣрилъ почившій товарищъ.

Въ тяжкую минуту, переживаемую нами, когда кругомъ царитъ измѣна и многія части нашего революціоннаго организма заражены гангреной, о которой здѣсь не мѣсто распространяться, въ мгновенія упадка, когда начинаешь терять вѣру въ людей, взоръ съ умиленіемъ и вѣрой въ торжество нашего дѣла останавливается на такихъ величавыхъ образахъ, какой являетъ намъ личность почившаго товарища.

Русская соціалъ-демократія преклоняется передъ могилой покойнаго товарища, оплакиваетъ въ немъ смѣлаго и отважнаго бойца, до послѣдняго этапа своего тернистаго пути высоко державшаго революціонное знамя. Пролетитъ скоро темное время, соратники снова соберутся вокругъ этой могилы и скажутъ, поминая почившаго бойца, словами великаго поэта:

«Шишко лежитъ въ сырой землѣ,
Здѣсь тлѣетъ трупъ его,
Но духъ его живетъ средь насъ
И насъ зоветъ къ борьбѣ».

Рѣчь тов. Юстина.

Отъ имени Польской Соціалистической Партіи.

Произнесена по-польски.

Отъ имени бывшей Революціонной Фракціи П. П. С., а въ настоящее время Польской Соціалистической Партіи я провожаю въ могилу усопшаго товарища-героя.

На похоронахъ обыкновенныхъ смертныхъ звучатъ пѣсни печали и раздаются молитвы за упокой души. Надъ могилой нашихъ товарищей-бойцовъ подымаются пѣсни жизни и протеста,—пѣсни, зовущія живыхъ въ дальнѣйшій бой. Намъ, носителямъ великой соціалистической идеи, нельзя погружаться въ печаль передъ несчастіями и невзгодами, которыя постигаютъ нашу общую революціонно-соціалистическую семью. Всякая великая идея была бы пустымъ звукомъ, если бы она не воплощалась всецѣло въ живыхъ людей,—а люди смертны...

Идеальнымъ воплощеніемъ нашей идеи была личность Шишко въ каждомъ моментѣ его плодотворной жизни: и въ смѣлой мысли, и въ тяжеломъ трудѣ, преодолѣвающихъ всѣ тѣ страшныя препятствія, которыми полна жизнь и дѣятельность революціонера.

Когда, послѣ разгрома Народной Воли, послѣ долголѣтняго заключенія, Шишко очутился на свободѣ, онъ принялся за тяжелый свой трудъ съ прежней пламенной вѣрой юноши и съ зрѣлой, могучей, смѣлой и творческой своей мыслью.

Въ настоящую пору—въ эпоху свирѣпой, черной реакціи, когда упадокъ духа ведетъ изо дня въ день свою опустошительную работу даже среди вчерашнихъ полныхъ вѣры бойцовъ революціи,—Шишко является великимъ примѣромъ революціоннаго мужества, которое не покидало его ни въ круговоротѣ боевой жизни, ни въ тяжелый часъ разгрома и пораженія. И ему, равно какъ и всѣмъ намъ, было извѣстно, что развитіе соціальной жизни идетъ по кривой, извилистой линіи. Но его философское спокойствіе и вѣра были спокойствіемъ и вѣрой философа-революціонера, который понималъ и чувствовалъ, что во всякій историческій часъ, при самыхъ горькихъ испытаніяхъ, революціонеръ долженъ сохранить и силу, и волю.

„Наступитъ время, когда сумрачное сѣрое небо нашей жизни зальетъ зарево новой, грядущей великой революціи. Въ нашихъ рядахъ не будетъ уже вѣрнаго бойца-товарища Шишко. Но будутъ съ нами его мысль, память о немъ и его завѣщаніе.

Рѣчь тов. Фриды.

Отъ имени Парижской Группы Содѣйствія „Бунду“.

Произнесена по-еврейски.

Товарищи и граждане! Передъ свѣжей могилой, которая только-что поглотила славнаго дѣятеля-революціонера Л. Э. Шишко, трудно произносить рѣчь. Хочу сказать лишь нѣсколько словъ. Какія чувства и мысли волнуютъ насъ всѣхъ? Мы стоимъ, какъ всегда, передъ неумолимой загадкой смерти и съ глубокимъ чувствомъ скорбимъ о потерѣ, понесенной въ лицѣ Л. Э. Шишко русской революціей, вообще, и Партіей С.-Р., въ частности. Но мы не только скорбимъ. Для революціонеровъ, для людей, живущихъ и борющихся для побѣды и торжества идеала—соціализма, смерть борцовъ— не только скорбь, не только забвеніе. Она—и вдохновеніе, она—и пламя, которое зажигаетъ въ насъ новыя искры для жизни и борьбы, ибо вѣчны и непрерывны наши идеалы. Товарищи! Мы хоронимъ товарища Шишко въ день пятилѣтія 9-го января. И когда передъ его могилой мы бросаемъ сегодня взглядъ на пройденное пятилѣтіе, мы можемъ съ увѣренностью констатировать и для насъ всѣхъ должно служить утѣшеніемъ то, что Шишко умеръ въ дни начинающей просвѣтляться общественной реакціи. Пусть нѣтъ еще сегодня открытаго выступленія памяти великаго историческаго дня русской революціи, пусть велика еще политическая бездѣятельность широкихъ рабочихъ массъ, пусть интеллигенція пребываетъ въ своемъ высокомѣрномъ индифферентизмѣ къ явленіямъ историческаго переворота,— но фактъ, что повсюду рабочіе снова пробуждаются къ жизни, что повсюду рабочіе снова берутся за свое соц.-демократическое дѣло, возстановляютъ свои организаціи, всюду соц.-демократическое сознаніе рабочихъ пробивается черезъ всѣ преграды и препятствія жизни,—и мы идемъ медленно, но твердо по пути къ осуществленію требованій и задачъ рабочаго класса.

Товарищи! Если мы хотимъ чтить память умершаго борца, если искренни чувства, которыя здѣсь насъ волнуютъ, то лучшимъ этому залогомъ и доказательствомъ будетъ усиленіе нашей личной энергіи въ борьбѣ и укрѣпленіе нашихъ силъ для успѣха и побѣды русской революціи и соціализма.

Рѣчь тов. Александрова.

Отъ имени Загр. Бюро Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

Отъ имени Загр. Бюро Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. я явился сказать послѣднее „прости“ безвременно умершему товарищу, — стойкому, энергичному борцу, мягкому, чуткому, кристально-чистому человѣку. Не на родной сторонѣ, гдѣ онъ жилъ и боролся, не среди кликовъ побѣдившаго народа отходитъ онъ въ могилу, а здѣсь, на далекой чужбинѣ, среди насъ, въ большинствѣ израненныхъ инвалидовъ, среди насъ, изъ которыхъ многіе—сами кандидаты послѣдовать за нимъ скоро въ могилу, скончался онъ въ тяжелый моментъ жизни нашей родины...

Но именно онъ, пережившій и перестрадавшій тяжелую годину реакціи 80-хъ годовъ,—именно онъ, лучше насъ, здѣсь присутствующихъ, понималъ, что „какъ бы ночь не злилася и небо не темнила, а все разсвѣта намъ не миновать“. Ибо зналъ онъ, что проснулся теперь тотъ, кто тогда, въ 80-хъ годахъ, не поддержалъ борцовъ; проснулся тотъ, кого будилъ неустанно громкій голосъ покойнаго, проснулся великій русскій народъ. И голосъ умершаго раздавался звучно на всю Россію, рушилъ историческіе предразсудки, звалъ къ борьбѣ. Этой заслуги не забудетъ ему русскій народъ. За это онъ поставитъ и его имя въ Пантеонъ Великой Россійской Революціи, который нѣкогда воздвигнетъ свободная Россія. И потомки скажутъ дорогому товарищу: „Sit tibi terra levis“.

Рѣчь тов. Днипріенко [1]).

Отъ имени Украинской Громады въ Парижѣ.

Въ лицѣ Л. Э. Шишко революціонной соціализмъ и революціонная Россія потеряли славнаго борца.

Немощный тѣломъ, измученный въ царскомъ плѣну, онъ не въ силахъ былъ возвратиться къ активной работѣ. Но бодрымъ духомъ онъ всегда былъ въ станѣ борющихся и немало сдѣлалъ онъ для уясненія тяжелой борьбы, для облегченія ея.

Молодыхъ борцовъ онъ заражалъ революціонной энергіей.

[1]) Эта рѣчь, по случайнымъ обстоятельствамъ, не была произнесена надъ могилой.

Находясь вдали отъ родной страны, онъ болѣлъ ея страданіями. Его до послѣднихъ дней юношески чуткой душѣ понятны были движенія души народной.

И мы, сыны молодой просыпающейся трудовой Украины, находили въ немъ поддержку.

„Къ народу нужно идти съ живымъ словомъ, съ живымъ, его языкомъ, съ твердымъ знаніемъ его прошлаго, его культуры, его экономическаго положенія, его жизни,— говорилъ онъ,—исходя только изъ всего этого, можно народъ наисправедливѣйшими путями наибыстрѣе приблизить къ пониманію интернаціональнаго соціализма, добиться его“...

Движеніе національное онъ отличалъ отъ движенія націоналистическаго. Считалъ первое большимъ шагомъ по пути къ прогрессу.

Къ національному возрожденію украинскаго народа онъ относился со вниманіемъ... А не намъ ли, украинцамъ, цѣнить это!

Больше всего и лучше всего понималъ Леонидъ Эммануиловичъ психологію трудового крестьянства; больше всего интересовался имъ и своими литературными работами много содѣйствовалъ разработкѣ земельнаго вопроса въ духѣ соціализма.

Нашъ народъ украинскій—преимущественно въ крестьянствѣ. Труды Л. Э. не останутся для него безполезными.

«. . . . в семьі великій,
В семьі вольній, новій»

его не забудутъ помянуть

«Незлим, тихим словомъ».

Рѣчь тов. Ратнера.

Отъ имени Соціалистической Еврейской Рабочей Партіи („Серпъ“).

Отъ имени Соціалистической Еврейской Рабочей Партіи, партіи „Серпъ“, считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ дорогой памяти незабвеннаго усопшаго.

Товарищи и граждане! Мы стоимъ надъ свѣжимъ прахомъ близкаго покойника, много, честно и славно поработавшаго надъ святымъ дѣломъ россійскаго освобожденія.

Въ черные осенніе дни, въ несчастные годы политическаго ненастья, когда свинцовыя тучи мрачно сгустились надъ россійскимъ горизонтомъ, покойный былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ борцовъ и мучениковъ движенія, которые неустанно шевелили мысль, будили чувство, звали и звали къ активному революціонному дѣлу.

И не только какъ непосредственный политическій борецъ, Шишко провелъ свою живительную борозду, стоя на славномъ посту соціалиста и революціонера.

Своими научными работами, своими историческими изслѣдованіями Шишко много содѣйствовалъ разсѣянію той вѣковой тьмы и неправды, которая стала поперекъ тернистой дороги народнаго самосознанія, заграждая выходъ къ свѣту, правдѣ, добру.

Русская соціалистическая мысль, русское революціонное движеніе теряетъ въ покойномъ одного изъ беззавѣтныхъ тружениковъ, умѣвшаго отдать жизнь свою за други своя.

Теперь, послѣ нѣкоторой передышки, въ теченіе которой дѣятелямъ русской революціи удалось вздохнуть почти полной грудью на родной россійской почвѣ, мы опускаемъ въ могилу нетлѣнный прахъ дорогого покойника въ минуту, когда снова сѣетъ мелкій дождь и низко надъ родиной опустился туманъ безвременья и разноголосицы.

Но сквозь туманъ уже видѣнъ просвѣтъ, твердый ледъ сломанъ, сломанъ, между прочимъ, усиліями такихъ піонеровъ движенія, какимъ воистину былъ честный, хрустально-чистый Шишко.

Близко время, — я въ это вѣрю, я въ этомъ глубоко убѣжденъ, — когда освобожденный пролетаріатъ и вмѣстѣ съ нимъ возрожденные къ новой жизни народы Россіи придутъ и открыто вспомнятъ того, кто, по примѣру своихъ предшественниковъ, сложилъ свои бренные останки здѣсь, въ прекрасномъ европейскомъ далекѣ, вдали отъ тѣхъ, для кого онъ жилъ, во имя кого работалъ и страдалъ.

Миръ праху твоему, дорогой товарищъ, честный работникъ, смѣлый революціонеръ!

Рѣчь тов. Чайкина.

Отъ имени Центр. Бюро Загран. Группъ Р. С.-Д. Р. П

Ц. Б. З. Г. Р. С.-Д. Р. П. поручило мнѣ сказать последнее „прости“ Леониду Эммануиловичу Шишко.

Гражданки, граждане, товарищи! Еще не затвердѣла земля надъ могилой недавно умершаго нашего товарища соц.-демократа Джапаридзе. Еще не засохла кровь на томъ мѣстѣ, гдѣ только-что совершено массовое убійство нашихъ тт. въ Екатеринославѣ, а ужъ приходится оплакивать новую жертву, вырванную на этотъ разъ изъ рядовъ братской Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Тт., граждане! Трудно говорить надъ свѣжераскрытой могилой такого человѣка, какъ Л. Э. Шишко.

Когда даже въ огромномъ лѣсу буря вырветъ съ корнемъ могучее дерево,—насъ охватываетъ какая-то непонятная жалость.

Когда же въ среду одиноко стоящихъ знакомыхъ столѣтнихъ дубовъ ударитъ молнія и сокрушитъ одинъ изъ гигантовъ, тогда насъ душатъ волненье и тоска и грызетъ сознаніе невозвратимой и ничѣмъ невознаградимой утраты.

А, вѣдь, Л. Э. Шишко былъ именно однимъ изъ немногочисленныхъ уже „стариковъ“, однимъ изъ стаи славныхъ героическаго періода русской революціи, однимъ изъ тѣхъ пламенныхъ Святогоровъ, которые искали точки опоры, чтобы разомъ повернуть всю землю.

Пусть они были только мечтателями. Но беззавѣтность порыва, смѣлость дерзанья—вотъ что плѣняетъ насъ въ нихъ.

Тт., граждане! Можетъ быть, кто-нибудь изъ васъ думаетъ, что Л. Э. Шишко палъ отъ личнаго недуга, что здѣсь примѣнимы слова Кольцова:

«Съ богатырскихъ плечъ сняли голову
Не большой горой, а соломинкой».

Кто сталъ бы такъ думать, тотъ глубоко ошибся бы.

Л. Э. Шишко былъ изъ тѣхъ людей, чья жизнь неразрывно срослась съ дѣломъ, которому они служатъ. Его жизнь была въ революціи. Ея успѣхи—вотъ источникъ подъема его духа, прилива силъ. Ея пораженія, торжество злѣйшей реакціи—вотъ что нанесло ему неизлѣчимыя раны, вотъ что ускорило развитіе тяжкаго недуга, вотъ что приблизило роковую развязку.

Если ужъ говорить словами Кольцова, то приходится сказать:

«Не осилили тебя сильные,
Такъ подрѣзала осень черная».

Тт., граждане! 4 года назадъ мнѣ выпало на долю проводить въ могилу другого борца, Михаила Рафаиловича Гоца. Можетъ показаться, что Гоцъ былъ счастливѣе Шишко. Гоцъ умиралъ тогда, когда молодыя вырвавшіяся наружу силы еще не были разбиты, еще не были придавлены. Гоцъ не пережилъ послѣднихъ 4-хъ лѣтъ.

Послѣднее четырехлѣтіе! Вѣдь, это—воскресеніе временъ Нерона въ XX вѣкѣ. Вся Россія покрылась „аллеями“ садовъ Цезаря, его „факелами“—висѣлицами. Но и по числу

жертвъ и по силѣ духа распятыхъ великомучениковъ—вѣкъ безумнаго Цезаря блѣднѣетъ предъ эпохой Николая Романова. Есть, впрочемъ, и разница эпохъ. Тогда на гнетъ и насилія отвѣчали покорностью и всепрощеніемъ. Теперь отвѣчаютъ силой борьбы.

Тов. Шишко пережилъ эти кошмарные 4 года. И все же—нѣтъ!—Гоцъ не былъ счастливѣе его.

Когда умиралъ Гоцъ, смрадное кольцо реакціи еще только замыкалось. Когда умиралъ Шишко, оно уже размыкалось.

Гоцъ, умирая, видѣлъ слабѣющую волну отлива. Шишко чуткимъ ухомъ могъ слышать вдали рокотъ растущей волны прилива; приближеніе, быть можетъ, девятаго, побѣднаго вала русской революціи.

Гоцъ умиралъ въ сумерки первой русской революціи. Шишко съ улыбкой могъ видѣть занимающуюся зарю второй.

Тт., граждане! Самой судьбѣ, слѣпому случаю угодно было подчеркнуть значеніе покойнаго Л. Э. Шишко. Мы хоронимъ его на завтра послѣ 9 января. Еще одна кристально-чистая капля слилась съ той могучей волной, которая захлестнула улицы Петербурга и скатилась въ братскія могилы въ варфоломеевское утро 9-го января 1905 г.

И, обращаясь ко всѣмъ безымяннымъ скромнымъ—великимъ борцамъ 9-го января и вмѣстѣ къ Л. Э. Шишко, скажемъ имъ:

«Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь, благородный».

Тт., граждане! Въ предсмертныхъ мукахъ нашихъ тт. самой тяжкой является дума о томъ, что станется съ знаменемъ, выпадающимъ изъ ихъ слабѣющихъ рукъ.

Нѣтъ лучшаго способа почтить память павшихъ товарищей, какъ подхватить ихъ знамя, поднять его высоко-высоко и нести далеко, до тѣхъ поръ, пока мы побѣдно и увѣренно сможемъ сказать:

«Наше знамя рѣетъ надъ всѣмъ міромъ».

Тт., граждане! Вотъ трупъ одного изъ павшихъ знаменосцевъ. Земно тебѣ кланяюсь, великій солдатъ революціонной арміи соціализма!

Рѣчь тов. В. М. Чернова.

Товарищи!

Бываютъ времена, когда даты отмѣчаются только могилами. Глухія, сумеречныя времена, тянущіяся отъ одной смерти къ другой...

Съ торжествомъ контръ-революціи такое время началось для насъ. И оно до сихъ поръ еще не пережито. На это время выпала смерть Леонида Эммануиловича Шишко, передъ гробомъ котораго нынѣ всѣ мы тихо склоняемся съ обнаженными головами.

Не случайно его смерть объединила людей всѣхъ направленій, фракцій, сектъ, такъ разрозненныхъ въ обычное время, въ сѣрыя дѣловыя будни эмигрантскаго существованія. Братскія чувства невольно пробуждаются въ сердцахъ всѣхъ надъ этой свѣжей могилой,—могилой человѣка, безупречный образъ котораго во всѣхъ партіяхъ возбуждалъ одни и тѣ же чувства преклоненія передъ кристальной чистотой, беззавѣтной преданностью дѣлу и обаятельной мягкостью этого вдумчиваго, скромнаго и неустаннаго работника.

Онъ мало говорилъ,—онъ много дѣлалъ. Онъ старался быть въ тѣни, онъ чувствовалъ себя счастливымъ, когда оставался незамѣтнымъ,—тѣмъ замѣтнѣе для насъ его потеря. Тихая застѣнчивость этого человѣка такъ оттѣняла его умственную и моральную авторитетность. А личная мягкость характера такъ оттѣняла непреклонную твердость его убѣжденій... Тихія воды глубоки...

Для насъ, членовъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, Л. Э. Шишко былъ живымъ олицетвореніемъ начала революціонно-соціалистическаго движенія въ Россіи, олицетвореніемъ той поры, когда „новая правда" внезапно озарила и согрѣла юныя души, распускавшіяся, подобно весеннему цвѣтку, подъ живительными лучами восходящаго солнца соціализма; поры, когда соціализмъ въ Россіи былъ такъ слабъ количествомъ и такъ силенъ качествомъ своихъ приверженцевъ, когда къ нему гнала не мода, не успѣхъ, не стадное увлеченіе, когда къ нему шли только избранные. Тяжелые удары судьбы на горнилѣ тогдашней суровой русской дѣйствительности выковали тотъ высокій нравственный типъ, образцомъ котораго былъ для насъ Л. Э. Шишко. Въ наше время, когда соціалистическое движеніе разлилось вширь, но вмѣстѣ съ тѣмъ замутилось по краямъ всевоз-

можными чуждыми примѣсями, когда въ атмосферѣ реакціи, разочарованія и упадка духа эта муть и накипь угрожають самой сердцевинѣ движенія,—такіе образы, какъ Шишко, служатъ маяками. Они—воплощенное напоминаніе о томъ, что носители соціализма сами, прежде всего, должны быть достойны исповѣдуемаго ими ученія, что личными качествами своими они должны быть живою проповѣдью, живымъ свидѣтельствомъ за него. Ибо движеніе неотдѣлимо отъ лицъ, и не могутъ высоко держать знамя его тѣ, кто способенъ уронить себя, какъ нравственную личность, поскользнувшись въ болотѣ окружающей дѣйствительности.

Біографію Шишко еще надо написать... Она, быть можетъ, не такъ богата внѣшними событіями, какъ другія біографіи, но внутреннимъ содержаніемъ она богата. Выходецъ изъ привиллегированнаго сословія, офицеръ, безповоротно порвавшій со своей средой и карьерой, чтобы нести новое евангеліе, евангеліе соціализма въ рабочіе кварталы Петербурга, чтобы принять участіе въ одушевленномъ крестовомъ походѣ въ святую землю народной жизни, онъ черезъ процессъ 193-хъ, тюрьму, каторгу, поселеніе, побѣгъ, пришелъ къ новому революціонному поколѣнію и всталъ въ его ряды. Олицетворенное воплощеніе исторіи русской революціи, онъ развивался вмѣстѣ съ этой исторіей, посредствомъ нея, изъ ея опыта. Четверть вѣка работы и борьбы—какъ много времени и какого времени!—протекала для него прежде, чѣмъ онъ встрѣтился съ этимъ новымъ поколѣніемъ, прежде чѣмъ онъ вступилъ вмѣстѣ съ нимъ въ пору своей второй юности.

Въ Партію Соц.-Рев. Л. Э. Шишко вступилъ не сразу. Онъ долго присматривался къ ней. Онъ былъ не изъ тѣхъ, которые легко приходятъ въ Партію во время ея успѣховъ— и такъ же легко прощаются съ ней въ годину неудачъ и тяжелыхъ испытаній. Его любовь нужно было завоевать— завоевать не внѣшними побѣдами, а процессомъ глубокаго, духовнаго сближенія. Но, разъ завоевавъ его любовь, ея нельзя было потерять.

Л. Э. Шишко всецѣло развернулся, какъ умственная и литературная сила, тогда, когда мы, болѣе молодые революціонеры, принесли ему изъ глубинъ Россіи отрадную вѣсть, что мечта его юности готова сбыться, что пропасти между интеллигенціей и народомъ нѣтъ болѣе, что пробуждается не только рабочій классъ городовъ, но и еще болѣе многочисленный рабочій народъ деревень.

Несмотря на слабость здоровья, онъ поражалъ насъ всѣхъ своею работоспособностью. Неустанно, систематично и методично онъ работалъ перомъ. Наша популярная народная литература обязана ему своими лучшими работами. Смерть его грустно поразитъ не только насъ, его близкихъ товарищей по работѣ. На нее болѣзненно откликнется сердце не одного рабочаго и не одного крестьянина въ самыхъ глухихъ, заброшенныхъ углахъ Россіи. Такое счастье выпадаетъ на долю немногимъ.

Въ разгаръ революціонныхъ событій 1905—1906 гг. Л. Э. Шишко, несмотря на зловѣщіе симптомы прогрессирующей болѣзни, не могъ быть вдали отъ водоворота борьбы. Онъ явился въ нашу среду, въ Россію, чтобы собственными глазами видѣть и осязать перипетіи переживаемаго смутнаго времени и разобраться въ сокровенномъ смыслѣ его. Контръреволюціонный поворотъ не смутилъ его. Его духовный взоръ не приковался къ гнетущимъ впечатлѣніямъ переходящаго историческаго момента. Онъ охватывалъ, на твердомъ фундаментѣ личнаго опыта, гораздо болѣе широкую и длинную историческую полосу. И вотъ почему въ то самое время, когда отчаяніе и разочарованіе бывали нерѣдкимъ гостемъ среди молодежи, полной еще неистраченныхъ силъ, свѣжести и здоровья,—онъ сохранялъ все время ясную, спокойную, тихую увѣренность въ прочности того дѣла, у колыбели котораго онъ стоялъ въ своей далекой невозвратной юности. Всѣ событія располагались у него въ болѣе правильной исторической перспективѣ. Чуждый чрезмѣрныхъ надеждъ разгара революціонныхъ событій, онъ остался чуждъ и чрезмѣрныхъ разочарованій. Перемѣнное счастье борьбы не могло разбить той нравственной брони, которую закалила жизнь,—жизнь, цѣликомъ посвященная служенію дѣлу.

Еще недавно, скорбя вмѣстѣ съ нимъ о состояніи революціоннаго лагеря, подсчитывая число деморализованныхъ и отступившихся, мы слышали отъ него слова ободренія и вѣры. Именно въ такія тяжелыя эпохи, говорилъ онъ, растетъ и закаляется новое революціонное поколѣніе, приходящее къ соціализму и революціи не такъ легко, какъ въ историческіе праздники, но зато тѣмъ болѣе прочно. Быть можетъ, въ этомъ скрыта глубокая правда. Л. Э. Шишко самъ воспитался и выковался, какъ нравственный типъ, въ одну изъ такихъ мрачныхъ и тяжелыхъ эпохъ. И если, дѣйствительно, годины испытаній улятъ намъ, послѣ всѣхъ тяжелыхъ и гнетущихъ впечатлѣніс возрожденій етого нравственнаго

типа, лучшимъ образцомъ котораго былъ Л. Э. Шишко,— дѣло революціи будетъ въ вѣрныхъ рукахъ, которыя никогда не опустятся въ уныніи или безсиліи...

Мы приходили прощаться съ дорогимъ намъ покойникомъ. И когда я въ послѣдній разъ глядѣлъ на близкія, знакомыя черты его лица, застывшаго подъ ледяною рукою смерти, то оно производило на меня иллюзію тихаго, мирнаго сна. Ясное, спокойное выраженіе, казалось, напоминало намъ всѣмъ и завѣщало намъ ту же ясность души и спокойную вѣру въ будущее, которыя составляли силу Шишко и которыя неразлучны съ настоящей, глубокой убѣжденностью соціалиста и революціонера.

Письма и телеграммы, [1])

полученныя Комитетомъ по устройству похоронъ, Областнымъ Заграничнымъ Комитетомъ, черезъ тов. Рубановича и др. [2]).

А) Отъ заграничныхъ организацій соц.-революц.

1. Глубоко потрясены потерей дорогого товарища и учителя Л. Э. Шишко.

Нансійская Гр. С.-Р.

2. Вѣчная память Нестору Партіи.

Карлсруйская Гр. С.-Р.

3. Глубоко скорбимъ по поводу кончины дорогого Л. Э. Раздѣляемъ горе Партіи, потерявшей столь честнаго работника въ такой критическій моментъ.

Берлинскіе С.-Р-ы.

4. Глубоко опечалены потерей неоцѣнимаго работника. Присоединяемся къ горю П. С.-Р.

Монпельевская Гр. С.-Р.

5. Скорбимъ о потерѣ борца-товарища.

Бернская Гр. С.-Р.

6. Низко кланяемся праху незабвеннаго человѣка-революціонера.

Льежская Гр. С.-Р.

---

[1]) Перепечатывается изъ заграничнаго сборника «Памяти Л. Э. Шишко» 1910 г. Ред.

[2]) Письма и телеграммы частныхъ лицъ приводятся въ сокращеніи.

7. Получивъ тяжелое извѣстіе о кончинѣ Л. Э. Шишко, выражаемъ свои соболѣзнованія и присоединяемся къ тяжелому горю, постигшему Партію съ утратою одного изъ славныхъ и преданнѣйшихъ ея дѣятелей.

Фрейбургская Гр. С.-Р.

8. Присоединяемъ свои чувства глубокой скорби къ общему горю Партіи, грустно склонившейся надъ могилою Л. Э. Шишко.

Тулузская Гр. С.-Р.

9. Снова сошелъ въ могилу одинъ изъ основателей П. С.-Р. Но партія сама осталась жива. Благоговѣйно храня память о выбывшемъ изъ ея рядовъ ветеранѣ русской революціи, она продолжитъ борьбу за то, что было дѣломъ его жизни.

Гейдельбергская Гр. С.-Р.

10. Выражаемъ глубокое чувство скорби по случаю утраты нашего дорогого товарища Л. Э. Шишко.

Лондонская Гр. С.-Р.

11. Выражаемъ свое глубокое соболѣзнованіе по поводу смерти товарища Шишко, утрата котораго является незамѣнимой для Партіи, потерявшей въ немъ идейнаго борца и великаго революціонера, всегда высоко державшаго знамя Партіи.

Вѣнская Гр. С.-Р.

12. Глубоко потрясены смертью учителя и основателя нашей Партіи, дорогого Шишко; шлемъ свои братскія чувства всѣмъ оплакивающимъ великаго борца, соціалиста-революціонера.

Группа членовъ П. С.-Р. въ Брюсселѣ.

13. Потрясены ужасною утратою незабвеннаго борца за Землю и Волю.

Антервепенская Гр. С.-Р.

14. Глубоко опечаленные, просимъ возложить вѣнокъ на могилу дорогого умершаго товарища.

Женевская Гр. С.-Р.

15. Просьба возложить вѣнокъ.

Лозаннская Гр. С.-Р.

16. Просьба возложить вѣнокъ.

Цюрихская Гр. С.-Р.

В) **Отъ русскихъ соціалистическихъ партій и другихъ организацій за границей.**

1. Парижская группа содѣйствія Р. С.-Д. Р. П. выражаетъ Вамъ, товарищи, свое глубокое соболѣзнованіе по случаю смерти дорогого товарища, славнаго борца и ветерана русской революціи, Л. Э. Шишко.

2. 2-ая Парижская группа сод. Р. С.-Д. Р. П. выражаетъ Вамъ, товарищи, свое глубокое соболѣзнованіе по случаю безвременной смерти глубокоуважаемаго Л. Э. Шишко. Вѣчная память!

3. Выражаемъ глубокую скорбь по поводу громадной утраты, понесенной нашими собратьями—Партіей Соціалъ-Революціонеровъ,—въ лицѣ дорогого товарища Шишко.

Центр. Бюро Загр. Группъ Р. С.-Д. Р. П.

4. Въ Центр. Комитетъ П. С.-Р. Редакція „Голоса Соціаль-Демократа“ выражаетъ Вамъ глубокое соболѣзнованіе по поводу кончины доблестнаго ветерана революціи—Л. Э. Шишко.

По порученію редакціи Ф. Данъ.

5. Заграничный Комитетъ Бунда выражаетъ свое соболѣзнованіе Партіи С.-Р. по поводу смерти выдающагося революціонера Шишко.

6. Парижская группа содѣйствія Бунду выражаетъ Партіи С.-Р. свою глубокую скорбь по поводу кончины борца и ветерана русской революціи Л. Э. Шишко.

7. Антверпенская Группа Р. С.-Д. П. выражаетъ соц.-революціонерамъ свое глубокое соболѣзнованіе по поводу кончины Шишко.

8. Смерть одного изъ славнѣйшихъ ветерановъ русской революціи вызвала нашу глубокую скорбь. Шлемъ Партіи С.-Р. братскія соболѣзнованія. Да здравствуетъ революція!

Льежскія группы Р. С.-Д. Р. П.

9. Просимъ передать искреннее соболѣзнованіе товарищамъ и друзьямъ въ виду жестокаго удара, постигшаго Партію С.-Р..—утраты Шишко. Просимъ возложить вѣнокъ отъ имени нашей Партіи.

Дрошакъ.

10. Русское Общество имени Герцена въ Лондонѣ выражаетъ Центр. Комитету П. С.-Р. глубокое соболѣзнованіе по поводу смерти того, кто зналъ народную душу, умѣлъ съ нею говорить; отдалъ всю свою жизнь на борьбу за правду,—Леонида Шишко.

11. Глубоко скорбимъ въ виду тяжелой утраты въ рядахъ русской революціи.

Русскій кружокъ имени Герцена въ Лондонѣ.

12. Группа лицъ (25 чел.) въ Базелѣ проситъ передать Партіи С.-Р. ихъ глубокую скорбь по поводу смерти славнаго борца за Народную Волю.

13. Многолюдный митингъ всѣхъ русскихъ революціонныхъ группъ въ Вѣнѣ 24 янв. (въ память 9 янв. 1905 г.), при участіи чешскихъ и нѣмецкихъ рабочихъ, выслушавъ печальную вѣсть о смерти Л. Э. Шишко,—постановилъ выразить скорбь по поводу утраты славнаго и заслуженнаго борца русской революціи.

14. Поватані товарищи! Рада „Украінськоі Громади“ (въ Парижѣ) на зібранню дня 21/1 рішила взять участь въ похоронахъ своего земляка Леонида Шишко и призначила двохъ представниківъ.

15. Международный Комитетъ помощи безработнымъ Россіи выражаетъ свое глубокое сочувствіе Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ по поводу потери ею такого славнаго борца за политическую свободу, какъ покойный тов. Шишко, положившій основаніе исторіи русскаго революціоннаго движенія. Духъ его будетъ вѣчно жить въ исторической памяти, въ его трудахъ и въ сердцахъ товарищей по великой освободительной борьбѣ.

Просимъ принять, дорогой товарищъ, наши соціалистическія привѣтствія. Предсѣдатель Г. Броше, секретарь К. Злипченко. (Лозанна).

C) Отъ иностранныхъ соціалистическихъ партій и организацій.

1. Гражданинъ Рубановичъ! Исполнительный Комитетъ Международнаго Соціалистическаго Бюро поручилъ мнѣ выразить самое искреннее соболѣзнованіе по поводу смерти стараго борца Шишко. Комитетъ проситъ Васъ взять завтра отъ его имени слово и сказать о томъ, какъ оплакиваетъ Интернаціоналъ потерю этого доблестнаго человѣка.

Брюссель. Межд. Соц. Бюро. Секретаріатъ.

2. Шведская Соц.-Дем. Партія раздѣляетъ вашу скорбь. Еще одинъ передовой борецъ палъ въ ужасной борьбѣ противъ позорнаго царизма. Но будущее—за свободой и соціализмомъ!

Брантингъ. (Стокгольмъ).

3. Соц.-Демократія Даніи выражаетъ свои соболѣзнованія по поводу утраты тов. Шишко,—борца за наше общее дѣло.

Кнудсенъ. Стонингъ. (Копенгагенъ).

4. Наше глубокое сожалѣніе по случаю смерти товарища Шишко.

За австрійскую Соц.-Дем. Партію—Скаретъ. (Вѣна).

5. Насъ взволновала вѣсть о смерти Л. Шишко, отнявшая у дѣла русской цивилизаціи энергичнаго партизана, преданнаго, достойнаго самаго глубокаго нашего уваженія. Если бы позволяло здоровье,—я почелъ бы долгомъ присутствовать на его похоронахъ и принять участіе въ погребальной процессіи... Прошу Васъ видѣть въ этихъ словахъ искреннее чувство сожалѣнія, которое вызываетъ во мнѣ мое вынужденное отсутствіе.

Де-Прессансэ, депутатъ.
(Президентъ Французской Лиги
Защиты Правъ Человѣка и гражданина).

6. Дорогой товарищъ! Считаю долгомъ извѣстить Васъ, что на засѣданіи 22 янв. вотированъ единогласно слѣдующій порядокъ дня: „Секція St Maur. глубоко скорбя о смерти великаго соціалиста Леонида Шишко, шлетъ свой братскій привѣтъ доблестной Партіи Соц.-Революціонеровъ, подвергшейся тяжкому испытанію".

Секретарь секціи въ St Maur, Uaillant.

D) Отъ отдѣльныхъ лицъ изъ-за границы и Россіи.

1. Мы очень сожалѣемъ о томъ, что не въ состояніи присутствовать завтра на похоронахъ тов. Шишко, но Брантингъ-сынъ находится въ Парижѣ и замѣнитъ меня. Если же, къ несчастію, и ему нельзя будетъ сдѣлать, я Васъ прошу передать присутствующимъ все чувство симпатіи, которое питаетъ шведская соц.-демократія къ доблестнымъ борцамъ русской революціи, обреченнымъ, увы, большею частью, на преждевременную смерть, предъ тяжкой, требующей героизма, задачей. Но имена такихъ борцовъ, какъ Шишко, Гершуни, Чернякъ, покроютъ лучшія страницы человѣческой исторіи—въ этомъ наше утѣшеніе!

Palmer.

2. Я былъ бы особенно счастливъ присутствовать завтра, и какъ делегатъ отъ парламентской соціалистической группы, и какъ товарищъ, на похоронахъ замѣчательнаго борца, о смерти котораго всѣ скорбятъ,—Л. Шишко. Вы знаете мое чувство удивленія и симпатіи по отношенію ко всѣмъ русскимъ революціонерамъ, терпящимъ временныя неудачи, разбиваемымъ иногда, но никогда непобѣждаемымъ... Къ сожалѣнію, я долженъ завтра уѣхать въ провинцію, чтобы выступить на собраніи по вопросу о R. P... Прошу васъ передать вашимъ товарищамъ мое глубокое сожалѣніе.

Willm (Вильмъ—депутатъ отъ Clichy—Levallois).

3. Глубоко сожалѣю о томъ, что не въ состояніи буду принять участіе въ похоронахъ, чтобы почтить и воздать должное памяти утраченнаго друга, великаго гражданина русской революціи и Интернаціонала...

Соціалистическая Парламентская Группа послѣ того, какъ выяснилось, что я, Жоресъ и Поль Констанъ не можемъ по основательнымъ причинамъ присутствовать на похоронахъ, постановила делегировать Мелье, депутата St Ouen... Позвольте просить Васъ отъ себя и моихъ друзей передать прощальный привѣтъ соціалисту-революціонеру, которому я хотѣлъ бы самъ выразить наше удивленіе, а Вамъ и вашимъ друзьямъ—чувство симпатіи и солидарности...

Ed. Vaillant (Эд. Вайянъ, депутатъ Сены).

4. Я былъ въ разъѣздахъ, на конференціяхъ, когда получилось ваше извѣщеніе. Очень сожалѣю, что былъ лишенъ возможности сказать слово въ память одного изъ выдающися товарищей. Примите и пр.

Эрве (директоръ „La Guerre Sociale").

5. ...Каждый разъ, когда одинъ изъ вашихъ товарищей умираетъ на французской территоріи, мы должны провожать его съ особенною печалью, какъ бы совершая церемонію искупленія; чрезмѣрная снисходительность французскаго правительства по отношенію къ царизму и его агентамъ и преступное соучастіе нашихъ банкировъ, которые снабжаютъ оружіемъ организаторовъ убійствъ и погромовъ и всѣхъ палачей русскаго народа, обязываетъ насъ тѣмъ болѣе чтить жертвы революціи. Передайте вашимъ друзьямъ увѣренія, что завтра я буду сердцемъ съ вами всѣми и что, когда я буду говорить въ томъ мѣстечкѣ, куда я ѣду, о Франциске Феррерѣ,—буду черпать вдохновеніе въ воспоминаніи о Леонидѣ Шишко...

Pierre Quillard
(вице-президентъ Лиги друзей русскаго народа).

6. Долженъ присутствовать на конгрессѣ въ Corbcil, искренне сожалѣю, что не могу присутствовать на похоронахъ тов. Шишко.

Лафаргъ.

7. ...Я васъ прошу присоединить къ тому удивленію, которое будетъ воздано на могилѣ великаго революціонера, дань отъ нашихъ товарищей Аргентинской Соціалистической Партіи, которые, имѣя также жертвы правительственной тираніи, будутъ всегда вдохновляться великими и прекрасными примѣрами героизма и мученичества русской революціи...

Ach. Cambier.

8. Еще одна непоправимая утрата. Скорбный привѣтъ нашему дорогому Леониду!

Бохановская. Цюрихъ.

9. Получивъ краткое извѣстіе о смерти нашего стараго друга Шишко, мы можемъ сейчасъ въ этихъ немногихъ строчкахъ засвидѣтельствовать лишь свое участіе въ общей

скорби, охватившей друзей его и Партію, которой онъ былъ такъ преданъ.

Гельсингфорсъ.

10. Примите нашу глубокую симпатію въ виду громадной утраты, понесенной въ лицѣ незабвеннаго Шишко.

Семейство Плехановыхъ.

11. Глубоко потрясенные, шлемъ свое братское „прости" на могилу незабвеннаго Леонида.

Астрахань.

12. Шлемъ свои соболѣзнованія и отъ всего сердца раздѣляемъ съ вами и всѣми товарищами печаль въ виду жестокого удара.

Группа старыхъ товарищей. Петербургъ.

13. Шлю послѣднее прости глубокоуважаемому и любимому товарищу.

Житловская. Бернъ.

14. Славному товарищу и другу послѣдній привѣтъ.

Бахъ. Женева.

15. Вмѣстѣ со всей Партіей скорбимъ о тяжелой утратѣ незамѣнимаго товарища и учителя Шишко.

Группа товарищей. Кларанъ.

16. Шлемъ свою скорбь по случаю смерти одного изъ достойнѣйшихъ борцовъ за счастье трудящихся.

Семья Ф. Лозанна.

17. Раздѣляю со всею Партіей печаль передъ могилой учителя и друга.

Тов. Тесленко. Италія.

18. Дорогой товарищъ! Позвольте Вамъ, какъ оффиціальному представителю П. С.-Р., выразить все мое чувство глубокой скорби передъ новой незамѣнимой партійной утратой—смертью дорогого и стойкаго революціонера Шишко.

Г. Хрусталевъ. Парижъ.

19. Только-что получилъ письмо съ печальнымъ извѣстіемъ о смерти дорогого намъ всѣмъ тов. Леонида Шишко. Грустно на сердцѣ отъ потери дорогого товарища по идеямъ

и дѣятельности. Невыразимо грустно стало, слезы душатъ отъ сознанія, что не стало уже милаго товарища, съ которымъ такъ радостно всегда встрѣчался здѣсь, за границей. Добраго, отзывчиваго Леонида нѣтъ уже больше, нѣтъ уже этого умнаго, энергичнаго работника, всецѣло преданнаго до конца жизни своей интересамъ русской революціи. Потеря огромная, въ особенности въ настоящее время, столь трудное для русской революціонной партіи. Онъ, какъ истый сынъ революціи, всегда смѣло и высоко держалъ ея знамя. Образъ внезапно оставившаго насъ дорогого товарища долго останется съ нами. Да послужитъ онъ намъ всѣмъ примѣромъ, и я надѣюсь, что мы, какъ наслѣдники его, вполнѣ оправдаемъ себя, служа дѣлу русской революціи...

А. Тепловъ. Лондонъ.

20. Смерть Леонида Эммануиловича глубоко опечалила меня и всѣхъ, кто зналъ этого благороднаго человѣка и неустаннаго борца за счастье народа, свободу и соціализмъ. Жаль, что покойный не дожилъ до торжества тѣхъ идеаловъ, которымъ онъ отдалъ свою жизнь: его горячая любовь къ трудящимся массамъ заслуживаетъ этого. Прошу Васъ передать отъ меня и друзьямъ Л. Э. выраженіе искренняго сочувствія ихъ горю и вмѣстѣ увѣренности, что имя незабвеннаго товарища будетъ всегда жить въ памяти тѣхъ, кто стоитъ и борется на почвѣ великаго міровоззрѣнія труда, объединяющаго рабочіе классы всѣхъ странъ.

Н. Р. [1]) Петербургъ.

21. Раздѣляю Вашу скорбь.

Н. В. Чайковскій. Петербургъ.

22. Что вамъ сказать... что писать? Непоправимое свершилось. Леонида больше нѣтъ, не увидимъ, не пожмемъ руки, не услышимъ его голоса. Какая нелѣпость! Какая жестокая нелѣпость! Хоть бы дѣтская способность „плакать рѣкой" возвратилась. Легче было бы. И зачѣмъ плакать? По комъ?—По себѣ плакать? Всѣ мы теперь на очереди. Обидно разставаться, уходить со сцены въ такія гнусныя, безотрадныя времена! Передъ смертью переживать своего рода агонію на подобіе той, отъ которой покойный другъ избавлялся морфиномъ.

---

[1]) Н. С. Русановъ. Ред.

Всего лишь нѣсколько дней. какъ я получилъ коротенькое письмо отъ него, изъ котораго узналъ, что у него былъ третій ударъ. Это сообщеніе поразило не одного меня... Горечь и какая-то тупая боль при мысли объ опустѣвшемъ мѣстѣ въ кругу интимныхъ друзей только увеличиваются при видѣ картины повсемѣстнаго общественнаго разложенія или распада—тоже своего рода смерти...

Такъ представляется дѣло съ индивидуальной точки зрѣнія, которая является теперь господствующей. По счастью, я сохранилъ вѣру, граничащую съ твердымъ убѣжденіемъ. что Леонидъ не умеръ, какъ не умерло то дѣло, которому онъ беззавѣтно служилъ. Я вѣрю и убѣжденъ. что въ дѣлѣ общественнаго развитія дѣйствуетъ тотъ же законъ сохраненія энергіи, силъ. Силы могутъ измѣнять форму, но уничтожить ихъ нельзя. Какъ въ тѣлѣ Леонида, такъ и въ общественномъ тѣлѣ сгніетъ то, что способно сгнить. Все остальное безсмертно. А это и есть то, для чего онъ жилъ и для чего всѣмъ намъ только и стоитъ жить. Передайте выраженіе этихъ моихъ чувствъ всѣмъ нашимъ товарищамъ.

Е. Петербургъ.

23. Только сейчасъ узнали мы, что нашего дорогого, милаго Леонида уже нѣтъ съ нами. Мы слышали о его болѣзни, но все думали, что это пройдетъ, что только наступило время отхвораться передъ наступленіемъ старости. И вотъ—его уже нѣтъ. Я знаю, дорогіе мои, какъ безутѣшна грусть всякой такой потери, какъ трудно бываетъ переживать ее, и все-таки хочется сказать вамъ, что и вдали отъ васъ чувствую то же, друзья.

Я всегда считалъ Леонида самымъ чистымъ, самымъ прекраснымъ выраженіемъ того направленія нашей молодежи, которое выразилось въ нарожденіи „кружка чайковцевъ“, самымъ лучшимъ выразителемъ его нравственнаго облика да и умственнаго—тоже. Кто же лучше выразилъ беззавѣтную любовь къ народу, сказавшуюся въ бурное лѣто 1874 г., и затѣмъ—вѣру въ народное творчество бытовыхъ формъ и общественныхъ идеаловъ? Вѣра, двигавшая его въ 1874 г. на Волгу, уцѣлѣла въ немъ, даже когда жизнь втолкнула его въ другія рамки. А, вѣдь, это—великое дѣло!

П. Кропоткинъ. Ropallo près Gênes.

Библіографическій указатель къ работамъ Л. Э. Шишко [1].

1872 годъ.

„Чтой-то, братцы, какъ тяжело живется на свѣтѣ“ — брошюра, изданіе кружка чайковцевъ.

1897 годъ.

П. Б. Къ вопросу объ исторической необходимости.—„Русское Богатство“, IX, стр. 21—33.

1898 годъ.

П. Б. Вопросъ о хлѣбныхъ цѣнахъ во Франціи. „Рус. Бог.“, II, стр. 28—44.

П. Б. Нѣсколько замѣчаній объ „Очеркахъ по исторіи русской культуры“. г. Милюкова. „Рус. Бог.“, VIII, стр. 1—21.

П. Б. Задачи пониманія исторіи. „Рус. Бог.“, X, стр. 17—35.

1899 годъ.

П. Б. Къ вопросу о пониманіи исторіи. „Рус. Бог.“, II, стр. 137—172; III, стр. 35—59; VI (IX), стр. 191—217; VII (X), стр. 189—218.

П. Б. Экскурсія въ „малоизвѣстную и таинственную область“. „Рус. Бог.“, IX (XII), стр. 123—149.

---

[1] Въ основу настоящаго библіографическаго указателя положенъ «списокъ работъ Л. Шишко», составленный Ст. Слетовымъ (см. сборникъ «Памяти Л. Э. Шишко», загранич. изд. 1910 г.), съ нѣкоторыми дополненіями и фактическими поправками. Ред.

Чемизовъ. Къ вопросу о практическихъ задачахъ революціонной партіи. Летучіе Листки, изд. Фондомъ Вольной Русской Прессы. № 45, отъ 15 апрѣля. Лондонъ, стр. 3—5.

Чемизовъ. Подпольная Россія, Тамъ же. № 46, отъ 10 августа.

1900 годъ.

П. Батинъ. Человѣкъ и общественная среда. „Рус. Бог.". I, стр. 131—156.

П. Батинъ. Отвѣтъ П. Н. Милюкову. „Рус. Бог.", X, стр. 30—46.

П. Б-ъ. Къ вопросу о рынкахъ. „Рус. Богат.", № 8, стр. 38—60.

— Очерки изъ русской исторіи, ч. I. Изд. Аграрно-Соціалистической Лиги. (Лондонъ) 1900 г., 114 стр.

— Тоже въ легальной обложкѣ подъ заглавіемъ:

Благовѣщенскій. Исторія отъ начала Руси до Петра I. Изд. Общ. распр. полезн. книгъ.

— Переизданы: 2-ое изд. Агр.-Соц. Лиги и П. С.-Р. 1902 г. (Женева). 3-ье изд. П. С.-Р. 1902 г. (Женева). Легальныя изданія: „Библіотеки для всѣхъ", „Донской Рѣчи", „Молодой Россіи", 1905—1906 г.

1901 годъ.

П. Батинъ. Замѣтка. „Рус. Бог.", II, стр. 198—201.

— Сельскохозяйственная философія г. Рожкова. „Рус. Бог.", V, стр. 105—121.

— Бесѣды о землѣ. Изд. Агр.-Соц. Лиги, стр. 16 (Женева).

— 2-ое изд. 1902 г. Изд. Агр.-Соц. Лиги и П. С.-Р.

— 3-ье изд. 1905 г. П. С.-Р.

— Нѣсколько нелегальныхъ изданій въ Россіи.

— 1902 г. въ изд. „Народныхъ Листковъ".

— 1906 г. Изд. „Земля и Воля", 16 стр., ц. 2 к. Спб.

Л. Шишко. По поводу 40-лѣтней годовщины освобожденія крестьянъ. „Вѣстникъ Рус. Революціи", № 1, іюнь. Женева. Стр. 224—243.

1902 годъ.

П. Батинъ. Русская исторія въ ея новѣйшей переработкѣ. „Рус. Бог.“, VIII, стр. 1—15.

— „Голодъ и самодержавіе“. Изд. Агр.-Соц. Лиги. (Женева), стр. 13.

— Тоже въ легальной обложкѣ подъ заглавіемъ: „Горе русскаго пахаря“.

— Переиздано нелегально въ Россіи.

Разсказы изъ русской исторіи, ч. II (Женева). Изд. Агр.-Соц. Лиги и П. С.-Р.

— Переиздавались вмѣстѣ съ I ч.

Л. Шишко. Къ вопросу о роли интеллигенціи въ революціонномъ движеніи. „Вѣстн. Рус. Рев.“, № 2, февраль. Женева. Стр. 89—122.

По поводу одной годовщины. „Рев. Россія“, № 14, декабрь, передовица, стр. 1—4.

1903 годъ.

Л. Шишко. С. М. Кравчинскій и кружокъ чайковцевъ, „Вѣстн. Рус. Рев.“, № 3, мартъ. Женева. Стр. 39—86.

— Переиздано отдѣльнымъ оттискомъ тогда же.

— Затѣмъ подъ тѣмъ же заглавіемъ изд. Вл. Распопова. Спб. 1906, стр. 47, ц. 12 к.

А. Тунъ. Исторія революціоннаго движенія въ Россіи. Переводъ подъ редакціей и съ примѣч. **Л. Шишко.** Изд. П. С.-Р. (Женева).

— Переиздано въ 1906 г. издат. „Донской Рѣчью“, Библ. и Школьнымъ Дѣломъ“ и „Землей и Волей“.

Статья въ Avanti (органъ итальян. соц. партіи) по поводу требованія о выдачѣ М. Р. Гоца.

1904 годъ.

Л. Шишко. Историческая справка. „Рев. Россія“, № 41, отъ 15 февраля, стр. 8—14.

— Нѣсколько мыслей по поводу проекта партійной программы. Приложеніе къ № 53 „Рев. Рос.“, отъ 30 сент., стр. 9—11.

Какъ смотрятъ соціалисты-революціонеры и соціалъ-демократы на крестьянство и земельный вопросъ.
— „Народное Дѣло“ (Сборникъ П. С.-Р.) № 5, іюнь, стр. 1—27.
— Переиздано П. С.-Р. отдѣльными брошюрами въ 1904 и 1905 гг. за границей и въ 1906 г. въ Россіи (Спб. 32 стр., ц. 30 к.).

1905 годъ.

Л. Шишко. Къ вопросу объ аграрной программѣ въ связи съ теоріей научнаго соціализма. „Вѣстн. Р. Р.“, № 4, мартъ, стр. 315—344.
— Переиздано подъ тѣмъ же заглавіемъ. Изд. „Молодая Россія“. Москва. 1906 г., стр. 32, ц. 10 к.
— Рабочее движеніе и его аграрная программа въ Германіи. Изд. „Молодая Россія“. Москва. 1906 г., 83 стр., ц. 20 к.
— По программнымъ вопросамъ. 1) О соціализаціи земли. 2) Къ вопросу о минимальной программѣ. Изд. П. С. Р., Женева.
— Переиздано подъ тѣмъ же заглавіемъ. Изд. „Молодая Россія“. Москва. 1906 г., стр. 111. ц. 30 к.

Къ вопросу о ближайшихъ задачахъ нашихъ соціалистическихъ партій. Отдѣльный оттискъ изъ № 77 „Рев. Россіи“, № 3, декабрь, стр. 1—7.

О либералахъ и соціалъ-демократахъ. Отъ Центр. Комитета П. С.-Р., Листовка 15-ая.

1906 годъ.

Л. Шишко. Единеніе. „Народная Жизнь“, № 2, стр. 1—9.
— Прошлое и настоящее. Тамъ-же, № 4, стр. 1—8.
— Не допустили. Тамъ-же, № 5, стр. 1—4.
— Старый марксизмъ и соціалдемократія. „Русск. Бог.“, V, стр. 189—228.
— Къ характеристикѣ движенія начала 70-хъ годовъ. (Изъ личныхъ воспоминаній) „Русск. Бог.“, X, стр. 51—85.
— М. Р. Гоцъ. (Памяти дорогого друга) „Былое“, XI. стр. 283—292.

— Разсказы изъ русской исторіи, ч. III. Изд. „Моментъ“, Спб., стр 104, ц. 15 к.
— Тоже. Изд. „Россъ“, стр. 119, ц. 15 к.
— Откуда произошла частная собственность на землю. Изд. „Свободная Земля“. Спб., стр. 39, ц. 8 к.
— Теоретическія основы аграрной программы, журн. „Народный Вѣстникъ“, № 3—4. Спб., стр. 5—17.

Нѣкоторыя статьи изъ „Рус. Богатства“ были переизданы отдѣльно съ небольшими измѣненіями подъ заглавіемъ; **Л. Шишко.** (П. Батинъ). Очерки по вопросамъ экономики и исторіи. Москва, 1906 г., ц. 60 к., стр. 248. Содержаніе: I. Къ вопросу о научномъ пониманіи исторіи. II. Законъ развитія производительныхъ силъ. III. Исторія и соціологія. IV. О закономѣрности и субъективномъ элементѣ въ исторіи. V. Человѣкъ и общественная среда. VI. Нѣсколько замѣчаній по поводу „Очерковъ по исторіи русской культуры“ г. Милюкова. VII. Русская исторія въ ея новѣйшей переработкѣ.

Другое изданіе той же книги: Л. Шишко. (П. Батинъ). Очерки по исторіи и соціологіи. Изд. „Сотрудничество“. Москва. 1909 г., ц. 60 к.

1907 годъ.

Л. Шишко. Что такое соціализація земли? Въ сборникѣ статей: „Соціализація земли“, вып. I, Москва, изд. „Сотрудничество“, стр. 3—43.

1909 годъ.

* * * Царь и рабочій народъ. „Народное Дѣло“. Сборн. I, изд. II, С.-Р., Paris, стр. 39—61.

Л. Шишко. Рабочій вопросъ и государственное устройство. „Народное Дѣло“. Сборникъ II, стр. 1—45. Paris.
— „Конь блѣдный“. „Извѣстія Обл. Загр. Комитета С.-Р.“ № 11, май. Paris.

Крестьянское движеніе и народничество. Исторія Россіи въ XIX в. Издан. Т-ва „Гранатъ“. томъ VI. глава XI, стр. 162—200.

Л. Шишко. Чего хочетъ добиться правительство закономъ 9 ноября. Изд. П. С.-Р., стр. 15.

— По поводу одного рѣшеннаго вопроса. (О книгѣ Фирсова и Якобія). Изд. „Сотрудничество“. Москва, 1909 г., ц. 55 к.

1910 годъ.

Л. Шишко. Роль интеллигенціи въ освободительномъ движеніи. Сборникъ „Вѣхи, какъ знаменіе времени“. Москва, изд. „Звено“, стр. 261—278.

— Изъ воспоминаній прошлаго. „Сборникъ памяти Л. Э. Шишко“, загранични. изд., стр. 51—60.

Письмо къ Жоресу, тамъ-же, стр. 61—64.

— Къ вопросу объ организаціи, стр. 65—72, тамъ-же.

1917 годъ.

А. Тунъ. Исторія революціоннаго движенія въ Россіи. Перев. съ нѣмецкаго А. Н. Черновой. Подъ редакціей и примѣчаніями **Л. Шишко**. Петроградъ. Центральное Издательство П. С.-Р.

Л. Шишко. Очерки по вопросамъ экономики и исторіи, изд. „Революціонная Мысль“, ц. 2 р. 25 к., 207 стр.

— Разсказы изъ русской исторіи. Часть I, II и III. ц. по 1 руб., изд. „Революц. Мысль“.

— Откуда произошла частная собственность на землю, изд. „Револ. Мысль“, ц. 40 к., 32 стр.

Та же статья. „Ежемѣсячный Журналъ“ В. С. Миролюбова. № 5—6.

Статьи на французскомъ языкѣ.

L. Chichko. La question agrarie en Russie. „La Tribune Russe“. 1904, №№ 1—2, 3, 5, 7—8, 9. 12—13, 24—25; 1905, №№ 30, 34.

— La question agraire et ses rapports avec la doctrine du Socialisme scientifique. Service des renseignements rapides de „La Tribune Russe“. 1906, № 99—118, „La Tribune Russe“ 1907. №№ 1, 5, 7.

— Un règime constitutionnel est-il possible en Russie? „La Tribune Russe“ 1909, № 11.

— Le règime constitutionnel est-il possible en Russie? „L'Humanite“, № 2107, 23—I. 1910.

ОГЛАВЛЕНІЕ

IV ВЫПУСКА.

СТАТЬИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ.

Стр.

I. Крестьянство и русская общественность.

II. Интеллигенція и революція.

III. Личныя воспоминанія.

IV. Письма.

V. Приложенія.

Цѣна 8 руб.

Складъ изданій въ магазинахъ Т-ва «РЕВОЛЮЦІОННАЯ МЫСЛЬ»:

Петроградъ. Литейный, 23.
Москва. Б. Никитская, 22.

Екатеринбургъ. Главный пр., 24/8.
Самара и Н.-Новгородъ